

ДЖОН

ГРИШЭМ

ПОКРАШЕННЫЙ
ДОМ

Бестселлер в Великобритании...
Большой сенсационный...
Беспрецедентный раскол...

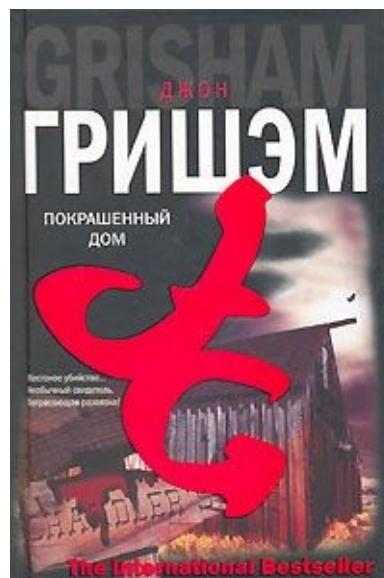
The International Bestseller

Annotation

Люк Чандлер никогда не лгал. Ему нечего было скрывать. Но однажды все изменилось... Дом его детства превратился в место преступления. Его жизнь обратилась в ад! Это новый Джон Гришем. Гришэм, отступивший от канонов судебного триллера. Этот новый Гришем пришелся по душе всему миру. Каким будет ваш вердикт?

- [Джон Гришем](#)
 -
 - [Перевод: И. Данилов](#)
 - [Джон Гришем](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)

- [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
-

Джон Гришем

Покрашенный дом

OCR Денис <http://mysuli.aldebaran.ru>

*«Джон Гришем. Покрашенный дом»: АСТ, АСТ Москва, Хранитель;
Москва; 2007*

ISBN 5-17-037680-4, 5-9713-2900-6, 5-9762-0295-0, 985-13-8014-8

Оригинал: John Grisham, "A Painted House"

Перевод: И. Данилов

Аннотация

Люк Чандлер никогда не лгал.
Ему нечего было скрывать.
Но однажды все изменилось...
Дом его детства превратился в место преступления.
Его жизнь обратилась в ад!

Это новый Джон Гришем.

Гришэм, отступивший от канонов судебного триллера.
Этот новый Гришем пришелся по душе всему миру.
Каким будет ваш вердикт?

Джон Гришем

Покрашенный дом

Моим родителям
Уиз и Биг Джону с
любовью и
восхищением

Глава 1

Люди с гор и мексиканцы появились в наших местах одновременно. Это было в среду, в начале сентября 1952 года. «Кардиналз» на пять игр отставали от «Доджерс», а до конца сезона оставалось всего три недели, так что положение казалось совершенно безнадежным. А вот хлопок поднялся высоко, он доставал уже до пояса моему отцу и был выше меня, и можно было слышать, как отец с дедом перед ужином шепотом произносили слова, которые у нас редко услышишь: урожай «может оказаться хорошим».

Они были фермерами, работающими людьми, склонными к пессимизму только при обсуждении погоды или видов на урожай. То слишком много солнца, то слишком много дождей, то опасность, что зальет все низины, то цены на семена и удобрения лезут вверх, то рынок лихорадит... А в самые лучшие дни мама всегда тихонько говорила мне: «Не беспокойся. Эти мужчины всегда найдут о чем поволноваться».

Паппи, мой дедушка, волновался насчет оплаты наемных рабочих - мы как раз поехали их набирать из людей с гор. Им платили с каждой сотни фунтов собранного хлопкового волокна, и в прошлом году, он говорил, плата была доллар пятьдесят центов за сотню фунтов. А нынче прошел слух, что какой-то фермер за Лейк-Сити уже предлагает по доллару шестьдесят.

Эта мысль все время занимала его, пока мы ехали в город. Он вообще-то никогда не разговаривал, когда сидел за рулем, потому что, как говорила мама, сама едва умевшая водить машину, он очень боялся механизированного транспорта. Грузовичок-пикап - «форд» 1939 года выпуска был нашим единственным средством передвижения, если, конечно, не считать старого трактора «Джон Дир». Особых проблем это не создавало, если не считать воскресений, когда мы все отправлялись в церковь: мама и бабушка в своих воскресных нарядах уютно устраивались спереди, а мы с отцом ехали сзади, в кузове, в облаке пыли. Современные машины с кузовом седан в сельских районах Арканзаса тогда были редкостью.

Паппи тащился со скоростью тридцать семь миль в час. У него была своя теория, что для любого автомобиля существует некая оптимальная скорость, при которой он ездит наиболее эффективно и экономично, и он уже давно - неким не совсем понятным способом - определил, что для его

старого грузовичка эта скорость составляет тридцать семь миль в час. Мама говорила (мне), что это довольно нелепо. И еще она говорила, что они с отцом однажды поссорились, споря о том, не следует ли пикапу ездить быстрее. Но отец редко садился за руль, и если я случайно ехал вместе с ним, он всегда держал скорость в тридцать семь миль в час - из уважения к Паппи. Мама говорила, что сильно подозревает, что когда он один, то ездит гораздо быстрее.

Мы свернули на шоссе 135, и, как всегда, я стал внимательно наблюдать, как Паппи переключает передачи - медленно выжимает сцепление, осторожно перемещает рычаг переключения скоростей на рулевой колонке, - пока грузовичок не наберет нужную скорость. Потом я наклонился влево, чтобы посмотреть на спидометр: да, скорость была тридцать семь в час.

Шоссе 135 идет совершенно прямо через равнинные фермерские земли арканзасской дельты. По обе его стороны, насколько хватает глаз, поля сплошь белые - это созревает хлопок. Время сбора урожая - замечательный период для меня, потому что школа закрылась аж на два месяца. А вот для дедушки это время бесконечных забот и тревог.

* * *

Справа, на поле Джордана, мы заметили группу мексиканцев, собиравших хлопок возле дороги. Согнувшись пополам, с мешками для волокна, болтающимися сзади, они беспрерывно двигались вперед, ловко орудуя руками среди стеблей и срывая хлопковые коробочки. Паппи крякнул. Он не любил Джорданов, потому что те принадлежали к методистской церкви, да к тому же еще и болели за «Кабз». Теперь же, увидев, что они уже успели нанять рабочих к себе на ферму, он получил еще одну причину их не любить.

От нашей фермы до городка было меньше восьми миль, но при скорости в тридцать семь миль поездка занимала двадцать минут. Всегда те же самые двадцать минут - даже при незначительном движении по шоссе. Паппи не считал нужным обгонять медленно ползущие впереди него машины. Конечно, самым медленно ползущим был он сам. Недалеко от города Блэк-Оук мы нагнали трактор с прицепом, заполненным снежно-

белыми горами только что собранного хлопка. Передняя его половина была закрыта брезентом, а в задней его части, во всех этих горах хлопка, весело прыгали близнецы Монтгомери, мои ровесники. Увидев нас внизу под собой, они перестали прыгать и замахали нам руками. Я им тоже помахал, а дедушка не стал. Когда он вел грузовик, он никогда никому не махал и даже не кивал в ответ на приветствия; а все потому, как утверждала мама, что просто боялся снять руки с руля. И еще она говорила, что люди между собой обзывают его грубияном и считают высокомерным и заносчивым. А по-моему, его вообще не интересовало, что о нем говорят и какие сплетни распространяют.

Мы ехали за прицепом Монтгомери, пока он не свернул к хлопкоочистительному джину. Прицеп тащил старый трактор Монтгомери, «Мэсси Харрис», а управлял им Фрэнк, самый старший из ребят этого семейства; его поперли из пятого класса школы, и в церкви все считали, что его скоро ждут крупные неприятности.

Тут шоссе 135 перешло в Мэйн-стрит, и мы ехали по ней все то время, пока не выбрались из Блэк-Оука. Проехали мимо местной баптистской церкви - это был тот редкий случай, когда мы не остановились здесь, чтобы прослушать службу. Все магазины, лавки, конторы, церкви и даже школы городка выходили на Мэйн-стрит, так что по воскресеньям транспорт здесь двигался сплошным потоком, бампер в бампер, - все окрестное сельское население толпами стекалось в город за покупками. Но нынче была среда, так что когда мы добрались до места, то запросто припарковали грузовик напротив бакалейной лавки Попа и Перл Уотсон, прямо на Мэйн-стрит.

Я ждал на тротуаре, пока дедушка не кивнул мне, указав на лавку. Это был знак мне - войти внутрь и купить сладкий рулет в кредит. Он стоил всего один цент, но никогда не было известно заранее, будет ли мне разрешено его купить, всякий раз когда мы приезжали в город. Иной раз мне так и не удавалось дожидаться этого кивка, но я все равно заходил в лавку и слонялся возле кассы, пока Перл не совала мне тайком этот самый рулет, причем каждый раз обязательно строго настаивала, чтобы я ничего не говорил дедушке. Она его боялась. Илай Чандлер был человеком бедным, но чудовищно гордым. Он бы скорее умер с голоду, чем принял милостыню, в перечень которой, по его мнению, входил и сладкий рулет. Он бы отлупил меня своей палкой, если б узнал, что я взял кусочек рулета, так что Перл Уотсон не составляло труда заставить меня молчать об этом.

Но на этот раз он кивнул мне. Перл, как обычно, протирала прилавок, когда я вошел и неуклюже поздоровался. Потом сцапал кусок рулета из банки, стоявшей рядом с кассовым аппаратом. Потом поставил в книге

учета свою подпись, уже хорошо отработанную. Перл с интересом проинспектировала результаты моих трудов.

– Все лучше и лучше, Люк, - сказала она.

– Ага. Неплохо для семилетки, - ответил я. С подачи мамы я уже года два тренировался в написании своей фамилии скорописью. - А где Поп? - спросил я затем. Эти двое были единственные взрослые из всех моих знакомых, кто всегда настаивал, чтобы я называл их просто по имени, правда, только в лавке, когда нет посторонних. Если заходил какой-нибудь покупатель, они тут же превращались в мистера и миссис Уотсон. Я никому об этом не рассказывал, кроме мамы, а та сказала, что, по ее твердому убеждению, никто другой из детей такой привилегии не имеет.

– Он в задней комнате, товар раскладывает, - ответила Перл. - А где твой дед?

Истинным жизненным призванием Перл было отслеживать все передвижения жителей городка, так что на любой вопрос она всегда отвечала собственным вопросом.

– Он пошел в «Ти шопп», посмотреть, что там за мексиканцы приехали. А можно мне пойти к Попу? - спросил я, в свою очередь, твердо намереваясь забить ее вопросы своими.

– Лучше не надо. А вы в этом году и людей с гор нанимать будете?

– Ага, если найдем. Илай говорит, что их нынче мало приезжает, меньше, чем раньше. И еще он думает, что они все какие-то чокнутые. А где Чамп? - Чамп был старый бигль, который вечно вертелся у ног Попа.

Перл всегда улыбалась, когда я называл дедушку по имени. Она уже собиралась задать мне очередной вопрос, когда звякнул маленький колокольчик над дверью, а дверь отворилась и захлопнулась обратно. В лавку вошел настоящий мексиканец. Он был один и вел себя очень скованно, как и все они, когда встречаешь их в первый раз. Перл вежливо кивнула новому покупателю.

А я заорал:

– Buenos días, señor! [\[1\]](#)

Мексиканец улыбнулся и робко ответил: «Buenos días» - после чего исчез в задних помещениях лавки.

– Они хорошие ребята, - тихонько сказала Перл, как будто мексиканец понимал по-английски и мог счесть себя оскорбленным тем, что она про него сказала. А я вонзил зубы в сладкий рулет, откусил кусок и стал жевать, одновременно заворачивая и пряча в карман другую его половину.

– Илай беспокоится, что нынче придется им больше платить, - заметил я. При появлении в лавке еще одного покупателя Перл вдруг снова занялась

приборкой, протирая все вокруг и поровнее устанавливая единственный кассовый аппарат.

– Илай всегда о чем-нибудь беспокоится, - заметила она.

– Он же фермер...

– А ты тоже собираешься стать фермером?

– Нет, мэ. Я буду играть в бейсбол.

– За «Кардиналз» играть будешь?

– Конечно.

Перл что-то тихонько напевала, а я ждал, когда вернется мексиканец. Я знал еще несколько испанских слов, которые мне не терпелось применить на практике.

Старые деревянные полки вокруг ломились от только что завезенных бакалейных товаров. Я любил заходить сюда во время сбора урожая, потому что Поп всегда в этот период забивал лавку товарами от пола до потолка. Фермеры убирали урожай, так что скоро деньги начнут переходить из рук в руки.

Паппи приоткрыл входную дверь ровно настолько, чтобы просунуть внутрь голову.

– Пошли, - сказал он мне. Потом добавил: - Привет, Перл.

– Привет, Илай, - ответила она и, погладив меня по голове, подтолкнула к выходу.

– А где же мексиканцы? - спросил я Паппи, когда мы вышли.

– Позже появятся, после обеда.

Мы забрались в грузовик и поехали из городка в сторону Джонсборо, где дедушка всегда нанимал людей с гор.

Грузовик мы поставили на обочине шоссе, где на него выходил грейдер. По мнению дедушки, это было самое лучшее место в округе, чтобы перехватывать здесь людей с гор. Я не был в этом так уж уверен. Вот уже неделю он пытался нанять здесь рабочих, да все без толку. С полчасика он сидел возле заднего борта грузовика на палящем солнце и в полном молчании, пока рядом не остановился еще один грузовик. Он был чисто вымыт и на хороших шинах. Если нам повезет и мы найдем себе рабочих из людей с гор, тогда они будут жить с нами все следующие два месяца. Нам нужны были люди аккуратные, так что тот факт, что грузовик выглядел гораздо лучше нашего, был хорошим признаком.

– Добрый день, - сказал дедушка, когда водитель грузовика выключил движок.

– Здорово, - ответил водитель.

– Вы откуда? - спросил Паппи.

– С севера, с той стороны от Харди.

Движения по шоссе не было никакого, так что дедушка стоял себе на обочине с приятным выражением на лице, изучая грузовик и всех, кто в нем находился. Водитель и его жена сидели в кабине, между ними примостилась маленькая девчонка. Трое мощных парней-тинейджеров спали в кузове. Все они выглядели здоровыми и одеты были прилично. Я был уверен, что дедушке хочется заполучить этих людей себе.

– Работу ищете? - спросил он.

– Ага. Ферму Ллойда Креншоу, это где-то на запад от Блэк-Оука.

Дедушка показал им, куда ехать, и они уехали. Мы смотрели им вслед, пока они не скрылись из виду.

Он, конечно, мог бы предложить им больше, чем обещал мистер Креншоу. Про людей с гор было известно, что они всегда жутко торгуются, нанимаясь на работу. В прошлом году, в середине первого сбора хлопка на нашей ферме, Фулбрайты из Калико-Рок однажды воскресной ночью исчезли, чтобы потом объявиться на другой ферме, в десяти милях от нас.

Но Паппи никогда не поступал нечестно по отношению к соседям, да и не стал бы он заводить с ними торги из-за рабочей силы.

Мы перебрасывались с ним бейсбольным мячом на краю хлопкового поля, останавливаясь, когда приближался очередной грузовик.

У меня была бейсбольная перчатка фирмы «Роулингс» - Санта-Клаус подарил на прошлое Рождество. Каждый вечер, ложась спать, я брал ее с собой в постель и еженедельно смазывал. Это было самое дорогое из всего, что у меня было.

Дедушке, который и научил меня подавать, ловить и точно отбивать мяч, вообще не нужна была никакая перчатка. Его огромные мозолистые ладони ловили любой поданный мной мяч без малейших затруднений.

Человек он был спокойный и сдержанный, никогда не бахвалился, но когда-то он был легендарным игроком в бейсбол. В возрасте семнадцати лет он уже подписал контракт и стал играть в профессиональной бейсбольной команде - «Кардиналз». Но тут его призвали в армию - шла Первая мировая война, а вскоре после его возвращения умер его отец, так что у Паппи не было особого выбора - только стать фермером.

Поп Уотсон любил рассказывать мне разные истории о том, каким классным игроком был Илай Чандлер - насколько далеко он мог отбить бейсбольный мяч и с какой силой. «Думаю, он был самым классным из всех игроков в Арканзасе!» - так он оценивал дедушку.

– Даже лучше Диззи Дина? - спрашивал я.

– Да тот и близко не стоял! - вздыхая, отвечал Поп.

Когда я пересказывал эти истории маме, она всегда улыбалась и приговаривала:

– Ты не очень-то уши развешивай. Поп любит приврать...

Тут Паппи, который как раз вертел мяч в своих огромных ладонях, повернул голову и прислушался: до нас донесся звук мотора. С запада приближался грузовик с прицепом. Даже с расстояния четверть мили можно было определить, что это были люди с гор. Мы вернулись на обочину и стали ждать, пока он подъедет. Водитель грузовика по очереди переключал передачи с более высокой на более низкую, шестеренки хрустели и взвизгивали по мере того, как грузовик замедлял ход и останавливался.

Я насчитал в нем семь голов - пять в грузовике и две в прицепе.

– Здорово, - медленно произнес водитель, изучающе осматривая дедушку, пока мы по очереди рассматривали всех прибывших.

– Добрый день, - ответил Паппи, делая шаг вперед, но оставляя между ними некоторую дистанцию.

Нижняя губа водителя была перемазана соком от жевательного табака. Это был неприятный признак. Мама считала, что люди с гор не слишком озабочены гигиеной и вообще у них множество дурных привычек. У нас дома табак и алкоголь были под запретом. Мы были баптисты.

– Спруил меня звать, - сказал водитель.

– Илай Чандлер. Рад познакомиться. Работу ищете?

– Ага.

– Откуда?

– Юрика-Спрингс.

Грузовик у них был почти такого же возраста, как Паппи, - шины лысые, ветровое стекло все растрескалось, бамперы ржавые, а из-под толстого слоя пыли проглядывала выцветшая, вроде бы синяя краска. Над рамой был сооружен помост, он был весь заставлен картонными коробками и джутовыми мешками, заполненными припасами. А под ним, на самой раме грузовика, возле кабины был втиснут матрас. На нем стояли двое здоровых парней и равнодушно смотрели на меня пустыми глазами. На заднем борту сидел могучего вида парень постарше, разутый и без рубашки, с мощными плечами и шеей толщиной с хороший пень. Он сплевывал жеваный табак на землю между грузовиком и прицепом и, кажется, вообще не замечал ни Паппи, ни меня. При этом он медленно покачивал ногами. Потом еще раз сплюнул, так и не отрывая взгляда от асфальта под ногами.

– Мне нужны рабочие на ферму, - сказал Паппи.

– Сколько платите? - спросил мистер Спруил.

– Доллар шестьдесят за сотню, - ответил Паппи. Мистер Спруил нахмурился и посмотрел на женщину, сидевшую рядом. Они о чем-то тихо заговорили.

Именно в этот момент ритуала следовало принимать быстрое решение. Нам нужно было решить, хотим ли мы, чтобы именно эти люди жили и работали у нас. А им нужно было либо принять нашу цену, либо отказаться.

– Какой у вас хлопок? - спросил мистер Спруил.

– "Стоунвилл", - ответил дедушка. - Коробочки уже созрели - убирать будет легко.

Мистер Спруил и сам мог увидеть, оглянувшись вокруг, что хлопковые коробочки уже раскрылись. Пока что и солнце, и почва, и дожди все делали в полном согласии, как надо. Но Паппи, конечно же, волновался по поводу прогноза в ежегоднике «Фармерз алманах», обещавшего страшные дожди.

– Нам в прошлом году уже платили по доллару шестьдесят, - сказал мистер Спруил.

Меня не очень-то интересовал этот разговор о деньгах, так что я побрел вдоль разделительной полосы в сторону прицепа. Шины на нем были еще более лысые, чем на грузовике. Одна наполовину просела под тяжестью груза. Хорошо еще, что они уже почти добрались до места.

В углу прицепа, опираясь локтями на боковой борт, сидела очень красивая девушка. У нее были темные волосы, гладко зачесанные назад, и огромные карие глаза. Она была моложе мамы, но, несомненно, намного старше меня. Но я все равно не мог оторвать от нее глаз.

– Тебя как зовут? - спросила она.

– Люк, - ответил я и поддел ногой камешек. Щеки у меня тут же запылали. - А тебя?

– Тэлли. Тебе сколько лет?

– Семь. А тебе?

– Семнадцать.

– И сколько ты уже тащишься в этом прицепе?

– Полтора дня.

Она была босая, а платье на ней было грязное и тесное - обтягивало ее всю до самых колен. Это было в первый раз, насколько я помню, чтобы я так пристально разглядывал девушку. А она смотрела на меня и понимающе улыбалась. Рядом с ней, спиной ко мне, на ящике сидел парнишка. Тут он медленно повернулся и посмотрел на меня так, словно меня тут и не было вовсе. Глаза у него были зеленые, а к высокому лбу

прилипли черные волосы. Левая рука у него, как мне показалось, не действовала.

– Его зовут Трот, - сказала Тэлли. - Он не совсем здоров.

– Рад познакомиться, Трот, - сказал я, но он только отвел глаза. Как будто ничего не слышал. - А ему сколько? - спросил я.

– Двенадцать. Он увечный.

Трот резко отвернулся и устался в угол. При этом его левая рука болтулась совершенно безжизненно. Мой приятель Деузэйн говорил, что люди с гор женятся на собственных кузинах, поэтому в их семьях полно дефективных.

А вот Тэлли вроде бы была нормальная. Она задумчиво смотрела на хлопковые поля, и я еще раз восхитился ее тесным платьем.

Я понял, что дедушка и мистер Спруил наконец договорились, потому что мистер Спруил сел за руль и завел мотор. Я прошел мимо прицепа, мимо этого парня у заднего борта, который вроде бы наконец очнулся, но по-прежнему сидел, уставившись на дорогу, и остановился рядом с дедушкой.

– Девять миль по этой дороге, потом налево возле сгоревшего сарая, потом еще шесть миль до Сент-Франсис-Ривер. Наша ферма - первая слева на той стороне реки.

– Низина? - спросил мистер Спруил, как будто его посылали в болото.

– Часть поля в низине. Но земля хорошая.

Мистер Спруил опять бросил взгляд на свою жену, потом повернулся к нам:

– А где нам там разместиться?

– Там есть тенистое место на заднем дворе, рядом с силосной ямой. Самое подходящее место.

Мы наблюдали, как они отъезжают под грохот коробки передач своего грузовика, глядя, как вихляются его колеса и как подпрыгивают ящики, коробки и кастрюли, сваленные в кузове.

– Тебе они, кажется, не очень-то понравились? - спросил я дедушку.

– Ничего, нормальные люди. Просто они другие, не такие, как мы.

– Надо думать, нам еще повезло, что мы их наняли, правда?

– Точно.

Чем больше мы возьмем наемных рабочих, тем меньше хлопка придется собирать мне. В течение всего следующего месяца я буду уходить в поле на рассвете, неся на плече девятифунтовый мешок для хлопка, останавливаться на минутку поглазеть на бесконечные ряды хлопковых стеблей, гораздо выше меня, а потом нырять вглубь, в тень между этими

стеблями и исчезать для всех на свете. И буду собирать хлопок, размеренно двигаясь вперед, отрывая мягкие, ворсистые шарики хлопка от стеблей и запихивая их в свой тяжелый мешок, боясь взглянуть вперед, чтобы ничто не напоминало, как бесконечен ряд этих стеблей, боясь замедлить темп движения, потому что кто-нибудь непременно это заметит. Пальцы будут кровоточить, шею будет ломить, спина будет болеть...

Да, я всегда хотел, чтобы у нас было много наемных рабочих. Много людей с гор, много мексиканцев.

Глава 2

Поскольку хлопок уже созрел и был готов к сбору, дедушка утратил всякое терпение. И хотя он вел грузовик все с той же скоростью, он просто места себе не находил, потому что другие хлопковые поля вдоль дороги были уже убраны, а наше еще нет. Мексиканцы опаздывали уже на два дня. Мы опять поехали в город, опять припарковали грузовик возле лавки Попа и Перл, и я пошел вместе с дедушкой в «Ти шопп», где он стал ругаться с человеком, который отвечал за наемных рабочих.

– Да успокойся ты, Илай, - сказал этот человек. - Они вот-вот придут.

Но дедушка никак не успокаивался. Мы пошли к единственному в Блэк-Оуке хлопкоочистительному джину - он располагался на окраине и идти туда было далеко, но Паппи не желал попусту жечь бензин. Нынче утром, с шести до одиннадцати, он уже успел собрать двести фунтов волокна, но, несмотря на это, шел так быстро, что мне приходилось бежать, чтобы поспеть за ним.

Посыпанная гравием площадка возле джина была вся забита прицепами: одни были уже пустые, другие ждали своей очереди, чтобы сдать урожай на очистку. Я опять помахал близнецам Монтгомери - они как раз отъезжали в своем пустом прицепе, направляясь домой за следующей порцией хлопка.

Вокруг все дрожало от грохота работающих тяжелых хлопкоочистительных машин джина. Грохотали они на редкость громко и угрожающе. Всякий раз в период сбора урожая по крайней мере один рабочий получал какое-нибудь жуткое увечье, попав в хлопкоочистительную машину. Я очень боялся этих машин, и, когда Паппи велел мне обождать поодаль, я был только счастлив. Он прошел мимо группы наемных рабочих, ожидавших разгрузки своих прицепов, даже не кивнув им. Голова у него явно была занята совсем другими мыслями.

Я нашел себе вполне безопасное местечко возле погрузочной платформы, с которой уже очищенные и увязанные кипы хлопка грузились на прицепы для отправки в обе Каролины, Северную и Южную. На другом краю джина только что собранный хлопок засасывался прямо с прицепа в здоровенную трубу дюймов двенадцати диаметром; потом он исчезал в здании джина, где его обрабатывали машинами. А потом появлялся с другого конца, уже в виде аккуратных квадратных кип, завернутых в

джутовую мешковину и плотно перетянутых стальной упаковочной лентой шириной в дюйм. Хорошо отрегулированные машины джина всегда выдавали отличные кипы, которые можно укладывать как кирпичи.

Кипа хлопка стоит сто семьдесят пять долларов плюс-минус несколько долларов, в зависимости от состояния рынка. При хорошем урожае один акр поля дает одну кипу хлопка. Мы арендовали восемьдесят акров земли. Довольно простая задачка по арифметике для большинства мальчишек из фермерских семей.

Честно говоря, арифметика вообще штука настолько легкая, что можно только удивляться, почему люди хотят стать фермерами. Мама всегда следила за тем, чтобы я хорошо разбирался в цифрах. Мы с ней тайно сговорились, что я никогда и ни при каких условиях не останусь на ферме. А закончу все двенадцать классов и стану игроком команды «Кардиналз».

Паппи и отец в марте взяли у владельца джина взаймы двенадцать тысяч долларов. Это был заем в счет будущего урожая; деньги пошли на семена, удобрения, наем рабочих и другие нужды. Пока что нам везло - погода все время была почти отличная, так что урожай обещал быть хорошим. Если она сохранится и на время сбора и поля дадут по кипе хлопка с акра, тогда доходы фермы Чандлеров покроют все расходы. Именно к этому мы и стремились.

Однако, подобно большинству других фермеров, Паппи и отец имели задолженность еще с прошлого года. Этот их долг владельцу джина составлял две тысячи долларов, он остался с 1951 года, когда урожай был средненький. И еще они задолжали дилеру фирмы «Джон Дир» из Джонсборо - за запчасти, фирме «Ланс бразерс» - за топливо, местному кооперативу - за семена и продукты, а Попу и Перл - за бакалейные товары.

Конечно, никто и предположить не мог, что я в курсе дел насчет их займов и долгов. Однако летом родители часто сидели допоздна на крыльце, дожидаясь ночной прохлады, чтобы спать, не особенно потя, и при этом всегда разговаривали. Моя кровать стояла возле окна рядом со входом в дом, так что я слышал гораздо больше, чем нужно, - они-то думали, что я уже сплю.

Я сильно подозревал - хотя и не был уверен в этом до конца, - что Паппи нужно занять еще денег, чтобы заплатить мексиканцам и людям с гор. Я понятия не имел, остались у него еще деньги или нет. Он был очень хмур, когда мы шли к джину, и продолжал хмуриться, когда мы уходили оттуда.

* * *

Люди с гор всегда мигрировали из своих мест в Озаркских горах в наши края на сбор урожая хлопка. У многих из них была своя земля и свои дома, а кроме того, у многих машины были лучше, чем у тех фермеров, что нанимали их на работу. Они очень хорошо работали и на всем экономили, но выглядели такими же бедными, как и мы.

Но к 1950 году эта их миграция сократилась. Послевоенный бум докатился наконец и до Арканзаса, по крайней мере до некоторых районов этого штата, так что молодое поколение людей с гор уже не так сильно нуждалось в лишних деньгах, как их родители. И они просто сидели у себя дома. Сбор хлопка - не такое уж большое удовольствие, чтобы отправляться на него по доброй воле. И фермеры столкнулись с недостатком рабочей силы, который все рос и рос; и тогда кто-то придумал нанимать мексиканцев.

Первый грузовик с мексиканскими рабочими прибыл в Блэк-Оук в 1951 году. Мы наняли шестерых, в том числе Хуана, с которым мы подружились и который впервые угостил меня тортильей, мексиканской маисовой лепешкой. Хуан и еще сорок мексиканцев три дня тащились сюда, набившись в длиннющий прицеп, в жуткой тесноте, не имея ни достаточно еды, ни защиты от палящего солнца, ни крыши от дождя. Все они были жутко измотаны и даже пошатывались, когда наконец выгрузились на Мэйн-стрит. Паппи тогда сказал, что от их прицепа разило похуже, чем от трейлера для перевозки скота. Те, кто увидел их первыми, сообщили об этом остальным, так что вскоре наши дамы и из баптистской, и из методистской церквей уже в полный голос возмущались тем, каким скотским образом перевозят этих мексиканцев.

Мама тоже говорила об этом, по крайней мере отцу. Я не раз слышал, как они это обсуждали, когда урожай уже был убран, а мексиканцы уехали. Она просила отца поговорить с другими фермерами, чтобы они все вместе добились от того человека, который отвечал за наем рабсилы (а тот, в свою очередь, добился от своих напарников, которые набирали этих мексиканцев и направляли их к нам), чтобы к ним относились получше. Она считала, что это наш долг как фермеров - защищать наемных рабочих; отец отчасти разделял это ее убеждение, хотя и не проявил особого энтузиазма по поводу своей роли заводилы в этом деле. Паппи было все равно. Мексиканцам, правда, тоже: они просто хотели получить работу.

Мексиканцы наконец приехали, вскоре после четырех. Ходили слухи, что они приедут на автобусе, и я очень надеялся, что так и будет. Мне вовсе не хотелось потом слушать, как родители всю зиму обсуждают этот вопрос. И конечно, мне не нравилось, что с мексиканцами так скверно обращались.

Но они опять приехали в прицепе, старом, раздолбанном, с досками вместо бортов и без тента, чтобы прикрыть сидевших в нем. Действительно, со скотиной и то лучше обращаются...

Они осторожно выпрыгивали из прицепа на землю и выходили на улицу, по трое, по четверо, как бы волна за волной. Прошли чуть вперед и остановились напротив правления нашего кооператива, сбившись в небольшие группы, словно в некотором недоумении. Они потягивались и разминались и вообще смотрелись так, как будто попали на другую планету. Я насчитал шестьдесят два человека. К моему огромному разочарованию, Хуана среди них не было.

Все они были невысокие, на несколько дюймов ниже Паппи, очень тощие, у них были черные волосы и темная кожа. У каждого была небольшая сумка с одеждой и продуктами.

Перл Уотсон вышла из своей лавки на улицу и встала на тротуаре, уперев руки в боки и разглядывая прибывших. Для нее это были возможные покупатели, и ей совсем не нравилось, что с ними так скверно обращаются. Было ясно, что в воскресенье перед службой в церкви наши дамы опять устроят по этому поводу скандал. И еще было понятно, что мама будет расспрашивать меня о них, когда мы вернемся домой с новыми рабочими.

Человек, отвечавший за наемных рабочих, и водитель грузовика, привезшего мексиканцев, вдруг разразились потоками брани. Кто-то из техасских вербовщиков действительно обещал, что мексиканцев теперь будут доставлять на автобусах. А это была уже вторая партия, и она снова прибыла в грязном грузовом прицепе. Паппи никогда не увиливал от драки и теперь, я уверен, был готов вмешаться в завязавшуюся склоку и как следует наподдавать водителю грузовика. Но он злился и на ответственного за рабсилу и, как мне кажется, не видел смысла в том, чтобы вздуть их обоих. Мы уселись на задний борт нашего грузовичка и стали ждать, пока осядет поднятая пыль.

Когда брань и крики утихли, началась возня с бумагами. Мексиканцы сбились на тротуаре в одну кучу напротив кооператива. Иногда они бросали взгляды в нашу сторону и в сторону других фермеров, собиравшихся на Мэйн-стрит. Все уже знали - прибыла новая партия рабочих.

Паппи забрал первых десятерых. Главным у них был Мигель. По виду он был старше всех в группе, и, как я заметил еще при первом наблюдении, у него одного была матерчатая сумка. Остальные тащили свои пожитки в бумажных мешках.

Мигель сносно говорил по-английски, но не так хорошо, как Хуан. Мы с ним немного потрепались, пока Паппи заканчивал оформление всех нужных бумаг. Мигель познакомил меня с остальными. Там были и Рико, и Роберто, и Хосе, и Луис, и Пабло, и еще несколько, имен которых я не разобрал. По опыту прошлого года я знал, что потребуется с неделю, чтобы научиться их различать.

Хотя они явно были очень утомлены, каждый старался улыбаться - исключая одного, который сделал мне рожу, когда я на него посмотрел. У него была шляпа вроде техасской. Мигель ткнул в него пальцем и сказал: «Он считает себя ковбоем. Мы так его и зовем». Ковбой был очень молод и очень высок для мексиканца. Глаза у него были узкие и злые. Тонкие усики еще больше подчеркивали свирепое выражение его лица. Он меня так напугал, что я уже было подумал, а не сказать ли об этом Паппи. Уж очень мне не хотелось, чтобы такой человек несколько предстоящих недель жил у нас на ферме. Но вместо этого я лишь отступил назад.

Наша группа мексиканцев последовала за Паппи по направлению к лавке Попа и Перл. Я пошел за ними, держась подальше от Ковбоя. Войдя в лавку, я занял свою обычную позицию возле кассы, где уже сидела Перл, ожидая, с кем бы пошептаться.

— С ними обращаются как со скотиной, - сказала она.

— И лай говорит, что они все равно просто счастливы, что сюда попали, - также шепотом ответил я.

Дедушка ждал возле выхода, скрестив руки на груди и наблюдая, как мексиканцы набирают то небольшое, что могли купить. Мигель трещал как сорока, давая им нужные указания.

Перл вовсе не собиралась нападать на Илая Чандлера, но метнула в его сторону неприятный взгляд. Он, правда, этого не заметил - он был раздражен и обеспокоен, потому что урожай до сих пор не убран.

— Это просто ужасно! - сказала Перл. Видно было, что Перл ждет не дождется, когда мы наконец уберемся, чтобы тут же броситься к своим подругам по церкви и снова обсудить эту проблему. Перл принадлежала к методистской церкви.

По мере того как мексиканцы, держа в руках свои покупки, подходили к кассе, Мигель сообщал Перл имя каждого, а та, в свою очередь, открывала им кредитные счета. Потом пробивала на кассовом аппарате

общую сумму покупок, заносила ее в книгу против имени каждого рабочего и показывала запись Мигелю и покупателю. Текущий кредит, просто и удобно, совершенно по-американски.

Они закупили муку и еще шортенинг, жир, что добавляют в тесто для рассыпчатости, - все, что нужно для приготовления лепешек, а также много бобов - и консервированных, в жестянках, и сушеных, в пакетах, и еще рис. Ничего лишнего - ни сахару, ни конфет, ни овощей. Ели они совсем немного, потому что продукты стоят денег. А они стремились экономить каждый цент, чтобы привезти домой побольше.

Конечно, эти бедолаги никакого понятия не имели, куда их повезут. Невдомек им было и то, что моя мама - завзятая огородница и гораздо больше времени уделяет уходу за своими овощами на грядках, чем хлопку. Так что им здорово повезло, потому что мама считала, что ни одна живая душа из всех, проживающих поблизости от нашей фермы, не должна оставаться голодной.

Ковбой был последним в очереди к кассе, и когда Перл улыбнулась ему, мне показалось, что он сейчас в нее плюнет. Мигель стоял рядом. Он провел три последних дня в грузовом прицепе вместе с этим малым, так что, наверное, уже все о нем знал.

Я попрощался с Перл - уже во второй раз за нынешний день, что было довольно странно, поскольку обычно я виделся с ней раз в неделю.

Паппи повел мексиканцев к нашему грузовику. Они забрались в кузов и тесно уселись там, плечо к плечу, подобрав ноги и переплетя руки. Они все молчали и тупо смотрели вперед, не представляя, где закончится их путешествие.

Старый грузовик осел под такой нагрузкой, но в конце концов как-то набрал свои тридцать семь миль в час, и Паппи даже чуть улыбнулся. День уже клонился к вечеру, было жарко и сухо - отличная погода для сбора хлопка. Итак, теперь у нас были семейство Спруил и мексиканцы - достаточно рабочих рук, чтобы собрать наш урожай. Я полез в карман и вытащил оттуда вторую половинку сладкого рулета.

Костер и палатку мы заметили задолго до того, как добрались до дому. К нашей ферме ведет проселочная дорога, большую часть года очень пыльная, так что Паппи едва тащился, чтобы мексиканцы не задохнулись от пыли.

— Это еще что? - спросил я.

— Вроде палатка какая-то, - ответил Паппи.

Она была разбита невдалеке от дороги, в дальнем углу нашего переднего двора, под дубом, которому стукнуло лет сто, возле того места,

где при игре в бейсбол у нас размещалась пластина «дома». Мы еще больше замедлили ход, когда доехали до нашего почтового ящика. Спруилы захватили половину нашего переднего двора. Их палатка была из грязно-белого брезента, с остроконечной крышей; она была натянута с помощью разнокалиберных, грубо обструганных шестов и металлических кольшков. С двух сторон она была открыта, так что можно было разглядеть коробки и одежды, валявшиеся внутри, прямо на земле. И еще я увидел Тэлли: она спала в углу.

Их грузовик стоял рядом, а над кузовом уже был натянут брезент. Он был привязан к кольям, вбитым в землю, упаковочными веревками, так что грузовик не мог сдвинуться с места, надо было сначала отвязывать веревки. Их старый прицеп был уже наполовину разгружен, а вынутые из него ящики и джутовые мешки валялись на траве, словно разбросанные сильным ветром.

Миссис Спруил развела костер - это и был источник дыма. По каким-то причинам она выбрала это почти голое место в самом конце двора. Это было то самое место, где Паппи и отец почти каждый день после обеда усаживались на корточки, изображая кэтчеров, и ловили брошенный мной бейсбольный мяч - мои «прямые» и «навесные». Мне захотелось заплакать. Никогда я им этого не прощу, этим Спруилам!

— Ты ведь вроде бы сказал им, чтобы устраивались возле силосной ямы, - сказал я дедушке.

— Точно, - ответил Паппи. Он совсем сбросил скорость и свернул к дому. Силосная яма располагалась на заднем дворе, рядом с амбаром, на приличном расстоянии от дома. Раньше люди с гор всегда ставили свои палатки именно там, и никогда перед домом.

Паппи поставил грузовик под другим дубом, которому, по словам бабушки, было только семьдесят лет. Он был самый невысокий из трех дубов, что закрывали тенью наш дом и двор. Грузовик подкатился к дому и встал в те же самые высохшие колеи, куда Паппи ставил свою машину уже несколько десятков лет. Мама и бабушка ждали нас на ступеньках кухонного крыльца.

Рут, моя бабушка, была не в восторге от того, что люди с гор оккупировали наш передний двор. Паппи и мне это стало ясно еще до того, как мы вылезли из кабины грузовика. Она стояла, уперев руки в бедра.

Маме не терпелось взглянуть на мексиканцев и расспросить меня о том, в каких условиях их сюда привезли. Она понаблюдала, как они вылезают из кузова, потом подошла ко мне и сжала мне плечо.

— Десять человек, - сказала она.

– Да, мэ.

Бабка встала перед грузовиком, на пути Паппи, и спросила, спокойно и сурово:

– Почему эти люди расположились на переднем дворе?

– Я велел им размещаться около силосной ямы, - ответил Паппи, вовсе не собираясь отступать, даже перед собственной женой. - Не знаю, чего это они выбрали именно это место.

– Разве нельзя сказать им, чтобы перебрались?

– Нельзя. Если они сложат свое барахло, то уедут. Сама знаешь, какие они, эти люди с гор.

Бабкины вопросы на этом иссякли. Да и не стали бы они затевать спор прямо передо мной и в присутствии десятка мексиканцев. Она пошла в дом, неодобрительно покачивая головой. Паппи же, если честно, было совершенно наплевать, где устроили свой лагерь его наемные рабочие. На вид это были здоровенные парни, и они хотели работать, а остальное для него никакого значения не имело.

Подозреваю, что Бабке тоже было почти все равно. Сбор урожая настолько важный момент в нашей жизни, что мы наняли бы даже банду закованных в кандалы преступников, если они способны собирать по три сотни фунтов хлопка за день.

Мексиканцы последовали за Паппи к амбару, до которого от заднего крыльца было ровно 352 фута. Прошли мимо курятника, мимо колодца с насосом, мимо бельевых веревок, мимо сарая для инструмента, мимо сахарного клена, который в октябре становится весь красный. Как-то в январе я - с отцовской помощью - измерил точное расстояние от заднего крыльца до амбара. Для меня это было словно целая миля. На стадионе «Спортсменз-парк» в Сент-Луисе, где часто играла команда «Кардиналз», расстояние от пластины «дома» до ограды левой части аутфилда было 350 футов, и всякий раз, когда Стэн Мьюзиэл делал «хоум ран» - отбивал мяч за забор и, обежав вместе с товарищами по команде все базы, достигал «дома», - я на следующий день непременно сидел на крыльце и продолжал восхищаться этой огромной дистанцией. В середине июля, когда в матче против «Брейвз» он отбил мяч на 400 футов, Паппи сказал: «Люк, да он его как за наш амбар отбил!»

И еще два дня после этого я сидел на крыльце и мечтал о том, как я сам буду отбивать мяч за амбар.

Когда мексиканцы скрылись за сараем, мама сказала:

– Они выглядят очень усталыми.

– Они приехали в прицепе, все шестьдесят два человека, - заметил я,

почему-то желая поспособствовать будущему очередному скандалу.

– Этого я и опасалась.

– Прицеп у них старый. Старый и грязный. Перл уже бесится по этому поводу.

– Больше так не будет, - заявила она, и я понял, что отцу предстоит выслушать немало неприятных вещей. - Давай беги, помоги деду.

Я и так уже большую часть времени за последние две недели провел в амбаре вместе с мамой, подметая и убирая чердак, чтобы там разместились мексиканцы. Фермеры по большей части селили наемных рабочих в заброшенных домах арендаторов или в амбарах. А еще ходили слухи, что Нед Шеклфорд, чья ферма находилась от нас в трех милях к югу, поселил своих рабочих в курятнике.

Но на ферме Чандлеров такого быть не могло. Поскольку другой крыши над головой у нас для них не было, мексиканцы были вынуждены жить на чердаке нашего амбара, но там было чисто, никакой грязи или мусора. И там здорово пахло. Мама весь год собирала для них старые одеяла и матрасы, чтобы им было на чем спать.

Я проскочил в амбар, но остался внизу, рядом с закутком для Изабель, нашей молочной коровы. Паппи рассказывал, что в Первую мировую войну ему спасла жизнь молодая француженка по имени Изабель, и в память о ней он назвал нашу корову джерсийской породы именно этим именем. Бабушка в эту историю не верила.

Я слышал, как мексиканцы возятся, устраиваясь наверху, на чердаке. Паппи что-то говорил Мигелю, который был явно доволен тем, как там чисто и уютно. Паппи принимал комплименты так, словно это он, и он один, все там отскреб и отмыл.

На деле же и он, и Бабка очень скептически относились к усилиям мамы обеспечить наемным рабочим удобное место для сна. Мама выросла на маленькой ферме, совсем рядом с Блэк-Оуком, так что была почти что городской. И росла она вместе с детьми из достаточно богатых семей, которые не участвовали в сборе хлопка. В школу она никогда не ходила пешком - ее всегда отвозил ее отец. И еще она успела три раза побывать в Мемфисе, прежде чем выйти замуж за моего отца. И все детство прожила в крашеном доме.

Глава 3

Мы, Чандлеры, арендовали землю у мистера Фогеля из Джонсборо. Я его никогда в глаза не видел. Имя его у нас упоминалось редко, но когда оно всплывало в разговоре, то произносили его с уважением и даже с благоговейным трепетом. Я считал его самым богатым человеком в мире.

Паппи и Бабка арендовали эту землю еще со времен, предшествовавших Великой депрессии, которая в сельских районах Арканзаса началась раньше и закончилась позже, чем в других местах. И после тридцати лет изматывающего труда им удалось выкупить у мистера Фогеля дом и три акра земли вокруг него. Им также принадлежали старый трактор «Джон Дир», два дисковых плуга, сеялка, прицеп для перевозки хлопка, два мула, крытая повозка и грузовичок. У отца с ними была какая-то довольно туманная договоренность насчет того, что ему принадлежит какая-то часть всего этого имущества. Купчая на землю была оформлена на Илая и Рут Чандлер.

Реальный доход имели лишь те фермеры, которые сами владели землей. Арендаторы, такие как мы, стремились хотя бы уравнивать расходы с доходами. В самом скверном положении находились издолщики: они были обречены на вечную бедность.

Целью отца было заполучить во владение сорок акров земли, свободной от долгов и закладных. Мама о своих мечтах никогда не распространялась, прятала их, чтобы делиться только со мной - по мере моего взросления. Но я уже знал, что она очень хотела навсегда забыть о сельской жизни и твердо намеревалась сделать все, чтобы я не стал фермером. К тому времени, когда мне исполнилось семь, она и меня заставила уверовать в это.

Когда она убедилась, что мексиканцы устроились нормально, то послала меня разыскать отца. Было поздно, солнце уже скатывалось за деревья, что росли по берегам Сент-Франсис-Ривер, так что ему уже пора было в последний раз завесить мешок с собранным хлопком и закругляться на сегодня.

Я шел босиком по вытоптанной тропе между двумя хлопковыми полями, высматривая отца. Почва здесь была черная, плодородная. Отличная почва была в дельте Арканзаса, и урожаи она давала богатые, чего было вполне достаточно, чтобы навсегда привязать к себе. Впереди я завыдел прицеп и понял, что отец движется к нему.

Джесси Чандлер был старшим сыном Паппи и Бабки. Его младшему брату Рики было девятнадцать - он сейчас воевал где-то в Корее. Еще у них были две сестры, но те сбежали с фермы, едва закончив среднюю школу.

А мой отец не сбежал. Он был твердо намерен стать фермером, как его отец и дед, вот только он хотел стать первым Чандлером - владельцем своей собственной земли. Не знаю, думал ли он хоть когда-нибудь о том, чтобы попробовать жить подальше от хлопковых полей. Как и мой дед, он здорово играл в бейсбол, и я был почти уверен, что в какой-то момент своей жизни он даже мечтал о славе игрока первой лиги. Но в 1944 году под Анцио, в Италии, он получил немецкую пулю в бедро, так что бейсбольная карьера ему больше не светила.

Он двигался, чуть прихрамывая, но хромают обычно почти все, кто вкатывает на хлопковых полях.

Я остановился возле прицепа - он был почти пуст. Он стоял на узкой дорожке между полей в ожидании, когда его заполнят. Я забрался в него. Вокруг, со всех сторон, были сплошные зеленые и коричневые стебли, они простирались до самых деревьев, что росли по границе нашего поля. А на верхушках стеблей пышными белыми шарами торчал из раскрывшихся коробочек хлопок. Хлопок совсем созрел и был готов к сбору, так что когда я отступил на задок прицепа и оглянулся вокруг, то увидел настоящий океан белого цвета. На полях было совсем тихо - ни голосов, ни тракторов, ни машин на дороге. В эту минуту, стоя на прицепе, я, кажется, понял, почему мой отец так хотел быть фермером.

На таком расстоянии я едва мог разглядеть его старую соломенную шляпу - он продолжал двигаться между рядами хлопковых стеблей. Я спрыгнул с прицепа и поспешил к нему. Уже наступали сумерки, и в междурядьях было совсем темно. В этом году солнце и дожди словно договорились о сотрудничестве, так что все листья были широкие и толстые и плотно переплетались между собой, а сейчас здорово мешали мне передвигаться.

— Это ты, Люк? - спросил отец еще издали, прекрасно зная, что никто другой сюда за ним не явится.

— Так точно, сэр! - ответил я, двигаясь на его голос. - Мама сказала, пора закругляться!

— Да ну?

— Да, сэр!

До него оставался всего один ряд стеблей. Я продрался сквозь них - и вот он, прямо передо мной, согнувшись пополам, обеими руками шарит среди листьев, выбирая хлопок и засовывая его аккуратно в почти

заполненный мешок, свисающий с плеча. Он провел в поле весь день, с самого рассвета, только на ленч сделал перерыв.

– Рабочих-то хоть нашли? - спросил он, не оборачиваясь ко мне.

– Да, сэр! - гордо ответил я. - Мексиканцы и люди с гор.

– Мексиканцев сколько?

– Десять, - так же гордо сообщил я, словно сам их всех нашел и нанял.

– Здорово! А эти, с гор, что за люди?

– Спруилы их фамилия. Забыл, откуда они приехали.

– Сколько их? - Он закончил обирать очередной стебель и передвинулся вперед, таща за собой тяжелый мешок.

– Целый прицеп, битком. Трудно сосчитать. Бабка разозлилась, потому что они устроились на переднем дворе, даже костер там развели, на том месте, где у нас пластина «дома»! Паппи сказал им, чтобы размещались возле силосной ямы, я сам слышал. Тупые они какие-то, по-моему...

– Не говори так.

– Есть, сэр! Только Бабке это не очень понравилось.

– Ладно, разберемся. Нам рабочие в любом случае нужны...

– Ага. Паппи так и говорит. Только вот они нам всю площадку затоптали!

– Нам хлопок надо собирать! Это сейчас гораздо важнее, чем бейсбол.

– Да уж, надо думать. - Это только он так считает.

– А как мексиканцы?

– Да не очень. Опять приехали, набившись в один прицеп. Мама снова недовольна.

Его руки на секунду замедлили движение - он уже предвидел, как они всю зиму будут цапаться по этому поводу.

– В любом случае они рады, что попали сюда, - сказал он, и его руки вновь принялись за работу.

Я сделал несколько шагов обратно в сторону прицепа. Потом повернулся и снова взглянул на него.

– Попробуй доказать это маме.

Он внимательно посмотрел на меня, прежде чем ответить. Потом спросил:

– Хуан приехал?

– Нет, сэр.

– Жаль.

Я весь этот год вспоминал Хуана. Он обещал мне прошлой осенью, что приедет снова.

– Да ладно, - сказал я. - Там есть новый парень, Мигелем зовут. Вроде

симпатичный.

Я рассказал ему, как мы ездили в город, как нашли и наняли Спруилов, рассказал про Тэлли и Трота и про того здорового парня, что сидел на заднем борту их прицепа, как мы потом вернулись в город и Паппи ругался с ответственным за вербовку рабочих, как ездили в джин и про мексиканцев. Говорил все время только я, потому что у меня этот день был гораздо больше заполнен разными событиями, чем у него.

Когда мы добрались до прицепа, он поднял свой мешок за лямки и повесил его на крюк весов. Стрелка показала пятьдесят восемь фунтов. Он записал эту цифру в потрепанной старой конторской книге, бечевкой привязанной к борту прицепа.

– Сколько всего? - спросил я, когда он захлопнул книгу.

– Четыреста семьдесят.

– Как до третьей базы добежал, - заметил я.

Он лишь пожал плечами:

– Да, неплохо...

Пять сотен фунтов за день можно приравнять к бейсбольному «хоум ран». А отец столько собирал не реже чем раз в два дня. Он присел на корточки и сказал:

– Забирайся!

Я залез ему на спину, и мы направились к дому. Его рубашка и комбинезон были насквозь мокрые от пота, они у него весь день оставались такими, но руки были твердые, как железо. Поп Уотсон как-то сказал мне, что Джесси Чандлер однажды так отбил бейсбольный мяч, что тот приземлился аж в центре Мэйн-стрит. Поп и мистер Уилкоккс, наш парикмахер, которого все звали Змея Уилкоккс, на следующий день замерыли расстояние и стали всем рассказывать, что это был чистый «флай» - что мяч, не коснувшись земли, пролетел целых 440 футов! Однако было по этому поводу и другое, явно враждебное мнение - оно возникло в «Ти шопп», где мистер Барнхарт-младший утверждал, и достаточно громко, что это был не «флай», потому что мяч по крайней мере один раз отскочил от земли, прежде чем долететь до Мэйн-стрит.

Поп и Барнхарт-младший после этого несколько недель во-обще не разговаривали друг с другом. Мама подтвердила, что они поругались, но сама в этот «хоум ран» не верила.

Она ждала нас возле колодца с насосом. Отец уселся на скамейку и стащил сапоги и носки. Потом расстегнул комбинезон и снял рубашку.

Одной из моих ежедневных обязанностей было наполнять по утрам водой здоровенное корыто, чтобы оно весь день грелось на солнце и к

вечеру вода в нем было достаточно теплой для мытья. Мама намочила в воде полотенце и стала протирать шею отцу.

Она выросла в доме, полном девочек, а воспитанием ее, кроме родителей, занималась еще и парочка помешанных на порядке старых теток. Думаю, они мылись чаще, чем фермеры, и мамина страсть к чистоте как будто передалась и отцу. А меня полностью отскребывали каждое воскресенье, нужно это мне было или нет.

Когда отец умылся и вытерся, мама протянула ему чистую рубашку. Настало время устроить первый ужин для наших гостей. Мама собрала в огромную корзину и красиво разложила в ней кучу самых лучших овощей с собственного огорода - конечно же, она сама собирала и мыла их все последние два часа. Огромные помидоры, сладкий репчатый лук, картошка «красная шкурка», зеленые и красные сладкие перцы, початки кукурузы. Мы отнесли все это за амбар, где отдыхали мексиканцы, тихонько разговаривая в ожидании, пока прогорит их маленький костер, чтобы испечь на углях свои тортильи. Я познакомил отца с Мигелем, а тот, в свою очередь, представил нам кое-кого из своих парней.

Ковбой сидел в сторонке, спиной к амбару; он даже не пошевелился, словно нас тут и не было. Я видел, что он из-под поля своей шляпы наблюдает за мамой. На секунду я даже испугался; но потом до меня дошло, что Джесси Чандлер легко свернет Ковбою его тощую шею, если тот что-то сделает не так.

За прошлый сезон мы многое узнали о мексиканцах. Они не употребляли в пищу каролинские бобы и зеленую стручковую фасоль, большую столовую тыкву, баклажаны и турнепс, они предпочитали помидоры, лук, картошку, перцы и кукурузу. И никогда не просили овощей с нашего огорода. Им их нужно было предлагать.

Мама объяснила Мигелю и остальным, что овощей у нас полно и что она каждые два дня будет приносить им свежие. И что им за это не надо платить. Что это входит в обязательства их работодателей.

Потом мы забрали вторую такую же корзину и потащили ее на передний двор, где лагерь Спруилов, кажется, все расползлся и расползлся во все стороны. Они заняли большую часть двора, и теперь вокруг валялось еще больше картонных коробок и джутовых мешков. Они уложили три доски одной стороной на коробку, а другой - на бочонок, чтобы получился стол. Вокруг него они и сидели, сгрудившись в кучу, и ели свой ужин, когда мы к ним подошли. Мистер Спруил поднялся на ноги и пожал отцу руку.

— Леон Спруил, - представился он, вытирая ошметки пищи с губы. -

Рад познакомиться.

– Рад, что вы к нам приехали, - вежливо ответил отец.

– Спасибо, - сказал мистер Спруил, подтягивая штаны. - Это моя жена, Люси.

Та улыбнулась и продолжила медленно жевать.

– А это дочка, Тэлли, - продолжал он, показав на нее пальцем.

Тэлли посмотрела в мою сторону, и я почувствовал, что щеки у меня запылали.

– Эти двое - племянники, Бо и Дэйл, - сообщил он далее, кивнув в сторону двоих парней.

Это были те, что стояли на матрасе, когда мы их встретили на шоссе. Тинейджеры, лет по пятнадцати или около того. А рядом с ними сидел тот здоровенный парень, которого я в первый раз видел сидящим на заднем борту, каким-то полусонным.

– Это мой сын, Хэнк, - сказал мистер Спруил. Хэнку было не меньше двадцати - вполне взрослый малый, чтобы встать и поздороваться, обменяться рукопожатиями. Но он продолжал жевать. Щеки его оттопырились, рот был набит вроде бы кукурузным хлебом. - Много ест, - объяснил мистер Спруил, мы все попытались засмеяться. - А это Трот, - сказал он.

Трот как будто вообще никогда не поднимал глаз. Его левая рука безвольно висела вдоль тела. В правой он сжимал ложку. Его родственная связь с этим семейством осталась невыясненной.

Мама протянула им корзину с овощами, и Хэнк на секунду перестал чавкать и уставился на свежие припасы. Потом снова занялся бобами.

– Помидоры и кукуруза в этом году здорово удались, - говорила между тем мама. - И урожай хороший. Вы только скажите, что вам больше нравится.

Тэлли медленно жевала, уставившись на меня. Я не отводил взгляда от своих башмаков.

– Премного вам благодарны, мэм, - сказал мистер Спруил. Миссис Спруил тоже пробормотала что-то благодарственное. Можно было не сомневаться, без пищи эти Спруилы не останутся, да и вряд ли они могут пропустить хоть один перекусон. Хэнк был такой огромный и толстый, с мощной грудью, которая лишь чуть-чуть сужалась к шее. Мистер и миссис Спруил были оба коренастые и на взгляд сильные. Бо и Дэйл были высокие, но не тощие. У Тэлли фигурка была очень пропорциональная. Только Трот был худой, кожа да кости.

– Извините, что прервал ваш ужин, - сказал отец, и мы стали отступать

назад к дому.

– Еще раз благодарствуйте, - сказал мистер Спруил.

Я по опыту знал, что очень скоро мы узнаем об этих Спруилах гораздо больше, чем нам хотелось бы. Они будут жить на нашей земле, пить нашу воду, заходить к нам в дом. Мы будем снабжать их овощами с нашего огорода, молоком от Изабель, свежими яйцами из курятника. Мы будем приглашать их по субботам в город, а по воскресеньям в церковь. Мы будем работать рядом с ними в поле с восхода и почти дотемна. А когда сбор урожая будет завершен, они уедут и вернуться к себе в горы. Потом пожелтеют листья, настанет зима, и мы будем долгими холодными вечерами сидеть, съезжившись у огня, и рассказывать друг другу разные истории про этих Спруилов.

* * *

На ужин была картошка, пожаренная тонкими ломтиками, вареные плоды окры, початки кукурузы и горячий кукурузный хлеб - но ни кусочка мяса, потому что была уже почти осень и еще потому, что жареное мясо было позавчера. Бабка дважды в неделю жарила цыплят, но никогда по средам. Мамин огород давал достаточно помидоров и лука, чтобы накормить все население Блэк-Оука, так что она набирала по целому блюду к каждой нашей трапезе.

Кухня у нас была маленькая, и в ней всегда было жарко. Круглый поворотный вентилятор дребезжа вращался на верхней панели холодильника, пытаясь заставить воздух циркулировать, а мама и Бабка занимались приготовлением ужина. Движения их были замедленными, но четкими. Они устали, да и слишком жарко было, чтобы суетиться.

Они недолюбливали друг друга, но обе старались поддерживать мир в семье. Я никогда не слышал, чтобы они спорили, и ни разу не слышал от мамы плохого слова по адресу ее свекрови. Они жили в одном доме, готовили одни и те же блюда, вместе стирали, вместе собирали урожай хлопка. А когда вокруг столько всякой работы, у кого найдется время на препирательства?

Но Бабка родилась и выросла среди хлопка и прекрасно знала, что и похоронят ее в той самой земле, на которой она всю жизнь горбатилась. А

вот мама всегда стремилась отсюда уехать.

Ежедневно выполняя один и тот же кухонный ритуал, они молчаливо выработали приемлемый для обеих метод сотрудничества и разделения труда. Бабка ошивалась возле плиты, присматривая за выпекающимся кукурузным хлебом, переворачивая картошку, помешивая варящиеся початки и окру. Мама держалась возле кухонной раковины - там она чистила овощи и туда складывала грязную посуду. Я наблюдал за всем этим от кухонного стола, где сидел каждый вечер и снимал тонким ножом кожицу с огурцов. Обе они любили музыку, и иногда одна из них начинала петь, а другая потихоньку подпевать. Это помогало снять накопившееся раздражение.

Но сегодня было не так. Обе были слишком заняты, чтобы петь или напевать. Мама все еще кипела по поводу того, что мексиканцев опять везли, как скотину. А Бабка дулась из-за того, что Спруилы оккупировали наш передний двор.

Точно в шесть вечера Бабка сняла с себя фартук и села за стол напротив меня. Стол одним концом был приставлен к стене и служил чем-то вроде большой полки, где вечно скапливались всякие вещи. В центре стоял радиоприемник фирмы РСА в ореховом корпусе. Она включила его и улыбнулась мне.

Программу новостей канала Си-би-эс нам читал Эдуард Р. Марроу, прямая трансляция из Нью-Йорка. Всю неделю шли жестокие бои около Пхеньяна, где-то возле побережья Японского моря, а из старой географической карты, которую Бабка держала у себя в прикроватной тумбочке, мы знали, что где-то там воюет пехотная дивизия, в которой служит Рики. Последнее письмо от него пришло две недели назад. Это был второпях исписанный листок, но между строк можно было понять, что он торчит в самом пекле.

Когда мистер Марроу покончил с главной новостью насчет очередной склоки с русскими, то перешел к Корее. Бабка прикрыла глаза. Она сложила руки вместе, приложив оба указательных пальца к губам, и замерла в ожидании.

Не знаю, чего именно она ждала. Мистер Марроу вовсе не собирался сообщать всей стране, погиб Рики Чандлер или еще жив.

Мама тоже слушала новости. Она стояла спиной к кухонной раковине, держа в руках полотенце и уперев пустой взгляд в столешницу. Так происходило почти каждый вечер все лето и осень 1952 года.

Переговоры о мире вроде начались, но потом прекратились. Китайцы отступили, затем опять перешли в наступление. Слушая передачи мистера

Марроу и читая письма Рики, мы переживали все события этой войны.

Паппи и отец никогда не слушали программы новостей. Они вечно были заняты вне дома, в сарае для инструментов, или возились с насосом или еще с какими-нибудь мелочами, которые вполне могли и подождать. Они без конца обсуждали виды на урожай, пытаясь найти хоть какой-нибудь предлог, чтобы перестать волноваться за Рики. Оба они были на войне. И им не нужны были услуги мистера Марроу из Нью-Йорка, зачитывавшего очередные телеграммы от корреспондентов из Кореи и сообщавшего стране, что происходит на том или другом участке фронта. Они и так знали.

Как бы то ни было, но в тот вечер сообщение из Кореи было очень коротким, и в нашем маленьком домике это было сочтено хорошим знаком. Мистер Марроу перешел к другим новостям, и Бабка наконец мне улыбнулась.

— С Рики все в порядке, — сказала она и погладила меня по руке. — Скоро он вернется домой.

Она заслужила право верить в это. Она ждала Паппи с Первой мировой, а потом, во Вторую мировую, долго молилась за отца и его здоровье. Ее мужчины всегда возвращались домой, и Рики тоже не должен нас подвести.

Она выключила радио. Картошка и окра требовали ее внимания. Они с мамой вернулись к своим кухонным заботам. И все мы ждали, когда Паппи наконец войдет с заднего крыльца. Думаю, Паппи ожидал от этой войны самого худшего. Чандлерам в этом столетии пока что везло. Новости он слушать не желал, но хотел знать, хорошо идут дела или плохо. И когда мы выключали радио, он всегда тут же появлялся на кухне. И в тот вечер он тоже вошел, остановился у стола и взъерошил мне волосы. Бабка подняла на него глаза, улыбнулась и сказала: — Плохих сообщений не было.

Мама мне говорила, что Бабка и Паппи чуть не каждую ночь просыпаются всего через час или два после того, как заснули, — они очень беспокоились за своего младшего. Бабка всех уверяла, что Рики обязательно вернется домой. Паппи не был в этом так уверен.

В половине седьмого мы уселись за стол, сложив ладони, и прочли благодарственную молитву за хлеб наш насущный и все блага. Паппи всегда читал молитву, по крайней мере перед ужином. Он поблагодарил Господа за то, что Он послал нам мексиканцев и Спруилов, и за хороший урожай, что у нас вырос. Я молился про себя, только за Рики. Я, конечно, был благодарен Ему за хлеб насущный, но это не казалось мне таким важным, как жизнь Рики.

Взрослые ели медленно и говорили только о хлопке. От меня никто не ждал, что я могу что-то добавить к их рассуждениям. Бабка вообще придерживалась мнения, что детей нужно видеть, но не слышать.

А я хотел пойти в амбар и посмотреть, как там мексиканцы. И еще мне хотелось пробраться на передний двор - может, удастся увидеть Тэлли. Мама что-то уже начала подозревать, так что, когда мы покончили с едой, велела мне помочь ей с посудой. Я бы предпочел, чтобы меня выпороли, но выбора не было.

* * *

Как всегда, мы устроились на передней веранде на наши ежевечерние посиделки. Внешне этот ритуал казался совсем простым, но таковым вовсе не был. Прежде всего надо было подождать, пока пища «уляжется», потом немного поиграть в бейсбол. Потом мы включали радио, чтобы послушать спортивного комментатора сент-луисской студии КМОКС Харри Карая и его разбор всех последних игр наших любимых «Кардиналз». Мама с Бабкой при этом будут лущить горох или бобы. И обсуждать не до конца обсосанные за ужином сплетни. И еще, конечно же, все будут продолжать гадать насчет урожая хлопка.

Но в тот вечер в Сент-Луисе, в двух сотнях миль от нас, пошел дождь, и матч был отменен. Я сидел на ступенях крыльца, надев на руку свою перчатку «Роулингс» и сжимая ею бейсбольный мяч, наблюдал за Спруилами, которые бродили в отдалении как тени, и удивлялся, как это люди могут быть такими безмозглыми, чтобы развести костер прямо на пластине «дома».

Снаружи у нас стоял другой радиоприемник, маленький «Дженерал электрик» - отец купил его в Бостоне, после войны, когда выписался из госпиталя. Единственным предназначением этого приемника было держать нас в курсе всех игр «Кардиналз». Мы редко пропускали хоть один матч. Приемник стоял на деревянном ящике рядом со скрипучей качалкой, в которой отдыхали мужчины. Мама и Бабка сидели в деревянных креслах с мягкими сиденьями на другом конце веранды, недалеко от нас, и лущили горох. А я сидел посередине, на ступеньках крыльца.

Пока не прибыли мексиканцы, у нас здесь стоял еще и маленький

переносной вентилятор - мы его всегда ставили возле двери. И каждый вечер он, тихонько жужжа, умудрялся хоть немного разгонять вокруг нас тяжелый горячий воздух, так что сидеть становилось вполне переносимо. Но теперь, спасибо маме, вентилятор стоял на чердаке у мексиканцев. Из-за этого у взрослых возникали некоторые трения, но меня в них в общем-то не посвящали.

Так что вечер был очень тихий и спокойный - никаких игр в бейсбол, никакого вентилятора, просто спокойный разговор усталых фермеров в ожидании, пока температура упадет хоть на несколько градусов.

Дождь в Сент-Луисе дал мужчинам повод поволноваться по поводу урожая. Реки и ручьи в дельте Арканзаса переполнялись с угрожающей регулярностью. Каждые четыре-пять лет они выходили из берегов и смывали с полей урожай. Я, правда, не помнил ни одного такого наводнения, но слышал о них столько, что мог себя считать ветераном. Мы, бывало, неделями молились о дожде. А когда он приходил и как только земля пропитывалась влагой, Паппи и отец начинали поглядывать на облака и рассказывать истории о прошлых наводнениях. Спруилы тем временем укладывались спать. Их голоса звучали все тише и тише. Я видел, как их тени мелькают вокруг палатки. Огонь в костре еще раз вспыхнул и погас.

На ферму Чандлеров опустилась тишина. Теперь у нас были люди с гор. И мексиканцы тоже приехали. Урожай ожидал сбора.

Глава 4

В какой-то момент в сплошном мраке ночи Паппи, наш будильник в человеческом образе, проснулся, натянул сапоги и принялся топтать по кухне, готовя себе первую кружку кофе. Дом у нас небольшой - три спальни, кухня, общая комната - и такой старый, что дощатый пол в некоторых местах просел. И если кто-то хотел разбудить остальных, он или она могли это сделать без труда.

Мне разрешалось полежать в постели, пока за мной не заходил отец. Спать, правда, теперь было затруднительно - на ферме собралось столько народу, да и несобранный урожай не давал покоя. Я уже проснулся, когда отец пришел меня будить и сказал, что пора вставать. Я быстро оделся и догнал его у выхода на задний двор.

Еще не было и намека на рассвет, а мы уже пересекали задний двор, и роса обильно оседала на наших сапогах. Мы остановились у курятника, отец нагнулся и пролез внутрь. Мне было сказано подождать снаружи, так как месяц назад, собирая в полной темноте яйца, я умудрился наступить на огромного полоза и потом два дня плакал от пережитого страха. Отец сначала мне не очень-то сочувствовал: полозы ведь безвредны, они просто часть нашей фермерской жизни. А вот мама, наоборот, пришла в неистовство, так что мне пока что было запрещено собирать яйца в одиночку.

Отец собрал дюжину яиц в сплетенную из соломы плошку и передал ее мне. И мы пошли к амбару, где нас ждала Изабель. А поскольку мы перебудили всех кур, то и петухи проснулись и запели.

Единственным источником света сейчас служила слабая электролампочка, свисавшая с сеновала. Мексиканцы уже проснулись. Позади амбара горел костер, и они все сгрудились возле него, как будто им было холодно. А мне было тепло от рассеянной в воздухе влаги.

Я уже умел доить корову, так что эта утренняя обязанность по большей части падала на меня. Но воспоминания о полозе до сих пор заставляли меня вздрагивать от страха, а кроме того, мы еще и торопились, поскольку к рассвету нам нужно было быть в поле. Отец быстренько надоил галлона два молока, что у меня заняло бы чуть не все утро. Мы отнесли продукты на кухню, где распоряжались женщины. На сковородке жарился бекон, и его запах мощной волной распространялся вокруг.

На завтрак, кроме того, были свежие яйца и горячие хлебцы с

сахарным сорго - последнее по желанию. Пока готовили, я устроился на своем стуле, разгладил ладонями влажную клетчатую клеенку на столе и стал дожидаться первой чашки кофе. Это была единственная слабость, которую мама мне позволяла.

Бабка поставила передо мной чашку на блюдце, потом сахарницу и свежие сливки. Я насыпал в кофе сахару, пока он не стал сладким как солод, и начал помаленьку прихлебывать.

За завтраком разговоров обычно почти не вели. Это было, конечно, здорово - заполучить столько рабочих к себе на ферму на сбор урожая, однако общий энтузиазм несколько блекнул перед реальностью - ведь нам предстояло провести ближайшие двенадцать часов под палящим солнцем и, согнувшись в три погибели, собирать и собирать хлопок, пока пальцы не начнут кровоточить.

Мы быстро поели под пение петухов, устроивших на заднем дворе настоящий бедлам. Хлебцы, что пекла бабушка, были большие, тяжелые и идеально круглые, они были здорово разогреты, так что когда я аккуратно клал в серединку кусочек масла, оно тут же таяло. Я наблюдал, как горячий желтый кружок впитывался в хлебец, потом откусывал кусочек. Мама признавала, что Рут Чандлер делала самые лучшие хлебцы, которые ей когда-либо доводилось пробовать. Мне очень хотелось съесть штуки две или даже три, как отец, но они в меня уже просто не вмещались. Мама съела один, Бабка тоже. Паппи умял два, отец - три. Через несколько часов, в середине первой половины дня, мы устроим на минутку перерыв и присядем в тени какого-нибудь дерева или нашего прицепа, чтобы доесть остальные хлебцы.

Зимой завтрак всегда тянулся долго, все ели медленно, потому что больше делать было почти и нечего. Темп еды становился несколько быстрее весной, потому что шел сев, и летом, когда мы были заняты прополкой и прореживанием посадок. А вот осенью, когда шел сбор урожая и когда солнце само тебя подгоняло, мы завтракали очень быстро и целеустремленно.

Поговорили немного о погоде. Дождь, который заставил вчера отменить матч «Кардиналз» в Сент-Луисе, не давал Паппи покоя. Сент-Луис был далеко, никто из нас, кроме самого Паппи, там никогда и не бывал, но все равно тамошняя погода была сейчас одной из важнейших составляющих успешного сбора нашего урожая. Мама внимательно слушала. Я в разговор не вступал.

Отец всегда помнил прогнозы погоды из ежегодника и сейчас высказал такое мнение, что погода весь сентябрь будет благоприятной. А вот

середина октября уже вызывала сомнения. К тому времени ожидалось ухудшение. Так что нам было обязательно нужно вкалывать ближайшие шесть недель до полного изнеможения. И чем усерднее мы будем работать, тем усерднее будут работать мексиканцы и Спруилы. Таким вот образом отец нас накачивал.

Разговор переместился на поденных рабочих. Это всегда были местные, они обычно болтались с фермы на ферму, выискивая, где заплатят побольше. По большей части это были городские, хорошо нам знакомые люди. Прошлой осенью мисс Софи Тернер, учительница пятого и шестого классов, оказала нам великую честь, избрав наше поле местом приложения своих усилий по сбору урожая.

Нам нужны были все поденщики, каких только можно было нанять, правда, они всегда сами выбирали, где работать.

Паппи прожевал и проглотил наконец последний кусок, сказал спасибо за отличный завтрак своей жене и моей маме и предоставил им убирать со стола. Я выскочил вслед за мужчинами на заднее крыльцо.

Наш дом фасадом обращен на юг, амбар и поля расположены к северу и западу от него. На востоке между тем стали заметны первые оранжевые отсветы над плоской равниной дельты Арканзаса. Солнце поднималось все выше, никакие облака ему не мешали. Рубашка у меня уже липла к спине.

Наш трактор «Джон Дир» с прицепом уже ждал нас. Мексиканцы сидели в прицепе. Отец подошел к ним и заговорил с Мигелем:

– Доброе утро. Как спали? Готовы работать?

Паппи пошел за Спруилами.

У меня в тракторе было свое место - закуток между сиденьем и сцепным устройством; там я провел много часов, вцепившись руками в стальную раму, на которой крепится тент для защиты водителя, то есть Паппи или отца, пока трактор, пыхтя, тащился по полю во время пахоты, сева или развоза удобрений. Я занял это свое место и посмотрел вниз, на битком набитый прицеп - мексиканцы вдоль одного борта, Спруилы у другого. В этот момент я ощущал себя в очень привилегированном положении, потому что мне выпало ехать на тракторе, а трактор принадлежал нам. Правда, эта моя гордость скоро испарится, потому что на поле, среди стеблей хлопка, все в равном положении.

Мне было любопытно, сможет ли бедняга Трот тоже выехать в поле. Для сбора хлопка нужны обе руки. А у Трота действует только одна, насколько мне удалось определить. Но он был со всеми, сидел на краю прицепа, спиной к остальным, свесив ноги вниз, один в своем собственном мире. И Тэлли тоже там была - она, правда, со мной не поздоровалась,

просто смотрела куда-то вдаль.

Не говоря ни слова, Паппи отпустил сцепление, и трактор с прицепом, качаясь, двинулся вперед. Я посмотрел, не свалился ли кто. В окне кухни виднелось мамино лицо - она мыла посуду и смотрела, как мы отъезжаем. Сейчас она закончит с уборкой, потом часок повозится в огороде, а затем присоединится к нам в поле - на целый день тяжелой работы. И Бабка тоже. Никто у нас не сидел без дела, когда созрел хлопок.

Мы протащились мимо амбара. Дизельный движок ревел, прицеп скрипел. Потом мы повернули на юг, в сторону участка в сорок акров, расположенного вдоль речки Сайлерз-Крик. Мы всегда начинали уборку с этого участка, потому что наводнения в первую очередь заливали именно его.

У нас было два участка: «нижние сорок» и «задние сорок». Убрать урожай с восьмидесяти акров - не самая простая задача для любого фермера.

Через несколько минут мы добрались до оставленного в поле прицепа с хлопком, и Паппи заглушил мотор. Прежде чем спрыгнуть, я посмотрел на восток и увидел светящиеся окна нашего дома - до него было отсюда меньше мили. А позади него небо уже совсем ожило, все было в желтых и оранжевых отблесках. На небе не было ни облачка, а это значило, что в ближайшем будущем наводнение нам не угрожает. И еще это означало работу под палящим солнцем.

Тэлли, проходя мимо, произнесла:

– Доброе утро, Люк.

Я сумел что-то пробормотать в ответ. Она улыбнулась мне так, словно знала какой-то секрет, о котором никогда не проболтается.

Паппи не давал никаких руководящих указаний, да они и не требовались. Выбирай любой ряд, в любом направлении - и начинай собирать. Никакой болтовни, никаких разминок, никаких обсуждений погоды. Мексиканцы без единого слова забросили за плечи свои длинные мешки для хлопкового волокна, встали в одну линию и пошли в сторону юга. Арканзасцы двинулись на север.

Я секунду еще постоял на месте в предрассветном полумраке - даже в этот час в начале сентября в наших краях уже становилось жарко, - глядя вдаль, вдоль очень длинного ряда хлопковых стеблей, каким-то образом выпавшего на мою долю. Я вдруг подумал, что мне никогда не добраться до его конца, и тут же почувствовал себя очень усталым.

У меня были двоюродные братья и сестры в Мемфисе, дети двух сестер отца, и они никогда не собирали хлопок. Городские дети, они всегда

жили в пригороде, в хорошеньких маленьких домиках, и у них были водопровод и канализация. Они приезжали сюда, в Арканзас, только на похороны да еще иногда на День благодарения. И, глядя на этот бесконечный ряд хлопка, я вдруг подумал об этих своих кузенах и кузинах.

В работе мной всегда двигали два соображения. Первое и самое важное - с одной стороны шел отец, с другой дедушка. Они терпеть не могли лени. Они сами работали в поле, когда были детьми, так что я обязан был делать то же самое. Второе соображение - мне за работу платили точно так же, как наемным рабочим. Доллар шестьдесят за сто фунтов. И у меня были большие планы в отношении этих денег.

– Вперед, - сказал отец, обращаясь явно ко мне. Паппи уже шел между рядов стеблей, футах в десяти впереди. Я видел его силуэт и его соломенную шляпу. Я слышал, как Спруилы - они были через несколько рядов от меня - о чем-то переговариваются между собой. Люди с гор любили петь за работой, так что не было ничего необычного в том, чтобы услышать из их рядов какую-нибудь тихую и печальную мелодию. Тэлли засмеялась над чем-то, и ее серебристый смех разнесся над полем.

Она была всего на десять лет старше меня.

Отец Паппи сражался на Гражданской войне. Его звали Джереми Чандлер. По семейному преданию, это он, практически в одиночку, выиграл битву при Шиллохе. Когда умерла вторая жена Джереми, он взял третью, местную девицу на тридцать лет моложе его самого. Несколько лет спустя она родила ему Паппи.

Тридцать лет разницы между Джереми и его третьей женой. Десять - между мной и Тэлли. Ничего страшного.

Придя к такому заключению, я забросил свой мешок за спину, перекинув лямку через правое плечо, и напал на первую коробочку хлопка. Волокно было еще влажное от росы - именно по этой причине мы и начинали сбор так рано. В течение первого часа или около того, пока солнце еще было не слишком высоко и не успело высушить все вокруг, хлопок был мягким и нежным и не колот ладони. Потом, когда мы его свалим в прицеп, он высохнет и станет пригоден для обработки в джине. Вымокший под дождем хлопок нельзя подавать в хлопкоочистительную машину - это всякий фермер знает по собственному опыту.

Я старался действовать как можно быстрее, работая обеими руками и быстро запихивая собранный хлопок в мешок. Приходилось, однако, и соблюдать осторожность - либо Паппи, либо отец, а может быть, они оба, непременно проинспектируют в какой-то момент пройденный мной ряд. И если в коробочках будет оставаться слишком много волокна, мне сделают

выговор. А наказание мне будет определено в зависимости от того, насколько далеко от нас в данный момент находится мама.

И я как можно более проворно сновал руками в переплетении стеблей, хватая белые шары хлопка и избегая, насколько можно, колючек, очень острых, способных до крови разодрать кожу. Я приседал и наклонялся, потихоньку продвигаясь вперед, но все равно отставая от Паппи и отца.

Хлопок у нас был посажен очень плотно, так что стебли в каждом ряду здорово переплелись друг с другом. И все время били меня по лицу. После случая с тем огромным полозом я следил за каждым своим шагом, особенно в поле, потому что рядом с речкой водились водяные щитомордники. Я их видел во множестве со своего места на тракторе, когда мы пахали и сеяли.

Прошло совсем немного времени, а я уже остался в одиночестве, мальчишка, отставший от взрослых, у которых руки более быстрые, а спины более крепкие. Солнце уже превратилось в ярко-оранжевый шар и поднималось все выше, чтобы оттуда целый день иссушать землю. Когда отец и Паппи пропали из виду, я решил сделать первый перерыв. Ближе всех ко мне оказалась Тэлли. Она двигалась через пять рядов от меня и футов на пятьдесят впереди. Я различал только ее выгоревшую шапочку из джинсовой ткани над стеблями хлопка.

Я растянулся на своем мешке в тени, отбрасываемой кустами хлопчатника. Мешок после целого часа работы был удручающе пустоват. Несколько мягких выпуклостей, и ничего более. В прошлом году мой урок был - пятьдесят фунтов за день, и я опасался, что теперь его увеличат.

Лежа на спине, я смотрел сквозь стебли на удивительно чистое небо, надеясь увидеть хоть облачко, и мечтал о том, как заработаю много денег. Каждый год в августе мы получали по почте новый каталог фирмы «Сирс-Роубак», и это всегда был один из самых важных моментов, по крайней мере для меня. Он приходил в конверте из коричневой упаковочной бумаги, проделав путь от самого Чикаго, и Бабка требовала, чтобы он всегда хранился на том конце кухонного стола, где стоял радиоприемник и где лежала наша семейная Библия. Женщины изучали в нем платья и всякие кухонные принадлежности и прочие товары для дома. А мужчины внимательно просматривали страницы, отведенные всяким инструментам и запчастям. Я же застревал на самых важных разделах - игрушек и спорттоваров. И в уме тайно составлял списки подарков на Рождество. Записывать все, о чем я мечтал, я опасался. Ведь кто-то может этот мой список найти и еще подумает, что я очень жадный или вообще умом тронулся.

На 308-й странице последнего каталога «товары почтой» была совершенно невероятная реклама специальных курток для разогрева перед бейсбольным матчем. Куртки были с эмблемами почти всех профессиональных команд. А что делало эту рекламу такой привлекательной, так это то, что парень на цветном фото был одет в куртку с эмблемами «Кардиналз»! Ярко-красный цвет, цвет «Кардиналз», да еще какая-то сверкающая материя, белые пуговицы по всему переду! Кто-то очень умный в этой фирме «Сирс-Роубак» выбрал для рекламы именно цвета «Кардиналз».

Стоила она 7.50 плюс доставка. Там были и детские размеры, а это создавало еще одну трудность, потому что я продолжал расти, а в то же время хотел бы носить эту куртку всю жизнь.

Десять дней тяжелого труда, и у меня будет довольно денег, чтобы купить эту куртку. Я был убежден: ничего подобного до сей поры не видали в городе Блэк-Оук, штат Арканзас. Мама сказала, что это слишком броско - не знаю, что она имела в виду. А отец сказал, будто мне нужны новые сапоги. А Паппи считал это пустой тратой денег, но я был почти уверен, что ему эта куртка очень нравится, только он никогда об этом не проговорится.

При первом же намеке на похолодание я начну носить эту куртку в школу, каждый день, а по воскресеньям - в церковь. По субботам я буду ездить в ней в город - этакая ярко-красная молния посреди мрачно одетой массы людей, толпящейся на тротуаре. Я буду носить ее везде и повсюду, и мне будут завидовать все мальчишки в Блэк-Оуке, и многие взрослые тоже.

У них ведь нет никаких шансов когда-нибудь сыграть за «Кардиналз». А вот я, наоборот, стану знаменитостью Сент-Луиса. Важно было уже сейчас выглядеть как игрок любимой команды.

— Лукас! - раздался сердитый голос, словно прорвавшийся сквозь тишину над полем. Даже стебли хлопчатника поблизости заколыхались и зашуршали.

— Здесь, сэр! - ответил я, вскакивая на ноги и сразу низко пригибаясь и запуская руки в ближайший куст.

Отец уже возвышался прямо надо мной.

— Что это ты делаешь? - спросил он.

— Пописать захотелось, - ответил я, не прекращая собирать хлопок.

— Что-то долго ты писал, - сказал он, явно мне не поверив.

— Да, сэр. Это все кофе. - Я поднял на него глаза. Он уже все понял.

— Постарайся не очень отставать, - посоветовал он, повернулся и зашагал прочь.

– Есть, сэр, - сказал я ему в спину, понимая, что мне никогда с этим не справиться.

* * *

У взрослых мешки были по двенадцать футов длиной - в такой вмещается примерно шестьдесят фунтов хлопка. Так что к восьми тридцати или к девяти утра мужчины уже заполнили свои мешки и потащили их взвешивать. Паппи и отец возились с весами - те были подвешены к прицепу. Мешки поднимали и цепляли лямками на крюк с одной стороны - и стрелка тотчас прыгала вбок, как на огромных часах. И всем было видно, кто сколько собрал.

Паппи записывал результаты в небольшую тетрадку, висевшую возле весов. Потом мешок поднимали еще выше и высыпали его содержимое в кузов прицепа. Отдыхать времени не было. Хватаешь пустой мешок, как только его сбрасывают на землю, выбираешь себе новый ряд и исчезаешь еще на пару часов.

Я был где-то в середине бесконечного ряда стеблей хлопчатника, потая и жарясь на солнце, все время нагибаясь и разгибаясь и стараясь побыстрее двигать руками. Время от времени я бросал взгляд на Паппи и отца, следя за их продвижением в надежде улучшить момент и еще раз передохнуть. Но возможность сбросить с плеч мешок так ни разу и не представилась. Вместо этого я продолжал тащиться вперед, усердно работая руками и дожидаясь, пока мешок станет наконец тяжелым, и впервые задумавшись о том, а так ли уж мне нужна эта куртка с эмблемами «Кардиналз».

Потом, после долгого пребывания в одиночестве, показавшегося мне вечностью, я вдруг услышал, как заработал движок «Джон Дира». Пришло время ленча. И хотя я не закончил даже свой первый ряд, мне было на это наплевать. Мы все собрались возле трактора, и я увидел Трота, свернувшегося клубочком в кузове прицепа. Миссис Спруил и Тэлли хлопотали возле него. Я вначале подумал, что он, может, умер, но тут он слегка пошевелился.

– Ему голову на солнце напекло, - шепнул мне отец, забирая у меня мешок и забрасывая его себе на плечо, словно он был пустой.

Я последовал за ним к весам, где Паппи быстро его взвесил. Столько

трудов до боли в спине - и всего тридцать один фунт хлопка!

Когда мексиканцы и Спруилы взвесили свой сбор, мы все направились к дому. Ленч всегда устраивали точно в полдень. Мама и Бабка ушли с поля за час до нас, чтобы успеть его приготовить.

С моего высоко поднятого, как насест, места на тракторе я смотрел, как рабочих болтает в прицепе. Сам-то я крепко держался за подпорку тента исцарапанной левой рукой. Мистер и миссис Спруил поддерживали Трота, который был по-прежнему бледен и выглядел совсем безжизненным. Тэлли сидела рядом, вытянув свои длинные ноги вдоль кузова. Бо, Дэйл и Хэнк вроде совершенно не беспокоились о бедном Троте. Как и всем нам, им было жарко, они устали и хотели передохнуть.

Мексиканцы сидели в ряд у другого борта, плечом к плечу, свесив ноги наружу, так что они почти тащились по земле. У двоих никакой обуви не было вообще, ни башмаков, ни сапог.

Когда мы подъехали к амбару, я увидел такое, чему сначала не поверил. Ковбой, сидевший в самом заднем прицепе, быстро повернулся и взглянул на Тэлли. А та, как мне показалось, только этого и ждала, потому что тут же улыбнулась ему своей быстрой и милой улыбкой, точно так же, как уже улыбалась мне. И хотя он не улыбнулся ей в ответ, было видно, как он доволен.

Все произошло так быстро, что никто и не заметил. Кроме меня.

Глава 5

По мнению Бабки и мамы, которые явно сговорились на этот счет, дневной сон крайне необходим для того, чтобы ребенок хорошо рос. Я соглашался с этим только во время сбора хлопка. Все остальное время года я сопротивлялся дневному сну с такой же решительностью, с какой планировал свою бейсбольную карьеру.

Но во время сбора урожая после ленча все отдыхали. Мексиканцы быстро поели и растянулись под кленом возле амбара. Спруилы поддели остатки ветчины и хлебцы и тоже убрались в тень.

Мне не разрешалось укладываться в постель, поскольку я был весь в грязи после работы в поле, так что я спал на полу в своей комнате. Я устал, все тело ныло. И с ненавистью думал о работе во второй половине дня, когда время тянулось гораздо медленнее и когда, безусловно, было еще жарче. Я тут же заснул, а когда через полчаса проснулся, мышцы ныли еще больше.

На переднем дворе возникла суeta вокруг Трота. Бабка, воображавшая себя чем-то вроде деревенского лекаря, тоже пошла его осмотреть, несомненно, с желанием заставить его выпить какого-нибудь из ее жутких отваров. Его уложили на старый матрас под деревом с мокрой тряпкой на лбу. Было ясно, что снова в поле он идти не сможет, а мистер и миссис Спруил не очень хотели оставлять его одного.

Им самим, конечно, надо было собирать хлопок, чтобы заработать на жизнь. Вот у них и созрел план - без моего участия - оставить меня сидеть с Тротом, пока остальные будут работать на жаре весь остаток дня. Если Троту вдруг станет хуже, мне следовало сбегать на «нижние сорок» и привести ближайшего из Спруилов. Когда мама объяснила мне задачу, я попытался изобразить недовольство таким решением.

— А как насчет моей «кардинальской» куртки? - спросил я с такой озабоченностью, какую только мог на себя напустить.

— Для тебя там останется еще достаточно хлопка, - ответила она. - Посиди с ним сегодня, ладно? К завтрашнему дню ему, наверное, станет лучше.

Конечно, там было целых восемьдесят акров созревшего хлопка, и со всей этой площади его надо будет убирать два раза в течение следующих двух месяцев. И если я не заполучу эту куртку, это будет вовсе не из-за Трота.

Я смотрел, как трактор с прицепом снова отъезжает в поле, на этот раз забрав маму и Бабку - они сидели вместе с рабочими. Прицеп, поскрипывая и побрякивая, прогрохотал мимо дома, мимо амбара и дальше в поле, по пыльной дороге, пока не скрылся за рядами хлопчатника. Я не мог не думать о том, почему это Тэлли и Ковбой строят друг другу глазки. Если б у меня хватило смелости, я бы спросил об этом у мамы.

Когда я вернулся к матрасу, Трот лежал совершенно неподвижно, закрыв глаза. Казалось, он даже не дышит.

– Трот! - громко позвал я, вдруг испугавшись, что он умер во время моего дежурства.

Он открыл глаза и очень медленно сел и посмотрел на меня. Потом огляделся вокруг, будто желая убедиться, что мы здесь одни. Его усохшая левая рука была не толще ручки от метлы, она почти неподвижно висела вдоль тела. Его черные волосы торчали во все стороны.

– С тобой все в порядке? - спросил я. Я еще не слышал, как он говорит, и мне было любопытно, умеет ли он вообще разговаривать.

– Да вроде бы, - пробурчал он. Голос звучал глухо, слова выходили какие-то невразумительные. Я не понял, то ли у него затруднения с речью, то ли он просто устал и не в себе. Он все продолжал озиаться, желая убедиться, что все остальные уехали, и мне пришло в голову, что Трот, похоже, слегка симулирует. Это мне понравилось.

– Скажи-ка, а Тэлли нравится бейсбол? - спросил я. Это был один из многих сотен вопросов, которые мне хотелось ему задать. Я думал, это простой вопрос, но его он просто сразил - он тут же закрыл глаза, завалился на бок, подтянул колени к подбородку и опять заснул.

Подул легкий ветерок, зашуршав листьями болотного дуба. Я нашел себе в тени маленькую лужайку с травой погуще, рядом с матрасом, и растянулся там. Рассматривая ветви и листья высоко над собой, я думал о том, как мне повезло. Остальные потеют там на солнце, а время тянется медленно. В какой-то момент мне даже захотелось ощутить собственную вину, но не вышло. Везение-то было временное, и я решил, что лучше наслаждаться им, пока есть возможность.

Трот, по-видимому, тоже. Он спал, как невинный младенец, а я смотрел в небо. Но потом мне это наскучило. Я пошел в дом и принес мяч и бейсбольную перчатку. И стал сам себе бросать высокие мячи и ловить их. Этим я мог заниматься часами. Раз я поймал семнадцать мячей подряд.

Всю вторую половину дня Трот ни разу не вставал с матраса. Сначала он спал, потом сел и стал озиаться, потом недолго наблюдал за мной. Но едва я попытался с ним заговорить, он тут же повалился на матрас и снова

заснул. Ну по крайней мере умирать он не собирался.

Следующим пострадавшим на хлопковом поле оказался Хэнк. Он притащился уже довольно поздно. Шел он медленно и все жаловался на жару. Потом сообщил, что хотел проверить, как дела у Трота.

– Я собрал три сотни фунтов, - заявил он, как будто это могло произвести на меня впечатление. - А потом жара меня доконала. - Лицо его было красным от загара. Шляпу он не носил, и это могло многое сказать о его умственных способностях. В поле голову всегда надо чем-то накрывать.

Секунду он смотрел на Трота, а потом пошел к заднему борту их грузовика и стал копаться среди коробок и мешков, расшвыривая их, как голодный медведь. Достал сухую галету, сунул ее в свой огромный рот и растянулся под деревом.

– Притащи-ка мне водички, парень, - вдруг пробурчал он, обернувшись ко мне.

Я был слишком удивлен, чтобы сдвинуться с места. На моей памяти никогда такого не было, чтобы кто-то с гор отдавал приказы одному из нас. И я не знал, как поступить. Он-то был уже взрослый, а я еще мальчишка.

– Чего, сэр?

– Воды принеси! - повторил он, повысив голос.

Я был уверен, что у них есть свой запас воды, запрятанный среди их вещей. И сделал неуклюжий шаг в сторону их грузовика. Это его разозлило.

– Холодной воды, парень! Из дома! И быстро! Я целый день работал, а ты нет.

Я бросился в дом, на кухню, - Бабка всегда держала в холодильнике галлонный кувшин воды. Когда я наливал воду в стакан, руки у меня дрожали. Уж я-то знал, что, когда скажу об этом своим, будет скандал. Отец обязательно поговорит с Леоном Сприулом.

Я подал Хэнку стакан. Он быстро осушил его, облизал губы и сказал:

– Еще один принеси.

Трот сидел и наблюдал за нами. Я опять побежал в дом и опять налил воды в стакан. Хэнк выпил и его, потом сплюнул мне под ноги.

– Ты хороший парень, - сказал он и бросил мне стакан.

– Спасибо, - ответил я, поймав его.

– А теперь оставь нас вдвоем, - велел он и улегся на траву. Я вернулся в дом и стал дожидаться маму.

Сбор хлопка можно было заканчивать в пять, если было такое желание. В пять Паппи отвозил прицеп с хлопком к дому. Но можно было и продолжать работать дотемна, как работали мексиканцы. У них была

просто поразительная выносливость. Они продолжали сбор, пока невозможно уже было разглядеть в темноте белые шарики волокна, потом шли полмили до амбара, таща на спинах тяжеленные мешки, потом разводили возле амбара костерок и съедали свои тортильи, прежде чем забыться тяжелым сном.

Все Спруилы собрались вокруг Трота, который в тот короткий период, что они его разглядывали, умудрился выглядеть еще более больным. Как только они убедились, что он жив и даже может сидеть, то сразу же переключили свое внимание на ужин. Миссис Спруил развела костер.

Потом Тротом занялась Бабка. Она выказала крайнюю озабоченность, и, мне кажется, Спруилы это оценили. Но я-то знал, что она просто хотела осуществить на бедном Троте очередной эксперимент по применению своих варварских методов лечения. Поскольку я был самым младшим из ее пациентов во всей округе, то всегда становился подопытным кроликом для проверки очередного нового снадобья, что она готовила. И по собственному опыту знал, что она может состряпать такое зелье, от которого Трот вскочит со своего матраса как востряпанный и понесется, как ошпаренная кипятком собака. Через пару минут Трот начал что-то подозревать и уже не спускал с нее глаз. Он уже получше воспринимал окружающее, и Бабка рассудила, что ему не нужно никаких лекарств, во всяком случае, пока что. Но велела наблюдать за ним и обещала завтра осмотреть его еще раз.

Моей самой тяжелой обязанностью во второй половине дня была работа в огороде. Я считал, что это очень жестоко - просыпаться до рассвета, весь день вкалывать в поле, а потом еще полоть огород перед ужином. Но всегда помнил, как нам повезло, что у нас такой замечательный огород.

Когда-то, еще до моего рождения, наши женщины выбрали несколько небольших участков плодородной земли около дома и наложили на них руку. Не знаю, как маме удалось забрать весь огород в свое распоряжение, но теперь это была полностью ее епархия.

Огород был расположен в восточной, самой тихой части двора, подальше от кухни, амбара и курятника. Подальше от грузовика Паппи и короткой грунтовой подъездной дороги, где парковали машины наши редкие посетители. Он был окружен оградой из проволочной сетки высотой в четыре фута - ограду ставил отец под руководством мамы. Она защищала огород от оленей и прочих животных.

Кукуруза росла вдоль изгороди, так что, едва закрыв за собой шаткую калитку и закрепив ее ременной петлей, ты оказывался в тайном мире,

укрытом высокими стеблями.

Моя работа состояла в том, чтобы таскать плетеную корзину следом за мамой и складывать в нее все, что она считала созревшим. У нее тоже была корзина, и она заполняла ее помидорами, огурцами, тыквами, перцами, луком и баклажанами. При этом она тихо разговаривала, не обязательно со мной, но вообще с огородом.

– Проверь-ка, как там кукуруза, ладно? А вот эти съедим через неделю.

– Да, мэм.

– А тыквы как раз созреют к празднику Хэллоуин.

– Да, мэм.

Она все время охотилась за сорняками, этими нарушителями границы, которым, правда, недолго удавалось выжить в нашем огороде. Заметив их, она останавливалась, тыкала пальцем и говорила:

– Выполни, пожалуйста, эти сорняки, Люк, вон те, возле арбузов.

Я ставил свою корзину на пыльную тропинку и мстительно полол грядки.

В конце лета работа в огороде была совсем не такой тяжелой, как ранней весной, когда надо было вскапывать грядки, а сорняки росли быстрее, чем овощи.

Длинная зеленая змея заставила нас на секунду замереть, но тут же исчезла в заросли бобов. В огороде всегда было полно змей, безвредных, неядовитых, но все равно змей. Мама не очень их боялась, но мы всегда уступали им дорогу. А я все время опасался, что, протянув руку за огурцом, вдруг почувствую, как в ладонь впиваются змеиные зубы.

Мама очень любила этот маленький участок земли, потому что это был ее собственный участок и никому более он был не нужен. Она относилась к нему как к святилищу. Когда все взрослые набивались в дом, ее всегда можно было обнаружить в огороде - она там разговаривала со своими овощами. Грубые слова в нашей семье звучали редко, но когда такое случалось, мама тут же исчезала в этом своем убежище.

К тому времени, когда она закончила сбор овощей, я уже с трудом тащил свою корзину.

* * *

Дождь не продвинулся дальше Сент-Луиса. Ровно в восемь вечера Паппи включил приемник, повозился с настройкой и антенной, и в кухне раздался голос Харри Карая, скрипучий голос, всегда рассказывающий про «Кардиналз». Любимой команде еще предстояло сыграть в этом сезоне порядка двадцати игр. Лидировали «Доджерс», «Джайантс» были на втором месте. Такое нам было трудно пережить - «Кардиналз» занимали в таблице только третье место. Болельщики «Кардиналз», естественно, ненавидели всех этих янки, и то, что любимая команда тащилась за двумя нью-йоркскими в своей собственной лиге, было совершенно непереносимо.

Паппи был того мнения, что главного тренера команды, Эдди Стэнки, уже давно следовало бы выгнать. Если «Кардиналз» выигрывали, то только благодаря Стэну Мьюзиэлу. А если проигрывали, причем с теми же самыми игроками на поле, то всегда по вине менеджера.

Паппи и отец сидели рядом в качалке. Ржавые цепи, на которых она была подвешена, жутко скрипели, когда они тихонько покачивались. Бабка с мамой лутили бобы и горох на другой стороне нашей маленькой веранды. Я устроился на верхней ступеньке, поблизости от приемника, наблюдал, как там возятся Спруилы, заканчивая на сегодня свои дела, и дожидался вместе со всеми, когда жара наконец спадет. Мне точно не хватало привычного шума старого вентилятора, но я прекрасно знал, что этот вопрос лучше не поднимать.

Разговор начали женщины - они принялись обсуждать свои церковные дела, предстоящее осенью собрание всех прихожан, общий торжественный обед на церковном дворе. Какая-то из блэк-оукских девиц вышла замуж в Джонсборо, бракосочетание проходило в большой тамошней церкви, а ее муж вроде бы человек с деньгами - подобные темы всегда обстоятельно обсуждались по вечерам. Я никак не мог взять в толк, почему женщины все время возвращаются к этому вопросу.

Мужчинам оставалось только молчать - им нечего было сказать по вопросам, не относящимся к бейсболу. Паппи мог молчать подолгу, да и отец был не лучше. Конечно, они, как всегда, беспокоились по поводу погоды и цен на хлопок, но сейчас слишком устали, чтобы высказывать свою озабоченность вслух.

А мне было достаточно просто сидеть и слушать, закрыв глаза и представляя себе «Спортсменз-парк» в Сент-Луисе, огромный стадион, где могли уместиться тридцать тысяч человек, пришедших полюбоваться игрой Стэна Мьюзиэла и других игроков «Кардиналз». Паппи однажды был там, и в начале каждого спортивного сезона я заставлял его описывать мне этот стадион по меньшей мере раз в неделю. Он говорил, что когда

смотришь на игровое поле, то кажется, что оно все время расширяется. А трава там такая зеленая и мягкая, что по ней можно катать мраморные шарики. Земля в инфилде вся тщательно выровнена граблями. А табло слева от центрального аутфилдера по размерам больше нашего дома. И какие же они счастливы, эти жители Сент-Луиса - они своими глазами могут видеть все игры «Кардиналз», и им вовсе не нужно собирать хлопок!

Диззи Дин, Инос «Кантри» Слотер и Ред Шёндинст, великие игроки «Кардиналз», вся эта знаменитая команда, в просторечии часто именуемая «банда с газогенераторного», все они играли на этом стадионе. А поскольку мои отец, дед и дядя всегда играли в бейсбол, у меня не было ни малейших сомнений, что в один прекрасный день я сам стану героем стадиона «Спортсменз-парк». Я буду как на крыльях бежать по зеленой траве аутфилда на виду у тридцати тысяч болельщиков, я лично вобью в грязь всех этих янки!

Величайшим на все времена игроком команды «Кардиналз» был Стэн Мьюзиэл. Когда он во втором иннинге добежал до пластины «дома», а Раннер уже был на первой базе, я заметил, как Хэнк Спруил вдруг возник из темноты и уселся в тени, достаточно близко, чтобы слышать репортаж со стадиона.

— Стэн играет сегодня? - спросила мама.

— Да, мама, - ответил я. Она только притворялась, что интересуется бейсболом, в самой игре она не разбиралась. Но уж если она могла изобразить интерес к игре Стэна Мьюзиэла, то вполне могла участвовать в любом разговоре жителей Блэк-Оука на эту тему.

Легкое шурушание и хруст стручков очищаемых бобов и гороха вдруг смолкли. Качалка повисла в полной неподвижности. Я сжал перчаткой свой мяч. Отец высказался в том смысле, что голос Карая стал особенно резким когда в игру вступил Мьюзиэл, но Паппи не был в этом уверен.

Первая подача питчера команды «Пайретс» - сильный, прямой бросок, мяч пошел низко и вбок, мимо зоны удара. Не много найдется питчеров, которые могли бы переиграть Мьюзиэла при первой же подаче, даже сильным прямым броском. В прошлом году он лидировал в Национальной бейсбольной лиге со средним результатом отбитых подач 0,355, а в 1952-м шел ноздря в ноздю, оспаривая лидерство у бэттера «Кабз» Фрэнки Баумхольца. Он был очень сильный и быстрый игрок, и перчатка у него была счастливая, и он всегда выкладывался в игре, в любом матче.

У меня была фотокарточка Стэна Мьюзиэла, я хранил ее в ящичке из-под сигар в своем комоде; если б в доме случился пожар, это была бы первая вещь, которую я стал бы спасать прежде всего остального.

Вторая подача - высокий крученный мяч. Две подачи, и было хорошо слышно, как болельщики вскакивают со своих мест и орут. Бейсбольный мяч мог сейчас улететь в самую отдаленную часть стадиона. Ни один питчер не мог пробить мимо Стэна Мьюзиэла и переиграть его. Третья подача - прямая. Харри Карай молчал до тех пор, пока мы не услышали глухой удар биты по мячу. Стадион словно взорвался. Я затаил дыхание и секунду ждал, когда старина Харри объявит нам, куда отлетел отбитый мяч. А он ударился о забор в правой части аутфилда - толпа заревела еще громче. У нас на веранде тоже все возбудились. Я вскочил на ноги, как будто стоя мог увидеть Сент-Луис. Паппи и отец наклонились вперед, когда Харри Карай заорал в динамике. Даже мама что-то такое воскликнула.

Мьюзиэл боролся со своим товарищем по команде Шёндинстом за лидерство в Национальной лиге по числу сделанных «даблов». Год назад у него было двенадцать «триплов», высшее достижение среди игроков первого эшелона. Когда он пробежал вторую базу, я уже едва слышал комментарий Карая - так орала толпа. Раннер с первой базы легко открыл счет, а Стэн тем временем достиг третьей и, весь в пыли, коснулся ногой базовой пластины, а бедный и несчастный защитник третьей базы, получив запоздалый мяч, швырнул его обратно питчеру. Я буквально видел, как он поднимается на ноги, а толпа сходит с ума. Потом он обеими руками отряхнул грязь со своей белой спортивной формы с красной окантовкой.

Игра продолжалась, но для нас, Чандлеров, день был окончен. По крайней мере для мужчин. Мьюзиэл, конечно, снова был сенсацией, но поскольку у нас почти не оставалось надежд на то, что «Кардиналз» выиграют чемпионат, мы, довольные и тем, что есть, уселись по своим местам. Толпа на стадионе успокоилась, Харри уже понизил голос, и я опустил на крыльцо, все еще видя мысленным взором, как Стэн добегают до третьей базы.

Если б эти проклятые Спруилы не торчали там, я бы выскользнул в темноту и занял бы позицию возле пластины «дома». И стал бы ждать подачи, а потом отбил бы мяч точно так же, как мой герой, и обежал бы все базы и великолепным броском достиг третьей, вон там, где болтается этот урод Хэнк.

— Кто выигрывает? - спросила откуда-то из темноты миссис Спруил.

— "Кардиналз". Один - ноль. Второй иннинг кончается. Мьюзиэл только что сделал трипл, - ответил Хэнк. Если они такие уж фэны бейсбола, какого черта они устроили костер прямо на пластине «дома» и растянули свои дырявые палатки прямо на моем инфилде? Любой дурак, поглядев на наш двор, увидел бы, несмотря на деревья, что он предназначен для игры в

бейсбол.

Я бы вообще выбросил из головы всю эту кодлу, если бы не Тэлли. Ну и еще Трот. Мне действительно было жалко этого беднягу.

Я решил не поднимать вопрос о манерах Хэнка и случае с холодной водой. Я знал, что, если расскажу об этом отцу или Паппи, состоится серьезная беседа с мистером Спруилом. Мексиканцы знали свое место, да и люди с гор тоже должны были знать свое. Они не должны ничего требовать у нас и не имеют права отдавать приказания ни мне, ни кому-либо еще.

У Хэнка была такая толстая шея, какой я раньше никогда не видел. Руки и ладони у него тоже были огромные, но что меня пугало больше всего, так это его глаза. Сначала мне показалось, что они у него всегда пустые и тупые, но, когда он рявкнул, чтобы я принес ему холодной воды, они сузились и из них прямо-таки поперла злоба.

Не хотелось мне, чтобы этот Хэнк на меня разозлился, не желал я и чтобы отец с ним сталкивался. Отец мог осадить любого, кроме разве что Паппи, который хоть и был старше, но, когда необходимо, мог выступить крайне язвительно. Я решил пока забыть об этом инциденте. Но если такое произойдет еще раз, у меня не будет другого выхода, кроме как рассказать обо всем маме.

В четвертом иннинге «Пайретс» взяли два очка, в первую очередь потому, что, по мнению Паппи, Эдди Стэнки не заменял питчеров, когда это нужно было сделать. Потом они заработали еще три очка в пятом иннинге, и Паппи настолько расстроился, что ушел спать.

К седьмому иннингу жара спала настолько, что можно было попробовать заснуть. Бобы и горох уже все были очищены. Спруилы убрались и утихомирились. Все мы здорово выдохлись за день, а «Кардиналз» все равно ничего уже не светило. Так что можно было спокойно плюнуть на этот матч.

Когда мама заснула меня в постель и мы прочитали вечернюю молитву, я тут же спихнул с себя простыню, чтобы легче было дышать. Я лежал и слушал скрипучий хор сверчков, перекликавшихся через поле. Летом они каждый вечер пели нам свои серенады, если не было дождя. Потом издали донесся чей-то голос - кто-то из Спруилов еще бродил возле грузовика, вероятно, это Хэнк возился в вещах в поисках еще одной галеты.

В общей комнате на окне у нас стоял большой вентилятор. Теоретически он должен был высасывать из всего дома горячий воздух и выгонять его на задний двор. На самом же деле пользы от него было мало - какая-нибудь из дверей неизменно закрывалась или даже захлопывалась потоком воздуха, перекрывая воздуху проход, и оставалось только валяться

в собственном поту и ждать, пока заснешь. Иногда ветер с улицы задувал прямо в этот вентилятор и горячий воздух скапливался в общей комнате, а потом растекался по всему дому, угрожая нам удушьем. Вентилятор часто ломался - но это было одно из самых любимых приобретений Паппи, и он им неимоверно гордился. А нам было хорошо известно, что только в двух из всех семей прихожан нашей церкви имеется такая роскошь.

В ту ночь вентилятор случайно работал.

Лежа в постели Рики и слушая сверчков, радуясь малейшим шевелениям вязкого жаркого воздуха, овевавшим тело при своем продвижении в сторону общей комнаты, я перенесся мыслями в Корею, которую вообще-то совсем не желал увидеть. Отец о войне никогда ничего мне не рассказывал. Ни одним намеком не упоминал. Конечно, были разговоры о славных приключениях отца Паппи и его победах в Гражданскую войну, но когда дело доходило до войн нынешнего столетия, от отца не много можно было услышать. А я хотел знать, скольких врагов он застрелил. И сколько битв выиграл. Я хотел увидеть его боевые шрамы. И задать ему тысячи вопросов.

– Никогда ничего не спрашивай о войне, - не раз предупреждала меня мама. - Слишком страшная это штука.

И вот теперь Рики был в Корее. Шел снег, когда он в феврале уезжал от нас, - это было на третий день после его девятнадцатилетия. В Корее тоже было холодно. Это я узнал из передачи по радио. Мне-то здесь, в его постели, было тепло и безопасно, а он сейчас сидел в траншее и стрелял, и в него тоже стреляли.

Что будет, если он не вернется?

Этим вопросом я мучился каждый вечер. Я думал о том, что он погибнет, и начинал плакать. Мне не нужна была его постель. Мне не нужна была его комната. Я хотел, чтобы Рики вернулся домой, чтобы мы опять играли в бейсбол, обегали базы на нашем переднем дворе, бросали мяч в стену амбара и вместе удили рыбу в Сент-Франсис-Ривер. Для меня он был скорее старшим братом, чем дядей.

А ребят там убивали, очень многих. Мы молились за них в церкви. В школе все время шли разговоры о войне. В данное время Рики был единственным из всего Блэк-Оука, кто попал в Корею, и это окружало нас, Чандлеров, каким-то странным почетом и уважением, на которое лично мне было наплевать.

– Письма от Рики были? - это был самый обычный вопрос, которым нас встречали всякий раз, когда мы появлялись в городе.

Были или не были, значения не имело. Наши соседи просто пытались

выглядеть заботливыми и сочувствующими. Отец всегда отвечал вполне вежливо, а Бабка и мама даже задерживались на несколько минут - поговорить о его последнем письме.

А я всегда отвечал одно и то же:

– Ага, были. Он скоро вернется.

Глава 6

Сразу после завтрака я спустился вслед за Бабкой с крыльца, и мы пошли через передний двор. Она двигалась очень целенаправленно, прямо-таки Доктор Бабка, совершающая ранний утренний обход и страшно довольная тем, что в ее полном распоряжении оказался настоящий, действительно больной пациент.

Спруилы сгрудились возле своего импровизированного стола и быстро поглощали пищу. Ленивый взгляд Трота немедленно оживился, когда Бабка произнесла «Доброе утро» и направилась прямо к нему.

– Ну, как Трот? - спросила она.

– Гораздо лучше, - сказала миссис Спруил.

– Да просто отлично, - сказал мистер Спруил.

Бабка пощупала Троту лоб.

– Температура была? - спросила она.

Трот отчаянно замотал головой. Конечно, вчера ведь никакой температуры не было, откуда ей взяться сегодня?

– Голова не болит?

Трот явно не очень-то знал, что это такое, равно как и остальные Спруилы. Думаю, что он всегда, всю свою жизнь, был больной на голову...

Тут мистер Спруил сам занялся Тротом, вытерев ему рукой рот и смахнув каплю сладкого сорго с губы.

– Мы думаем взять его с собой в поле. Усадим в тени, под прицепом.

– Если натянет облака, он тоже сможет собирать хлопок, - добавила миссис Спруил. Было ясно, что Спруилы уже все решили насчет Трота.

Черт бы вас всех побрал, подумал я.

Рики в свое время научил меня несколькими ругательствами. Обычно я практиковался в их применении в лесу, возле реки, а потом молился, прося отпущения грехов.

А я-то уже предвкушал еще один день безделья во дворе в тени деревьев, присматривая за Тротом, играя в бейсбол и вообще наслаждаясь жизнью.

– Может быть, - сказала Бабка, раздвигая Троту веки большим и указательным пальцами и изучая его широко раскрытый глаз. Трот испуганно косился на нее вторым глазом. - Ну ладно, я все равно буду поблизости, - сказала Бабка, явно разочарованная.

За завтраком я слышал, как она сказала маме, что, по ее мнению,

самым лучшим лекарством в данном случае будет хорошая порция касторового масла с лимоном и отваром какого-то черного растения, которое она выращивала на подоконнике. Я даже жевать перестал, когда это услышал. Это было ее старое средство на самый крайний случай, она его и на мне несколько раз пробовала. Это было почище любой хирургической операции! Все мои болячки тут же как рукой снимало, когда эта отравка прожигала меня всего, с головы до пальцев ног, продолжая жечь и после этого.

Однажды она приготовила такое «верное средство» для Пап-пи, когда у того был запор. И он два дня не вылезал из сортира, неспособный ни к каким работам. Он все время просил воды, и я мотался взад-вперед, таская ему эту воду в кувшине. И думал, что он ее убьет, когда выйдет. И когда он наконец вышел - бледный и даже несколько похудевший, - то тут же решительно направился к дому, такой злющий, каким его никто никогда не видел. Родители немедленно запихали меня в пикап, и мы уехали подальше на целый день.

Бабка еще раз пообещала Троту, что весь день глаз с него не спустит. Он ничего не ответил. Только перестал жевать и уставился пустым взглядом через стол в сторону Тэлли, которая делала вид, что меня тут вообще нет.

Мы вернулись в дом. Я уселся на переднем крыльце, дожидаясь, когда появится Тэлли и мысленно проклиная Трота за его глупость. Может, конечно, он еще раз свалится в поле. Конечно, когда солнце будет в зените, он опять свалится и меня снова попросят посидеть с ним, пока он там валяется на своем матрасе.

Когда все собрались у прицепа, я поздоровался с Мигелем. Его команда выбиралась из амбара и рассаживалась возле одного борта в прицепе. Спруилы устроились вдоль другого борта. Отец сел в середине между обеими группами. Паппи вел трактор, а я обозревал их всех со своего отличного места позади него. Особый интерес для меня в то утро представляли собой любые проявления чувств между проклятым Ковбоем и моей ненаглядной Тэлли. Но ничего такого я не заметил. Все были в полудремотном состоянии - глаза полузакрыты, взгляд устремлен вниз, - с тоской предвкушая еще один день тяжелого и нудного труда под палящим солнцем.

Прицеп качался и скрипел, мы медленно тащились в белое поле. Я смотрел на бесконечные ряды хлопчатника и никак не мог заставить себя думать о прекрасной красной бейсбольной куртке с эмблемами «Кардиналз». Я изо всех сил пытался вызвать в памяти образы великого

Стэна Мьюзиэла и его могучих товарищей по команде, как они бегут по тщательно подстриженной зеленой траве стадиона «Спортсменз-парк». Я старался вообразить их всех в их красно-белых спортивных формах, а некоторых и в тех самых бейсбольных куртках, точно таких же, как были представлены в каталоге фирмы «Сирс-Роубак». Я все пытался представить себе эти картины, потому что они меня никогда раньше не подводили, всегда поднимая настроение, но тут трактор остановился, и все, что можно было увидеть вокруг, были сплошные заросли хлопчатника. Они просто надвигались на нас со всех сторон, ряд за рядом, в ожидании своего часа.

* * *

В прошлом году Хуан познакомил меня с некоторыми чудесами мексиканской кухни, в частности, с тортильями. Мексиканцы ели их по три раза в день, и я решил, что это, должно быть, вкусная штука. И однажды поел вместе с Хуаном и его ребятами во время ленча, перед этим съев свой ленч дома. Хуан дал мне две тортильи. И я их тут же умял. А три часа спустя я стоял на четвереньках под хлопковым прицепом и меня рвало, как обожравшуюся собаку. А потом меня ругали все Чандлеры, причем мама возглавляла всю их свору.

— Их пищу есть нельзя! - кричала она. Такого презрения в ее голосе я никогда раньше не слышал.

— Да почему?

— Да потому, что она грязная!

После этого мне было категорически запрещено есть что-либо, приготовленное мексиканцами. И поэтому, естественно, тортильи стали для меня еще более вкусными и привлекательными. Потом меня еще раз застучали, когда Паппи внезапно появился в амбаре, - он пришел посмотреть, как там Изабель. Отец отвел меня за сарай для инструментов и выпорол своим ремнем. И я отказался от тортилий на столько времени, на сколько хватит сил.

Но теперь у мексиканцев был новый шеф-повар, и мне не терпелось отведать его стряпни и сравнить ее с тем, что готовил Хуан. После ленча, когда я убедился, что все заснули, я выбрался через кухонную дверь и с независимым видом направился в сторону амбара. Это был довольно

опасный поход - Паппи и Бабка спали не очень крепко, даже вымотанные после работы в поле.

Мексиканцы лежали, растянувшись на траве в тени, отбрасываемой северным крылом амбара, и по большей части спали. Мигель знал, что я приду, так как мы успели с ним поговорить утром, когда встретились возле прицепа, чтобы взвесить собранный хлопок. Он собрал семьдесят фунтов, а я пятнадцать.

Он стоял на коленях, наклонившись над угольями и разогревал на сковородке тортилью. Он перевернул ее, подбросив в воздух, а когда она подрумянилась, положил на нее тонкий слой мелко порубленных помидоров, лука и сладких перцев - все из нашего огорода. Еще туда было добавлено немного ипомеи и толченого жгучего перца, который не произрастает в штате Арканзас. Это мексиканцы привезли с собой, в своих дорожных мешках.

Пара мексиканцев заинтересовались тем, что я хочу попробовать тортилью. Остальные же продолжали с большим усердием храпеть, на всю катушку используя сиесту. Ковбоя среди них не было. Встав в углу, чтобы мне был виден весь дом и любой Чандлер, если он вдруг появится, я съел всю тортилью. Она была горячая и очень острая на вкус и сочная. Особой разницы между произведениями Мигеля и Хуана я не заметил. Обе были потрясающе вкусные. Мигель спросил, не хочу ли я вторую, а я легко мог бы умять еще одну. Но мне не хотелось слишком уж налегать на их пищу - они и так все были тощие и маленькие. А в прошлом году, когда меня застукали, все взрослые по очереди ругали и срамили меня, обрушивая на мою бедную голову лавины презрения и негодования. А Бабка проявила истинно творческий подход и даже изобрела новый грех - отнятие пищи у менее обеспеченных людей. Мы ведь были баптисты, так что для нас всегда существовало множество грехов, которые вечно нас преследовали.

Я сказал Мигелю спасибо и тихонько пробрался обратно в дом и уселся на крыльце, не разбудив ни одного из Спруилов. Я забрался в качалку, как будто все время там спал. Никто не проснулся, но и я не мог заснуть. Откуда-то налетел легкий ветерок. Я лежал и мечтал о днях, полных безделья, когда можно сидеть на веранде, а не собирать хлопок и вообще ничего не делать, разве что удить рыбу в Сент-Франсис-Ривер да ловить мячи на переднем дворе.

* * *

Работа во второй половине дня меня чуть не доконала. Ближе к вечеру я с трудом дохромал до прицепа, волоча за собой мешок с собранным хлопком, изнемогая от жары и жажды и насквозь мокрый от пота. Пальцы опухли от множества уколов и царапин. Я уже собрал сорок один фунт за этот день. А мой урок по-прежнему составлял пятьдесят, и я был уверен, что сейчас в мешке наберется еще десять фунтов. Я надеялся, что мама окажется где-нибудь поблизости от весов, потому что она уж наверняка будет настаивать, чтобы на сегодня я работу закончил и шел домой. А вот Паппи и отец непременно отправят меня обратно в поле, выполнил я урок или нет.

Только они двое имели право взвешивать собранный хлопок. Так что если они оказывались где-то в глубине поля, можно было сделать перерыв, пока они доберутся до прицепа. Возле прицепа их не оказалось, и мне пришла в голову мысль слегка вздремнуть.

Спруилы собрались у другого конца прицепа, в тени. Они сидели на своих набитых хлопком мешках отдыхая, и все смотрели на Трота, который, насколько я мог видеть, не передвинулся за целый день и на десять футов.

Я освободился от наплечной лямки, сбросил мешок и подошел к ним.

– Привет, - сказал кто-то из Спруилов.

– Как Трот? - спросил я.

– Кажись, в порядке, - ответил мистер Спруил. Они закусывали крекерами и венскими сосисками - лучшая закуска для тех, кто работает в поле. Рядом с Тротом сидела Тэлли, которая меня вообще игнорировала.

– У тебя есть что-нибудь пожрать, парень? - вдруг спросил Хэнк, блеснув в мою сторону глазами.

Я был слишком удивлен этим вопросом и ничего не ответил. Миссис Спруил покачала головой и уставилась в землю.

– Так есть или нет? - повторил Хэнк, переместившись, чтобы посмотреть мне прямо в лицо.

– Э-э-э... нет, - только и сумел я произнести.

– Ты хотел сказать «Нет, сэр», не так ли? - злобно произнес он.

– Кончай, Хэнк, - сказала Тэлли. Остальные члены семейства как бы ничего не слышали. И все сидели, опустив головы.

– Нет, сэр, - сказал я.

– Нет, сэр, - что? - Голос Хэнка прозвучал еще резче. Было ясно, что

ему нравится затевать ссоры. И Спруилы, видимо, не раз были тому свидетелями.

– Нет, сэр, - повторил я.

– Вы, фермеры, уж больно спесивые, знаешь ты это? Думаете, что вы лучше нас, которые с гор, раз уж эта земля ваша и вы платите нам за то, что мы на ней работаем. Так что ли, а, парень?

– Хватит, Хэнк, - сказал мистер Спруил, но в его голосе не хватало твердости. Я надеялся, что вдруг рядом появится отец или Паппи. И уже был готов к тому, что этому семейству придется уехать с нашей фермы.

У меня пересохло в глотке, нижняя губа дрожала от обиды и возмущения. И я не знал, что сказать.

А Хэнк и не собирался успокаиваться. Он прилег, опершись на локоть, и произнес с гнусной улыбочкой:

– Мы все же получше, чем эти «мокрые спины» [\[2\]](#), так вы считаете, да, парень? Кто они такие - просто наемные рабочие! Просто банда недоумков с гор, которые жрут самогон и женятся на собственных сестрах. Так вы думаете, да, парень?!

Он чуть помолчал, словно и впрямь ожидал от меня ответа. Мне хотелось убежать, но я все стоял, уставившись на свои сапоги. Остальные Спруилы, может быть, и жалели меня, но ни один не пришел мне на помощь.

– А у нас дом получше, чем у вас, парень. Веришь, нет? Гораздо лучше!

– Успокойся, Хэнк, - сказала миссис Спруил.

– И побольше! И веранда у нас большая, и крыша жестяная, и без всяких заплат! И еще знаешь, какой у нас дом? Можешь не верить, парень, только дом у нас весь покрашенный! Белой краской! Ты когда-нибудь краску-то видел, а, парень?

При этих словах Бо и Дэйл, тинейджеры, от которых редко можно было услышать хоть звук, начали хихикать, словно хотели утихомирить Хэнка, не задев при этом миссис Спруил.

– Путь он замолчит, мама, - сказала Тэлли, и мои унижения прекратились пусть хотя бы на минутку.

Я перевел взгляд на Трота и с большим удивлением увидел, что он лежит, подперев голову обеими руками, и, широко раскрыв глаза - я его таким никогда еще не видел, - прямо-таки впитывает в себя все подробности нашей односторонней стычки. Он вроде бы даже наслаждался происходящим.

Хэнк глупо улыбнулся Бо и Дэйлу, и те засмеялись еще громче.

Мистер Спруил тоже выглядел довольным. Может быть, его слишком часто называли «недоумком с гор».

– Что же это вы, уроды, дома свои не красите? - продолжал орать Хэнк, адресуясь ко мне.

Слово «уроды» dokonало всех. Бо и Дэйл прямо-таки зашлись от смеха. Хэнк ржал, довольный удачным выпадом. Все семейство, казалось, вот-вот свалится от смеха. И тут Трот вдруг сказал громко, во весь голос:

– Прекрати, Хэнк!

С произношением у него явно были нелады, имя «Хэнк» прозвучало как «Хен», но все его прекрасно поняли. Смех вдруг прекратился. Все смотрели на Трота, который свирепо уставился на Хэнка. На лице его было написано явное отвращение.

Я уже чуть не плакал, так что тут же повернулся и побежал по полевой дорожке подальше от прицепа, пока они не скрылись из виду. Там я нырнул в заросли хлопчатника и прислушался в надежде услышать родные голоса. Потом сел на горячую землю в окружении стеблей в четыре фута высотой и заплакал. Я ненавидел себя за это, но поделать с собой ничего не мог.

* * *

У самых богатых фермеров прицепы были крыты брезентом, чтобы не давать хлопку разлетаться по дороге к джину. Наш старый брезент был крепко привязан к кузову, оберегая плоды наших трудов, в том числе и те девяносто фунтов, что я лично собрал за последние два дня. Никто из Чандлеров никогда не позволил бы себе везти очередную партию хлопка на джин, чтобы хлопья волокна летели из кузова, как снег, и замусоривали дорогу. Такое часто происходило со многими, так что это уже стало привычным зрелищем в сезон уборки - наблюдать, как деревья и канавы вдоль шоссе 135 постепенно становятся белыми, потому что фермеры спешат к джину со своим урожаем.

Поскольку до предела нагруженный прицеп выглядел великаном в сравнении с нашим пикапом, Паппи на пути в город вел его со скоростью меньше двадцати миль в час. И не произносил при этом ни слова. Мы оба переваривали ужин. Я размышлял о Хэнке и пытался придумать, что делать дальше. Пап-пи же, я уверен, думал только о погоде.

Если рассказать ему о Хэнке, то совершенно ясно, что будет дальше. Он тут же поперет вместе со мной в этот Спруилвилл и устроит дикий скандал. Поскольку Хэнк моложе и крупнее, Паппи наверняка прихватит какую-нибудь палку и будет очень доволен, если пустит ее в ход. Он, конечно, потребует, чтобы Хэнк извинился, а когда тот откажется, Паппи начнет угрожать и оскорблять его. Хэнк наверняка неправильно оценит своего оппонента, так что очень скоро в дело вступит палка. И тогда Хэнка никакие молитвы не спасут. А отец будет вынужден прикрыть Паппи с фланга - со своим ружьем двенадцатого калибра. Женщины будут пребывать в полной безопасности на веранде, но для мамы это будет еще одним унижением - она терпеть не могла, когда Паппи решал дело силой.

Спруилы, зализав полученные раны, соберут свое дырявое барахло и отправятся по дороге на какую-нибудь другую ферму, где их услуги необходимы и будут должным образом оценены, а мы останемся без рабочих рук.

И от меня потребуется собирать больше хлопка.

Так что я не обмолвился ни словом.

Мы медленно тащились по шоссе 135, разгоняя в стороны пучки хлопка, валявшиеся на правой обочине, и глядя на поля, где еще работали отдельные группы мексиканцев, стараясь побольше собрать до темноты.

Я решил, что просто буду избегать Хэнка и остальных Спруилов до тех пор, пока не закончится сбор и они не уберутся обратно в свои горы, к своим роскошным покрашенным домам, к своему самогону и своей привычке жениться на собственных сестрах. А уж потом, зимой, когда мы соберемся у камина в общей комнате и будем вспоминать уборку урожая, я наконец представлю на всеобщее обсуждение все гадости Хэнка. У меня будет куча времени, чтобы должным образом подготовить свой рассказ, я непременно разукрашу его, где следует. Это вполне в традициях Чандлеров.

Надо будет, однако, соблюдать осторожность, рассказывая об их покрашенном доме.

Приближаясь к Блэк-Оуку, мы проехали мимо фермы семейства Кленч. Там жили Фой и Лаверл Кленч и восемь их детей. И все они, я уверен, сейчас все еще были в поле. Никто, даже мексиканцы, не вкалывали так усердно, как Кленчи. Родители были известны как безжалостные погонщики рабочей силы, а их дети как будто даже получали удовольствие от сбора хлопка и от самых прозаических и грязных работ на ферме. Живая изгородь вокруг их переднего двора была тщательнейшим образом подстрижена. Колья ограды стояли совершенно прямо и не нуждались в починке. Огород у них был огромный, а об урожае с него

ходили легенды. Даже их старый грузовик был очень чисто вымыт. Один из детей мыл его каждое воскресенье.

И дом у них был покрашен, первый покрашенный дом на шоссе при подъезде к городу. Краска была белая, а по краям и углам пущена серая полоса. Веранда и крыльцо - темно-зеленые.

После их дома на пути к городу уже все дома были крашенные.

Наш дом был построен еще перед Первой мировой войной, в те времена, когда о водопроводе, канализации и электричестве еще и не слыхали. Снаружи он был обшит досками толщиной в дюйм и шириной шесть дюймов. Доски были дубовые, по всей вероятности, напиленные из дубов, когда-то росших на земле, что мы теперь обрабатывали. Со временем они приобрели светло-коричневый оттенок и стали примерно такого же цвета, как и остальные дома фермеров вокруг Блэк-Оука. Красить их не было необходимости. Вся обшивка содержалась в чистоте и порядке, а кроме того, краска стоит денег.

Но вскоре после того, как мои родители поженились, мама решила, что в доме требуются некоторые улучшения. И начала обрабатывать отца, который стремился угодить молодой жене. Его родители, правда, были против. Паппи и Бабка со страшным упрямством, которое дает только возня с землей, категорически отказались даже обсуждать вопрос о покраске дома. Официальной версией отказа была цена. Это и было передано маме через отца. Никаких ссор не было. И слов тоже. Просто имел место период некоторой напряженности. Четверо взрослых людей продолжали жить в одном доме и старались сохранить сердечность в отношениях.

Мама же поклялась себе, что не допустит, чтобы ее дети выросли на ферме. В один прекрасный день у нее будет дом в городе, может, даже в большом городе. Большой дом со всеми удобствами, с водопроводом и канализацией, с красивыми кустами у крыльца, обшитый крашеными досками, а может, даже и кирпичный.

А слово «краска» вызывало на ферме Чандлеров самую острую реакцию.

* * *

Когда мы добрались до хлопкоочистительного джина, я насчитал

одиннадцать прицепов впереди нас. Еще двадцать или около того уже были пусты и стояли сбоку. Они принадлежали тем фермерам, у кого были деньги, чтобы купить два прицепа. Они оставляли один на разгрузке, а второй стоял у них в поле. Мой отец отчаянно хотел занять второй прицеп.

Паппи припарковался в конце очереди и пошел к группе фермеров, столпившихся возле одного из прицепов. По тому, как они там сгрудились, я догадался, что они чем-то обеспокоены.

Девять месяцев в году джин простаивал. Это было высокое длинное здание, похожее на коробку из-под обуви, самое большое здание во всем графстве. Но в начале сентября, когда начинался сбор урожая, он оживал. А в самый разгар уборочной страды он работал весь день и всю ночь, останавливаясь только вечером по субботам и утром по воскресеньям. Его компрессоры и хлопкоочистительные машины ревели и гремели так сильно, что их было слышно по всему Блэк-Оуку.

Я заметил двойняшек Монтгомери - они кидали камни в кусты около джина. Я присоединился к ним. И мы стали рассказывать друг другу о нанятых мексиканцах, сравнивая их, а потом стали напропалую врать о том, сколько хлопка собрал каждый. Было уже темно, очередь прицепов продвигалась медленно.

— Мой папаша говорит, что цены на хлопок падают, - сказал Дэн Монтгомери, швыряя камень в темноту. - Говорит, торговцы хлопком из Мемфиса занижают цены, потому что хлопка очень много.

— Да, урожай нынче богатый, - сказал я. Двойняшки Монтгомери собирались стать фермерами, когда вырастут. Мне было их жаль.

Когда шли дожди и водой смывало урожай, цены росли, потому что торговцы из Мемфиса не могли закупить достаточно хлопка. Но фермерам тогда и продавать было нечего. А когда дождей не было и урожай был высоким, цены падали, потому что у торговцев из Мемфиса было полно хлопка. И бедняги, трудившиеся на полях, не могли заработать достаточно, чтобы расплатиться с долгами.

Так что хороший был урожай или плохой, значения не имело.

Мы немного поболтали о бейсболе. У Монтгомери не было радио, так что о «Кардиналз» они знали немного. В связи с этим мне их тоже было жаль.

Когда мы выехали со стоянки у джина, Паппи опять не проронил ни слова. Морщины у него на лбу собрались в середину, челюсть была выставлена вперед, так что я понял, что он узнал какие-то скверные новости. И подумал, что это, наверное, связано с ценами на хлопок.

Я тоже молчал, когда мы выезжали из Блэк-Оука. Когда городские огни остались позади, я высунул голову в окно, чтобы ветер обдувал лицо. Воздух был горячий и висел неподвижно, и я хотел, чтобы Паппи ехал быстрее, чтобы хоть немного остыть.

В следующие дни я буду очень внимательно прислушиваться ко всем разговорам. Дам взрослым время пошептаться между собой, а потом спрошу у мамы, что стряслось.

Если эти скверные новости касались фермеров, она в конце концов непременно все мне расскажет.

Глава 7

Утро субботы. На восходе солнца мы уже были в прицепе - мексиканцы у одного борта, Спруилы у другого - и ехали в поле. Я держался поближе к отцу, опасаясь, что этот гад Хэнк опять начнет ко мне приставать. В то утро я прямо-таки ненавидел всех этих Спруилов, ну, может, только за исключением Трота, единственного, кто встал на мою защиту. А они меня просто не замечали. Я надеялся, что им было за себя стыдно.

Пока мы ехали через поля, я старался вообще не думать о Спруилах. Все-таки сегодня суббота. Чудесный день для всех бедолаг, что вкалывают на поле. На нашей ферме по субботам работали только полдня, а потом отправлялись в город, где вместе с другими фермерами и их семьями ходили по лавкам и магазинам, закупая продукты и прочие необходимые вещи, болтались в толпе на Мэйн-стрит, ловили последние слухи и сплетни - словом, делали все, чтобы хоть на несколько часов забыть о тяжелой работе на хлопковом поле. Мексиканцы и люди с гор тоже ездили в город. Мужчины собирались там группами перед «Ти шопп» и перед нашим кооперативом, болтали, обсуждая урожай и рассказывая разные истории о прошлых наводнениях. Женщины набивались в лавку Попа и Перл, вроде как чтобы закупить всякой бакалеи, и застревали там навек. Детям же разрешалось до четырех часов дня болтаться по тротуарам Мэйн-стрит и прилегающих переулков, а потом начинался дневной сеанс в кинотеатре «Дикси».

Прицеп остановился, и мы попрыгали на землю, держа в руках свои мешки для хлопка. Я был еще полусонный и ни на что не обращал особого внимания. И тут кто-то сказал мне очень-очень ласковым голосом: «Доброе утро, Люк!» Оказалось, это Тэлли. Стояла рядом и улыбалась. Видимо, таким образом она хотела дать мне понять, что ей стыдно за вчерашнее.

Но я все-таки был из Чандлеров и вполне мог продемонстрировать характер и собственное отношение к случившемуся. Я повернулся к ней спиной и пошел прочь, упрямо повторяя про себя, что ненавижу всех этих Спруилов. Я набросился на первый ряд хлопчатника, как будто еще до ленча собирался убрать урожай со всех сорока акров. Однако уже через несколько минут я почувствовал усталость. Я просто затерялся среди бесконечных стеблей хлопка в предрассветном полумраке. И в ушах у меня по-прежнему звучал ее голос, а перед глазами все стояла ее улыбка.

В конце концов, она была всего на десять лет старше меня.

* * *

Субботнее мытье было тем ритуалом, который я больше всего ненавидел. Оно начиналось после ленча и проходило под жестким маминым контролем. Лохань, в которую я едва вмещался, использовалась потом всеми членами семьи. Обычно она хранилась на задней веранде, в дальнем ее углу, стыдливо прикрытая старой простыней.

Сначала мне надо было натаскать воды от насоса на заднюю веранду. Лохань я наполнял примерно на треть. Для этого нужно было восемь раз сходить с ведром к колодцу и обратно, так что я уже был вымотан к тому времени, когда начиналось само мытье. Потом я расстилал на полу веранды простыню и быстро-быстро раздевался догола. Вода в лохани была очень холодная.

С помощью куска мыла, купленного в магазине, и мочалки я начинал старательно оттирать с себя грязь, а также взбивать и мутить воду, чтобы маме не был виден мой срам, когда она придет руководить процессом. Сперва она пришла, чтобы забрать мое грязное белье, потом принесла чистое. Потом вплотную занялась моей шеей и ушами. Мочалка в ее руках тут же превратилась в настоящее орудие пытки. Она скребла мне кожу так, словно грязь, что я собрал на себя во время работы в поле, бросала ей прямой вызов. И в течение всего этого процесса она не уставала поражаться тому, сколько грязи я могу на себя собрать.

Когда шею уже начало драть, она атаковала мои волосы, как будто они были забиты вшами и комарами. Потом полила мне голову холодной водой из ведра, чтобы смыть мыло. Мои унижения завершились тем, что она наконец перестала скоблить мне руки и ноги, милостиво предоставив самому отмывать тело.

Когда я вылез из лохани, вода в ней была вся бурая и мутная - в ней плавала грязь, собранная за неделю в арканзасской дельте. Я вытащил пробку и стал смотреть, как она вытекает и уходит сквозь щели в полу веранды. А я пока что вытерся и влез в чистый комбинезон. Я ощущал себя чистым и свежим и еще фунтов на пять легче. И был готов ехать в город.

Паппи решил, что сделает только одну езду в город. Это означало, что

Бабка и мама будут сидеть рядом с ним впереди, а мы с отцом поедem сзади, в кузове, вместе со всеми десятью мексиканцами. Мексиканцев вовсе не волновала перспектива ехать в битком набитом кузове, но меня это здорово раздражало.

Когда мы отъезжали, я успел понаблюдать, как Спруилы вытаскивают из земли колья и отвязывают веревки, спешно освобождая от них свой старый грузовик, чтобы тоже ехать в город. Все были заняты делом, исключая Хэнка, который сидел в тени и что-то ел.

Чтобы пыль не взлетала из-под колес и не душила нас, сидящих в кузове, Паппи ехал по нашей грунтовой дороге со скоростью меньше пяти миль в час. Это, конечно, было очень мило с его стороны, но не очень-то помогало. Нам все равно было жарко и душно. Субботнее мытье было ритуалом в сельских районах Арканзаса, но вот в Мексике, по всей видимости, нет.

* * *

По субботам некоторые фермерские семьи приезжали в город к полудню. Паппи считал это грехом - проводить впустую столько времени, наслаждаясь субботним отдыхом, так что вовсе не спешил туда добратъся. Зимой он не раз угрожал, что вообще перестанет ездить в город, кроме как по воскресеньям, в церковь. Мама рассказывала, что однажды он целый месяц вообще не вылезал с фермы, и это означало даже бойкот церкви, потому что проповедник его чем-то оскорбил. Чтобы оскорбить Паппи, многого не требовалось. Нам еще крупно повезло: многие издолъщики вообще никогда не покидали свои фермы. У них не было денег на бакалею и не было машин, чтобы добратъся до города. А еще были такие арендаторы вроде нас, да и владельцы земли тоже, кто ездил в город редко. Мистер Кловис Бекли из Карауэя, как уверяла Бабка, не был в городе четырнадцать лет. И церковь не посещал еще со времен до Первой мировой войны. Я сам слышал, как люди молились за его душу во время наших религиозных бдений.

Мне нравилось смотреть на поток машин и на заполненные народом тротуары. Здесь никогда не знаешь, с кем сейчас встретишься. Мне нравилось смотреть на мексиканцев, группами устроившихся под

тенистыми деревьями, - они ели мороженое и громко приветствовали потоками испанских слов своих соотечественников с других ферм. Мне нравились эти толпы незнакомых людей с гор, которые скоро отсюда уедут. Паппи говорил мне однажды, что когда он был в Сент-Луисе - еще до Первой мировой, - то совершенно потерялся среди полумиллиона незнакомцев и чужаков, просто бродя по улицам.

Нет, уж со мной-то такого никогда не случится! Когда по улицам Сент-Луиса буду ходить я, меня все будут узнавать!

Вслед за мамой я вошел в лавку Попа и Перл Уотсон. Мужчины отправились в правление кооператива, потому что именно там собирались по субботам все фермеры. Я так и не мог понять, чем они там занимались, кроме разве что ворчания по поводу цен на хлопок и беспокойства относительно погоды.

Перл была занята у кассового аппарата.

— Здравствуй, миссис Уотсон, - сказал я, подходя поближе. Лавка была битком набита мексиканцами и женщинами.

— Привет, Люк, - ответила она и подмигнула мне. - Как хлопок? - Все тот же вопрос, его задают все и всем.

— Сбор хороший, - сказал я таким тоном, будто сам собрал не меньше тонны.

Бабке и маме понадобился целый час, чтобы купить пять фунтов муки, два фунта сахара, два фунта кофе, бутылку уксуса, фунт столовой соли и два куска мыла. Все проходы в лавке были забиты женщинами, которым больше хотелось поздороваться и пообщаться, чем что-то купить. Они говорили о своих огородах, о погоде, о церкви, в которую пойдут завтра, о том, у кого уж точно будет ребенок, а у кого - возможно. Они болтали о чьих-то похоронах, о религиозных собраниях, о предстоящих свадьбах.

И ни слова о «Кардиналз».

Моей единственной обязанностью во время поездок в город было относить купленную бакалею в пикап. После этого я был свободен и мог шляться по Мэйн-стрит и окрестным переулкам без всякого надзора. И я лениво двинулся в северный конец Блэк-Оука, мимо кооператива, мимо аптеки, скобяной лавки и «Ти шопп». Там и сям на тротуаре стояли группы людей - сплетничали, не собираясь никуда двигаться. Телефонов тогда было мало, да и телевизоров во всем нашем графстве насчитывалось всего несколько штук. Так что суббота была предназначена для обмена новостями и прочей информацией.

Я увидел своего приятеля Деуэйна Пинтера в тот момент, когда он пытался убедить свою мать позволить ему немного погулять. Деуэйн был

на год меня старше, но все еще учился во втором классе. Его отец разрешал ему водить трактор возле фермы, и это здорово повышало его статус среди всех второклассников школы Блэк-Оука. Пинтеры были баптистами и болельщиками «Кардиналз», но Паппи по какой-то непонятной причине все равно их недолюбливал.

– Добрый день, Люк, - сказала мне миссис Пинтер.

– Здравсте, миссис Пинтер.

– А мама твоя где? - спросила она, глядя за мою спину.

– Думаю, она еще в аптеке. Точно не знаю.

Мое появление дало Деуэйнну возможность вырваться на свободу. Уж если мне можно разрешить в одиночку гулять по улицам, то ему и подавно. Но пока мы удалялись от их дома, миссис Пинтер продолжала кричать нам вслед всякие наставления. Мы направились к кинотеатру «Дикси», где в ожидании четырехчасового сеанса уже болтались ребята постарше. У меня было несколько монет в кармане - пять центов на кино, пять на кока-колу и три на поп-корн. Мама дала мне эти деньги как аванс в счет того, что я заработаю на сборе хлопка. Предполагалось, что в один прекрасный день я должен буду их вернуть, но и она, и я прекрасно понимали, что этого никогда не будет. Если же Паппи вздумается их вернуть, ему придется действовать в обход мамы.

По всей видимости, Деуэйн эту неделю сбора урожая провел лучше, чем я. У него в кармане было полно даймов, и ему не терпелось ими похвастаться. Его семья тоже арендовала землю, но у них было и двадцать акров собственных, намного больше, чем у Чандлеров.

Мимо нас прошла девчонка с веснушчатым лицом - ее звали Бренда. И попыталась заговорить с Деуэйном. Она уже давно всем своим друзьям развонила, что хочет выйти за него замуж. И теперь повсюду преследовала его - в церкви, тенью таскалась за ним по субботам по всей Мэйн-стрит и все время требовала, чтобы в кино он сидел рядом с ней. Это делало его жизнь просто невыносимой.

Деуэйн презирал и ненавидел ее. И когда навстречу нам попалась группа мексиканцев, он успешно затерялся среди них.

Позади правления кооператива вспыхнула драка. Это было весьма популярное среди старших ребят место сборищ и драк. Драки случались каждую субботу, и ничто так не возбуждало весь городок, как хорошая драка. Толпа хлынула в сторону широкой аллеи рядом с кооперативом, и я сквозь шум разобрал как кто-то сказал: «Готов спорить, это кто-то из Сиско».

Мама не разрешала мне смотреть на драки позади кооператива, но для

меня этот запрет не был безусловным, потому что я знал, что она там не появится. Ни одна порядочная женщина не допустит, чтобы ее увидели глазеющей на драку. Деуэйн и я змеями проскользнули сквозь толпу, горя нетерпением увидеть мордобой.

Семейство Сиско были издольщики, бедные как церковные мыши. Жили они менее чем в миле от города. И всегда болтались в городе по субботам. Никто толком не знал, сколько в этой семье детей, но все они любили подраться. Папаша у них был пьяницей, он их постоянно бил, а мамаша однажды отхлестала кнутом помощника шерифа, который пытался арестовать ее мужа. Сломала ему нос и руку. И помощник шерифа с позором убрался из города. Самый старший их отпрыск сидел в тюрьме за убийство в Джонсборо.

Дети Сиско не ходили в школу и не посещали церковь, так что мне удавалось избегать их. Ну, конечно, когда мы подошли поближе и просунули головы сквозь толпу зрителей, там был Джерри Сиско - бил морду какому-то незнакомцу.

– Это кто? - спросил я у Деуэйна.

Толпа криками подзадоривала обоих дерущихся, требуя, чтобы один побыстрее изуродовал другого.

– Не знаю, - ответил Деуэйн. - Наверное, парень с гор. Вполне могло быть и так. Когда вся округа полным-полна людей с гор, занятых на уборке хлопка, логично было предположить, что Сиско непременно затеют драку с теми, кто их еще не знает. Местные-то знали, что с ними лучше не связываться. Лицо у незнакомца уже все вздулось, из носа текла кровь. Джерри Сиско врезал ему еще раз справа по зубам и сбил с ног.

Вся банда Сиско и подобный им сброд собрались в одном углу, они смеялись и, вероятно, выпивали. Все были косматые, грязные, в драной одежде, и лишь некоторые были обуты. Их жестокость в драке уже стала легендарной. Они все были тощие и голодные и в драке использовали любые гнусные и грязные уловки, какие только есть на свете. В прошлом году Билли Сиско в драке позади джина чуть не до смерти избил какого-то мексиканца.

По другую сторону от импровизированной арены стояла группа людей с гор, все они орали, подбадривая своего - как оказалось, его звали Дойл, - понукая его подняться и хоть что-нибудь сделать. Дойл вскочил, потирая челюсть, и бросился в атаку. Ему удалось ударить Джерри головой в живот, и оба они свалились на землю. Это вызвало взрыв радостных воплей со стороны людей с гор. Остальным тоже хотелось поорать, но мы вовсе не желали раздражать семейство Сиско. Это была их любимая игра, а кроме

того, они ведь потом могут и отомстить кому угодно.

Дерущиеся между тем катались в пыли, молотя и пиная друг друга, как дикие звери, а толпа ревела все громче. Дойл вдруг высвободил свою правую и здорово приложил Джерри прямо в лицо. Кровь так и брызнула. Джерри замер на долю секунды, и мы уже начали втайне надеяться, что один из Сиско наконец встретил равного ему противника. Дойл намеревался было нанести еще один удар, но тут из толпы выскочил Билли Сиско и пнул его прямо в спину. Дойл вскрикнул, как раненая собака, и покатился по земле, а оба Сиско тут же накинулись на него, нанося удары ногами и кулаками.

С Дойлом было почти покончено. Драка, ясное дело, была нечестная, так оно всегда и бывало, когда кто-то выступал против любого из Сиско. Люди с гор замолкли, а местные лишь наблюдали, не делая ни шагу.

Потом оба Сиско подняли Дойла на ноги, и Джерри с неторопливой размеренностью палача ударил его ногой в пах. Дойл заорал от боли и свалился на землю. И все Сиско зашлись сумасшедшим хохотом.

Потом они стали снова поднимать поверженного Дойла, но тут вперед вышел мистер Хэнк Спруил, демонстрируя всем свою шею, больше напоминающую ствол здорового дерева. Он вылез из толпы и нанес Джерри такой удар, что тот рухнул. Билли Сиско, быстрый как кошка, врезал Хэнку слева и попал в челюсть, но тут произошло нечто удивительное. Удар не остановил Хэнка Спруила. Он повернулся, схватил Билли за волосы и без видимых усилий поднял в воздух и швырнул прямо в группу других Сиско, стоявших в толпе. Толпа брызнула в разные стороны, и из нее вылез еще один Сиско, Бобби. Ему еще не стукнуло и шестнадцати, но он уже был таким же подонком, как его братья.

Трое Сиско против Хэнка Спруила.

Пока Джерри пытался встать на ноги, Хэнк с невиданной быстротой подскочил к нему и врезал ногой по ребрам. Удар был такой мощный, что все услышали, как треснули кости. А Хэнк развернулся и врезал Бобби по морде тыльной стороной ладони, сбив его с ног, а потом добавил ногой по зубам. Тут в атаку снова пошел Билли, а Хэнк прямо как какой-нибудь цирковой силач схватил его и снова поднял в воздух - тот ведь был гораздо более тощий! - а потом швырнул прямо на боковую стену правления кооператива, в которую Билли с грохотом и впелся. Все доски и окна здания аж затряслись от этого удара. А Билли рухнул, стукнувшись головой о землю. Вот это бросок! Я бы даже бейсбольный мяч не смог так бросить!

Как только Билли упал на землю, Хэнк схватил его за горло и потащил обратно в центр «арены», где Бобби, встав на четвереньки, пытался

подняться на ноги. Джерри валялся в стороне, держась за грудь и подвивая.

Хэнк пнул Бобби между ног. И когда тот заорал от боли, Хэнк разразился жутким смехом.

Потом он схватил Билли за горло и стал хлестать его тыльной стороной правой ладони по лицу. Кровь брызгала во все стороны, она покрывала все лицо Билли и стекала по его груди.

Хэнк наконец отпустил Билли и повернулся к остальным Сиско.

– Еще кто хочет? - заорал он. - Давай! Выходи!

Но остальные Сиско, толкаясь, прятались друг за друга, пока трое их поверженных героев копошились в пыли.

Драка уже вроде бы закончилась, но у Хэнка были другие планы. С явным наслаждением и не спеша он стал бить всех троих лежащих ногой по головам и лицам, пока они не перестали двигаться и стонать. Толпа начала рассасываться.

– Пошли отсюда, - сказал мужской голос позади меня. - Детям не стоит на это смотреть. - Но я не мог стронуться с места.

А потом Хэнк поднял с земли обломок деревянного бруска дюйма два на четыре. Толпа тут же перестала расходиться и застыла, с нездоровым любопытством наблюдая дальнейшее.

Когда Хэнк ударил этой деревяшкой Джерри по носу, кто-то в толпе охнул:

– О Господи!

Другой голос из толпы вякнул что-то насчет «пойти поискать шерифа».

– Пошли-ка отсюда, - сказал какой-то старый фермер, и толпа снова задвигалась, на этот раз побыстрее.

А Хэнк все продолжал буйствовать. Лицо его было красным от ярости, глаза сверкали, как у демона. Он все продолжал избивать лежащих, пока его брусок не начал рассыпаться на щепки.

Я не заметил в толпе никого другого из Спруилов. Когда драка перешла в кровавую расправу, вся толпа просто разбежалась. Никто в Блэк-Оуке никогда не жалел связываться с братьями Сиско. А теперь никто не хотел оставаться с этим безумцем с гор.

Когда мы вернулись на Мэйн-стрит, те, кто видел драку, хранили полное молчание. А избивение тем временем все продолжалось. И я подумал, не забьет ли их Хэнк до смерти...

Ни Деуэйн, ни я не обменялись ни словом, пока бежали сквозь толпу по направлению к кинотеатру.

* * *

Кино по субботам для всех нас, ребят с ферм, было чем-то особенным. Телевизоров у нас не было, да и вообще развлечения считались грехом. А тут мы на два часа полностью забывали о тяжком труде на хлопковом поле и переносились в мир фантазий, где хорошие парни всегда побеждают. Именно из фильмов мы знали, как действуют преступники и как их ловят полицейские, как ведутся и выигрываются войны и как делалась история на Дальнем Западе. Именно из кино я узнал печальную правду, что Юг вовсе не победил в Гражданской войне, - это полностью противоречило тому, что мне всегда твердили и дома, и в школе.

Но в эту субботу очередной вестерн Джина Отри показался скучным и Деуэйну, и мне. Всякий раз, когда на экране начиналась кулачная драка, я тут же вспоминал Хэнка Спруила и перед глазами снова вставала картина того, что происходило позади кооператива, как он там молотил братьев Сиско. Стычки, отснятые Отри, казались детскими играми по сравнению с настоящей кровавой бойней, свидетелями которой мы только что стали.

Фильм уже почти закончился, когда я все же решился заговорить с Деуэйном.

— Этот парень с гор, что избил Сиско... - прошептал я. - Он у нас на ферме работает.

— Так ты его знаешь? - тоже шепотом спросил он, словно не веря.

— Ага. Уже познакомились.

Деуэйна это здорово удивило, и он готов был забросать меня вопросами, но зал был набит битком, а мистер Старнс, тутошний менеджер, всегда любил прохаживаться между рядами со своим фонариком, следя за порядком. И если кто-то из ребят начинал разговаривать, он хватал его за ухо и вышвыривал на улицу. К тому же Бренда, эта девчонка с веснушками, умудрилась-таки занять место прямо позади Деуэйна, и мы чувствовали себя не очень удобно.

В зале было немного взрослых, и это были в основном городские. Мексиканцев мистер Старнс всегда сажал на балконе, но это их мало трогало. Лишь немногие из них были готовы тратить деньги на кино.

Когда фильм закончился, мы бросились наружу и уже через пару минут снова оказались позади кооператива, готовые увидеть окровавленные трупы братьев Сиско. Но там никого не было. Не было и никаких следов драки - ни крови, ни оторванных рук и ног, ни

расщепленного деревянного бруса.

Паппи придерживался мнения, что всякий, кто себя уважает, по субботам должен уезжать из города еще до темноты. Вечерами по субботам там происходили скверные вещи. Не драки, другие. Правда, я никогда не видел ничего особенно плохого. Слышал, конечно, что кто-то пьет или играет в кости позади джина, да и драки тоже бывают, но все это происходило как-то скрытно, да и вовлечены в это были немногие. И все-таки Паппи опасался, как бы мы во что-нибудь такое не вляпались.

Рики всегда вызывал наибольшие опасения из всех членов семейства Чандлеров; мама мне говорила, что он всегда слишком уж задерживался в городе по субботам. Кто-то из нашего семейства даже был там однажды арестован, и не так уж давно, однако я никогда не слышал подробностей. Мама еще говорила, что Паппи и Рики годами спорили о том, в какое время следует уезжать домой. Я помню, что несколько раз мы уезжали из города без Рики, и я плакал, потому что думал, что больше никогда его не увижу. Но утром в воскресенье он всегда сидел на кухне и пил кофе, как будто ничего и не произошло. Рики всегда возвращался домой.

Мы все собрались у нашего грузовичка, который сейчас окружали десятки других машин, кое-как припаркованных вокруг баптистской церкви, потому что фермеры все еще продолжали съезжаться в город. Толпа на Мэйн-стрит стала еще плотнее и вроде бы скапливалась возле школы, где скрипки и банджо иногда исполняли деревенские мелодии. Мне совсем не хотелось уезжать, по моему мнению, спешить домой было совершенно ни к чему.

У Бабки и мамы нашлись какие-то неотложные дела в церкви, где все женщины всегда находили себе какое-нибудь дело в преддверии воскресенья. Тут я услышал, что Паппи и отец, стоявшие по другую сторону грузовика, обсуждают недавнюю драку. Потом кто-то из них упомянул Сиско, и я наострил уши. Но тут подошли Мигель и другие мексиканцы, не переставая трещать по-испански, так что дальше я ничего не услышал.

Через пару минут со стороны улицы подошел Стик Пауэрс, один из двух помощников шерифа Блэк-Оука, - поздороваться с Паппи и отцом. Стик, кажется, во время войны был в плену, он немного прихрамывал и утверждал, что это следствие его пребывания в немецком лагере. А вот Паппи говорил, что Стик никогда не выезжал за пределы округа Крэйгхед и выстрелов в жизни не слышал.

— Один из этих Сиско чуть не при смерти, - услышал я его голос и тут же придвинулся поближе. Было уже почти темно, и никто за мной не

следил.

– Ну и ничего страшного, - заметил Паппи.

– Говорят, что этот парень с гор на вашей ферме работает.

– Я драку не видел, Стик, - сказал Паппи. Было заметно, что он начал заводиться. - Ты имя-то его знаешь?

– Хэнк какой-то...

– Тут таких Хэнков полным-полно.

– Не возражаешь, если я завтра подъеду взглянуть? - спросил Стик.

– Не могу ж я тебе запретить!

– Это точно. - Стик повернулся на каблуке своей целой ноги и так посмотрел на мексиканцев, словно они были виновны в сотнях преступлений.

Я просочился на их сторону грузовичка и спросил:

– Чего это он хотел?

И как всегда, когда дело касалось того, что мне знать или слышать не положено, меня просто проигнорировали.

Домой мы возвращались в темноте. Позади гасли огни Блэк-Оука, волосы ворошил прохладный ветерок. Поначалу я хотел рассказать отцу об этой драке, но не стал этого делать в присутствии мексиканцев. А потом решил, что в свидетели мне лучше не попадать. Никому я об этом рассказывать не буду, никто от этого ничего не выиграет. Свяжешься с Сиско - потом долго придется расхлебывать. Да и Спруилы могут разозлиться и уехать от нас, а мне это вовсе не нужно. Сбор хлопка только начался, а я уже устал от него. И самое важное соображение - я не хотел, чтобы Хэнк разозлился на меня или на отца, или на Паппи.

Когда мы добрались до дому, их старого грузовика на нашем переднем дворе не было. Они еще были в городе, наверное, общались с другими приезжими с гор.

После ужина мы расселись на веранде, а Паппи включил радио. «Кардиналз» играли в Филадельфии, матч шел при искусственном освещении. Мьюзиэл занял место бэттера в середине второго иннинга, и я погрузился в свои обычные мечты.

Глава 8

В воскресенье мы проснулись на утренней заре под треск молний и низкий рокот грома. Гроза шла с юго-запада, задерживая восход солнца, и я, лежа в комнате Рики, все задавал себе один и тот же вопрос: и почему это дождь всегда идет по воскресеньям? Почему не посреди недели? Тогда бы мне не надо было собирать хлопок. А воскресенье и так день отдыха...

В комнату вошла бабушка и велела мне идти на веранду, чтобы полюбоваться дождем вместе. Она приготовила мне кофе, плеснув туда побольше молока и наложив вдоволь сахара, и мы сидели в качалке, медленно покачиваясь под завывание ветра. Спруилы метались вокруг, собирая в коробки свое барахло и пытаясь найти убежище от дождя в своей протекающей палатке.

Дождь налетал волнами, как будто беря реванш за две недели сухой погоды. Вокруг веранды клубилось марево, как туман, а наша жестяная крыша стонала под струями.

Бабка всегда тщательно выбирала момент, чтобы поговорить со мной. Иногда, обычно раз в неделю, она брала меня с собой на прогулку или поджидала меня на веранде, лишь бы оказаться со мной вдвоем. Поскольку она целых тридцать два года была замужем за Паппи, то хорошо изучила искусство молчания. И могла подолгу гулять или качаться в качалке, не произнося почти ни слова.

- Как кофе? - спросила она. Я едва ее расслышал из-за грозы.
- Отлично, ба, - ответил я.
- Чего хочешь на завтрак?
- Горячих хлебцев.
- Ну тогда я сейчас их напеку.

По воскресеньям мы обычно никогда никуда не торопились. Спали дольше, хотя сегодня нас рано разбудил дождь. А на завтрак забывали про привычные яичницу и ветчину, а просто как-то перебивались на хлебцах с патокой. И работы в кухне было поменьше. В конце концов, это ведь день отдыха.

Качалка тихонько раскачивалась, ее ржавые цепи мягко поскрипывали над головой. Над дорогой ударила молния, где-то в стороне фермы Джетеров.

- Мне нынче сон про Рики приснился, - сказала Бабка.
- Хороший?

– Да, очень хороший. Что война вдруг кончилась, но нам забыли об этом сказать. И однажды вечером сидим это мы тут, на веранде, слушаем радио - и вдруг видим, что по дороге к нам бежит какой-то человек. И это Рики. Он в своей армейской форме и кричит, что война кончилась.

– Хорошо бы и мне такой сон приснился! - заявил я.

– Думаю, это Господь нам что-то хотел сообщить.

– Что Рики возвращается?

– Да. Может, не прямо сейчас, но что война скоро кончится. И я однажды погляжу на дорогу и увижу, что он уже идет через двор.

Я посмотрел на наш двор. На нем образовывались лужи и потоки, которые бежали в сторону Спруилов. Травы уже почти не было, а ветер срывал первые желтые листья с дубов.

– Я каждый вечер молюсь за Рики, ба, - сказал я гордо.

– Я молюсь за него ежечасно, - сказала она, и я заметил, что глаза у нее влажные.

Мы качались и смотрели на дождь. Когда я думал о Рики, он редко представлялся мне в виде солдата в военной форме, с винтовкой, под огнем, перебегающим от одного укрытия к другому.

Скорее, я думал о нем, как о лучшем своем друге, моем дяде, который был мне больше братом, приятелем, с которым мы рыбачили и играли в бейсбол. Ему ведь было всего девятнадцать, и он представлялся мне и молодым, и старым одновременно.

Вскоре появилась мама. Субботнее мытье для меня обычно сопровождалось воскресным отскребыванием. Это был быстрый, но жестокий ритуал, когда эти две одержимые женщины отскребывали от грязи мою шею и уши.

– Ты готов? - спросила мама. И я почувствовал, что шея и уши уже болят.

Я пошел за Бабкой на кухню, чтобы налить себе еще кофе. Паппи уже сидел за кухонным столом и читал Библию, готовясь к уроку в воскресной школе. Отец был на заднем крыльце, наблюдал за грозой и пялился куда-то вдаль, за реку, несомненно, уже беспокоясь насчет возможного наводнения.

* * *

Дождь закончился еще до того, как мы вышли из церкви. На дорогах была сплошная грязь, и Паппи вел машину еще медленнее, чем обычно. Мы тащились и тащились, иногда сползая вбок на ухабах и в лужах, которых было множество на нашей старой проселочной дороге. Мы с отцом сидели сзади, в кузове, крепко держась за борта, а мама с бабушкой ехали впереди. Все были одеты в самое лучшее. Небо прояснилось, над головой было солнце, оно уже начало припекать мокрую землю, так что стали видны испарения, лениво поднимавшиеся над стеблями хлопчатника.

— А денек-то будет жаркий, — сказал отец, выдав все тот же прогноз, который предлагал нам каждый день, начиная с мая и до конца сентября.

Когда мы добрались до шоссе, мы с отцом встали и оперлись о крышу кабины, чтобы ветер дул в лицо. Так было гораздо прохладнее. Поля были пусты; даже мексиканцам не разрешалось работать в воскресенье. Каждый год в период сбора урожая в округе возникали одни и те же слухи о неких фермерах, тайком пробирающихся в поле и собирающих хлопок и в воскресенье. Лично я никогда таких грешников не видел.

Многие вещи считались грехом в сельских районах Арканзаса, особенно если ты баптист. Большую часть наших воскресных молений в церкви занимали проповеди преподобного Эйкерса, громогласного и вечно рассерженного человека, посвящавшего слишком много времени измышлению новых грехов. Я-то, конечно, на его проповеди внимания не обращал — да и большинство ребят тоже, — однако воскресное посещение церкви означало нечто большее, чем просто проповеди и молитвы. Это было время общения друг с другом, время обмена новостями и последними сплетнями и слухами. Это было праздничное собрание, когда все пребывают в добром настроении или по крайней мере притворяются, что пребывают. Какие бы заботы и беспокойства ни одолевали мир — грядущие наводнения, война в Корее, скачущие цены на хлопок, — во время церковных собраний все это отбрасывалось прочь.

Господь ведь вовсе не желал, чтобы Его народ о чем-то беспокоился, вечно твердила Бабушка, особенно когда мы находимся в Его доме. Это всегда казалось мне крайне странным, поскольку она волновалась и беспокоилась ничуть не меньше, чем Паппи.

Если не считать собственной семьи и нашей фермы, ничто другое не было для нас столь же важным, как баптистская церковь Блэк-Оука. Я знал каждого из ее прихожан, а они, конечно же, знали меня. Это была настоящая семья и в хорошем, и в плохом смысле этого слова. Все в нашей общине любили друг друга или по крайней мере утверждали, что это так. Если кто-то из членов общины заболел, пусть даже самой пустячной

болезнью, на него тут же изливалась вся христианская забота и все молитвы, какие только можно вообразить. Похороны всегда длились целую неделю, превращаясь чуть ли не в святой праздник. Осеннее и весеннее религиозные бдения планировались за много месяцев, и ждали их с огромным нетерпением. По крайней мере раз в месяц возле церкви устраивались общие обеды на воздухе - своего рода пикник, трапеза для всех под сенью деревьев, - и они часто продолжались до вечера. Свадьбы были очень важным мероприятием, особенно для наших дам, только им не доставало трагизма, присущего отпеваниям и похоронам.

Когда мы приехали, посыпанная гравием парковочная площадка возле церкви была уже почти заполнена. Большею частью здесь стояли старые фермерские грузовики и пикапы вроде нашего, все заляпанные свежей грязью. Было и несколько седанов, но в них приехали либо горожане, либо те фермеры, у кого земля была своя. Дальше по улице, где находилась методистская церковь, грузовиков было меньше, а легковых машин больше. Там, как правило, молились торговцы и школьные учителя. Методисты считали себя несколько выше нас, но мы, баптисты, полагали, что только мы знаем истинный путь к Господу.

Я выпрыгнул из кузова грузовичка и побежал разыскивать своих друзей. Позади церкви, возле кладбища, трое ребят старше меня перекидывались бейсбольным мячом, и я направился в их сторону.

— Люк! - позвал меня кто-то шепотом. Оказалось, это Деуэйн - он прятался в тени вяза. Он был какой-то испуганный. - Иди сюда!

Я подошел к дереву.

— Слыхал? - спросил он. - Джерри Сиско помер. Нынче утром.

Я замер, пораженный, не зная, что сказать. Деуэйн молча пялился на меня. Наконец я сподобился выдать из себя:

— И что?

— А то, что теперь будут искать тех, кто видел, что там произошло.

— Так многие видели.

— Ага, только никто не хочет ничего говорить. Все боятся Сиско, и твоего парня с гор тоже все боятся.

— Он вовсе не мой парень, - сказал я.

— Ну, я все равно его боюсь. А ты?

— И я.

— Чего делать будем?

— А ничего. Ничего никому не скажем, пока, во всяком случае.

И мы договорились, что и впрямь ничего делать не будем. Если пристанут, будем врать. А если соврем, просто лишний раз помолимся.

Молитвы в то воскресное утро были длинные и многословные. Такими же длинными были разговоры и сплетни о том, что могло случиться с Джерри Сиско. Новость о его смерти распространилась очень быстро, еще до того, как начались занятия в воскресной школе. Деуэйн и я узнали такие подробности этой драки, что уже не верили собственным ушам. Хэнк час от часу вырастал чуть ли не в великана. «У него кулаки размером с окорок!» - утверждал один. «А плечи как у быка Брахмы!» - говорил другой. «И весит он не меньше трехсот фунтов!» - вопил третий.

Мужчины и старшие ребята столпились у входа в церковь, а мы с Деуэйном шатались вокруг, прислушиваясь к их разговорам. Я слышал, как кто-то назвал это преднамеренным убийством, потом непреднамеренным, а я не очень понимал, какая между ними разница, пока не услышал, как мистер Змея-Уилкоккс сказал: «Никакое оно не преднамеренное. Это хороших людей убивают преднамеренно, а такую шваль, как эти Сиско, убивают случайно».

Это было первое убийство в Блэк-Оуке с 1947 года, когда какие-то издольщики, жившие к востоку от городка, перепились и затеяли настоящую войну. И один мальчишка-тинейджер оказался не с той стороны от ружейного дула, но тогда никто никому не стал предъявлять никаких обвинений. Все участники этой войнушки ночью просто сбежали, и никто о них с тех пор больше не слышал. И никто в городе не смог припомнить хоть одно «настоящее» убийство.

Меня это известие прямо-таки ошарашило. Мы сидели на ступенях церковного крыльца, смотрели в переулок, ведущий к Мэйн-стрит, и прислушивались к спорам взрослых о том, что следует сделать и чего делать не нужно.

Дальше по улице был виден наш кооператив, и мне на секунду почудилось, что я снова вижу Джерри Сиско - все лицо залито кровью, а Хэнк Спруил все молотит его своей деревяшкой, забивая до смерти.

Я понял теперь, что стал свидетелем убийства человека. И вдруг мне захотелось пробраться обратно в церковь и начать молиться. Я был уверен, что в чем-то виноват.

Мы пролезли в церковь, где скопились девчонки и женщины - они тоже шептались и обменивались своими версиями случившейся трагедии. Теперь они всячески превозносили Джерри. Бренда, та самая девчонка с веснушками, что втюрилась в Деуэйна, жила всего в четверти мили от семейства Сиско, и раз уж они были практически соседями, то ей уделялось повышенное внимание. Женщины явно проявляли гораздо больше сочувствия к погибшему, чем мужчины.

Мы с Деуэйном набрали себе домашнего печенья в общем зале, а потом направились в наш маленький класс, не переставая ловить каждое произнесенное слово.

Нашей учительницей в воскресной школе была мисс Биверли Дилл Кули, которая также преподавала в средней школе в Монетт. Урок она начала с длинного и весьма похвального некролога Джерри Сиско, бедного парня из бедной семьи, у которого никогда не было в этой жизни никаких шансов. Потом она велела нам сложить руки и закрыть глаза и, возвысив голос и обращаясь к небесам, очень долго молила Господа принять бедного Джерри в вечные и теплые объятия. Из ее слов можно было заключить, что Джерри был истинным христианином и просто стал невинной жертвой.

Я глянул на Деуэйна, который и сам косил на меня одним глазом.

Что-то во всем этом было странное. Нас, баптистов, с самой колыбели учили тому, что единственный путь, который ведет в рай, - это вера в Иисуса и следование Его примеру, соблюдение всех христианских заповедей, чистая и высокоморальная жизнь. Это было просто и понятно, об этом вещали с церковной кафедры каждое утро и вечер в воскресенье, это громко и ясно звучало во всех выступлениях заезжих проповедников на всех общих религиозных собраниях в Блэк-Оуке. Нам это повторяли и в воскресной школе, во время вечерней молитвы по средам, и в библейской школе во время каникул. Это всегда звучало для нас и в музыке, и в благочестивых рассуждениях, и в литературе. Эти принципы были четкими, прямыми, неколебимыми и не допускали никаких отклонений, компромиссов или виляний.

И любой, кто не принимал Иисуса и не соблюдал в своей жизни христианских заповедей, просто отправлялся после смерти в ад. А сейчас там оказался Джерри Сиско - это мы знали твердо.

Но мисс Кули продолжала свою молитву. Она молилась за всех Сиско, на которых свалилась эта потеря и такое горе. Она молилась за наш городок, чтобы его жители протянули этой семье руку помощи.

А я не мог себе представить, что хоть одна живая душа в Блэк-Оуке протянет семейству Сиско эту самую руку помощи.

Странная это была молитва, и когда она наконец произнесла «аминь», я уже не знал, что и думать. Джерри Сиско никогда даже близко к церкви не подходил, а мисс Кули молилась за него так, словно он в этот самый момент уже был рядом с Господом. Да если такие подонки, как эти Сиско, могут попасть в рай, тогда всем остальным вообще не о чем беспокоиться.

Потом она стала читать из Библии про Иону и кита - в который уже раз! - и мы понемногу забыли об этом убийстве.

* * *

Час спустя, во время молитвы в церкви, я сидел на своем обычном месте между Бабкой и мамой, на той скамье, где Чандлеры сидели всегда, в середине и по левую сторону от прохода. Скамьи не были никак отмечены или закреплены за кем-то, но все прекрасно знали, кто где должен сидеть. Мне обещали, что через три года, когда мне будет десять, родители разрешат мне сидеть с моими друзьями, при условии, естественно, что я буду хорошо себя вести. Это обещание я буквально выдавил из обоих своих родителей. Но все равно эти три года казались мне целыми двадцатью.

Створки в окнах были подняты, но горячий тяжелый воздух совсем не двигался. Наши дамы обмахивались, а мужчины сидели неподвижно и потели. К тому времени, когда брат Эйкерс встал читать проповедь, рубашка у меня уже прилипла к спине.

Он, как всегда, был чем-то рассержен и почти сразу же начал кричать. И без промедления напал на грешников; именно грехи наши навлекли беду на Блэк-Оук. Грехи принесли нам смерть и разрушение, как это было и будет всегда. Мы, грешники, пьем и играем в азартные игры, ругаемся и лжем, деремся и убиваем и прелюбодействуем, потому что позволили себе забыть Бога, и именно поэтому молодой человек из нашего города и расстался с жизнью. Господь никогда не предназначал нас для того, чтобы мы убивали друг друга.

У меня в голове опять все смешалось. Я-то считал, что Джерри Сиско был убит потому, что наконец встретил достойного себя противника. Это не имело ничего общего с игрой в азартные игры и прелюбодеянием, да и с другими грехами, насчет которых брат Эйкерс так разорался. И вообще, почему он кричит на нас? Мы же добрые прихожане. Мы же в церкви находимся!

Я редко понимал, о чем проповедует брат Эйкерс, и иной раз слышал за ужином в воскресенье, как Бабка бормочет, что она тоже безнадежно запуталась в том, что он говорит в своих проповедях. А Рики мне раз сказал, что он уверен, что этот старик наполовину выжил из ума.

А перечень грехов все разрастался, они наваливались один на другой, пока у меня плечи не опустились. Мне ведь еще предстояло что-то соврать

насчет того, видел ли я эту драку, а я уже ощущал укоры совести.

Потом брат Эйкерс проследил всю историю убийств, начав с Каина, убившего Авеля, и проведя нас затем по всем кровавым событиям, изложенным в Библии. Бабка аж глаза закрыла, и я понял, что она молится, - она всегда так делала в подобных случаях. Паппи уставился в стену, видимо, размышляя, каким образом смерть Сиско может сказаться на урожае хлопка. Мама вроде бы внимательно слушала проповедь, а я, к счастью, начал клевать носом.

Когда я проснулся, голова моя лежала на коленях Бабки, но та не обращала на это внимания. Когда она начинала волноваться за Рики, то всегда хотела, чтобы я был где-нибудь поблизости. Уже заиграло пианино и хор был готов начать петь. Сейчас будет приглашение к исповеди. Мы все встали и пропели пять строф «Ибо Я сужу праведно», после чего преподобный отпустил нас.

Выйдя из церкви, мужчины столпились под тенистым деревом и затеяли долгую дискуссию. Паппи был в центре спора, он что-то говорил приглушенным голосом, размахивая руками, словно на чем-то настаивая. Я решил лучше к ним не приближаться.

Женщины разбились на небольшие группы на передней лужайке и принялись за свои сплетни; рядом играли дети и прощались друг с другом старики. По воскресеньям никто не спешил покинуть церковь. Дома делать было почти что нечего, разве что съесть ленч, поспать и подготовиться еще к одной неделе уборки хлопка.

Мы медленно потянулись к стоянке автомобилей. Еще раз попрощались со всеми друзьями, а потом еще помахали им, когда грузовик тронулся. Оставшись вдвоем с отцом в кузове пикапа, я все старался набраться мужества и рассказать ему о том, что видел эту драку. Мужчины в церкви ни о чем другом и не говорили. Я еще не решил, как мне все это устроить, но инстинкт подсказывал мне признаться во всем отцу, а потом укрыться за его спиной. Но мы с Деуэйном поклялись хранить молчание, пока не припрут к стенке, и только потом начинать «колоться». И я так ничего отцу и не сказал по дороге домой.

Примерно в миле от нашей фермы, где грейдер понемногу переходит в грунтовую дорогу, она пересекает Сент-Франсис-Ривер, через которую перекинут узкий деревянный мост. Он был построен в тридцатых годах под эгидой Администрации общественных работ в рамках программы борьбы с безработицей, так что это было вполне прочное сооружение, способное выдержать вес трактора с нагруженным хлопком прицепом. Вот только толстые доски настила скрипели и прогибались всякий раз, когда мы по

нему проезжали, а если поглядеть с моста прямо вниз, на темно-коричневую воду, можно было поклясться, что мост раскачивается.

Мы перебрались через мост и увидели на другой стороне Спруилов. Бо и Дэйл без рубашек и закатав до колен штаны, бродили в воде, обходя камни. Трот сидел на толстом бревне, выброшенном на берег, и болтал ногами в воде. Мистер и миссис Спруил прятались в тени под деревом - там на одеяле была разложена какая-то еда.

Тэлли тоже была в воде, заголив ноги до самых бедер и распустив свои длинные волосы по плечам. У меня сильно забилося сердце, когда я увидел, как она там ходит и плещется, одна, погружившись в свой собственный мир.

Ниже по течению, где рыба почти никогда не ловилась, сидел Хэнк с небольшой тростинкой в руке. Он был без рубашки и уже стал красный от солнца. Я еще подумал: а знает ли он, что Джерри Сиско умер? Скорее всего нет. Но скоро узнает, это уж точно.

Мы им помахали. Они все замерли, словно их застукали за чем-то недозволенным, но потом заулыбались и закивали в ответ. Но Тэлли на нас даже не взглянула. И Хэнк тоже.

Глава 9

В воскресенье на ленч всегда были жареные цыплята, свежие хлебцы и соус. Хотя наши женщины стряпали быстро, им все же потребовался целый час, чтобы все это приготовить. К тому времени, когда мы сели за стол, все умирали от голода. Я часто думал, про себя, конечно, что, если бы брат Эйкерс не орал и не лаялся так подолгу, мы бы не чувствовали такого голода.

Паппи прочитал благодарственную молитву. И все принялись было за еду, когда рядом с домом раздался звук захлопнувшейся автомобильной дверцы. Паппи молча встал и подошел к окну кухни. «Это Стик Пауэрс», - сказал он, выглянув наружу. У меня тут же пропал всякий аппетит. Закон приехал, и ничего хорошего меня не ждет.

Паппи встретил Стика на задней веранде. Нам было слышно каждое их слово.

- Добрый день, Илай.
- Привет, Стик. Чем могу быть полезен?
- Думаю, ты уже слышал, что этот парень Сиско умер.
- Слышал, - ответил Паппи без малейших признаков сожаления.
- Мне надо поговорить с одним из твоих рабочих.
- Да это ж была драка, Стик. Обычная субботняя свара. Сиско этим уже много лет пробавляются. И ты их никогда не останавливал. А на этот раз один из них просто откусил больше, чем мог проглотить.
- И все равно мне надо провести расследование.
- Подожди, пока доедим. Мы только сели. По воскресеньям люди ведь в церковь ходят...

Мама вся как-то съежилась, когда Паппи произнес это. Бабка медленно покачала головой.

- Я был на дежурстве, - ответил Стик.

По многочисленным слухам, Стик только раз в четыре года общался со Святым Духом, как раз во время очередных перевыборов шерифа и его помощников. А после этого в течение трех с половиной лет он не ощущал никакой необходимости молиться. В Блэк-Оуке, если кто-то не посещает церковь, об этом знают все. И нам приходится молиться за этих отсутствующих во время наших религиозных бдений.

- Посиди пока на веранде, - предложил Паппи и вернулся к кухонному столу. Когда он занял свое место, остальные снова начали есть. У меня же в

горле стоял ком размером с бейсбольный мяч, так что жареный цыпленок никак не мог пролезть внутрь.

– А он не голодный? - шепотом спросила Бабка.

Паппи пожал плечами, как будто ему было безразлично. Было уже почти половина третьего. Если уж Стик к этому времени не сподобился что-нибудь перехватить, что нам за дело?

Но Бабке это не понравилось. Она поднялась и достала из буфета еще одну тарелку. Мы все смотрели, как она накладывает в нее жареную картошку с соусом, нарезанные помидоры и огурцы, два хлебца, которые она аккуратно намазала маслом, грудку и ножку цыпленка. Потом наполнила высокий стакан чаем со льдом и понесла все это на заднюю веранду. Нам опять было слышно каждое слово.

– Держи, Стик, - сказала она. - У нас никто не остается голодным.

– Спасибо, мисс Рут, но я уже ел.

– Ну, поешь еще раз.

– Спасибо, я сыт.

Мы-то знали, что к тому времени здоровенный нос Стика уже уловил замечательный запах цыпленка и свежих хлебцев.

– Спасибо, мисс Рут, очень вам благодарен.

Мы не удивились, когда Бабка вернулась с пустыми руками. Паппи явно разозлился, но как-то сумел придержать язык. Стик принес нам неприятности, он влез в наши дела с наемными рабочими, а это значит, что он угрожает успешному сбору хлопка. Зачем его кормить в таком случае?

Мы ели в молчании, что дало мне время собраться с мыслями. Поскольку мне не хотелось возбуждать никаких подозрений, я заставил себя глотать и жевать помедленнее.

Я не знал точно, в чем заключается правда, да и не умел толком отличать добро от зла. Эти Сиско всей бандой накинудись на того бедного парня с гор, а Хэнк пришел ему на помощь. Братьев Сиско было трое, Хэнк был один. И он быстро их всех одолел - и драка, в общем, была окончена. И зачем только он схватил эту деревяшку? Нетрудно понять, что от этих Сиско добра не дождешься, но ведь Хэнк уже победил в этой драке еще до того, как начал их избивать своей деревяшкой...

Я думал о Деуэйн и о нашем с ним тайном сговоре. Молчание и полная несознанка - вот самая лучшая стратегия поведения, решил я.

Мы не хотели, чтобы Стик подслушал наш разговор, так что за все время еды никто из нас не произнес ни слова. Паппи ел медленнее обычного, потому что хотел заставить Стика посидеть, подождать и позлиться - а вдруг тот так разозлится, что возьмет и просто уедет! Я-то

сомневался, что Стик станет волноваться из-за какой-то задержки. Мне даже показалось, что он там вылизывает свою тарелку.

Отец смотрел на стол пустым взглядом, пока ел, его мысли были явно где-то далеко, может, даже в Корее. Мама и Бабка выглядели очень печальными, что было не таким уж необычным после той словесной порки, что мы каждую неделю получали от брата Эйкерса. Это была еще одна причина, по которой я всякий раз во время его проповеди старался заснуть.

Женщины гораздо больше жалели Джерри Сиско. Его смерть с каждым часом становилась все более и более грустным событием. Все его гнусные качества, его подлость и злобность потихоньку забывались. В конце концов, он ведь был из местных, все мы его хорошо знали, пусть шапочно, но были знакомы, и к тому же смерть его была ужасной.

А его убийца спал у нас на переднем дворе.

Тут мы услышали шум. Спруилы возвращались с реки.

* * *

Расследование проводилось под самым высоким дубом, примерно на полпути между передней верандой и лагерем Спруилов. Первыми там собрались мужчины - Паппи и отец растянулись в тени, поглаживая животы. Стик выглядел сейчас особенно упитанным. У него был приличный живот, который распирает его коричневую рубашку так, что пуговицы чуть не отрывались, а по его виду было сразу понятно: он вовсе не проводит свои дни на хлопковых плантациях. Паппи говорил, что он просто чудовищно ленив и большую часть времени просто спит в своей патрульной машине в тени деревьев на окраине города, возле киоска Гурди Стоуна, который торгует хот-догами.

С другого конца двора подошли Спруилы, все семейство во главе с мистером Спруилом. Трот тащился сзади, покачиваясь и волоча ноги, как обычно, - мы уже привыкли к этой его походочке. Я шагал позади Бабки и мамы, подглядывая в щель между ними и стараясь держаться подальше. Только мексиканцев не было.

Все столпились вокруг Стика; Спруилы - по одну сторону, Чандлеры - по другую, хотя, конечно, когда он начал расспросы, мы все оказались на одной стороне. Мне было не по себе, потому что я оказался заодно с

Хэнком Спруилом, но сейчас самым важным для нас было убрать хлопок.

Паппи представил Стика мистеру Спруилу, который неуклюже пожал тому руку, а потом отступил на несколько шагов назад. Выглядело это так, словно Спруилы ожидают самого худшего, а я все пытался вспомнить, присутствовал ли кто-нибудь из них на месте драки. Народу там было очень много, да и происходило все очень быстро. Деуэйн и я были словно загипнотизированы этой кровавой схваткой. И я никак не мог вспомнить ни единого лица из других зрителей.

Стик жевал травинку, которая торчала у него из угла рта. Засунув большие пальцы в карманы брюк, он изучающе смотрел на Спруилов. Хэнк прислонился к стволу дуба, скалясь на любого, кто дерзнул посмотреть в его сторону.

– Вчера в городе была большая драка позади кооператива, - объявил Стик, обращаясь к Спруилам. Мистер Спруил кивнул, но ничего не ответил. - Несколько городских парней подрались с парнем с гор. И один из них, Джерри Сиско, нынче утром умер в больнице в Джонсборо. Череп у него был проломлен.

Все Спруилы беспокойно задвигались, исключая Хэнка, который даже не пошевелился. Они явно еще не слышали последних новостей о Джерри Сиско.

Стик сплюнул и чуть сместился вбок. Он явно наслаждался тем, что был в центре внимания, представитель власти, значок помощника шерифа на груди, револьвер на боку и все такое прочее.

– Вот я и расспрашиваю всех, просто хочу выяснить, кто во всем этом участвовал.

– Никто из нас там не был, - заявил мистер Спруил. - Мы люди мирные.

– Да неужели?

– Да, сэр.

– Вы в городе вчера были?

– Были.

Ну вот, вранье уже началось, и я тут же просунул руку между Бабкой и мамой, чтобы получше видеть Спруилов. Они были явно напуганы. Бо и Дэйл стояли рядом, глаза у них бегали. Тэлли изучала грязь у себя на босых ногах, не поднимая на нас глаз. Мистер и миссис Спруил как будто искали сочувствия у всех окружающих. Трот, конечно, был погружен в свой собственный мир.

– У вас есть парень по имени Хэнк? - спросил Стик.

– Может быть, - ответил мистер Спруил.

– Не надо со мной играть в эти игры! - прорычал Стик, внезапно разозлившись. - Я вопрос вам задал, так что отвечайте прямо. У нас тут есть тюрьма, в Джонсборо, и там полно места. Могу засадить туда все ваше семейство - для допроса. Понятно?

– Я Хэнк Спруил, - раздался громовой голос. Хэнк с важным видом выбрался из толпы своих родичей и встал прямо перед Стиком, на расстоянии удара. Стик был гораздо меньше, но умудрился сохранить напыщенный вид.

С минуту Стик изучал Хэнка, потом спросил:

– Ты вчера в городе был?

– Был.

– В драке позади кооператива принимал участие?

– Нет. Я просто остановил эту драку.

– Братьев Сиско ты избил?

– Я их имен не знаю. Там их двое было, они били парня с гор. Я их остановил.

На лице у Хэнка играла самодовольная улыбка. Он не выказывал никакого страха, и я, к собственному неудовольствию, даже восхищался тем, как смело он разговаривает с представителем закона.

Помощник шерифа оглянулся на остальных, и его взгляд остановился на Паппи. Стик явно чувствовал, что идет по горячему следу, и сильно собой гордился. Он передвинул травинку языком из одного угла рта в другой и снова посмотрел на Хэнка:

– Ты деревянным брусом их бил?

– Не было нужды.

– Отвечай на вопрос! Брусом их бил?

Ни секунды не колеблясь, Хэнк ответил:

– Не-а. Это у них была деревяшка.

Это, несомненно, противоречило тому, что Стику уже сообщил кто-то другой.

– Думаю, мне лучше тебя забрать, - сказал Стик, но не сделал никакой попытки снять наручники, болтавшиеся у него на поясе.

Мистер Спруил шагнул вперед и сказал, обращаясь к Паппи:

– Если его заберут, мы уедем. Прямо сейчас.

Паппи уже был к этому готов. Всем ведь прекрасно известно, что люди с гор могут в любой момент быстренько собрать свой лагерь и исчезнуть, так что никто и не сомневался, что мистер Спруил говорит то, что думает. Через час их здесь уже не будет, они уберутся обратно в Юрика-Спрингс, к себе в горы и к своему самогону. А для нас будет совершенно неподъемной

задачей собрать урожай хлопка с восьмидесяти акров с помощью одних лишь мексиканцев. Сейчас каждый фунт собранного хлопка важен. И каждая пара рабочих рук.

– Полегче на поворотах, Стик, - сказал Паппи. - Давай все обсудим. Мы с тобой отлично знаем, что от братьев Сиско ничего хорошего ждать не приходится. Они ж часто дерутся, да еще и подличают. А тут, я так думаю, они просто нарвались на такого, кто им не по зубам.

– У меня же труп, Илай! Понимаешь?

– Двое на одного - это, по-моему, вроде как самозащита. Драка-то нечестная, когда двое на одного...

– Да ты погляди, какой он здоровенный!

– Я уже сказал, эти Сиско просто нарвались на такого, кто им не по зубам. Давно уже сами напрашивались. Пусть этот парнишка сам расскажет, как все было.

– Никакой я не парнишка! - рявкнул Хэнк.

– Расскажи, как все было, - сказал Паппи, явно стараясь потянуть время. А за разговорами, глядишь, Стик, может, и решит уехать и вернется лишь через несколько дней...

– Ну ладно, - сказал Стик. - Рассказывай. Послушаем твою версию. Все равно никто мне ничего говорить не хочет, Господь свидетель.

Хэнк пожал плечами и сказал:

– Да я просто подошел туда, увидел, как эти двое паскудников избивают Дойла, и вмешался, чтобы их остановить.

– Кто такой Дойл?

– Парень из Харди.

– Ты с ним знаком?

– Не-а.

– Тогда откуда тебе известно, из каких он мест?

– Да просто знаю.

– Черт побери! - сказал Стик и сплюнул в пыль у ног Хэнка. - Никто ничего не знает! Полгорода торчало позади кооператива, и никто ни черта не знает!

– Вроде бы их было двое на одного, - еще раз повторил Паппи. - Ты придержи язык, Стик! Нечего ругаться! Ты на моей земле, а тут еще и женщины стоят!

– Извините, - буркнул Стик, касаясь пальцами шляпы и кланяясь в сторону Бабки и мамы.

– Он просто пытался остановить драку, - сказал отец. Это были его первые слова за все это время.

– Тут не только это, Джесси. Как мне сказали, после того, как драка уже закончилась, он подобрал кусок деревянного бруса и стал им колотить этих ребят. Я так думаю, что именно тогда Джерри и разбили башку. Двое на одного - нечестная драка, и этих Сиско я отлично знаю, вот только совсем не обязательно, чтобы одного из них убили.

– Я никого не убивал, - заявил Хэнк. - Я остановил драку. И их было трое, а не двое.

Самое время, чтобы Хэнк рассказал, как все было на самом деле. Мне казалось странным, что Стик не имел понятия о том, что в драке пострадали три брата Сиско. Ему всего-то и нужно было пересчитать разбитые физиономии. Только, наверное, родственнички всех побитых уже укрыли и спрятали дома.

– Трое? - недоверчиво переспросил Стик. Все мы замерли.

Паппи воспользовался моментом и снова встрял:

– Трое на одного, так что тебе его не посадить за убийство. Ни один присяжный во всей стране никогда не осудит человека за убийство, если там было трое на одного.

С этим Стик вроде бы был согласен, но все равно не желал уступать:

– Ну, это если он правду говорит. Ему понадобятся свидетели, а пока что их что-то не видать. - Стик повернулся к Хэнку и спросил: - Кто были эти трое?

– Ну, я у них имен не спрашивал, сэр, - сказал Хэнк с отменным сарказмом. - Там не было времени даже поздороваться. Когда трое на одного, времени совсем нет, особенно если ты этот самый «один».

Если бы мы засмеялись, Стик наверняка бы разозлился, а злить его никто не хотел. Так что мы лишь молча улыбались, опустив головы.

– Нечего тут остроумничать, парень! - сказал Стик, пытаясь утвердить свое превосходство. - У тебя ведь нет свидетелей, не так ли?

Тут уж стало не до улыбок. Все застыли в молчании. Я надеялся, что, может, Бо или Дэйл выступят вперед и заявят, что были свидетелями. Раз уж Спруилы только что продемонстрировали, что могут врать, если на них надавить, казалось разумным, что один из них тут же подтвердит версию Хэнка. Но никто не сдвинулся с места и не произнес ни слова. Я сместился назад на пару дюймов и теперь стоял точно позади мамы.

И тут я услышал слова, которым было суждено изменить всю мою жизнь. Совершенно спокойно Хэнк заявил:

– Младший Чандлер все видел.

Младший Чандлер аж чуть в штаны не напустил!

Когда же я открыл глаза, конечно, все уже смотрели на меня. Бабка и

мама явно были в ужасе. Я чувствовал, что виноват, и выглядел, наверное, виноватым, и уже понял, что все поверили Хэнку. Я был свидетелем! Я видел драку!

— Иди-ка сюда, Люк, - сказал Паппи, и я пошел так медленно, насколько это вообще возможно, и вышел в центр. Поднял взгляд на Хэнка - его глаза прямо-таки горели. Как всегда, на лице у него была обычная ухмылка, а выражение подтверждало, что он прекрасно понимает: я попался. И все сборище сгрудилось вокруг меня. - Ты видел драку? - спросил Паппи.

В воскресной школе меня всегда учили - с того самого дня, когда я впервые туда пришел, - что ложь приведет прямо в ад. Прямым путем. И ни единого шанса спастись. Прямо в геенну огненную, где уже ждет сатана и где мучаются души Гитлера, Иуды Искарота и генерала Гранта. «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего» - учит нас Библия; это, конечно не прямой запрет на любую ложь, но именно так его интерпретируют баптисты. А меня уже пару раз порол за маленькую неправду. «Просто скажи правду, и все дела» - так любила говорить Бабка.

И я ответил:

— Да, сэр.

— Что ты там делал?

— Я услышал, что там дерутся, и просто пошел посмотреть.

Мне не хотелось упоминать Деуэйна, по крайней мере пока не припрут.

Стик опустил на одно колено, так что его щекастая физиономия оказалась на одном уровне с моей.

— Расскажи, что ты видел, - сказал он. - И говори правду.

Я оглянулся на отца, который навис над моим плечом. Потом глянул на Паппи, который - вот странно-то! - вроде бы совсем на меня не сердился.

Я набрал воздуха в легкие сколько мог и посмотрел на Тэлли, которая не сводила с меня глаз. Потом посмотрел на плоский нос Стика, в его черные припухшие глаза и сказал:

— Джерри Сиско дрался с каким-то парнем с гор. Потом Билли Сиско на него тоже навалился. И они его здорово били, а потом мистер Хэнк вмешался, чтобы помочь этому парню с гор.

— Так-так, погоди, значит, их было двое на одного или двое против двоих? - спросил Стик.

— Двое на одного.

— А этот парень с гор куда делся?

— Не знаю. Он просто убежал. Кажется, ему здорово досталось.

- Ладно, давай дальше. И только правду!
- Он правду говорит! - огрызнулся Паппи.
- Давай.

Я снова оглянулся вокруг, чтобы убедиться, что Тэлли все еще смотрит на меня. А она не просто не сводила с меня глаз, а еще и мило мне улыбалась.

– А потом совсем неожиданно из толпы налетел еще и Бобби Сиско. И напал на мистера Хэнка. Их было трое на одного, как мистер Хэнк сказал.

Выражение на лице Хэнка совсем не изменилось - он продолжал смотреть на меня даже с еще большей злобой. Он уже думал о том, как все пойдет дальше, он еще не получил от меня всего, что ему было нужно.

– Думаю, все ясно, - заявил Паппи. - Я, конечно, не адвокат, но мог бы убедить любых присяжных: там было трое на одного.

Стик проигнорировал его и еще ближе наклонился ко мне.

– У кого был этот деревянный брусок? - спросил он, и его глаза сузились, словно это был самый важный вопрос из всех.

Тут Хэнк вдруг взорвался:

– Скажи им правду, парень! Это ж один из этих Сиско схватил деревяшку, ведь так?!

Я чувствовал на себе пристальные взгляды Бабки и мамы. И знал, что Паппи сейчас хочется схватить меня за шею и как следует встряхнуть, чтобы выдавить нужные слова из моей глотки.

А напротив, не очень далеко, глядя на меня умоляющими глазами, стояла Тэлли. Бо, Дэйл и даже Трот - все смотрели на меня.

– Так, что ли, а, парень?! - снова рявкнул Хэнк.

Я встретился взглядом со Стиком и начал кивать - сначала медленно, потом быстрее. Маленькая робкая ложь, ложь без слов. А я все продолжал кивать, продолжал лгать и этим самым гораздо больше помогал сбору урожая хлопка, чем шесть месяцев хорошей погоды.

И все приближался к краю геенны огненной, где меня уже ожидал Сатана, я уже чувствовал непереносимый жар. «Потом убегу в лес и буду молить Господа о прощении - решил я. - Буду просить Его, чтобы смилостивился надо мной. Ведь Он дал нам хороший урожай, а уж мы должны его сохранить и собрать».

Стик медленно выпрямился, но продолжал пристально смотреть на меня - наши взгляды словно сцепились, потому что оба мы прекрасно знали, что я солгал. Стик уже не собирался арестовывать Хэнка Спруила, во всяком случае, не был намерен это делать прямо сейчас. Во-первых, для этого ему надо было надеть на Хэнка наручники, а это могло оказаться

невыполнимой задачей. А во-вторых, в этом случае он разозлил бы всех фермеров в округе.

Отец схватил меня за плечо и толкнул в сторону женщин.

– Ты его до смерти перепугал, Стик! - сказал он и неуклюже засмеялся, пытаясь снять напряжение и желая убрать меня подальше, пока я не ляпнул что-нибудь не то.

– Он у вас хороший мальчик? - спросил Стик.

– Он всегда говорит правду, - сказал отец.

– Конечно, он всегда говорит правду, - подтвердил Паппи довольно злобно.

А правду только что опоганили.

– Ну ладно, я порасспрашиваю людей, - сказал Стик и пошел к своей машине. - Может, еще заеду.

Он захлопнул дверцу своей старой патрульной машины и выехал со двора. Мы смотрели ему вслед, пока он не скрылся из виду.

Глава 10

Поскольку в воскресенье мы не работали, то дом наш сразу стал тесным - родители и дед с Бабкой занялись разными мелкими делами, которыми в этот день заниматься разрешалось. Хотели было поспать после ленча, но потом раздумали из-за жары. Иной раз, когда настроение в доме приближалось к штормовой отметке, родители забрасывали меня в кузов пикапа и мы отправлялись в длительную поездку. Смотреть в округе было не на что - все земли тут были плоские и все покрыты зарослями хлопчатника. Все то же самое, что можно увидеть с нашей веранды. Главной целью было просто убраться подальше.

Немного времени спустя после того, как уехал Стик, мне было велено пойти в огород и нарвать овощей - мы собирались кое-кого навестить. Овощами наполнили две картонные коробки. Они были такие тяжелые, что отец был вынужден поставить их в кузов. Когда мы отъезжали, Спруилы сидели и лежали на переднем дворе, пребывая на разных стадиях отдыха. Мне даже смотреть на них не хотелось.

Я сидел сзади в кузове, между коробками с овощами, и смотрел, как пыль вьется из-под колес грузовичка, закручиваясь серыми клубами, которые быстро поднимаются вверх и повисают над дорогой в неподвижном горячем воздухе, прежде чем медленно раствориться в нем при полном безветрии. Сырость и грязь от утреннего дождя уже исчезли. Все опять стало нагретым и горячим: и деревянная обшивка кузова пикапа, и его ржавая, некрашеная рама, и даже кукурузные початки, картошка и помидоры, которые мама только что вымыла. В нашей части Арканзаса снег идет всего пару раз в году, и я мечтал о том времени, когда зимние поля, лишённые хлопчатника и голые, укроет толстое холодное и белое одеяло снега.

Возле самой реки пыль перестала клубиться из-под колес - мы въехали на мост. Я встал, чтобы видеть, как течет внизу вода - мутный коричневый поток едва двигался вдоль берега. У нас в кузове лежали два тростниковых удилища, и отец обещал мне, что после того, как отвезем продукты, мы с ним немного порыбачим.

Летчеры были издольщики, они жили не более чем в миле от нашего дома, но у меня было такое ощущение, что они живут в какой-то другой стране. Их покосившаяся хибарка стояла в излучине реки, вязы и ивы касались ее крыши своими ветвями, а заросли хлопчатника начинались

чуть ли не у самого крыльца. Травы вокруг дома не было, только небольшой круг вытоптанной земли, где возилась орда юных Летчеров. Я втайне радовался, что они живут по другую сторону реки. В ином случае мне бы, чего доброго, пришлось с ними играть.

Они обрабатывали тридцать акров земли и часть урожая отдавали ее владельцу. Половина от немногого не давала им практически ничего, так что Летчеры жили в бедности и грязи. У них не было электричества, а также ни машины, ни грузовика. Иногда мистер Летчер заходил к нам и просил Паппи подбросить его в город, когда мы собирались в очередную поездку в Блэк-Оук.

Дорога до их хибары была такой ширины, что ее едва хватало, чтобы проехать нашему грузовичку. Когда мы подъехали к их дому, веранда была уже битком набита грязноватыми бледными мордашками. Однажды я насчитал у Летчеров семерых детишек, но точно их сосчитать было невозможно. И еще было трудно отличить мальчиков от девочек: все они были косматые, у всех были узкие личики с одинаковыми бледно-голубыми глазами, и все они ходили в каком-то рванье.

Миссис Летчер вышла на крыльцо, вытирая руки о передник. Повернувшись к маме, сумела выдавить из себя улыбку.

– Здравствуйте, миссис Чандлер! - произнесла она тихим голосом. Она была босиком, а ноги у нее были тощие, как прутики.

– Рада тебя видеть, Дарла, - ответила мама. Отец возился в кузове, передвигая коробки и убивая время, пока дамы не наговорятся. Мистера Летчера мы увидеть и не ожидали - гордость не позволяла ему выходить и принимать от нас продукты. Этим всегда занимались женщины.

Пока они там говорили про урожай и про то, как нынче жарко, я отошел от пикапа под бдительным присмотром всей этой малышни. Зашел за дом, где в тени слонялся их самый высокий парень, стараясь не попадаться нам на глаза. Его звали Перси, он утверждал, что ему уже двенадцать, хотя я в этом сомневался. Он не выглядел достаточно крупным для двенадцати лет, но, поскольку никто из Летчеров в школу не ходил, не было и возможности сравнить его ни с кем из мальчишек того же возраста. Он был без рубашки и босиком, а кожа у него была цвета темной бронзы - он ведь целыми днями торчал на солнце.

– Привет, Перси, - сказал я, но он мне не ответил.

Странные люди эти издолщичики! Иногда с таким можно поговорить, а в другой раз он смотрит на тебя пустым взглядом, словно хочет, чтобы его просто оставили в покое.

Я посмотрел на их дом - маленький квадратный ящик, а не дом - и в

который уже раз подумал: сколько же людей может жить в такой маленькой и жалкой развалюхе? Да наш сарай для инструментов и то побольше будет! Окна все были раскрыты, драные остатки занавесок висят неподвижно. Сеток от мух и москитов на окнах не было, не было и вентиляторов, чтобы разгонять воздух.

Мне их было очень жалко. Бабка всегда любила повторять из Писания: «Блаженны нищие духом; ибо их есть Царство Небесное» и еще «Кто милосерд к бедному, тот блажен». Однако это было очень жестоко и несправедливо, что люди должны жить в таких вот условиях. Ботинок у них не было. Одежда такая старая и рваная, что им стыдно было появляться в городе. А раз у них не было электричества, они не могли слушать репортажи про игры «Кардиналз».

У Перси никогда не было ни мяча, ни бейсбольной перчатки или биты, он никогда не играл в эту игру со своим отцом, никогда даже не мечтал о том, чтобы выиграть у «Янкиз». Думаю, он не мечтал и о том, чтобы когда-нибудь отвалить подальше от хлопковых плантаций. Эта мысль меня совершенно доконала.

Отец вытащил первую коробку с овощами, а мама стала перечислять, что в ней сложено. Малыши Летчеров высыпали на крыльцо с очень заинтересованным видом, однако держались по-прежнему на расстоянии. Перси не двинулся с места; все высматривал что-то в поле, чего ни он, ни я увидеть не могли.

У них была девочка, звали ее Либби. Ей было пятнадцать - самая старшая из всего выводка; если верить последним сплетням, гулявшим по Блэк-Оуку, она была беременна. Отца будущего ребенка пока еще не выявили; слухи и сплетни утверждали, что она отказывалась назвать всем, включая собственных родителей, имя парня, который сделал ей этот подарочек.

А подобный слух - это было нечто, чего не могли стерпеть добропорядочные жители Блэк-Оука. Вести с войны, кулачная драка, заболевание раком, столкновение машин, новорожденный младенец, которого ждут двое законных супругов, - все эти события всегда давали обильную пищу для пересудов. Чья-нибудь смерть и достойные похороны - такой темой город мог питаться несколько дней. Арест даже самого паскудного из жителей был событием, которое обсуждалось и обсасывалось неделями. Но внебрачная беременность пятнадцатилетней девчонки, пусть даже дочери издольщика, - это было нечто настолько чрезвычайное, что весь город попросту сошел с ума. Только вот проблема заключалась в том, что беременность эту пока что никто не подтвердил.

Пока это были одни слухи. Поскольку Летчеры никогда не выезжали со своей фермы, было очень затруднительно обнаружить конкретные улики. А поскольку мы были их самыми близкими соседями, по всей видимости, именно на долю моей мамы и выпало провести расследование и все выяснить.

К решению этой задачи она привлекла меня. Пересказала мне кое-какие из этих слухов, а поскольку я всю жизнь наблюдал, как спариваются и размножаются животные на нашей ферме, то знал все основное об этом деле. И все же мне не хотелось в это вмешиваться. К тому же я не был полностью уверен в том, зачем вообще нужно удостовериться в том, что Либби беременна. Об этом уже столько говорили, что весь город давно поверил, что бедная девушка ждет ребенка. Единственная тайна - имя будущего папаши. «Ну, уж мне это никогда не пришьют!» - заявил однажды Паппи в правлении кооператива - я сам слышал. И все старики тут же заржали.

— Как хлопок? - спросил я у Перси. Прямо беседа двух настоящих фермеров.

— Да еще там, - ответил он, кивнув в сторону поля, которое начиналось всего в паре футов от нас.

Я повернулся в ту сторону и взглянул на их хлопок - он смотрелся точно так же, как наш. Мне платили доллар шестьдесят за каждую сотню собранных фунтов. Детям издольщиков не платили ничего.

Потом я перевел взгляд обратно на дом, на окна и рваные занавески, на просевшие доски пола. Поглядел на задний двор, где на веревке сохло их стирание белье. Осмотрел полоску пыльной тропинки, что вела мимо их сортира в сторону реки, но нигде не заметил и следа Либби Летчер. Видимо, она сидит взаперти, а мистер Летчер охраняет дверь, вооружившись охотничьим ружьем. Однажды она там и родит, и никто об этом не узнает. Просто появится еще один Летчер и тоже будет голышом бегать вокруг дома.

— Сестры там нету, - сказал Перси, по-прежнему глядя куда-то вдаль. - Ты ведь ее высматриваешь, а?

У меня аж челюсть отвисла, а щеки запламенели. Все, что я сумел из себя выдавить, было:

— Чего-о?

— Ее там нету. А теперь вали к своему грузовику.

Отец уже выставил все продукты на крыльцо, так что я пошел прочь от Перси.

— Ты ее видел? - шепотом спросила меня мама, когда мы отъезжали. Я

отрицательно мотнул головой.

Мы поехали обратно, а Летчеры все сгрудились вокруг наших двух коробок и нависли над ними, как будто не ели целую неделю. Через несколько дней мы к ним еще раз заедем с новым запасом продуктов и сделаем вторую попытку выяснить, насколько верны слухи. Так что пока Летчеры держат Либби взаперти, они будут хорошо есть.

* * *

Сент-Франсис-Ривер была, как уверял отец, глубиной пятнадцать футов, а возле основания мостового быка водились сомики фунтов по шестьдесят весом, которые жрали все, что проплывало мимо. Они были огромные и мерзкие - сущие падалыщики, они двигались, только когда рядом появлялось что-то съедобное. Некоторые жили лет по двадцать. Согласно семейной легенде, Рики поймал одно такое чудище, когда ему было тринадцать. Оно весило сорок четыре фунта, а когда ему вспороли ножом брюхо, то на дно кузова пикапа Паппи хлынула всякая дрянь: свеча зажигания, мраморный шарик, кучка полупереваренных пескарей, пара мелких рыбок, две монетки по одному центу и еще нечто подозрительное, которое позднее определили как человеческое дерьмо.

После этого Бабка уже никогда не жарила сомиков. А Паппи вообще перестал есть речную рыбу.

Я обычно ловил рыбу на дождевого червя, а рыбачил на мелком месте возле песчаной отмели. Там было много подлещиков и краппи - эти два вида небольших рыб легко ловить. Я брел босиком, заходя все глубже в теплую, медленно крутящуюся воду, и время от времени слышал мамин окрик: «Не заходи так глубоко, Люк!» Вдоль берега рядами росли дубы и ивы, и солнце сейчас было за ними. Родители сидели в тени, на одном из тех стеганых одеял, которые зимой во множестве производили все наши знакомые дамы из церковной общины, и ели дыню-канталупу с нашего огорода.

Они тихонько о чем-то разговаривали, почти шепотом, но я и не прислушивался, потому что для них во время уборки хлопка редко выдавался момент побыть вдвоем. Ночью, после целого дня в поле, все сразу погружались в тяжелый сон, и я редко слышал, чтобы они

разговаривали в постели. Иногда они сидели на веранде, в полной темноте, дожидаясь, когда спадет жара, но не одни - вокруг всегда болтался кто-то еще.

Река меня отпугивала, и этого вполне хватало для моей полной безопасности. Плавать я еще не научился - дожидался возвращения Рики. Он обещал следующим летом научить меня, когда мне исполнится восемь. Так что я держался поближе к берегу, где вода едва покрывала мои ступни.

Тонули у нас нередко, я всю жизнь слышал красочные истории о взрослых мужчинах, попавших в зыбучий песок или плывун и унесенных при его смещении в глубину вод на глазах остолбеневших от ужаса остальных членов семьи. В тихой заводи мог вдруг возникнуть водоворот. Я, правда, такого никогда не видел. Все несчастья такого рода якобы происходили в Сент-Франсис-Ривер, однако точное место варьировало в зависимости от того, кто о нем рассказывал. Например, однажды некий маленький ребенок сидел себе тихо-мирно на песчаной отмели, и та вдруг начала сползать в реку. Ребенок очутился в воде и стал тонуть. Его старший братец увидел, что случилось, и бросился в крутящуюся воду, но был подхвачен мощным течением и его тоже понесло на стремнину. Далее, их сестра, возрастом чуть постарше, услышала крики первых двоих и тоже бросилась в реку и, только очутившись по пояс в воде, вспомнила, что не умеет плавать. Тем не менее она продолжала продвигаться вперед, крича двоим младшим, чтобы держались и что она до них сейчас доберется. Но тут плывун обрушился в воду, вроде как при землетрясении, и во все стороны стремительно понеслись новые потоки воды.

Троих детей уносило все дальше и дальше от берега. Их мать, которая вроде бы была (а может, и не была) беременна и которая, кажется, не умела (а может, и умела) плавать, в это время раскладывала еду в тени под деревом. Услышав крики своих детишек, она тоже рванула в воду, где вскоре тоже оказалась в беде.

А их папаша удил рыбу с моста, когда услышал весь этот шум-гам. И, решив не терять зря времени, не побежал на берег, чтобы кинуться в воду оттуда, а нырнул в реку прямо с моста, головой вперед. И сломал себе шею.

Погибло все семейство. Несколько тел потом нашли, но не все. Некоторых, видимо, пожрали сомики, а других могло унести дальше, в море, где бы оно ни было, это море. Не было недостатка и в теоретических предположениях насчет того, что могло в итоге произойти с этими ненайденными телами, однако на протяжении десятилетий фамилия этих несчастных так и оставалась неизвестной.

Историю эту повторяли часто, чтобы дети вроде меня могли должным

образом оценить таящуюся в реке опасность. Рики любил попугать меня этим рассказом, но часто запутывался в деталях. А мама утверждала, что все это выдумки.

Даже брат Эйкерс умудрился как-то вставить эту историю в одну из своих проповедей, чтобы проиллюстрировать, как Сатана творит свои гнусные дела, наполняя мир несчастьями и горем. Я тогда не спал и слушал очень внимательно, и когда он ни словом не упомянул о сломанной шее, решил, что он тоже сильно преувеличивает.

Но я-то сам тонуть не собирался. Рыба клевала хорошо, я то и дело подсекал и выбрасывал на берег небольших подлещиков. Потом нашел себе удобное местечко на пеньке возле небольшой заводи и стал таскать одну рыбину за другой. Это было почти такое же удовольствие, как игра в бейсбол. День тянулся медленно, и я был рад, что остался в одиночестве. Наша ферма сейчас битком набита чужаками. Поля ждут уборки и обещают тяжкий труд до боли в спине. А еще я видел, как убили человека, и сам каким-то образом оказался в этом замешан.

Легкий плеск волн на мелководье успокаивал. Почему мне нельзя целыми днями ловить рыбу? Сидел бы я себе у реки, в тени... Да все, что угодно, лишь бы хлопок не собирать. Нет, я точно не буду фермером! Мне это дело совершенно не нужно.

– Люк! - раздался с берега голос отца.

Я выдернул леску из воды и пошел туда, где они сидели.

– Да, сэр? - сказал я.

– Сядь, - велел он. - Поговорить надо.

Я сел на самый краешек одеяла, как можно дальше от них. Они вроде бы не сердились на меня; по правде говоря, мамино лицо было вполне добрым.

Но вот тон отца был достаточно жестким, чтобы я забеспокоился.

– Ты почему нам ничего не сказал про эту драку? - спросил он.

Да, видать, мне никак не отделаться от этой драки.

Его вопрос меня не особенно удивил.

– Боялся, наверное.

– Боялся чего?

– Боялся, что меня застукают там, позади кооператива, когда я смотрел на драку.

– Потому что я запретила тебе, верно? - спросила мама.

– Да, мам. Извини.

Смотреть на драку было не самым вопиющим актом непослушания, и мы все трое это прекрасно понимали. Что еще делать ребятам в

воскресенье после обеда, когда в городе битком народу и все веселятся и развлекаются? Она улыбнулась, потому что я извинился. А я старался выглядеть как можно более жалко.

— Да в общем-то это не слишком важно, что ты смотрел на драку, - сказал отец. - Но если будешь скрывать, недолго и до беды. Надо было рассказать нам, что ты видел.

— Я видел драку. Я ж не знал, что Джерри Сиско умрет.

Моя логика на минутку сбила его с толку. Потом он сказал:

— Ты Стику Пауэрсу правду сказал?

— Да, сэр.

— Один из Сиско действительно первым пустил в ход эту палку? Или это был Хэнк Спруил?

Если я сейчас скажу правду, то это будет признанием, что я солгал, когда выдал свою первую версию событий. Сказать правду или солгать - этот вопрос всегда оставался без ответа. И я решил немного смухлевать:

— Если честно, пап, там все было так быстро... Настоящая свалка, все разлетаются в стороны, падают... Хэнк всех их раскидал как детские игрушки... И толпа вся бурлила и двигалась все время из стороны в сторону. Я эту палку только потом заметил.

К моему удивлению, этот ответ его вполне удовлетворил. В конце концов, мне ведь было только семь лет, я был зажат в толпе зрителей позади кооператива, там все пялились на этот ужасный мордобой. И кто станет меня обвинять, если я не совсем уверен в том, что там видел?

— Никому больше об этом не рассказывай, хорошо? Ни единой живой душе!

— Да, сэр.

— Маленькие мальчики, которые что-то скрывают от собственных родителей, попадают в большую беду, - сказала мама. - Ты же всегда можешь нам все рассказать, верно?

— Да, мама.

— Ну ладно, можешь еще немного порыбачить, - разрешил отец, и я бегом отправился обратно к своему месту.

Глава 11

Неделя началась с темного рассвета утром в понедельник. Мы забрались в прицеп, чтобы опять ехать в поле; эти поездки день ото дня становились все короче по мере того, как сбор урожая перемещался все дальше от реки и все ближе к дому.

Никто не произнес ни слова. Впереди нас ждали пять дней изнурительного труда на жаре, и только потом будет суббота, которая нынче, в понедельник, казалась такой же далекой, как Рождество.

Я смотрел вниз со своего высоко поднятого места на тракторе и молился, чтобы поскорее настал тот день, когда Спруилы покинут нашу ферму. Они сидели сейчас все вместе, такие же сонные и вялые, как я. Трота с ними не было, значит, в поле он нынче не выйдет. Поздно вечером в воскресенье миссис Спруил спросила у Паппи, не возражает ли тот, если Трот поболтается весь день во дворе. «Он жары не выносит», - сказала она. Паппи было безразлично, что будет делать Трот. В поле от него все равно никакого толку.

Когда трактор остановился, мы разобрали свои мешки и углубились в заросли хлопчатника. И опять никто не произнес ни слова. А час спустя солнце уже вовсю поджаривало нас. Я думал о Троте, который сидит себе целый день в тени, спит, когда захочет и, без сомнения, счастлив, что вся эта работа его не касается. Может, в голове у него действительно не все в порядке, но в смысле работы он самый умный из всех Спруилов.

Когда собираешь хлопок, время словно останавливается. Дни тянутся и тянутся, страшно медленно уступая место один другому.

* * *

За ужином во вторник Паппи объявил:

– В субботу в город не поедem.

Я чуть не заплакал. И без того достаточно тяжело всю неделю вкалывать в поле, но не иметь в субботу такой награды, как поп-корн и кино, было уж совсем жестоко. А моя еженедельная кока-кола?

Последовало длительное молчание. Мама внимательно, смотрела на

меня. Она вроде бы и не удивилась, и у меня сложилось впечатление, что взрослые все давно уже обсудили и сейчас просто делают вид, что только что об этом услышали - исключительно для меня.

Терять мне было нечего, так что я, скрипнув зубами, спросил:

– А почему?

– А потому, что я так сказал! - рявкнул в ответ Паппи, и я понял, что зашел слишком далеко.

Я посмотрел на маму. У нее на лице играла странная улыбка.

– Ты братьев Сиско, что ли, боишься, а? - спросил я, вполне ожидая, что кто-то из мужчин может мне врезать.

На минуту повисло молчание. Потом отец прочистил горло и сказал:

– Спруилам лучше некоторое время не соваться в город. Мы все обсудили с мистером Спруилом и решили, что пока всем нам лучше сидеть здесь. Даже мексиканцам.

– Никого я не боюсь, сынок, - пробурчал Паппи. Я не смотрел на него. - И нечего меня подначивать! - добавил он для пущей важности.

Мама все еще улыбалась, а глаза ее блестели. Она явно мной гордилась.

– Мне кое-что надо бы купить, - сказала Бабка. - Муки и сахару.

– Я съезжу, - ответил Паппи. - Мексиканцам, надо думать, тоже что-нибудь понадобится.

Позднее, когда все переместились на переднюю веранду, соблюдая свой вечерний ритуал, я не пошел туда - чувствовал себя слишком обиженным. Я улегся на полу в комнате Рики, в полной темноте, и стал слушать репортаж о матче «Кардиналз», доносившийся сквозь открытое окно, пытаясь одновременно не прислушиваться к тихому разговору взрослых. И старался придумать, как мне отомстить этим Спруилам. Но очень скоро отступил под давлением огромного количества их преступлений. Ночь еще не пришла, но я лежал так тихо, что незаметно заснул прямо на полу.

* * *

Ленч в субботу обычно был самым счастливым временем. Рабочая неделя позади. И мы собираемся в город. И если мне удавалось пережить

субботнее отскребывание на задней веранде, тогда жизнь вообще становилась прекрасной, пусть хоть на несколько часов.

Но в эту субботу никаких радостей не предвиделось. «Работаем до четырех», - сказал Паппи, как будто делал нам огромное одолжение. Тоже мне облегчение! Ну, закруглимся на час раньше. Я даже хотел было спросить его, не будем ли мы работать еще и в воскресенье, но я уже слишком много говорил вечером в четверг. Он старался не замечать меня, а я старался не замечать его. Так дуться друг на друга можно было хоть несколько дней.

Так что вместо того, чтобы ехать в Блэк-Оук, мы отправились обратно в поле. Даже мексиканцы, кажется, были недовольны. Когда трактор остановился, мы молча разобрали свои мешки и скрылись в зарослях. Я собирал мало и часто останавливался передохнуть, а когда увидел, что рядом никого нет, завалился поспать. Можно лишить меня поездки в город, можно выгнать меня в поле, но никто не заставит меня вкалывать изо всех сил. Думаю, в этот субботний полдень поспать заваливался не я один.

Мама нашла меня в поле, и мы вместе пошли домой, вдвоем. Она не очень хорошо себя чувствовала и также хорошо понимала, что по отношению ко мне была допущена несправедливость. Мы собрали некоторое количество овощей в огороде, но совсем немного. Потом я прошел через испытание мытьем и как-то пережил это. А когда надел чистое, то выбрался на передний двор, где Трот проводил все дни, охраняя лагерь Спруилов. Никто не знал, чем он занимается целыми днями, да и наплевать всем было. Мы были слишком заняты и слишком уставали, чтобы беспокоиться о Троте. Я обнаружил, что он сидит за рулем их грузовика и делает вид, что ведет его, издавая при этом губами странные звуки. Он только глянул на меня и вернулся к своему занятию - крутить руль и пускать пузыри.

Когда я услышал приближение трактора, то пошел в дом. И обнаружил, что мама лежит в своей постели, чего она днем никогда не делала. Снаружи доносились голоса, усталые голоса, с переднего двора, где возились Спруилы, и с заднего, где мексиканцы тащились к себе в амбар. Я на некоторое время укрылся в комнате Рики и, держа в одной руке бейсбольный мяч, а в другой перчатку, думал Деуэйне и двойняшках Монтгомери, которые сейчас сидят в кинотеатре «Дикси», смотрят субботний фильм и жуют попкорн.

Тут дверь отворилась, и на пороге возник Паппи:

— Я еду к Перл и Попу кое-чего купить. Хочешь со мной?

Я отрицательно мотнул головой, не глядя на него.

– Я тебе кока-колу куплю, - пообещал он.

– Нет, спасибо, - сказал я, глядя в пол.

Илай Чандлер не стал бы просить пощады даже перед лицом расстрельной команды. Не собирался он упрашивать и какого-то семилетку. Дверь закрылась, и через несколько секунд я услышал, как он завел грузовик.

На передний двор мне идти уже не хотелось, так что я отправился на задний. Рядом с силосной ямой, где предполагалось разместить Спруилов, была небольшая, поросшая травой полянка, где можно было поиграть в бейсбол. Она была не такая широкая и длинная, как мое «поле» на переднем дворе, но там было достаточно открытого пространства, доходившего до края хлопкового поля. И там я мог тренироваться в высоких подачах, бросая мяч так высоко, насколько у меня хватало сил. Остановился я только тогда, когда поймал десять мячей подряд.

Мигель появился как бы из ниоткуда. С минуту он наблюдал за мной, и словно под давлением его взгляда я пропустил три мяча подряд. Тогда я кинул ему мяч, несильно, потому что у него не было перчатки. Он без особых усилий поймал его и метнул обратно. Я перехватил его, отпустил, поддел ногой, потом схватил и бросил обратно в него, на этот раз посильнее.

В прошлом году я узнал, что многие мексиканцы тоже умеют играть в бейсбол, а сейчас было ясно, что Мигель хорошо знаком с этой игрой. Руки его двигались быстро и мягко, его броски были более резкие и сильные, чем у меня. Несколько минут мы перекидывались мячом, а потом к нам присоединились Рико, Пепе и Луис.

– У тебя бита есть? - спросил Мигель.

– Конечно, - ответил я и побежал в дом, чтобы ее принести.

Когда я вернулся, к остальным присоединились еще и Роберто и Пабло; теперь они бросали мой мяч друг другу.

– Ты будешь бэттером, - сказал Мигель, принимая на себя командование.

Он нашел обломок доски и положил его на землю в десяти футах перед силосной ямой, сказав:

– Это пластина «дома».

Остальные рассыпались по инфилду. Пабло, заняв место центрального аутфилдера, оказался рядом с зарослями хлопчатника. Рико присел позади меня, а я занял позицию справа от «дома». Мигель сделал устрашающий ложный бросок, на секунду испугав меня, а потом бросил мяч, несильно. Я изо всех сил врезал по нему битой - и промазал.

По следующим трем мячам я тоже не попал, но потом два броска отбил. Мексиканцы кричали и смеялись, когда я попадал битой по мячу, но ни слова не произносили, когда я мазал. Через несколько минут, наигравшись с битой, я отдал ее Мигелю, и мы поменялись местами. Я начал с сильных прямых подач, но это оказалось для него нетрудным делом. Он отбивал мои низкие прямые броски и мячи, отскакивающие от земли, причем некоторые из них приземлялись точно возле мексиканцев, а остальные просто перехватывались. Большинство из них умели играть, однако парочка бейсбольный мяч в жизни в руках не держала.

Остальные четверо мексиканцев, до этого сидевшие у амбара, услышали шум игры и переместились поближе. Ковбой был без рубашки, а штаны закатал до колен. Он гляделся на добрый фут выше остальных.

Следующим отбивал Луис. Он был не таким умелым, как Мигель, и мне не составляло труда обманывать его, меняя направление броска. К своему удовольствию, я заметил, что Тэлли и Трот следят за игрой, устроившись под вязом.

Потом подошел отец.

Чем больше мы играли, тем больше заводились мексиканцы. Они орали и смеялись над ошибками и промахами друг друга. Господь один знает, что они там говорили по поводу моих бросков.

— А давайте-ка сыграем по-настоящему, - предложил отец.

Тут подошли еще и Бо с Дэйлом, босые и без рубашек. Посовещались с Мигелем, и через несколько минут переговоров было решено, что команда мексиканцев будет играть против арканзасцев. А Рико будет кэтчером, играя и за ту, и за другую команду. Меня опять послали в дом, на сей раз чтобы принести старую кэтчерскую перчатку отца и еще один мяч.

Когда я вернулся во второй раз, тут уже объявился Хэнк - он тоже был готов играть. Я был не очень рад играть с ним в одной команде, но, конечно же, не мог возразить. Не понимал я и куда можно приспособить Трота. А Тэлли вообще девушка.

Ну и стыдоба - девчонка в роли товарища по команде! Но все равно мексиканцев было больше.

Еще один раунд переговоров, и было наконец решено, что мы первыми играем в нападении. «У вас мало ребят», - сказал Мигель с улыбкой. Нашли еще досок и разложили их на земле - они изображали базы. Отец и Мигель договорились об основных правилах, которые стали результатом очень творческого подхода к нашему бесформенному игровому полю.

Мексиканцы разбежались по базам; все были готовы начать игру.

К моему удивлению, Ковбой вышел прямо к «горке» и начал разминаться. Он был тощий, но явно сильный, и когда подавал мяч, мышцы на его груди и плечах вздувались и выпирали. От пота его темная кожа стала блестеть. «Хороший игрок», - сказал тихонько отец. Ковбой произвел мягкое обманное движение и сделал безупречную подачу, почти небрежно метнув мяч, но мяч вылетел из его пальцев, как снаряд, и угодил прямо в перчатку Рико, кэтчера. Следующие подачи были все сильнее и сильнее.

– Очень хороший игрок! - сказал отец, покачав головой. - Видать, много играл в бейсбол.

– Девочки первые, - сказал кто-то, и Тэлли взяла битую и вышла к пластине «дома». Она была босиком, свои тесные штаны закатала до колен, а полы свободно болтавшейся рубашки завязала на талии узлом. Сначала она даже не взглянула на Ковбоя, а вот он, несомненно, пристально смотрел на нее. Он сделал пару шагов к пластине и подал первый мяч, снизу. Она отмахнулась битой и промазала, но замах все равно был впечатляющий, по крайней мере для девчонки.

Тут их глаза на короткое мгновение встретились. Ковбой мял в руках мяч, Тэлли помахивала битой, а мексиканцы трещали, как цикады.

Вторая подача оказалась слабее первой, и Тэлли попала битой по мячу. Мяч отлетел к Пепе, стоявшему на третьей базе, так что у нас теперь был первый раннер.

– Бери битую, Люк, - сказал мне отец.

Я приблизился к пластине с таким же уверенным видом, как Стэн Мьюзиэл, надеясь, что Ковбой не будет теперь делать слишком уж сильные подачи. Он же дал Тэлли возможность отбить один мяч, может, и мне позволит... Я занял позицию, а в ушах у меня раздавались вопли тысяч сходящих с ума болельщиков «Кардиналз», скандирующих мое имя. Стадион - битком, Харри Карай орет в микрофон... но тут я посмотрел на Ковбоя, стоявшего в тридцати футах от меня, и сердце у меня замерло. Он не улыбался, ничего подобного. Он держал бейсбольный мяч обеими руками и смотрел на меня так, словно собирался мне голову снести своей подачей.

Что бы сделал сейчас Стэн Мьюзиэл? Да отбил бы мяч этой клятой битой!

Первая подача была также снизу, так что я мог перевести дыхание. Мяч шел высоко и я не стал его отбивать, а хор мексиканцев тут же очень пространно высказался по этому поводу. Второй мяч Ковбой послал невысоко и по центру, и я попытался отбить его к левой ограде, до которой

было 350 футов. Я закрыл глаза и махнул битой так, словно делал это на виду у тридцати тысяч счастливых болельщиков на стадионе «Спортсменз-парк». И еще я бил для Тэлли. И опять промазал.

– Первый страйк питчеру! - объявил отец, что-то слишком громко, по моему мнению. - Хорошо бы отбил, если б попал, Люк! - добавил он.

Конечно, отбил бы. Я попытался отбить и третью подачу, и когда кэтчер Рико вернул мне мяч, я ощутил страх - у питчера уже было два страйка! Получить третий и вылететь в аут - и думать об этом нельзя! Тэлли же сумела отбить мяч! Она сейчас стояла на первой базе, с нетерпением ожидая, когда я верну мяч в игру, чтобы она могла бежать дальше, на следующую базу. А играли-то мы на моем поле, моей битой и моим мячом! И все сейчас смотрели на меня.

Я отступил на шаг от пластины, и тут на меня напал страх выбыть в аут. Бита вдруг стала тяжелой, сердце колотилось, во рту пересохло. Я бросил взгляд на отца, словно прося помощи, и он сказал:

– Давай, давай, Люк. Вдарь по мячу!

Я посмотрел на Ковбоя - его гнусная ухмылка стала еще более гнусной. А я не чувствовал себя готовым отбить его следующую подачу.

Я чуть-чуть отступил к пластине «дома», стиснул зубы и попытался думать о Стэне Мьюзиэле, но в голову лезли только мысли о проигрыше. Следующая подача оказалась довольно слабой, но я опять промазал - в третий раз. На поле воцарилась полная тишина. Я уронил биту, потом поднял ее и, не слыша ничего, пошел к своей команде - губы дрожали, я едва сдерживался, чтобы не заплакать. На Тэлли я и глаз поднять не мог, а на отца - тем более.

Мне хотелось убежать домой и запереться там.

Следующим бэттером был Трот. Он взял биту правой рукой, за место как раз под этикеткой. Левая рука висела совершенно безжизненно, как и всегда, и всем нам стало немного не по себе, когда мы увидели, как он пытается этой битой взмахнуть. Он улыбался, радуясь, что его взяли в игру, что для него было в данный момент более важным, чем все остальное. Он промазал по первым двум, и я уже начал опасаться, что мексиканцы обойдут нас очков на двадцать. Однако он как-то исхитрился отбить третью подачу - это был несильный и не очень высокий бросок, - и мяч приземлился за второй базой, где по меньшей мере четверо мексиканцев умудрились его пропустить. Тэлли обежала вторую базу и достигла третьей, а Трот тем временем дошлепал до первой.

А я почувствовал себя еще более униженным. Трот был на первой базе, Тэлли на третьей, один аут.

Следующим отбивал Бо. Поскольку он был крупный малый без видимых недостатков, Ковбой отступил назад и метнул мяч со всего размаха. Первая подача была не самая сильная, но бедный Бо уже дрожал, когда мяч долетел до пластины «дома». Он взмахнул битой лишь тогда, когда мяч уже был у Рико, сидевшего на корточках позади него, и Хэнк взорвался хохотом. Бо велел ему заткнуться; Хэнк что-то ему ответил, и я подумал, что мы сейчас станем свидетелями семейной свары Спруилов - прямо в середине первого иннинга.

Второй питч был немного сильнее. А удар Бо немного медленнее.

– Пусть он подает снизу! - крикнул нам Бо, пытаясь все свести к смеху.

– Слабак! - сказал Хэнк.

Мистер и миссис Спруил уже присоединились к зрителям, и Бо посмотрел в их сторону.

Я ожидал, что третья подача будет еще сильнее; Бо ждал того же. Но Ковбой вместо этого сменил руку, и Бо ударил битой задолго до того, как мяч достиг его.

– Отлично играет, - оценил отец игру Ковбоя.

– Теперь я буду отбивать, - сказал Хэнк, опередив Дэйла, который не стал возражать. - Щас я вам покажу, как надо играть!

Бита в его руках смотрелась как зубочистка, и его замахи и удары свидетельствовали о хорошей практике и заставляли предполагать, что он может отбить мяч аж за реку. Первая подача Ковбоя была мощной, но мяч ушел вбок, и Хэнк даже не подумал его отбивать. Мяч попал в перчатку Рико, и мексиканцы разразились новым потоком восторженных испанских восклицаний.

– Да ты подавай прямо на пластину «дома»! - заорал Хэнк Ковбою и посмотрел на нас, словно ожидая возгласов одобрения. А я надеялся, что Ковбой попадет ему мячом прямо в ухо.

Вторая подача была гораздо мощнее. Хэнк взмахнул битой и промахнулся. Ковбой поймал мяч, брошенный ему Рико, и посмотрел на третью базу, где стояла в ожидании Тэлли.

И тут Ковбой метнул крученный, и мяч полетел прямо Хэнку в голову. Тот пригнулся и выронил биту, а мяч, вдруг изменив траекторию, магическим образом пролетел сквозь зону удара. Мексиканцы взорвались хохотом.

– Страйк! - крикнул Мигель со второй базы.

– Не было страйка! - рявкнул в ответ Хэнк, весь красный от ярости.

– Судей у нас нету! - сказал отец. - Страйка не было, потому что он не отбивал этот питч!

Тем лучше для Ковбоя. А у него в запасе имелась еще одна крученая подача. На первый взгляд этот питч был совершенно неопасным, несильный навесной мяч, нацеленный на центр пластины. Хэнк отвел назад биту, готовый нанести мощный удар. Но мяч вдруг пошел куда-то вниз и в сторону и ударился о землю, прежде чем его остановил Рико. Хэнк врезал битой по воздуху. Он потерял равновесие и упал на пластину «дома», а когда поток испанских восклицаний снова заполнил все вокруг, я решил, что он сейчас набросится на них на всех. Но он встал, прищурился на Ковбоя и снова занял свою позицию возле пластины.

Два аута, два страйка, два проигранных очка. Ковбой покончил с Хэнком сильной прямой подачей. Хэнк, перестав замахиваться битой, всадил ее в землю, как копье.

– Не бросай биту! - громко сказал ему отец. - Не умеешь вести себя по-спортивному, так не играй.

Теперь мы выходили на поле, чтобы играть в защите, а мексиканцы его покидали.

Хэнк бросил на отца взгляд, полный отвращения, но ничего не сказал. По каким-то причинам было решено, что питчером буду я.

– Начинай первый иннинг, Люк, - сказал отец.

Мне этого вовсе не хотелось. Я ведь не ровня Ковбою, он сильнее и играет лучше. Нас ожидало поражение в нашей собственной любимой игре!

Хэнк стоял на первой базе, Бо на второй, Дэйл на третьей. Тэлли - на месте левого аутфилдера. Она стояла, уперев руки в боки, а Трот занял место на правом фланге и, судя по его виду, искал сейчас в траве четырехлистный клевер - на счастье. Ну и защита! Да еще с таким питчером, как я, - тут же надо, чтобы все аутфилдеры стояли как можно дальше от пластины «дома»!

Первым к пластине «дома» Мигель послал Роберто, и я был уверен, что он сделал это намеренно, поскольку этот бедолага никогда не видел игры в бейсбол. Он сумел отбить первую, довольно слабую подачу, и мой отец перехватил мяч на шорт-стопе. Потом Пепе отбил высокий «флай», и отец поймал его за второй базой. Два очка, два аута. Я сильно вдохновился, однако мое счастье длилось недолго. Мои подачи отбивались одна за другой, отбитые мячи разлетались по всей нашей ферме. Я пробовал и прямые подачи, и крученые, и разные обманные маневры - все впустую. Они набирали очко за очком и ужасно радовались этому. А я совсем пал духом, потому что меня все время высмеивали, но было также забавно смотреть, как пляшут и радуются мексиканцы по мере того, как счет растет

в их пользу.

Мама с Бабкой сидели под деревом и следили за этим спектаклем вместе с мистером и миссис Спруил. Все были в сборе, кроме Паппи, который все еще торчал в городе.

Когда противник набрал десять очков, отец дал сигнал кончать игру и подошел к «горке».

– Ну, хватит с тебя? - спросил он. Станный вопрос!

– Наверное, - ответил я.

– Сделай перерыв, - посоветовал он.

– Я могу подавать! - выкрикнул Хэнк с первой базы. Отец секунду колебался, потом кинул ему мяч. Я хотел было перейти в правый аутфилд, где торчал Трот и почти ничего не происходило, но отец сказал:

– Ступай на первую.

Я уже знал, что Хэнк очень быстр. Этих Сиско он уложил за считанные секунды. Так что для меня не стало сюрпризом, когда он начал подавать: он кидал мяч так, словно годами только этим и занимался. Действовал он уверенно, замахиваясь перед броском или ловя мяч, брошенный ему обратно Рико. Он сделал три отличные подачи - три сильных броска в Луиса, и первый разгромный иннинг завершился. Мигель сообщил отцу, что они набрали одиннадцать очков. Мне они показались пятьюдесятью.

К «горке» вернулся Ковбой и продолжил с того места, где остановился в прошлый раз. Дэйл вылетел в страйк-аут, и его место возле «дома» занял отец. Он предвидел сильную подачу, принял мяч и мощно отбил его - мяч пошел высоко, настоящий «флай», но вылетел за боковую и упал далеко в зарослях хлопчатника. Пабло отправился на его поиски, а мы пока ввели в игру мой второй мяч. Мы не собирались переставать играть, пока не найдется второй мяч.

Вторая подача - сильный крученный мяч; у отца даже коленки ударились друг о друга, прежде чем он понял, куда тот летит.

– Это был страйк, - сказал он, удивленно покачав головой. - А подача прямо в стиле первой лиги! - добавил он достаточно громко, чтобы его слышали, но ни к кому конкретно не обращаясь.

Он отбил подачу, послав высокий «флай» прямо в центр инфилда, где Мигель поймал его обеими руками, так что команда Арканзаса опять не заработала очка. Теперь к пластине вышла Тэлли. Ковбой перестал ухмыляться и подошел поближе к «дому». Пару раз он подал снизу, стараясь попасть прямо ей в биту, и она в конце концов сумела ударить по несильно брошенному мячу и отбить его на вторую базу, где двое

мексиканцев провозились с ним достаточно долго, чтобы Тэлли благополучно добежала до базы.

Следующим биту взял я.

– Стой спокойно, - сказал отец, и я послушался его. Я был готов что угодно делать, лишь бы выиграть. Ковбой подал, очень слабо, мяч лениво полетел по дуге и я отбил его в центр поля. Мексиканцы заорали от радости. Мне было немного не по себе от их воплей, но удар получился хороший, никакого страйка мне не будет. Напряжение немного спало; мое будущее в составе «Кардиналз» снова стало вполне определенным.

Трот махал битой, но все время мазал чуть не на целый фут и пропустил все три подачи. «Четыре страйка», - сказал Мигель. - Он мог бы насчитать и больше. Конечно, набрав одиннадцать очков ко второму иннингу, можно себе позволить быть щедрым! Трот наконец попал по мячу, и тот отлетел назад к Ковбою, который просто для смеха кинул его на третью базу в глупой попытке осалить Тэлли. Она была в полной безопасности: все базы были заняты. А мексиканцы старались увеличить счет. Бо вышел к пластине, но Ковбой не вернулся ближе к «горке». Он подал мяч снизу, и Бо отбил низко летящий мяч к шорт-стопу, где Пабло метнулся в сторону, чтобы мяч не попал в него, а Тэлли тем временем добежала до следующей базы и принесла нам очко.

Хэнк взял биту и несколько раз махнул ею в воздухе для разминки. Теперь, когда все базы были заняты, он мог думать только об одном - взять «большой шлем». А вот у Ковбоя планы были явно другие. Он отступил назад и перестал улыбаться. Хэнк навис над пластиной «дома», пристально глядя на питчера, словно бросая ему вызов и понуждая сделать такой бросок, какой он бы отбил.

В инфилде на минутку воцарилась полная тишина; мексиканцы подтянулись вперед, ступая на цыпочках и горя нетерпением принять участие в предстоящей схватке. Первый питч - мощно пущенный мяч просвистел над пластиной буквально через долю секунды после того, как Ковбой его метнул. Хэнк даже битой не успел взмахнуть - у него на это и времени-то не было. Он отступил от пластины «дома» и вроде бы даже смирился, что его переиграли. Я глянул на отца, который только покачал головой. Какие мощные подачи у этого Ковбоя!

Потом он послал навесной крученный, который сначала вызвал желание отбить его, но потом изменил траекторию и вылетел из зоны удара. Хэнк махнул битой, но опять неудачно. Потом последовал сильный крученный мяч, который шел ему прямо в голову, но в последнюю секунду спикировал и пролетел прямо над пластиной. Лицо Хэнка опять стало красным от

ярости.

Еще один сильный питч, который Хэнк пытался отбить. Два страйка, базы заняты, два аута. Тут Ковбой, так и не улыбнувшись ни разу, решил немного поиграть. Он послал несильный крученный мяч, который вылетел за линию, потом еще один, посильнее, вынудив Хэнка быстро пригнуться. У меня создалось такое впечатление, что Ковбой вполне может по собственному желанию заставить мяч крутиться вокруг головы Хэнка. Защита опять застрекотала на полную громкость.

Третий страйк - это был несильный, но хитро закрученный мяч, который летел до пластины достаточно медленно и его можно было отбить. Но потом он вдруг вильнул и ушел вниз. Хэнк сильно размахнулся и ударил, промазав на добрый фут, и снова упал в пыль. Он страшно выругался и швырнул биту на землю, рядом с моим отцом.

— Придержи язык! - сказал отец, поднимая биту.

Хэнк что-то пробормотал и стал отряхиваться. Наша половина иннинга закончилась.

Мигель вышел к пластине «дома» - началась вторая половина. Первая подача Хэнка была прямой, он целился Мигелю в голову и почти попал. Мяч отскочил от силовой ямы и откатился к третьей базе. Мексиканцы молчали. Вторая подача была еще сильнее, фута на два ниже. Мигель снова упал в пыль, и его товарищи по команде глухо зароптали.

— Кончай дурака валять! - громко крикнул отец, стоявший на шорт-стопе. - Подавай нормально!

Хэнк ответил ему своей обычной ухмылкой. Он снова бросил мяч, над пластиной, и Мигель отбил его вправо, где защитником стоял Трот, спиной к «дому», и палился на далекие ряды деревьев вдоль Сент-Франсис-Ривер. Тэлли побежала за мячом и догнала его у самого хлопкового поля. «Трипл» по всем правилам - бэттер добежал до третьей базы.

Следующий питч был последним в нашей игре. Ковбой был бэттером. Хэнк, похоже, собрал все силы и послал сильнейший мяч прямо в Ковбоя. Тот отклонился назад, но недостаточно быстро - мяч угодил ему прямо по ребрам с таким мерзким звуком, как будто это дыня разбилась о кирпичную стенку. Ковбой испустил крик боли, но тут же оправился и мгновенно метнул мою биту прямо в Хэнка, изо всех сил, как бросают томагавк, и та полетела, вращаясь в воздухе. Но не попал, куда хотел, - а целился он Хэнку промеж глаз. Вместо этого бита отскочила от земли у ног Хэнка и ударила его по икрам, отскочив от них вбок. Хэнк заорал нечто непечатное и тут же бросился на Ковбоя, как взбесившийся бык.

Остальные тоже бросились вперед. Отец - от места шорт-стопа.

Мистер Спруил от силосной ямы. Кое-кто из мексиканцев. Что до меня, то я стоял, не двигаясь. Стоял себе возле первой базы, слишком напуганный, чтобы сделать хоть шаг. А все остальные что-то орали и бежали к пластине «дома».

Ковбой не отступил ни на шаг. Секунду он стоял совершенно неподвижно - темная кожа блестит от пота, его длинные руки напряжены, готовые к удару, зубы оскалены. И когда атакующий Хэнк был в паре футов от него, рука Ковбоя быстро скользнула в карман и в ней тут же появился нож. Он взмахнул им - и из рукояти выскочило очень длинное лезвие, сверкающая, блестящая полоска стали, несомненно, очень острая. Лезвие щелкнуло, выскочив из рукояти - резкий звук, который я потом буду помнить много лет.

Ковбой высоко поднял руку, чтобы всем было видно. Хэнк затормозил и остановился.

— Брось нож! - заорал он, отскочив футов на пять.

Ковбой сделал левой рукой легкий приглашающий жест, дескать, иди сюда, дубина здоровая, иди, сейчас получишь...

Вид ножа ошеломил всех, и на несколько секунд все замолчали. Никто уже не двигался. Слышно было лишь тяжелое дыхание. Хэнк не сводил глаз со сверкающего лезвия, которое, казалось, еще больше увеличилось в размерах. Никто, пожалуй, и не сомневался, что Ковбой уже не раз использовал этот нож, хорошо умеет с ним управляться и с удовольствием вспорот Хэнку живот, если тот приблизится еще хоть на шаг.

Тут мой отец, держа в руках битую, встал между ними, а рядом с Ковбоем вдруг появился Мигель.

— Брось нож! - повторил Хэнк. - Будем драться как настоящие мужчины!

— Заткнись! - сказал ему отец, замахиваясь битой. - Никаких драк!

Мистер Спруил схватил Хэнка за руку и сказал:

— Пошли отсюда, Хэнк.

Отец повернулся к Мигелю и сказал ему:

— Отведи его в амбар.

Мексиканцы медленно собрались вокруг Ковбоя и вроде как оттеснили его в сторону. В конце концов он повернулся и пошел прочь, все еще сжимая в руке свой выкидной нож. Хэнк, конечно, не стал больше выступать. Он стоял и смотрел, как уходят мексиканцы, как будто их уход означал его победу.

— Убью я этого парня! - сообщил он вдруг.

— Ты уже убил одного, - сказал отец. - Уходи. И держись подальше от

амбара!

– Пошли, - повторил мистер Спруил, и все они - Трот, Тэлли, Бо и Дэйл - потащились в сторону переднего двора. Когда мексиканцы скрылись в амбаре, Хэнк, топоча ногами, отвалил в сторону. «Все равно я его убью», - бормотал он достаточно громко, чтобы мой отец слышал.

Я собрал мячи, перчатки и биты и поспешил за родителями и Бабкой.

Глава 12

Позднее, ближе к вечеру, Тэлли подошла ко мне на заднем дворе. Это было в первый раз, когда я увидел, что она зашла сюда, обогнув дом, хотя по мере течения времени Спруилы обнаруживали все больше интереса к окрестностям.

В руке у нее была небольшая сумка. Она была босиком, но переоделась в какое-то тесное платье, которое я видел на ней впервые.

– Люк, ты мне можешь сделать одолжение? - спросила она таким милым тоном, что щеки у меня тут же стали красными. Я и представления не имел, какое одолжение ей от меня нужно, но у меня не было ни малейших сомнений в том, что она его получит.

– Какое? - спросил я, стараясь говорить уверенно.

– Твоя бабушка говорила матери, что у вас тут неподалеку есть речка, где можно искупаться. Знаешь, о чем речь?

– Ага. Сайлерз-Крик. С полмили отсюда, - ответил я, ткнув пальцем в сторону севера.

– А змеи там есть?

Я засмеялся, словно змеи вообще никому не опасны.

– Может, пара ужей и попадетсЯ. А так даже щитомордников нету.

– А вода там чистая, не мутная?

– Должно быть, чистая. Дождей ведь с воскресенья не было.

Она оглянулась, словно стремясь убедиться, что нас никто не подслушивает. Потом спросила:

– Пойдешь со мной?

У меня аж сердце замерло и во рту сразу пересохло.

– А зачем? - только и сумел я из себя выдавить.

Она снова улыбнулась и отвела взгляд.

– Ну, не знаю... Чтобы за мной уж точно никто не подглядывал.

А ведь могла бы просто сказать: «Я же не знаю туда дороги» или «Я змей боюсь». Или еще что-нибудь, что угодно, не имеющее отношения к подглядыванию за тем, как она купается.

Но ведь не сказала же!

– Ты что, боишься? - спросил я.

– Может, немножко и боюсь.

Мы пошли по дороге в поле и шли по ней, пока дом и амбар не скрылись из виду, а потом свернули на узкую тропинку, которой мы пользовались только весной, во время сева. Как только мы оказались там, она начала болтать. Я не знал, что ей отвечать, так что для меня было большим облегчением, что она сама знала, как управляться с такой ситуацией.

– Мне очень жаль, что с Хэнком так вышло, - сказала она. - Вечно он нарывается на всякие неприятности!

– Ты драку видела?

– Какую?

– Ну ту, в городе.

– Нет. Жутко было?

– Ага. Прямо бойня. Он их здорово избил, этих ребят... И потом добивал, когда драка уже кончилась.

Она вдруг остановилась. Я тоже. Она подошла вплотную - мы оба тяжело дышали.

– Скажи правду, Люк. Он первым взял эту деревяшку?

Глядя прямо в ее прекрасные глаза, я чуть было не сказал «да», но что-то меня остановило. И я решил уйти от прямого ответа. Он ведь ее брат, и в разгар одной из семейных ссор она может ему высказать все, что я ей скажу. Своя рубашка ближе к телу, как любил повторять Рики. А мне вовсе не хотелось, чтобы Хэнк заимел на меня зуб.

– Там была такая свалка, - сказал я и двинулся дальше.

Она тут же догнала меня, но несколько минут мы шли молча.

– Как ты думаешь, его арестуют? - спросила она наконец.

– Не знаю.

– А дедушка твой как считает?

– Да ни черта я не знаю! - Я-то думал произвести на нее впечатление, использовав кое-что из выражений Рики.

– Люк, не говори так! - сказала она. Никакого впечатления это на нее не произвело.

– Извини. - И мы пошли дальше. - А он еще кого-нибудь раньше убивал? - спросил я.

– Не знаю, - сказала она. - Он однажды ездил на север, - продолжила она, когда мы подошли к речке. - И там у него что-то было, какие-то неприятности. Но мы так и не узнали, что там на самом деле случилось.

Уж я-то был совершенно уверен, что там случилось какие-то неприятности, раз там был Хэнк.

Речка Сайлерз-Крик течет вдоль северной границы нашей фермы, а

потом, извиваясь, уходит к Сент-Франсис-Ривер. Место ее впадения почти видно с моста. По обоим ее берегам растут деревья, так что летом здесь прохладно и удобно купаться и плавать. Скоро она, правда, пересохнет, совсем уже скоро, да и вообще в ней чаще всего почти нет воды.

Я провел ее по берегу вниз, к каменистой отмели, возле которой было глубже всего.

– Вот оно, это место, - сказал я.

– Тут глубоко? - спросила она, озираясь по сторонам.

Вода была чистая и прозрачная.

– Примерно вот так, - сказал я, показывая себе чуть ниже челюсти.

– А вокруг никого нет, а? - Казалось, она немножко нервничает.

– Нет. Все сидят на ферме.

– Тогда ты ступай и подожди меня там, о'кей?

– О'кей, - ответил я и не двинулся с места.

– Ну давай же, Люк, иди, - сказала она, бросая свою сумку на землю.

– О'кей, - повторил я и пошел прочь.

– Только не подглядывай, хорошо?

И я почувствовал себя так, словно меня застукали на месте преступления. Небрежно махнул ей рукой, как будто ничего подобного мне и в голову не приходило, и сказал:

– Конечно, не буду!

Я взобрался на берег и нашел себе местечко в нескольких футах над землей, на ветке вяза. Забравшись туда, я мог видеть крышу нашего амбара.

– Люк! - позвала она с берега.

– Да!

– Никого нет поблизости?

– Никого!

Я услышал плеск воды, но не смотрел в ту сторону. Через минуту или две я медленно повернулся и бросил взгляд вдоль речки. Я не видел ее, и от этого мне стало немного легче. Каменистая отмель была за поворотом, к тому же здесь густо росли деревья и кустарник.

Прошла еще минута, и мне стало неуютно. Никто ведь не знает, что мы сюда отправились, никто и не станет пытаться за ней подглядывать. А когда у меня еще будет случай посмотреть, как купается красивая девушка? Я не мог припомнить ни единого конкретного запрета на это ни из проповедей в церкви, ни из Писания, хотя и понимал, что это плохо. Но может, это все же не самый страшный грех.

Поскольку дело явно касалось дурных намерений, я подумал о Рики. Что бы он предпринял в подобной ситуации?

Я спустился с вяза и пробрался сквозь подрост и кустарник, пока не достиг места прямо над каменистой отмелью, а потом осторожно раздвинул ветки.

Ее платье и белье висели на ветке. Сама она стояла глубоко воде. Голова ее была вся в белой мыльной пене, и она не спеша промывала волосы. Я весь вспотел и не дышал. Лежа на животе и глядя в просвет между двумя разлапистыми ветками, я был для нее невидим. Деревья больше качались под ветерком, чем я.

Она что-то тихонько напевала - красивая девушка купается в речке, наслаждается прохладной водой. И не оглядывается со страхом по сторонам, доверяет мне.

Вот она окунулась с головой, смывая пену, которая поплыла в сторону. Потом встала и потянулась за мылом. Она стояла спиной ко мне, так что я мог рассмотреть ее сзади всю. На ней ничего не было, точно так же как на мне во время еженедельных помывок, и именно этого я и ожидал. Но когда мои ожидания оправдались, меня всего пронзила судорога. Инстинктивно я поднял голову, наверное, чтобы лучше ее видеть, но тут же нырнул обратно в заросли, как только чуть пришел в себя.

Если она меня застукает, то скажет об этом своему папаше, а тот скажет моему отцу, а тот меня так выпорет, что я долго ходить не смогу. А мама неделю будет смотреть на меня с отвращением, а Бабка не будет со мной разговаривать, настолько это будет для нее оскорбительным. Паппи устроит мне словесную выволочку, но только для виду, чтобы остальных успокоить. Но все равно, для меня это будет конец.

А она стояла по пояс в воде и терла себе руки и грудь, которая была мне видна сбоку. До этого я никогда не видел женскую грудь; думаю, вряд ли что хоть кто-нибудь из семилетних ребят во всем округе Крэйгхед ее видел. Может, конечно, какой-нибудь малыш и наткнулся однажды на свою голую мамашу, но что касается ребят моего возраста, тут я был уверен - они такого никогда не видели.

По какой-то причине я снова подумал о Рики, и мне вдруг пришла в голову совсем уж дикая мысль. Увидев часть ее обнаженного тела, ее срам, я теперь хотел увидеть ее всю. Если я сейчас очень громко крикну «Змея!», она завизжит от страха, бросит мыло и мочалку, забудет про свою наготу и все прочее и бросится на берег. Побежит к своей одежде, но на несколько потрясающих секунд предстанет передо мной совсем обнаженной.

Я с трудом сглотнул, чтобы прочистить горло, и понял, насколько у меня пересохло во рту. Сердце колотилось; я заколебался и замер, и это дало мне возможность понять кое-что очень ценное и важное.

Чтобы вымыть ноги, Тэлли подошла еще ближе к берегу и почти целиком вылезла из воды - теперь в воде оставались только ее ступни. Она медленно наклонилась, держа в руках мыло и мочалку, и вытянула одну ногу, потом другую. Она терла и ласкала их, а потом занялась ягодницами и животом. Сердце мое колотилось прямо о землю.

Потом она ополоснулась, поливая на себя воду горстями. А когда покончила с этим, то, по-прежнему стоя по колено в воде, нагая и прекрасная, она посмотрела прямо туда, где я прятался. Я нырнул головой вниз, еще глубже зарываясь в заросли. Я уже ждал, что она закричит, но она не закричала. А я теперь был уверен, что совершил непростительный грех.

Я тихонько попятился назад, очень медленно, не производя ни звука, пока не оказался на краю хлопкового поля. Потом пробрался вдоль линии деревьев и вылез к тропинке, где и уселся, как ни в чем не бывало. И когда услышал, что она идет ко мне, постарался принять скучающий вид.

Волосы у нее были мокрые, платье она сменила.

— Спасибо, Люк, - сказала она.

— Ага, - с трудом выдавил я.

— Мне теперь гораздо лучше.

«Мне тоже», - подумал я.

Мы медленно пошли назад к дому. Сначала никто ничего не говорил, но когда мы были на полпути к ферме, она спросила:

— Ты смотрел на меня, Люк? - Голос ее звучал легко и игриво, и мне не хотелось ей врать.

— Да, - сказал я.

— Ну и ладно, все о'кей. Я ведь не дура сумасшедшая.

— Не сумасшедшая?

— Ну да. Думаю, это нормальная вещь, когда мальчишки подсматривают за девочками.

Конечно, нормальная! Но я не мог сказать ни слова в ответ.

А она продолжала:

— Если пойдешь со мной на речку в следующий раз и будешь меня охранять, можешь опять это делать.

— Делать что?

— Смотреть на меня.

— Хорошо, - ответил я чуть быстрее, чем следовало бы.

— Только никому не рассказывай!

— Не расскажу.

* * *

За ужином я едва ковырял в тарелке и пытался при этом делать вид, что ничего не случилось. Есть мне было трудно - в желудке все переворачивалось. Перед глазами по-прежнему стояла Тэлли, как будто мы все еще были на речке.

Да, я совершил нечто ужасное. И горел нетерпением повторить.

— Ты о чем это задумался, Люк? - спросила Бабка.

— Да так, ничего особенного, - ответил я, рывком возвращаясь в реальность.

— Да ладно увиливать, - сказал Паппи. - Ясное дело, что-то случилось.

Тут меня осенило.

— Это все выкидной нож, - сказал я.

Все четверо взрослых неодобрительно закачали головами.

— Думай лучше о чем-нибудь более приятном, - сказала Бабка. «И перестань трястись, - говорил я себе. - Трястись перестань».

Глава 13

Вот уже второе воскресенье подряд главное место в наших молитвах занимала смерть. Миссис Лета Хейли Докери была крупная громкоголосая женщина, муж которой бросил ее много лет назад и сбежал в Калифорнию. Неудивительно, что в городке циркулировало множество слухов о том, чем он занимался, попав туда, и самым распространенным был тот - я его слышал много раз, - что он сошелся с молодой женщиной другой расы, кажется, китайкой. Однако, как и множество других слухов, ходивших по Блэк-Оуку, его невозможно было ни подтвердить, ни опровергнуть.

Миссис Докери вырастила двоих сыновей, ни один из которых ничем особым не отличился, однако у них обоих хватило ума сбежать с хлопковых плантаций. Один жил в Мемфисе, другой уехал на Запад, куда точно - неизвестно.

У нее были еще какие-то родственники, разбросанные по северо-востоку Арканзаса, и, в частности, один дальний кузен, который жил в Парагулде, в двадцати милях от нас. Очень дальний родственник, если верить Паппи, который к тому же не любил миссис Докери. А у этого кузена из Парагулда был сын, который тоже сражался в Корее.

Когда на молитвах в церкви упоминали имя Рики, всякий раз возникала неловкая ситуация, потому что миссис Докери тут же высказывала вперед, чтобы напомнить всей конгрегации, что и ее родственник участвует в войне. И еще она вечно загоняла в угол Бабку и начинала мрачно нашептывать ей, какая это тяжкая ноша - ждать новостей с фронта. Паппи никогда и ни с кем о войне не говорил, а однажды он даже отчитал миссис Докери после одной из ее первых попыток выразить ему свое сочувствие. В своей семье мы просто старались избегать упоминаний о том, что происходит в Корее, по крайней мере на людях.

Несколько месяцев назад после ее очередного выступления в попытке добиться сочувствия кто-то из прихожан спросил у миссис Докери, есть ли у нее фото племянника. Мы всей общиной так много молились за него в церкви, и прихожане хотели увидеть его изображение. И она оказалась в страшно унижительном положении, поскольку фото у нее не было.

Когда он отправлялся морем в Корею, его звали Джимми Нэнс и он был племянником четвероюродного брата миссис Докери - «очень близкий родственник», как она его называла. Со временем он превратился в Тимми Нэнса и стал не просто племянником, а настоящим кузеном, двоюродным

или троюродным братом. Нам никак не удавалось точно установить степень их родства. И хотя она предпочитала называть его Тимми, иногда в разговоре вдруг проскальзывало имя Джимми.

Однако каким бы ни было его подлинное имя, он погиб. Эту новость нам сообщили в церкви, еще до того, как мы успели добраться до своего грузовичка.

Миссис Докери сидела в зале для общих собраний в окружении наших дам, матерей тех, кто посещал ее класс в воскресной школе, и все они стонали и голосили. Я стоял в отдалении и смотрел, а Бабка и мама ждали своей очереди, чтобы выразить ей свое сочувствие и ободрить ее. Мне было действительно жалко миссис Докери. Каким бы дальним ни был этот ее родственник, горе ее было неподдельным.

Подробности обсуждались только шепотом: он вел джип, вез своего командира, и они нарвались на мину. Тело доставят домой не раньше чем через два месяца, а может, и никогда. Ему было двадцать лет, и у него была молодая жена, которая жила в Кеннетте, штат Миссури.

Пока шел весь этот разговор, вошел преподобный Эйкерс. Он сел рядом с миссис Докери, взял ее за руку, и они стали молиться вместе - тихо, долго и усердно. В зале собралась вся конгрегация, все смотрели на нее и ждали своей очереди выразить ей свои соболезнования.

Через несколько минут я заметил, что Паппи тихонько выскользнул за дверь.

Значит, вот как оно будет выглядеть, подумал я, если оправдаются наши худшие предположения: нам сообщат с другого конца света, что он погиб. И потом вокруг нас соберутся друзья и знакомые, и все будут плакать.

У меня вдруг запершило в горле, в глазах уже закипали слезы. Но я сказал себе: «С нами такого случиться не может. Рики там джип не водит, а если бы даже и водил, у него хватило бы ума не наезжать на мину. Конечно же, он вернется домой!»

Я вовсе не хотел, чтобы кто-то увидел, как я плачу, поэтому я выскочил из церкви - и увидел, что Паппи залезает в наш грузовик. Я присоединился к нему. Мы долго сидели в кабине и глазели сквозь лобовое стекло. Потом, не сказав ни слова, он завел мотор, и мы тронулись.

Мы проехали мимо хлопкоочистительного джина. Хотя по утрам в воскресенье там было тихо, любой фермер хотел бы, чтобы все его машины ревели и грохотали. Они же работали всего три месяца в году.

Мы выехали за город и поехали куда глаза глядят; я, во всяком случае, не знал, куда мы направляемся. Паппи выбирал боковые дороги, пыльные

грейдеры, где с каждой стороны, всего в паре футов от обочины, начинались сплошные заросли хлопчатника.

Первыми словами, которые он произнес, были: «А вот тут живут Сиско». Он указал кивком налево, не желая снимать руку с руля. В отдалении, едва видимый посреди акров и акров хлопка, стоял типичный дом издолщика. Ржавая крыша из оцинкованного железа просела, веранда покосилась, двор грязный, посеvy хлопчатника подступают к веревкам для сушки белья. Вокруг никого не видно, что только к лучшему. Хорошо зная Паппи, можно было предположить, что ему вполне может взбрести в голову подъехать к дому и устроить свару.

Мы продолжали медленно ехать вдоль бесконечных и однообразных хлопковых полей. Я сейчас прогуливал занятия в воскресной школе - вот ведь здорово мне повезло, даже не верится! Маме это не понравится, но она не станет ругаться с Паппи. Она ведь сама мне говорила, что Паппи и Бабка всегда кидаются ко мне, когда больше всего беспокоятся о Рики.

Потом мы заметили какое-то движение в поле и замедлили ход, почти остановились. «Это ферма Эмбри, - сказал Паппи, кивнув в ту сторону. - Мексиканцев видишь?» Я потянулся, привстал и наконец увидел их - четыре или пять соломенных шляп в море белого; они низко пригнулись, видимо, услышали нас и решили спрятаться.

— Они и в воскресенье собирают? - спросил я.

— Ага.

Мы прибавили скорость, и скоро они пропали из виду.

— Что будем делать? - спросил я, как будто здесь был нарушен закон.

— А ничего. Это личное дело Эмбри.

Мистер Эмбри был членом нашей церковной общины. И я не мог себе представить, что он позволяет работать на своем поле и в воскресенье.

— Как думаешь, он об этом знает? - спросил я.

— Может, и не знает. Думаю, мексиканцам было нетрудно выбраться в поле после того, как он поехал в церковь, - сказал Паппи без особого убеждения.

— Но они же не могут взвесить собранный хлопок, - заметил я.

Паппи улыбнулся.

— Да уж, надо думать, - сказал он. Вот так было установлено, что мистер Эмбри разрешает своим мексиканцам собирать хлопок по воскресеньям. Слухи об этом ходили каждую осень, но я не мог себе представить, что такой образцовый дьякон, как мистер Эмбри замешан в столь отвратительном грехе. Я был шокирован; Паппи - нет.

Бедные, бедные мексиканцы! Привозят их сюда, как скот, заставляют

вкаливать как проклятых, да еще отбирают у них единственный день отдыха, пока владелец плантации прячется в церкви!

– Давай-ка не будем никому рассказывать об этом, - сказал Паппи, довольный, что ему удалось подтвердить очередной слух.

Так. Вот вам и еще один секрет.

* * *

Еще подходя к церкви, мы услышали, что вся наша конгрегация поет. Я еще никогда не оказывался вне церкви, когда мне было положено быть внутри. «На десять минут опоздали», - пробормотал Паппи себе под нос, открывая дверь. Все стояли и пели, так что нам удалось проскользнуть на свое место, не вызвав переполоха. Я посмотрел на родителей, но они не обращали на меня внимания. Когда псалом закончился, все сели и я обнаружил, что уютно сижу между дедом и Бабкой. Рики, может быть, сейчас в опасности, но уж меня-то есть кому защитить.

Преподобный Эйкерс прекрасно понимал, что ему следует избегать упоминаний о войне и смерти. Но начал проповедь с торжественного объявления о смерти Тимми Нэнса, о чем все уже знали. Миссис Докери уже увели домой - отлежаться. Ученики из ее класса в воскресной школе строили планы, как ее утешить. Брат Эйкерс заявил, что пришло время всей конгрегации сплотиться и помочь одной из своих.

Это будет поистине звездный час для миссис Докери, все это отлично понимали.

Если бы брат Эйкерс продолжил говорить о войне, ему бы пришлось после службы объясняться с Паппи, так что он вернулся к заранее подготовленному тексту проповеди. Мы, баптисты, очень гордимся тем, что посылаем миссионеров по всему миру, и сейчас все наши единоверцы как раз разворачивали мощную кампанию по сбору средств для их поддержки. Вот об этом и говорил брат Эйкерс - о сборе денег, чтобы мы могли направлять больше наших людей в такие места, как Индия, Корея, Африка и Китай. Иисус учил нас любви ко всем людям и всем народам, невзирая на их различия. И именно нам, баптистам, предстояло обратить остальные страны мира в истинную веру.

Я же решил, что не пожертвую и лишнего дайма.

Меня с детства приучили жертвовать одну десятую всех своих доходов на церковь, и я выполнял это, но с неудовольствием. О пожертвованиях говорилось и в Писании, так что спорить тут бесполезно. Но брат Эйкерс говорил о сборе еще больших сумм, сверх и помимо обычных, о дополнительных пожертвованиях, и вот тут ему крупно не повезло - там, где это касалось меня. Я вовсе не желал, чтобы мои деньги послали в Корею. И был уверен, что остальные Чандлеры тоже не желают такого. А может быть, и вся наша община.

В то утро он был не очень громогласен. Говорил о любви и благотворительности, а не о грехе и смерти, и мне даже показалось, что он не слишком усердствует. А поскольку в церкви было тише, чем обычно, я начал клевать носом.

После службы мы были не очень настроены на пустые разговоры. Взрослые сразу пошли к пикапу, и мы поспешно отбыли из города. Когда мы выезжали на шоссе, отец спросил:

- А где вы с Паппи пропадали?
- Да просто ездили вокруг, - ответил я.
- Куда именно?
- В ту сторону. - Я указал на восток. - Никуда конкретно. Думаю, ему просто хотелось побыть подальше от церкви.

Он кивнул, словно и сам хотел бы уехать тогда вместе с нами.

* * *

Когда мы заканчивали воскресный ужин, в заднюю дверь тихонько постучали. Отец сидел ближе всех к ней, так что он вышел на заднюю веранду, где обнаружил Мигеля и Ковбоя.

– Мать, тут твоя помощь нужна, - позвал он, и Бабка поспешила из кухни наружу. Все остальные последовали за ней.

Ковбой был без рубашки; левая сторона его груди вся опухла и выглядела просто ужасно. Он едва мог поднять левую руку, а когда Бабка заставила его это сделать, скривился от боли. Мне было его очень жалко. На груди у него была небольшая ранка, в том месте, где в него попал бейсбольный мяч.

– Рубец останется, - пробормотала бабка.

Мама принесла миску с водой и чистую тряпку. Через пару минут Паппи и отцу все это наскучило, и они ушли. Уверен, теперь их волновал вопрос, как отразится ранение одного из мексиканцев на их производительности.

Бабка была просто счастлива, играя роль врача, так что Ковбой получил лечение по полной программе. После того как ранка была перевязана, она заставила его лечь на пол на задней веранде, подсунув ему под голову подушку с нашего дивана.

— Он должен лежать неподвижно, - сказала она Мигелю. А потом спросила самого Ковбоя: - Болит сильно?

— Не очень, - ответил тот. Мы удивились, что он понимает по-английски.

— А не дать ли ему болеутоляющего? - задумчиво сказала она, обращаясь к маме.

Болеутоляющие средства Бабки были похуже любого перелома. Я в ужасе посмотрел на Ковбоя. Он прекрасно меня понял и сказал:

— Нет, никаких лекарств.

Тогда она принесла из кухни лед, завернула его в кусок джутовой ткани и осторожно положила на его вспухшую грудь.

— Придерживай его тут, - сказала она, кладя его левую руку на сверток. Когда он почувствовал прикосновение льда, все его тело напряглось, но он тут же расслабился, как только лед снял боль. Через несколько минут по груди его уже побежала талая вода, стекая на пол. Он закрыл глаза и перевел дыхание.

— Спасибо, - сказал Мигель.

— Gracias, - сказал я, и Мигель улыбнулся мне.

Мы оставили их на задней веранде, а сами собрались на передней, чтобы выпить чаю со льдом.

— У него ребра сломаны, - сказала Бабка Паппи, который сидел в качалке, переваривая ужин. Он явно не хотел ей отвечать, но через несколько секунд крякнул и произнес:

— Скверно.

— Ему надо к врачу.

— Да зачем ему врач?

— Может, у него внутреннее кровотечение.

— А может, и нет.

— Это может быть опасно.

— Если б у него внутри шла кровь, он бы уже умер, не так ли?

— Точно, умер бы, - подтвердил отец.

Тут в наши дела вмешались два важных фактора. Первый - наши мужчины страшно боялись того, что врачу надо платить. Второй, ничуть не менее важный, - оба они были на фронте и участвовали в боях. Они не раз видели оторванные части тел, изуродованные трупы, солдат, лишившихся руки или ноги, так что на мелкие травмы им было плевать. Обычные порезы или переломы для них были просто частью жизни, и их вполне можно перетерпеть и пережить.

Бабка понимала, что переубедить его не удастся.

— Если он умрет, то по твоей вине, - заявила она.

— Да не умрет он, Рут, - сказал Паппи. - А даже если и умрет, это не наша вина. Это ж Хэнк ему ребра сломал.

Мама ушла внутрь дома. Она опять плохо себя чувствовала, и я уже начал за нее беспокоиться. Разговор перешел на хлопок, и я ушел с веранды.

Я пробрался на задний двор, где сидел Мигель, недалеко от лежащего Ковбоя. Оба они как будто спали. Тогда я проскользнул в дом и пошел посмотреть, как там мама. Она лежала на кровати с открытыми глазами.

— Ты как, мам? - спросил я.

— Ничего, Люк. Не волнуйся.

Она бы в любом случае так ответила, независимо от того, как на самом деле себя чувствует. Я немного постоял рядом, опершись край постели, а когда уже готов был уйти, спросил еще раз:

— Ты уверена, что у тебя все в порядке?

Она потрепала меня по руке и ответила:

— Все у меня в порядке, Люк.

Я пошел в комнату Рики, чтобы взять бейсбольный мяч и перчатку. Когда я тихонько выбрался из кухни, Мигеля на задней веранде уже не было. Ковбой сидел на пороге веранды, свесив ноги вниз и прижимая левой рукой к груди лед. Он все еще пугал меня своим видом, но в его нынешнем состоянии вряд ли он смог бы причинить мне вред.

Я с трудом сглотнул, потом протянул ему мяч, тот самый, что сломал ему ребра, и спросил:

— Как ты делаешь такую крученую подачу?

Недоброе выражение на его лице немного сгладилось, он даже почти улыбнулся.

— Встань вон там, - сказал он, указывая на траву рядом с верандой. Я спрыгнул вниз и встал рядом с его коленями.

Ковбой взял мяч, причем его указательный и средний палец легли точно на шов.

– Держишь вот так, - сказал он. Тому же учил меня и Паппи. - А потом резко поворачиваешь, - продолжал он, поворачивая кисть так, что в момент броска его пальцы оказались внизу, под мячом. Ничего нового. Я взял мяч и проделал все, как он учил.

Он наблюдал за мной, не говоря ни слова. Намек на улыбку с его лица уже исчез, и мне показалось, что ему очень больно.

– Спасибо, - сказал я. Он едва кивнул в ответ.

Тут мой взгляд наткнулся на кончик его выкидного ножа, который торчал из переднего кармана его рабочих штанов. Я ничего не мог с собой поделать - стоял и пялился на него. Потом поднял глаза на Ковбоя, а потом мы оба одновременно посмотрели на его оружие. Он медленно вытащил нож из кармана. Ручка ножа была темно-зеленая и гладкая, с резьбой. Он подержал нож передо мной, чтобы я его хорошенько рассмотрел, потом нажал на кнопку, и лезвие выскочило наружу. При этом оно щелкнуло, и я отпрянул.

– Ты где такой достал? - спросил я. Дурацкий вопрос, конечно. Он не ответил. - Еще раз так сделай, - попросил я.

Молниеносным движением он прижал нож к ноге, убирая лезвие обратно в ручку, а потом взмахнул ножом у меня прямо перед носом, нажав на кнопку и выкинув лезвие.

– А мне можно? - спросил я.

Он отрицательно мотнул головой.

– Ты кого-нибудь им уже порезал?

Он притянул нож к себе и, бросив на меня гнусный взгляд, ответил:

– Многих.

С меня было вполне достаточно. Я отошел назад, а потом рысью убрался за силосную яму, где я мог побыть в одиночестве. Целый час я бросал себе мячи и ловил их, надеясь, что Тэлли снова отправится на речку и будет проходить мимо.

Глава 14

Рано утром в понедельник мы в полном молчании собрались возле трактора. Больше всего мне хотелось проскользнуть обратно в комнату Рики, залезть в постель и заснуть на несколько дней. И чтобы никакого хлопка, никакого Хэнка Спруила, ничего, что так портит жизнь. «Зато мы зимой можем отдыхать», - любила повторять Бабка, и это было действительно так. Когда урожай хлопка собран и поля вспаханы, наша маленькая ферма на все холодные месяцы впадает в спячку. Но в середине сентября холода еще остаются далекой мечтой.

Паппи, мистер Спруил и Мигель собрались возле трактора и о чем-то разговаривали, а остальные пытались прислушиваться. Мексиканцы, сбившись тесной группой, ожидали неподалеку. Был разработан план, согласно которому они начнут собирать хлопок возле амбара, чтобы добираться до поля пешком. Мы, арканзасцы, будем работать немного дальше, а прицеп для хлопка будет служить разделительной линией между обеими группами. Надо было держать дистанцию между Хэнком и Ковбоем, иначе произойдет еще одно убийство.

– Мне больше не нужны неприятности, - услышал я слова Паппи. Все понимали, что выкидной нож у Ковбоя всегда в кармане, и сомневались, что у Хэнка, каким бы тупицей он ни был, хватит дурости снова полезть в драку с ним. За завтраком в то утро Паппи высказал предположение, что Ковбой не единственный среди мексиканцев, у кого есть нож. Одно неудачное слово со стороны Хэнка - и вокруг будут сверкать сплошные выкидные ножи. Это мнение разделял и мистер Спруил, который убеждал Паппи, что никаких неприятностей больше не будет. Но к тому времени уже никто не верил, что мистер Спруил - или кто угодно другой - может контролировать поведение Хэнка.

Прошлой ночью шел дождь, но на полях не осталось и следа от него; хлопок стоял сухой, почва пылила. Но Паппи и отец видели в этом дожде предзнаменование грядущих неизбежных наводнений, и теперь выглядели крайне озабоченными, что передавалось, как заразная болезнь.

Урожай в этом году был просто отличный, но у нас было всего несколько недель в запасе, чтобы все убрать, прежде чем разверзнутся хляби небесные. Когда трактор остановился возле прицепа, мы быстро разобрали свои мешки и полезли в заросли. Со стороны Спруилов не слышалось ни смеха, ни пения; от мексиканцев, оставшихся в отдалении,

не доносилось вообще ни звука. Поспать я не рассчитывал, поэтому собирал волокно так быстро, как мог.

Солнце поднималось, испаряя росу с коробочек и волокна. Тяжелый воздух прямо-таки лип к коже, одежда была насквозь мокрая от пота, пот капал с лица. Некоторое преимущество небольшого роста заключалось в том, что стебли хлопчатника по большей части были выше меня и я хоть частично, но был в тени.

* * *

Два дня напряженных сборов хлопка - и наш прицеп был полон. Паппи повез его в город; это всегда делал Паппи, а не отец. Точно так же как с мамой и огородом. Это была одна из тех обязанностей, которые были распределены задолго до того, как появился я. А мне полагалось ездить с Паппи, и я всегда радовался, потому что это означало поездку в город, пусть только до джина.

Мы быстро поели и, сев в грузовичок, поехали в поле за прицепом с хлопком. Мы залезли на него и закрепили брезент, чтобы хлопок не унесло ветром. Это ж настоящее преступление - позволить улететь хоть одной унции добра, в сбор которого вложено столько трудов!

Когда мы подъезжали к дому, я увидел мексиканцев - они сидели за амбаром тесной группой и медленно жевали свои тортильи. Отец был возле сарая для инструментов, латал шину от переднего колеса трактора «Джон Дир». Женщины мыли посуду. Тут Паппи вдруг остановил грузовик. «Побудь здесь, - сказал он. - Я сейчас вернусь». Видимо, что-то забыл.

Когда он вернулся, в руках у него был дробовик двенадцатого калибра, который он, не сказав ни слова, засунул под свое сиденье.

— Мы что, охотиться будем? - спросил я, прекрасно зная, что ответа не получу.

Случай с Сиско ни за ужином, ни потом, на задней веранде, не обсуждался. Думаю, что взрослые решили не касаться этой темы, по крайней мере в моем присутствии. Но ружье наводило на самые разные мысли и предположения.

Я тут же подумал о возможной перестрелке возле джина в стиле Джина Отри. Хорошие парни, то есть фермеры, с одной стороны, стреляют,

прячась за свои прицепаы с хлопком; плохие парни, Сиско и их приятели, с другой стороны, стреляют в ответ. Свежесобранный хлопок летает вокруг, а в прицепаы попадаюа новые и новые заряды. Звенят разбитые окна, взрываются грузовики... К тому времени, когда мы переехали реку, я уже видел множество мертвых тел по всему пространству возле джина.

– Ты в кого собрался стрелять? - спросил я снова, пытаясь заставить Паппи хоть что-то сказать.

– Занимайся собственными делами, - мрачно ответил он, переключая скорость.

Может, ему надо было свести счёта с кем-то, кто его оскорбил. А это напомнило мне одну из любимых в семействе Чандлеров историй. Когда Паппи был совсем молодой, он, как и многие фермеры, обрабатывал поле с помощью мулов. Это было задолго до появления тракторов, когда все работы на фермах выполняли только люди и животные. Один из наших соседей, вечный неудачник по фамилии Вулбрайт, однажды увидел Паппи в поле - по всей видимости, у Паппи был неудачный день и мулы его не слушались. По словам Вулбрайта, Паппи колотил бедных мулов здоровенной палкой по головам. И когда потом Вулбрайт рассказывал эту историю в «Ти шопп», то добавил: «Если б у меня тогда был под рукой мокрый джутовый мешок, я бы проучил Илая Чандлера!» Его слова разнесли по округе, и Паппи узнал, что сказал Вулбрайт. Несколько дней спустя, после тяжелого и жаркого дня в поле, Паппи взял джутовый мешок, засунул его в ведро с водой и, не поужинав, отправился пешком за три мили к дому Вулбрайта. Или за пять миль, или за десять - зависело то того, кто это рассказывал.

Добравшись туда, он позвал Вулбрайта и потребовал, чтобы тот вышел наружу, поговорить. Вулбрайт как раз заканчивал ужин, а у него то ли была куча детей, то ли вообще их не было. Так или иначе, но Вулбрайт подошел к сетке, загораживавшей вход в дом, выглянул во двор и решил, что ему будет безопаснее посидеть внутри.

А Паппи все орал ему, чтобы выходил наружу. «Вот тебе джутовый мешок, Вулбрайт! - кричал он. - Выходи, доводи дело до конца!»

Вулбрайт отступил еще глубже в дом, и когда стало ясно, что он так и не выйдет, Паппи швырнул мокрый джутовый мешок сквозь сетку на входе. А потом пошел назад домой - три, пять или десять миль - и лег спать, так и не поужинав.

Я слышал эту историю достаточно много раз, чтобы поверить, что это правда. Даже мама верила. Горячий нрав Илая Чандлера был хорошо всем известен в его молодые годы, да и в шестьдесят он по-прежнему заводился

с пол-оборота.

Однако он никогда не стал бы никого убивать, разве что при самообороне. И вообще он предпочитал действовать кулаками или не очень опасными предметами вроде джутовых мешков. Ружье он взял с собой на всякий случай. Эти Сиско ведь полные идиоты.

Когда мы подъехали к джину, там все ревело и гремело. Впереди нас уже стояла длинная очередь из прицепов, и я понял, что мы тут несколько часов проторчим. Было уже темно. Паппи выключил мотор и забарабанил пальцами по баранке. А ведь сегодня играли «Кардиналз», и мне очень хотелось оказаться дома.

Прежде чем вылезти из грузовика, Паппи внимательно осмотрел все прицепы, грузовики и тракторы, понаблюдав за рабочими с ферм и обслугой джина, занимавшимися своими делами. Он все пытался определить, не назревает ли какая-нибудь неприятность. Не увидев ничего подозрительного, он наконец сказал:

– Пойду посмотрю... Ты тут посиди.

Я смотрел, как он пересек усыпанную гравием площадку и остановился возле группы людей, собравшихся рядом с офисом джина. Некоторое время он стоял там, говорил и слушал, что говорили ему. Возле прицепа впереди нас собралась другая группа - молодые люди, они стояли там, курили и ждали своей очереди на разгрузку. Хотя джин сейчас был центром деловой активности, дела здесь делались медленно.

Краем глаза я заметил какую-то фигуру, она появилась откуда-то из-за нашего грузовика. «Привет, Люк!» - раздался голос, и я вздрогнул. Резко повернувшись, я увидел дружелюбную улыбку Джеки Муна, парня постарше меня, который жил в северной части города.

– Привет, Джеки, - ответил я с облегчением. На секунду я решил, что это один из Сиско выскочил из засады. А Джеки оперся о передний бампер, встав спиной к джину, и достал уже свернутую самокрутку.

– От Рики что-нибудь слышно? - спросил он.

– Давненько ничего не было, - сказал я, глядя на его самодельную сигарету. - Последнее письмо пришло пару недель назад.

– Как он там?

– Да вроде нормально.

Он чиркнул спичкой о борт грузовика и закурил. Это был длинный и тощий парень, он очень долго, насколько я помню, был настоящей баскетбольной звездой в средней школе в Монетте. Они играли вместе с Рики, пока Рики однажды не застали курящим позади школы. И их тренер, ветеран, потерявший на войне ногу, выгнал Рики из команды. Паппи потом

целую неделю бегал по всей ферме Чандлеров, угрожая убить своего младшего сына. А Рики мне сказал по секрету, что ему все равно уже надоел этот баскетбол. Он хотел играть в футбол, но в Монетте не было футбольной команды, потому что летом и осенью все заняты хлопком.

– Я тоже, может, туда попаду, - сообщил Джеки.

– В Корею?

– Ага.

Я хотел было спросить, с чего это он взял, что может понадобится в Корею. На что уж я ненавидел собирать хлопок, но все равно предпочел бы заниматься этим делом, чем получить пулю.

– А как же баскетбол? - спросил я. Был такой слух, что Джеки пригласили в команду штата.

– Да ухажу я из школы, - сказал он, выпустив клуб дыма.

– С чего это?

– А надоело. Двенадцать лет уже туда таскаюсь, больше чем любой другой из нашей семьи. Хватит, достаточно поучился.

В нашем округе ребята часто бросают школу. Рики тоже несколько раз пытался бросить, и Паппи в конце концов плюнул на это. А Бабка, наоборот, настояла на своем, и Рики в конечном итоге все же получил аттестат.

– Там многих ребят уже убили, - сказал он, глядя в пространство.

А вот этого я вовсе не желал слушать, так что ничего ему не ответил. Он докурил свою самокрутку и засунул руки глубоко в карманы.

– Говорят, ты видел эту драку с Сиско, - сказал он, не глядя на меня.

Я понимал, что вопрос об этой драке непременно возникнет во время нашей поездки в город. И припомнил строгое предупреждение отца - ни с кем этот инцидент не обсуждать.

Но Джеки можно было доверять. Он вместе с Рики вырос.

– Да многие ее видели, - сказал я.

– Да, но никто ничего не говорит. Эти хмыри с гор молчат, потому что один из них замешан. А местные молчат, потому что Илай всем велел заткнуться. Вот об этом как раз и говорят...

Я верил ему. И ни секунды не сомневался, что Илай Чандлер нажал на баптистскую братию, чтобы всем заткнуть рты, по крайней мере пока не будет убран хлопок.

– А что насчет Сиско?

– Да их вообще не видно. Легли на дно. Похороны были в прошлую пятницу. Могилу они сами рыли. Похоронили его позади методистской церкви. Стик с них глаз не спускает.

В разговоре опять возникла долгая пауза, а джин между тем продолжал грохотать позади нас. Джеки скрутил новую сигарету, прикурил и потом сказал:

– Я тебя видел там, когда шла драка.

Я почувствовал себя так, словно меня застукали на месте преступления. И все, что я смог из себя выдавить, было:

– Ну и что?

– Я тебя видел, ты был там вместе с мальчишкой Пинтером. А когда этот болван с гор схватил палку, я поглядел на вас и подумал, что этим малышам не стоит на такое смотреть. И был прав.

– Хотел бы я, чтобы меня там не было...

– Я тоже, - сказал он и выпустил аккуратное колечко дыма.

Я бросил взгляд в сторону джина, чтобы убедиться, что Пап-пи стоит достаточно далеко. Он все еще был внутри здания, в офисе, где владелец джина держал все свои бумаги. Между тем сюда подъезжали новые прицепы, они выстраивались позади нас.

– Ты со Стиком говорил? - спросил я.

– Не-а. И не думал. А ты?

– Говорил. Он приезжал к нам.

– А с этим болваном с гор он тоже говорил?

– Ага.

– Значит, Стик знает, как его зовут?

– Надо думать.

– Так почему ж он его не арестовал?

– Не знаю. Я сказал ему что там было трое на одного.

Он крякнул и сплюнул в кусты.

– Все верно, их было трое против одного, но совсем не обязательно было кого-то убивать. Мне эти Сиско вовсе не нравятся, они никому не нравятся, но ему не следовало их так избивать.

Я ничего не сказал на это. Он затаился и продолжал говорить, а дым выходил у него изо рта и ноздрей.

– У него все лицо было красное и глаза так и сверкали! А потом он вдруг остановился и посмотрел на них, как будто его призрак какой схватил и заставил остановиться... А потом отошел назад и выпрямился и еще раз глянул на них, на лежащих, так глянул, как будто это сделал не он, а кто-то другой... Потом повернулся и ушел, пошел на Мэйн-стрит, а все остальные Сиско и другие бросились к этим ребятам... Они взяли пикап Роу Данкана и отвезли всех домой. Джерри так и не очнулся. Роу сам повез его в больницу, прямо посреди ночи. Но он говорит, что Джерри уже был

мертвый. Череп пробит. Двоим другим еще повезло, они не умерли. Он ведь и их тоже здорово избил, как и Джерри. Никогда такого не видел.

– Я тоже.

– Я в на твоём месте пока что избегал таких драк. Ты ещё слишком мал.

– Не беспокойся за меня. - Тут я посмотрел в сторону джина и увидел Паппи. - А вот и Паппи идет.

Он уронил окурок и затоптал его.

– Никому не говори, что я тебе сказал, ладно?

– Конечно.

– Неохота мне связываться с этим болваном с гор.

– Никому не скажу.

– Передавай привет Рики. Напиши ему, чтобы держался, пока я туда не прибуду.

– Напишу, Джеки.

И он растворился в темноте так же беззвучно, как появился.

Ещё один секрет, который надо хранить.

Паппи отцепил прицеп и сел за руль. «Не стану я ждать три часа!» - пробормотал он и завел двигатель. Он отъехал от джина и направился вон из города. Где-то поздно ночью кто-то из рабочих джина подцепит наш прицеп маленьким трактором и потащит его к джину. Хлопок будет засосан по трубопроводу в джин, и пару часов спустя наружу выползут две аккуратные кипы. Их взвешают, а затем от каждой кипы отрежут по образцу, которые отложат в сторонку, где их потом будет оценивать покупатель. После завтрака Паппи вернется к джину, чтобы забрать прицеп. Он осмотрит кипы и образцы и придумает себе ещё какую-нибудь причину, чтобы поволноваться.

* * *

На следующий день пришло письмо от Рики. Бабка положила его на кухонный стол, где мы его и увидели, когда ввалились через заднюю дверь, с натруженными спинами и едва волоча ноги. Я собрал в тот день семьдесят два фунта хлопка, настоящий рекорд на все времена для семилетнего мальчишки, хотя такие рекорды никто не регистрировал,

потому что все любят приврать. Особенно мальчишки. Паппи и отец сейчас каждый день собирали по пятьсот фунтов.

Бабка пела и улыбалась, и мы поняли, что в письме хорошие новости. Она тут же схватила его и прочитала нам вслух. Она уже выучила его к тому времени наизусть.

"Дорогие мама и папа, Джесси и Кэтлин и Люк!

Надеюсь, что дома все в порядке. Никогда не думал, что буду скучать по сбору хлопка, но мне сейчас точно очень хочется быть дома. Я по всем по вам скучаю - по ферме, по жареным цыплятам, по «Кардиналз». Никак не могу поверить, что «Доджерс» выиграли чемпионат. Мне от этого тошно.

А у меня тут все в порядке. Здесь сейчас тихо. Мы больше не на передовой. Мою часть отвели миль на пять в тыл, так что мы отсыпаемся. Тут хорошо, нам тепло, мы отдыхаем, нас отлично кормят, и мы ни в кого не стреляем.

Я уверен, что скоро буду дома. Есть ощущение, что все тут потихоньку закругляется. Доходят слухи о мирных переговорах и всем таком прочем, так что мы держим пальцы скрещенными.

Я получил от вас целую пачку писем, это было здорово! Так что пишите. Люк, твое письмецо было уж слишком короткое, напиши мне еще, подлиннее.

Все, надо бежать.

Всем привет, Рики".

Мы передавали письмо друг другу и перечитывали снова и снова, а потом Бабка спрятала его в коробку из-под сигар, стоявшую рядом с радиоприемником. В ней хранились все письма от Рики, и нередко, зайдя ночью в кухню, можно было обнаружить там Паппи или Бабку, которые их перечитывали.

Новое письмо заставило нас забыть про натруженные мышцы и обгоревшую кожу, мы быстренько поели, чтобы потом усесться вокруг стола и написать Рики ответные письма.

Разложив бумагу на своей дощечке для письма с изображением индейского вождя, я взял карандаш и принялся излагать для Рики историю про Джерри Сиско и Хэнка Спруила со всеми подробностями. Кровь, разбитый в щепки деревянный брусок, Стик Пауэрс, все-все-все. Я не знал, как пишутся многие слова, так что действовал по наитию. Кто-кто, а уж

Рики-то простит меня за ошибки в правописании. А поскольку мне не хотелось, чтобы кто-то из наших увидел, что я распространяю сплетни аж до самой Кореи, я тщательно прикрывал рукой свою дощечку.

Пять писем были написаны одновременно, и, я уверен, в них содержались пять версий одного и того же события. Пока мы писали, взрослые вспоминали разные веселые истории. Это был счастливый момент посреди сбора урожая. Потом Паппи включил радио, и мы стали слушать про «Кардиналз», пока наши письма становились все длиннее и длиннее.

Так мы и сидели вокруг кухонного стола, смеялись, писали свои письма, слушали репортаж по радио, и ни у кого не было ни малейших сомнений в том, что Рики скоро будет дома.

Он же сам написал, что скоро будет.

Глава 15

Днем в четверг мама отыскала меня в поле и сказала, что я ей нужен в огороде. Я радостно стянул с плеча лямку своего мешка и пошел прочь с поля, оставив остальных трудяг в зарослях хлопка. Мы пошли к дому, довольные, что рабочий день закончился.

– Нам надо съездить к Летчерам, - сообщила мне мама по дороге. - Я так за них беспокоюсь... Знаешь, они, наверное, голодают...

У Летчеров был свой огород, хотя и совсем маленький. Но не думаю, что они голодали. Несомненно, лишнего куска у них бы не нашлось, но о голодной смерти в округе Крэйгхед и не слыхивали. Даже самые бедные издольщики умудрялись выращивать помидоры и огурцы. И на каждой ферме были куры, несущие яйца.

Когда мы дошли до огорода, я уразумел, что задумала мама. Если мы поторопимся и доберемся до Летчеров до того, как они закончат сегодняшний сбор, то и родители, и все их детишки будут еще в поле. А Либби, если она действительно беременна, будет ошиваться где-нибудь возле дома, причем наверняка одна. И ей останется только выйти к нам, чтобы принять от нас овощи. И тогда нам удастся застать ее врасплох и с помощью нашего христианского милосердия вывести на чистую воду, пока ее защитники и охранители далеко. Отличный план!

Под строгим присмотром мамы я начал собирать помидоры, огурцы, горох, бобы, кукурузу - практически все, что росло в огороде. «Сорви вон тот маленький красный помидор, Люк, вон там, справа, - приговаривала она. - Нет, этот горох пусть еще подождет». Или: «Нет, этот огурец еще не совсем созрел».

Хотя она часто собирала урожай овощей сама, все же предпочитала надсматривать за этим процессом. Равновесие в огороде можно было поддерживать, лишь оставаясь на расстоянии, обзревая весь участок взглядом истинного художника и направлять мои действия или действия отца по сбору плодов.

Я ненавидел огород, но в данный момент я больше ненавидел хлопковые поля. Все, что угодно, только бы не собирать хлопок.

Я наклонился за початком кукурузы и тут заметил нечто между ее стеблями, отчего застыл на месте. За огородом лежала затененная полоска поросшей травой земли, слишком узкая, чтобы играть там в бейсбол, то есть ни для чего хорошего не пригодная. А за ней возвышалась восточная

стена нашего дома, которую не видно с дороги. На западной стороне располагалась дверь кухни, там же была стоянка для нашего грузовика, тропинки, что вели к амбару, и к сараям, и сортиру, и в поля. Все, что у нас происходило, касалось только западной стороны дома; на восточной не менялось ничего.

И вот в самом углу, выходящем в огород, куда не мог проникнуть ничей взгляд, кто-то покрасил часть нижней облицовочной доски. Покрасил в белый цвет. Остальная часть дома была все такой же бледно-коричневой, как всегда, все того же тусклого цвета старых и крепких дубовых досок.

— Что там такое, Люк? - спросила мама. В огороде она никогда никуда не спешила, потому что это было ее убежище и святилище, но сегодня она запланировала внезапный налет, так что фактор времени был решающим.

— Не знаю, - ответил я, все еще не двигаясь.

Она подошла ко мне и заглянула между стеблей кукурузы, окружавших и отгораживавших ее огород, и, когда глаза ее наткнулись на покрашенную доску, она тоже замерла на месте.

Ближе к углу дома краска была положена толсто, а дальше, к его тыльной части, ее слой становился все тоньше и тоньше. Понятно было, что работа только началась. Кто-то красил наш дом.

— Это Трот, - тихо сказала мама, и в углах ее рта появилась улыбка.

О нем я и не подумал, да и времени у меня не было на раздумья о возможном виновнике этого дела, но мне тут же стало ясно, что красил именно он. Кто еще мог это сделать? Кто еще целыми днями слоняется по нашему переднему двору и бездельничает, пока остальные надрываются в поле? Кто еще способен работать такими черепашьими темпами? У кого еще хватит ума красить чужой дом без разрешения хозяев?

И еще - это ведь Трот закричал Хэнку, чтобы тот перестал изводить меня насчет нашего некрашеного и жалкого дома. Это Трот пришел мне на выручку.

Но вот откуда Троту взять деньги краску? И вообще, зачем ему все это? В голове у меня роились десятки вопросов.

Мама отступила на шаг, а потом и вовсе ушла из огорода. Я последовал за ней до угла дома, где мы стали рассматривать краску. Она еще не до конца просохла, мы чувствовали ее запах, и она казалась липкой на вид. Мама осмотрела передний двор - Трота нигде видно не было.

— И что нам теперь делать? - спросил я.

— Ничего, по крайней мере сейчас.

— Ты кому-нибудь об этом скажешь?

- Поговорю с твоим отцом. А пока давай держать это в секрете.
- Ты ж сама мне говорила, что мальчикам секретничать нехорошо.
- Нехорошо, но только если что-то держишь в секрете от родителей.

Она набила овощами две соломенные корзины и засунула их в грузовик. Мама садилась за руль примерно раз в месяц. Она, конечно, умела управлять пикапом Паппи, но за рулем всегда чувствовала себя скованно. Она изо всех сил вцепилась в баранку, выжала сцепление, нажала на педаль тормоза и потом повернула ключ в замке зажигания. Машина дернулась и пошла рывками назад, так что мы даже рассмеялись, пока старый наш грузовичок медленно разворачивался. Когда мы выезжали со двора, я увидел Трота, лежащего под грузовиком Спруилов и наблюдающего за нами из-за заднего колеса.

Смех и шутки кончились, когда мы через несколько минут подъехали к реке. «Держись крепче, Люк», - сказала она, переключаясь на нижнюю передачу и наклоняясь над рулем. Глаза у нее от страха стали совершенно дикими. Держаться за что? Мост был узкий, без перил. Если она с него съедет, мы оба потонем.

– Да ты вполне тут проедешь, мам, - сказал я, правда, без особой убежденности.

– Конечно, проеду, - ответила она.

Я не раз ездил с ней через этот мост, и всегда это было настоящее приключение. Мы медленно ползли по нему, оба страхась посмотреть вниз. И не дышали, пока не добрались до пыльной дороги на другом берегу.

– Отлично проделано, мам! - сказал я.

– Да ладно тебе, - сказала она, наконец переведя дыхание.

Сначала я не увидел в поле никого из Летчеров, но, когда мы подъехали к их дому, я заметил гроздь соломенных шляп в море хлопка, в дальнем конце поля. Не знаю, слышали они нас или нет, но прерывать сбор урожая не стали. Мы остановились рядом с их передней верандой и подождали, пока уляжется поднятая пыль. Прежде чем мы вылезли из грузовика, с переднего крыльца сбегала миссис Летчер, нервно вытирая руки какой-то тряпкой. Она как будто что-то говорила себе под нос и выглядела очень обеспокоенной.

– Здравствуйте, миссис Чандлер, - поздоровалась она, глядя в сторону. Я никогда не мог взять в толк, почему она не обращается к маме по имени. Она ж была старше, и у нее было по меньшей мере на шесть детей больше.

– Здравствуйте, Дарла. Мы вам овощей вот привезли.

Женщины стояли лицом к лицу.

– Я так рада, что вы приехали, - сказала миссис Летчер, и в голосе ее звучала явная озабоченность.

– А что случилось?

Миссис Летчер глянула в мою сторону, но лишь на секунду.

– Мне ваша помощь нужна. Либби плохо. Мне кажется, она рожает.

– Рожает? - переспросила мама, как будто и не слыхала об этом.

– Да. Кажется, у нее уже схватки начались.

– Тогда надо позвать доктора.

– О нет. Нельзя. Никто об этом не должен узнать. Никто. Надо, чтобы это оставалось в тайне.

Я уже отошел к заднему борту грузовика и даже чуть присел, чтобы миссис Летчер меня не видела. Так, мне казалось, она будет говорить свободнее. Тут явно намечалось очень крупное событие, и я вовсе не желал ничего пропустить.

– Нам так стыдно, - продолжала миссис Летчер, и ее голос дрожал. - Она так и не сказала нам, кто отец ребенка, да теперь это уже не важно. Главное, чтобы ребенок появился на свет.

– Но вам же все равно нужен врач!

– Нет-нет, мэм. Никто не должен об этом узнать. Если приедет доктор, то весь округ узнает. Вы уж не говорите никому, ладно? Обещаете?

Бедная женщина уже почти плакала. Она отчаянно пыталась сохранить в тайне то, о чем в Блэк-Оуке говорили уже несколько месяцев.

– Дайте-ка я на нее взгляну, - сказала мама, не ответив на ее просьбу, и женщины пошли в дом. «Люк, ты оставайся здесь, в грузовике», - бросила мне мама через плечо.

Как только они скрылись в доме, я обошел его и сунулся в первое же попавшееся окно. За ним оказалась маленькая комнатка со старыми грязными матрасами на полу. Из следующего окна доносились голоса. Я замер и прислушался. Позади меня расстилались поля.

– Либби, это миссис Чандлер, - говорила между тем миссис Летчер. - Она приехала тебе помочь.

Либби что-то захныкала в ответ, что именно, я не разобрал. Кажется, ей было очень больно. Потом я услышал, как она сказала: «Простите меня».

– Все будет в порядке, - сказала мама. - Схватки когда начались?

– С час назад, - ответила миссис Летчер.

– Я так боюсь, мама, - сказала Либби значительно громче. В голосе ее звучал сплошной ужас. Обе женщины постарались ее успокоить.

Поскольку я теперь уже не был новичком по части женской анатомии,

мне очень хотелось взглянуть на беременную девушку. Но, судя по голосу, она лежала слишком близко к окну, а если меня застукают за подглядыванием, отец меня неделю драть будет. Подглядывание за рожаящей женщиной, несомненно, считалось очень большим грехом. Меня, может, даже слепота поразит, прямо на этом самом месте!

Но я не мог с собой бороться. Я пригнулся и прокрался прямо под нижний наличник окна. Свою соломенную шляпу я снял и стал пробираться дальше вперед, и тут здоровенный комок глины разбился о стену менее чем в двух футах от моей головы. Он с грохотом ударил в дом, шаткие доски обшивки затряслись и так перепугали женщин, что они вскрикнули. Кусочки сухой глины разлетелись в стороны и некоторые попали мне в щеку. Я упал на землю и откатился от окна. Потом вскочил на ноги и посмотрел в сторону поля.

Перси Летчер был совсем недалеко, он стоял между двух рядов хлопчатника и держал в одной руке еще один ком земли, а другой указывал на меня.

– Это ваш мальчик, - услышал я голос миссис Летчер.

Я глянул в окно - в нем мелькнуло ее лицо. Бросив еще один взгляд на Перси, я рванул как побитая собака обратно к пикапу. Влез на переднее сиденье, поднял стекло и стал дожидаться маму.

Перси исчез в глубине поля. Скоро уже настанет пора заканчивать сбор, и мне хотелось убраться отсюда до того, как соберутся остальные Летчеры.

На крыльце появилась пара малышей, оба голые, мальчик и девочка, и я стал гадать, а что они думают по поводу того, что их старшая сестрица вот-вот принесет им еще одного. А они просто уставились на меня и молчали.

Появилась мама, и она очень торопилась. Миссис Летчер бежала за ней по пятам, что-то быстро говоря ей на ходу.

– Я сейчас привезу Рут, - сказала мама, имея в виду Бабку.

– Пожалуйста, только поскорее! - сказала миссис Летчер.

– Рут много раз принимала роды.

– Да-да, пожалуйста, привезите ее. И никому не говорите, ладно? Мы можем на вас положиться, миссис Чандлер?

Мама уже открывала дверцу и пыталась залезть в кабину.

– Конечно, можете.

– Ох, нам так стыдно! - воскликнула миссис Летчер, утирая слезы. - Пожалуйста, не говорите никому!

– Все будет в порядке, Дарла, - сказала мама, поворачивая ключ. - Я

вернусь через полчаса.

Мы дали задний ход и после нескольких рывков и толчков развернулись и поехали прочь от дома Летчеров. Мама теперь вела машину гораздо быстрее, и это занимало все ее внимание.

– Ты видел Либби Летчер? - спросила она наконец.

– Нет, мэм, - быстро и твердо ответил я. Я знал наперед, что этот вопрос последует, и был готов сказать чистую правду.

– Точно?

– Да, мэм!

– А что ты делал возле дома?

– Я просто обходил вокруг него, и тут Перси швырнул в меня комком земли. А тот попал в дом. Я не виноват, это все Перси. - Я говорил быстро и уверенно, к тому же я знал, что ей хочется мне верить. На уме у нее были гораздо более важные проблемы.

У моста мы остановились. Мама включила первую передачу, вдохнула, задержав дыхание, и сказала: «Держись, Люк».

* * *

Бабка была на заднем дворе, возле насоса, - мыла и вытирала лицо и руки перед тем, как готовить ужин. Мне пришлось бежать, чтобы поспеть за мамой.

– Нам надо поехать к Летчерам, - сказала она Бабке. - У девочки схватки начались, ее мать хочет, чтобы ты приняла у нее роды.

– Боже мой! - воскликнула Бабка, и ее усталые глаза сразу оживились в предвкушении этого события. - Значит, она и впрямь беременна.

– Да еще как! Схватки уже больше часа как начались.

Я очень внимательно прислушивался и здорово радовался тому, что попал в самую гущу событий, когда обе женщины вдруг, без всяких видимых причин, повернулись в мою сторону и уставились на меня.

– Люк, иди домой, - велела мама довольно сердито и потыкала пальцем в том направлении, как будто я не знал, где наш дом.

– И чего мне делать? - спросил я оскорбленно.

– Просто иди в дом, - сказала она, и я пошел прочь. Спорить было бесполезно. А они возобновили разговор на приглушенных тонах.

Я уже дошел до заднего крыльца, когда мама меня вновь окликнула:

– Люк, сбегай в поле и приведи отца! Он нам нужен!

– И побыстрее! - добавила Бабка. Она была возбуждена перспективой поработать врачом с настоящей пациенткой.

Мне не хотелось тащиться обратно в поле, в другое время я непременно стал бы спорить, но дело решил тот факт, что Либби вот-вот должна была разрешиться от бремени. И я ответил: «Да, мэм!» - и вихрем пронесся мимо них.

Отец и Паппи были у прицепа, в последний раз за этот день взвешивали собранный хлопок. Было уже почти пять вечера, Спруилы тоже собрались вокруг со своими тяжелыми мешками. Мексиканцев видно не было.

Я умудрился оттащить отца в сторонку и объяснить ему создавшееся положение. Он что-то сказал Паппи, и мы рысью направились обратно к дому. Бабка уже собирала все необходимое - спирт для мытья рук, полотенца, болеутоляющее, пузырьки с гнусными зельями, которые заставят Либби забыть о деторождении. Она раскладывала свой арсенал на кухонном столе - я никогда не видел, чтобы она так быстро двигалась.

– Быстро мойся! - скомандовала она отцу. - Отвезешь нас туда. Это все займет некоторое время.

Было видно, что отцу вовсе не улыбается быть втянутым в это дело, но спорить с собственной матерью он и не собирался.

– Я тоже вымоюсь, - сказал я.

– Ты никуда не поедешь, - отрезала мама. Она стояла у раковины, держа в руках помидор. Паппи и мне на ужин достанутся остатки от обеда плюс обычная тарелка огурцов и помидоров.

Они поспешно отъехали от дома - отец за рулем, мама втиснулась между ним и Бабкой. Я стоял на передней веранде и смотрел, как пикап мчится по дороге, как клубится пыль из-под его колес, пока они не достигли реки. Мне очень хотелось быть с ними.

На ужин нам остались бобы и холодные хлебцы. Паппи ненавидел есть остатки. Он считал, что женщины должны были прежде приготовить ужин, а уж потом ехать на помощь Летчерам, а кроме того, он был против снабжения их продуктами.

– Не понимаю, зачем надо было обеим женщинам туда ехать, - бормотал он, усаживаясь. - Любопытные они, как кошки, а, Люк? Прямо невтерпеж было, лишь бы поглядеть на беременную девчонку!

– Точно, сэр, - сказал я.

Он благословил наш ужин быстрой молитвой, и мы стали молча есть.

– С кем «Кардиналз» нынче играют? - спросил он потом.

– С «Редз».

– Хочешь послушать?

– Конечно!

Мы слушали эти репортажи каждый вечер. Да и что нам было еще делать по вечерам?

Мы убрали со стола и сложили грязную посуду в раковину. Паппи никогда не занимался мытьем посуды - это считалась женской работой. Когда стемнело, мы уселись на веранде на своих обычных местах и стали ждать Харри Карая и «Кардиналз». Воздух был тяжелый и все еще ужасно разогретый.

– А сколько времени длятся роды? - спросил я.

– Ну, это зависит... - ответил Паппи со своей качалки. Это было все, что он произнес, так что, подождав достаточно долго, я спросил снова:

– От чего зависит?

– Ну, от многих вещей... Некоторые младенцы прямо-таки выскакивают наружу, а у других это занимает несколько дней.

– А у меня сколько заняло?

Он с минуту раздумывал.

– Да я как-то и не помню... Первый ребенок обычно долго выходит...

– А ты был рядом?

– Не-а. Я в тракторе сидел. - Рождение детей было явно не той темой, на которую Паппи желал бы порассуждать. И разговор завис.

Я увидел, как Тэлли покинула передний двор и растворилась в темноте. Спруилы укладывались спать, их костер уже почти погас.

«Редз» выиграла четыре очка уже к середине первого иннинга. Паппи так расстроился, что пошел спать. Я выключил приемник и еще посидел на веранде, высматривая Тэлли. Немного погодя я услышал храп Паппи.

Глава 16

Я намеревался сидеть на переднем крыльце и ждать, пока родители и Бабка вернутся от Летчеров. Я даже мог себе представить, что там происходит: женщины в задней комнате возятся с Либби, а мужчины сидят снаружи со всеми их детишками, как можно дальше от роженицы. Их дом был через реку от нас, совсем недалеко, и мне очень хотелось сейчас быть там.

Усталость здорово одолевала, я чуть было не заснул. В лагере Спруилов было тихо и темно, но я не заметил, чтобы Тэлли вернулась.

Я на цыпочках прокрался сквозь дом, убедился, что Паппи спит глубоким сном и вернулся на заднюю веранду. Сел на краю, свесив ноги. Поля за амбаром и силосной ямой стали нежно-серого цвета, когда из-за облаков выглянула луна. До этого они прятались во мраке. И тут я увидел, что она идет по нашей главной полевой дороге, одна - луна как раз на секунду вырвалась из-за облака. Она никуда не торопилась. Потом все опять погрузилось во тьму. И долгое время не было слышно ни звука, пока она не наступила на сухую ветку.

– Тэлли! - громким шепотом позвал я.

После долгой паузы она наконец ответила:

– Это ты, Люк?

– Иди сюда, - сказал я. - Я на веранде.

Она была босиком и при ходьбе не издавала ни звука.

– Что ты там делаешь, Люк? - спросила она, останавливаясь напротив.

– Ты где была? - спросил я.

– Просто гуляла.

– А зачем?

– Не знаю. Иногда хочется убраться подальше от семейства.

Это, конечно, имело смысл. Она уселась рядом со мной на веранде, подтянула юбку выше колен и стала болтать ногами.

– Иногда мне хочется от них сбежать, - тихонько сказала она. - У тебя никогда не возникало такого желания?

– Да нет, пожалуй. Мне ж только семь. Но я вовсе не собираюсь всю жизнь здесь оставаться.

– А где ж ты будешь жить?

– В Сент-Луисе.

– Почему именно в Сент-Луисе?

– Там играют «Кардиналз».
– Ты хочешь играть в этой команде?
– Конечно.
– Это ты здорово придумал, Люк! Только дурак согласится всю жизнь собирать хлопок. Я вот тоже хочу уехать на север, туда, где попрохладнее и полно снега.

– А куда?
– Не знаю. Может, в Монреаль.
– А это где?
– В Канаде.
– А они там в бейсбол играют?
– Не думаю.
– Тогда забудь об этом.
– Нет. Там здорово! Мы в школе про них проходили, по истории. Канаду первыми заселили французы, и именно на этом языке там все говорят.

– А ты знаешь французский?
– Нет, но могу выучить.
– Да, это легко. Я вот уже научился говорить по-испански. Хуан меня научил в прошлом году.

– Правда?
– Si.
– Скажи еще что-нибудь.
– Buenos días. Por favor. Adios. Gracias, senior. Como esta? [3]
– Ух ты!
– Видишь, я ж говорю, что это легко. А этот Монреаль, он далеко?
– Не знаю точно. Наверное, далеко. И это одна из причин, почему я хочу туда уехать.

В спальне Паппи вдруг вспыхнул свет. Он осветил и дальний край веранды и испугал нас.

– Сиди тихо, - прошептал я.
– А кто это? - также шепотом спросила она, пригибаясь так, словно сейчас в нас полетят пули.

– Да это просто Паппи. Пить захотел. Он всю ночь так, то и дело встает.

Паппи прошел на кухню и открыл холодильник. Я наблюдал за ним сквозь сетку на двери. Он выпил два стакана воды, потом протопал обратно к себе в спальню и выключил свет. Когда вокруг опять стало темно и тихо, она спросила:

– А почему он все время ночью встает?
– Потому что беспокоится. Рики воюет в Корее.
– А кто такой Рики?
– Мой дядя. Ему девятнадцать.
Она немного подумала над этим, потом спросила:
– Он красивый?
– Не знаю. Никогда об этом не задумывался. Он мой лучший друг, и я очень хочу, чтобы он вернулся домой.
С минуту мы думали о Рики, продолжая болтать ногами.
– Слушай, Люк, а ведь пикап перед ужином куда-то уехал. Не знаешь, куда?
– К Летчерам.
– А кто это?
– Издольщики, за рекой живут.
– А зачем твои туда поехали?
– Не могу тебе сказать.
– Это почему же?
– Потому что это секрет.
– Какой секрет?
– Большой.
– Да ладно тебе, Люк. У нас с тобой ведь уже есть свои секреты, не так ли?
– Да вроде.
– Я никому не сказала, что ты за мной подглядывал на речке, так ведь?
– Думаю, не сказала.
– А если бы сказала, тебе бы здорово влетело, так?
– Надо думать, так.
– Ну так вот! Я умею хранить секреты. Так что там случилось, у этих Летчеров?
– Обещай, что никому не скажешь!
– Обещаю!
Весь город уже знает, что Либби беременна. Так что толку притворяться, что это секрет?
– Ну, у них там есть девчонка, Либби Летчер, так она рождает. Прямо сейчас.
– Ей сколько лет?
– Пятнадцать.
– Господи!
– И они хотят сохранить все это в тайне. Доктора настоящего звать не

стали, потому что тогда все узнают. И попросили Бабку приехать и принять роды.

– А зачем им это в тайне держать?

– Да потому что она не замужем.

– Ничего себе! А отец кто?

– Она не говорит.

– И никто не знает?

– Никто, кроме самой Либби.

– Ты с ней знаком?

– Виделись как-то, только их там целая кодла, этих Летчеров. Я знаю ее брата Перси. Он говорит, что ему двенадцать, только я не верю. Трудно сказать, они ведь не ходят в школу.

– А ты знаешь, как девочки становятся беременными?

– Да вроде нет.

– Тогда я тебе лучше не стану рассказывать.

А мне-то что, даже лучше. Рики один раз пытался поговорить со мной о девчонках, и это было ужасно противно.

Она еще быстрее заболтала ногами, переваривая эту замечательную сплетню. Потом сказала:

– А до реки-то недалеко.

– Около мили.

– А они далеко от берега живут?

– Да там совсем немного пройти по грунтовке.

– Ты когда-нибудь видел, как дети рождаются?

– Не-а. Как коровы телятся видел, и как собаки щенятся. А настоящего младенца - нет.

– И я не видела.

Она прыгнула вниз, схватила меня за руку и сдернула меня с веранды. Удивительно, какая она оказалась сильная!

– Пойдем туда, Люк! Пойдем, попробуем подсмотреть что удастся! - И потянула меня за собой, прежде чем я сообразил, что ей ответить.

– Ты спятила, Тэлли! - наконец протестующее сказал я, пытаюсь ее остановить.

– Да нет, Люк, - шепотом ответила она. - Это ж настоящее приключение, такое же, как тогда, на речке! Тебе же понравилось, правда?

– Точно.

– Тогда доверься мне!

– А что, если нас поймают?

– Да как нас поймают? Тут все уже спят. Твой дед только что вставал и

даже не думал тебя разыскивать. Давай, пошли, хватит трусить!

И тут я понял, что готов последовать за Тэлли куда угодно.

Мы прокрались за деревья и перешли через колеи, где должен был стоять пикап, а потом отправились по короткой подъездной дорожке, держась как можно дальше от лагеря Спруилов. До нас доносились храп и тяжелое дыхание усталых людей, наконец дорвавшихся до сна. Мы добрались до дороги без единого звука. Тэлли двигалась быстро и ловко, она словно разрезала тьму ночи. Мы повернули к реке, и тут луна вынырнула из-за туч и осветила нам путь. Мост был настолько узок, что на нем едва могли разъехаться два грузовика, а хлопок рос прямо рядом с ним. Если бы луна опять зашла, нам пришлось бы следить за каждым шагом, а при ее свете можно было смотреть и вверх, и вперед. Мы оба были босые. Дорога была усыпана гравием, так что приходилось делать очень короткие шаги и идти быстро, но подошвы у нас были достаточно загрубелые, прямо как моя бейсбольная перчатка.

Я очень боялся, но был полон решимости не показать этого Тэлли. Она же, казалось, никакого страха не испытывала - ни страха быть пойманной, ни страха темноты, ни страха от того, что подкрадывалась к дому, где сейчас рождается младенец. Иногда бывало, что она держалась отчужденно и выглядела угрюмой, почти мрачной и вообще казалась такой же взрослой, как моя мама. А иной раз могла резвиться, как ребенок, смеяться, как тогда, когда мы играли в бейсбол, ей нравилось, что за ней подглядывают, когда она купается; она сама предприняла эту вылазку в полной темноте, и, что важнее всего, ей нравилось быть в компании семилетнего мальчишки.

Мы остановились посередине моста и, осторожно наклонившись, посмотрели на воду внизу. Я рассказал ей про сомиков, что там водятся, о том, какие они здоровенные и какой дрянью питаются, и о том сорокачетырехфунтовом гиганте, которого поймал Рики. Она держала меня за руку, пока мы переходили на тот берег, чуть сжимая, как бы в знак расположения, а вовсе не в поисках защиты.

На дорожке к дому Летчеров было гораздо темнее. Мы замедлили шаг, потому что хотели увидеть дом, еще не сойдя с дороги. Поскольку электричества у них не было, не было и света, сплошная тьма по всей излучине реки.

Потом мы услышали какие-то звуки и замерли на месте. Голоса, далеко от нас. Мы отошли к краю их хлопкового поля и стали терпеливо ждать, когда выглянет луна. Я указывал ей туда и сюда, пытаюсь дать представление о расположении их дома. Голоса были детские, несомненно, это галдел выводок Летчеров.

Луна наконец снизошла до помощи нам, и мы получили возможность видеть весь пейзаж вокруг. Темный силуэт дома виднелся на некотором расстоянии от нас, на таком же, как наш амбар от заднего крыльца, около 350 футов, - такая же дистанция отделяет пластину «дома» от ограды аутфилда на стадионе «Спортсменз-парк». Большая часть значительных расстояний в моей жизни измерялась именно такими мерами. Грузовичок Паппи был припаркован перед домом.

– Нам лучше обойти дом с той стороны, - спокойно сказала Тэлли, как будто много раз участвовала в подобных вылазках.

Мы забрались в заросли хлопчатника и пошли вдоль одного ряда, потом вдоль другого, в полном молчании описывая полукруг сквозь эту растительность. Хлопчатник здесь вырос по большей части очень высокий, почти с меня ростом. Когда мы добрались до места, где его стебли росли пореже, то остановились и осмотрели местность. В задней комнате дома виднелся слабый свет, это была та комната, где находилась Либби. Когда мы оказались точно к востоку от нее, то пошли сквозь ряды хлопка, очень тихо приближаясь к дому.

Шансов, что нас кто-то увидит, было немного. Нас тут, конечно же, никто не ждал, они были заняты совсем другими делами. А заросли такие густые и ночью такие темные, что любой ребенок сможет пробраться на четвереньках сквозь них, и никто его не заметит.

Моя соучастница двигалась ловко и проворно, прямо как солдаты, которых я видел в кино. Она не спускала глаз с дома и аккуратно разводила руками в стороны стебли хлопчатника, все время расчищая мне путь. Мы не произнесли ни слова. И не спешили, медленно приближаясь к дому сбоку. Заросли хлопка подступали почти к самому краю их вытоптанного двора, и когда до него оставалось рядов десять, мы сели на землю и осмотрелись вокруг, оценивая свое положение.

Мы слышали голоса младших Летчеров, скопившихся возле нашего пикапа, запаркованного как можно дальше от их переднего крыльца. Мой отец и мистер Летчер сидели в кузове у заднего борта и тихо разговаривали. Дети вели себя тихо, но иногда начинали вдруг трещать все вместе. Все как бы застыли в ожидании, и через пару минут у меня возникло ощущение, что они ждут уже довольно долго.

Перед нами было окно, а от того места, где мы прятались, до места действия было ближе, чем от остальных Летчеров и отца. И мы были отлично закрыты ото всех; даже если на крыше дома зажечь прожектор, нас все равно никто не увидит.

На столе в комнате горела свеча, совсем рядом с окном. Вокруг

двигались женщины и, судя по их теням, которые то поднимались, то опускались, в комнате горело несколько свечей. Свет был тусклый, тени густые.

– Давай подойдем поближе! - прошептала Тэлли. К тому времени мы уже просидели здесь минут пять, и хотя я ужасно боялся, все равно не верил, что нас застукают.

Мы продвинулись вперед футов на десять и уселись уже в другом, но тоже безопасном месте.

– Достаточно близко, - сказал я.

– Может быть.

Свет из комнаты падал на землю возле дома. На окне не было ни сетки, ни занавесок. Пока мы сидели и ждали, сердце мое перестало так бешено колотиться, да и дыхание стало нормальным. Глаза сосредоточились на окружающем, и я стал различать звуки ночи - хор сверчков, кваканье лягушек на реке вдаль, тихое бормотание мужчин на расстоянии от нас.

Мама, Бабка и миссис Летчер тоже разговаривали тихими голосами. Мы их слышали, но не могли разобрать ни слова.

Потом все стало тихо, а потом Либби вдруг закричала от боли, и я чуть не выскочил из собственной шкуры. Ее ужасный крик эхом пронесся по полям, и я подумал, что она умерла. Возле пикапа воцарилось полное молчание. Даже сверчки на минутку замолкли.

– Что стряслось? - спросил я.

– Очередная схватка, - ответила Тэлли, не сводя глаз с окна.

– А что это?

Она пожала плечами:

– Роды так проходят. Дальше будет еще хуже.

– Бедняга!

– Что хотела, то и получила.

– Что ты хочешь сказать?

– Ладно, не важно.

Несколько минут все было тихо и спокойно, потом мы услышали плач Либби. Ее мать и Бабка пытались ее успокоить. А она все повторяла:

– Простите меня! Простите!

– Ничего, все будет в порядке, - сказала моя мама.

– И никто не узнает про это, - добавила Бабка. Это была ложь, понятное дело, но, может быть, Либби от этого стало легче.

– У тебя будет замечательный ребеночек, - сказала мама.

Какой-то отбившийся от остальных летчеровский детеныш, один из

средних, забрел в этот конец двора и пробрался прямо к окну точно так же, как я пробирался туда несколько часов назад, буквально за секунду до того, как Перси чуть не искалечил меня своим комом глины. Он или она - отсюда было не разобрать - стал подглядывать и уже видел все, что происходило в комнате, когда более старший из их выводка не рывкнул с другого конца двора: «Ллойд, а ну отойди от окна!»

Ллойд немедленно убрался и рысью кинулся в темноту. О его преступлении было тут же доложено мистеру Летчеру, и вслед за этим поблизости раздались звуки жуткой порки. Мистер Летчер воспользовался какой-то палкой. При этом он приговаривал: «В следующий раз найду палку побольше!» Но по мнению Ллойда, и нынешней было вполне достаточно - его вопли можно было, видимо, услышать на мосту.

Когда истязание прекратилось, мистер Летчер рывкнул на всех своих детей: «Сколько раз повторять, чтобы сидели тут и держались подальше от дома!»

Мы, конечно, не видели весь этот эпизод, да и не нужно было, и так все понятно.

Однако я был еще больше напуган, подумав о суровости и продолжительности наказания, которое на меня обрушится, если отец узнает, где я сейчас нахожусь. И мне внезапно захотелось убежать.

— Сколько времени требуется, чтобы родить? - шепотом спросил я у Тэлли. Если она и устала, то не показывала этого. Она стояла на коленях, замерев и не отводя глаз от окна.

— Зависит от обстоятельств. Первый всегда выходит дольше.

— А седьмой?

— Не знаю. К тому времени они, наверное, просто вылетают наружу. А у кого их семь?

— У матери Либби. Семь или восемь. Думаю, она каждый год рождает по младенцу.

Я уже начал было задремывать, когда у роженицы опять начались схватки. И опять ее крики затрясли весь дом, затем перешли в плач, а потом в успокаивающее бормотание. Потом все опять успокоилось, и я понял, что все это может продолжаться очень долго.

Когда я был уже не в состоянии держать глаза открытыми, то свернулся клубочком на теплой земле между двумя рядами хлопчатника. «Может, пойдем домой?» - шепотом спросил я Тэлли.

— Нет, - твердо ответила она, не шевельнувшись.

— Разбуди меня, если что-то произойдет, - сказал я.

Тэлли сменила позу. Села на землю и скрестила ноги и уложила мою

голову себе на колени. Погладила меня по плечу, потом по голове. Я не хотел засыпать, но ничего не мог с собой поделать.

Когда я проснулся, то не сразу понял, куда попал. Я лежал на поле, в полной темноте. Я не шевелился. Земля вокруг уже не была теплой, ноги озябли. Открыв глаза, я огляделся в полном ужасе, но потом понял, что это стебли хлопчатника надо мной стоят. Потом услышал голоса неподалеку. Кто-то сказал: «Либби», и я сразу вернулся к реальности. Потянулся было к Тэлли, но ее рядом не оказалось.

Я поднялся с земли и выглянул сквозь ряды хлопка. Ничего не изменилось. Окно было по-прежнему открыто, свечи все еще горели, но мама и Бабка были чем-то очень заняты.

– Тэлли! - прошептал я, может, слишком громко, но я был слишком испуган.

– Ш-ш-ш-ш! - послышалось в ответ. - Иди сюда!

Я едва мог разглядеть ее спину - она виднелась через два ряда хлопка впереди и чуть справа от меня. Ей оттуда, конечно, было теперь лучше видно. Я пролез сквозь стебли и вскоре сидел рядом с ней.

Пластина «дома» расположена в шестидесяти футах от «горки» питчера. Мы находились на гораздо меньшем расстоянии от дома. Только два ряда хлопка отделяли нас от бокового прохода возле него. Низко пригнувшись и глядя верх сквозь стебли, я в конце концов смог различить едва видные лица матери, Бабки и миссис Летчер - они были все в поту. Они смотрели вниз, на Либби, конечно, а нам ее было не видно. Не думаю, что мне в тот момент хотелось ее видеть, а вот моей соучастнице, несомненно, этого очень хотелось.

Женщины все время наклонялись, двигали руками и уговаривали Либби тужиться и глубже дышать, непрерывно повторяя ей, что все будет хорошо. Но, судя по звукам, ничего хорошего пока не было. Бедняжка стонала и орала, иногда вскрикивала - резкие пронзительные вскрики едва заглушались стенами дома. Ее измученные вопли разносились далеко в тишине ночи, и я еще подумал, что ее маленькие братья и сестры думают обо всем этом.

Когда Либби переставала стонать и вопить, то начинала причитать: «Простите меня! Простите!» Это повторялось раз за разом, как бессмысленный вопль страдавшей души.

– Все в порядке, милая, - в сотый раз отвечала ей ее мать.

– Они что, ничем ей не могут помочь? - шепотом спросил я.

– Нет, ничем. Ребенок выйдет, когда сам захочет.

Я еще хотел спросить Тэлли, откуда ей столько известно о

деторождении, но решил попридержать язык. Она бы мне наверняка ответила, что это совершенно не мое дело.

Внезапно в доме все стихло и успокоилось. Наши женщины отошли в сторону, а миссис Летчер наклонилась, держа в руке стакан воды. Либби молчала.

– В чем дело? - спросил я.

– Ни в чем.

Перерыв в развитии событий дал мне время подумать о других вещах, а именно о возможности быть пойманным. Я уже достаточно тут насмотрелся. Приключение закончилось. Тэлли сравнивала его с нашим походом на Сайлерз-Крик, но та вылазка казалась сущим пустяком в сравнении с нынешней эскападой. Мы уже несколько часов тут торчали. А что, если Пап-пи заглянет в комнату Рики, чтобы проверить, как я сплю? Что, если кто-то из Спруилов проснется и начнет разыскивать Тэлли? Что, если отцу надоеет все это и он решит ехать домой?

Порка, которая меня тогда ожидает, будет потом ощущаться неделями, если я ее вообще переживу. Я уже начал паниковать, когда Либби вдруг тяжело и быстро задышала, очень громко, а все женщины вновь принялись ее уговаривать тужиться и дышать.

– Вот он, показался! - воскликнула мама, и тут же началась суматоха - женщины жутко засуетились вокруг своей пациентки.

– Тужься, тужься! - громко сказала Бабка.

Либби застонала еще сильнее. Она была вымотана, но по крайней мере конец уже был виден.

– Не останавливайся, милая! - повторяла ее мать. - Нельзя сдаваться!

Тэлли и я сидели совершенно замерев, загипнотизированные разворачивающимися драматическими событиями. Она взяла меня за руку и сильно ее сжала. Стиснула зубы и широко раскрыла глаза, словно в ожидании чуда.

– Выходит, выходит! - воскликнула мама, и на несколько секунд все стихло. Потом мы услышали крик новорожденного, короткий булькающий вопль протеста, и на свет появился новый Летчер.

– Мальчик, - сказала Бабка, подняв на руках маленького, все еще в крови и слизи.

– Мальчик, - повторила миссис Летчер.

От Либби не последовало никакого ответа.

Я уже увидел больше, чем рассчитывал. «Пошли отсюда!» - сказал я, пытаюсь оттащить Тэлли, но она не двинулась с места.

Бабка и мама продолжали возиться с Либби, а миссис Летчер обмыла

ребенка, который был чем-то очень недоволен и громко кричал. А я не мог не думать о том, как это грустно - родиться Летчером, в маленьком, грязном домике, и так уже битком набитом детьми.

Прошло несколько минут, и у окна появился Перси.

– Можно посмотреть на ребенка? - спросил он, боясь заглянуть внутрь.

– Сейчас, одну минутку, - ответила миссис Летчер.

Они собрались у окна, полная коллекция Летчеров, включая папашу, который теперь стал дедом, и стали ждать, когда им покажут младенца. Они стояли прямо перед нами, на полпути от «дома» до «горки», как мне это представлялось, и я даже перестал дышать, боясь, что они услышат. Но им было не до посторонних. Они смотрели в распахнутое окно, по-прежнему пребывая в некотором изумлении и благоговении.

Миссис Летчер поднесла ребенка к окну и наклонилась, чтобы он мог познакомиться со всем семейством. Видом своим он напоминал мою бейсбольную перчатку - почти такой же темный и завернутый в одеяло. Сейчас он молчал, на него вроде бы не произвело никакого впечатления, что его рассматривает вся эта толпа.

– А как Либби? - спросил кто-то из них.

– У нее все в порядке, - ответила миссис Летчер.

– А ее можно видеть?

– Нет, не сейчас. Она очень устала.

Она унесла ребенка внутрь, и остальные Летчеры медленно убрались на передний двор. Отца я не видел, но знал, что он сидит где-то возле пикапа. Его никакими деньгами нельзя было заманить посмотреть на только что родившегося незаконнорожденного младенца.

Женщины еще несколько минут были чем-то сильно заняты, так же как и до этого, но вскоре они потихоньку закончили все свои дела.

Это вывело меня из транса и я осознал, что мы довольно далеко от дома. «Надо идти!» - настойчивым шепотом напомнил я Тэлли. Она была готова, и я последовал за ней, пробираясь сквозь ряды хлопчатника, пока мы не отошли достаточно далеко от дома; потом мы повернули на юг и побежали по междурядью. Через некоторое время остановились, чтобы сориентироваться. Свет в окне уже виден не был. Луна исчезла. Ни силуэта, ни даже тени от дома Летчеров было не разглядеть. Полная тьма.

Мы повернули на запад и опять пошли сквозь ряды хлопчатника, раздвигая его стебли, чтобы они не царапали нам лица. Потом ряды кончились, и мы вышли на тропинку, ведущую к главной дороге. У меня болели исколотые ступни, ныли мышцы ног, но мы не могли терять времени. Мы побежали к мосту. Тэлли хотела еще посмотреть на бурлящую

внизу воду, но я заставил ее идти дальше.

– Давай помедленнее, - сказала она, когда мы перебрались на нашу сторону реки, и мы на минуту перешли с бега на шаг. Шли мы молча, стараясь восстановить дыхание. Нами быстро овладевала усталость; наше приключение стоило того, но теперь мы за него расплачивались. Мы уже подходили к нашей ферме, когда позади раздался рокот мотора. Мелькнул свет фар.

Они уже на мосту! В ужасе мы бросились со всех ног вперед. Тэлли легко могла обогнать меня, и это вовсе не было бы для меня унижением, только времени на стыд уже не было. Однако она сдерживала себя, чтобы я не отстал.

Я знал, что отец не станет ехать слишком быстро, только не ночью, да еще по нашей грунтовке, да еще когда с ним рядом Бабка и мама. Но свет фар все равно догонял нас. Когда мы были уже рядом с домом, то перепрыгнули неглубокую канаву и побежали прямо через поле. Звук мотора становился все громче.

– Я здесь пережду, Люк, - сказала Тэлли, останавливаясь на краю двора. Грузовичок был уже почти рядом. - А ты беги к заднему крыльцу и пробирайся к себе. А я подожду, пока они не уйдут в дом. Давай, быстро!

Я побежал дальше и обогнул угол дома как раз в тот момент, когда пикап въехал во двор. Я беззвучно прокрался в кухню, а потом и в комнату Рики, схватил подушку и свернулся прямо на полу, возле окна. Я слишком перемазался и вспотел, чтобы лечь в кровать. Я молился, чтобы они все оказались слишком усталыми и не стали проверять, как я сплю.

От них почти не было шума, когда они заходили на кухню. Разговаривая шепотом, они разулись. В мою комнату упал узкий луч света. Их тени пересекали его, но никто не заглянул к маленькому Люку. Через несколько минут они улеглись, и в доме все затихло. Я хотел подождать несколько минут, а потом пробраться в кухню и протереть лицо и руки мокрой тряпкой. А потом забраться в постель и уснуть навсегда. Если меня при этом услышат, я просто скажу, что это они меня разбудили, когда вернулись.

Разработка этого плана была последним, что я запомнил, прежде чем погрузиться в глубокий сон.

Глава 17

Не знаю, сколько я проспал, но ощущение было такое, что всего несколько минут. Надо мной, стоя на коленях, склонился Паппи: он спрашивал, почему это я сплю на полу. Я попытался ответить, но ничего не получилось. Я был буквально парализован от усталости.

– Проснулись пока только мы с тобой, - сообщил Паппи. - Остальные все еще спят. - Голос его прямо-таки сочился презрением.

Все еще не в состоянии произнести ни слова, я потащился за ним на кухню, где уже был готов кофе. Мы в молчании поели хлебцев с сорго. Паппи, ясное дело, был раздражен: он рассчитывал на полный завтрак. И еще он злился, что Бабка и мои родители все еще спят вместо того, чтобы готовиться к выходу в поле.

– Эта девчонка Летчеров нынче ночью родила, - сообщил он, вытирая губы. Эта девчонка Летчеров и ее ребенок сорвали нам полевые работы, наш завтрак, и Паппи едва сдерживал свой гнев.

– Родила? - переспросил я, стараясь выглядеть удивленным.

– Ну да, только вот они так и не выяснили, кто отец.

– Не выяснили?

– Нет. Хотят все это в тайне сохранить, ну и ладно, так что ты никому не говори об этом.

– Хорошо, сэр.

– Поторопись. Уже надо ехать.

– А они когда вернулись?

– Около трех.

Он пошел заводить трактор. Я убрал посуду в раковину и зашел взглянуть на родителей. Они спали мертвым сном; слышно было их глубокое дыхание. Мне хотелось сбросить сапоги и забраться к ним в постель и заснуть на целую неделю. Но вместо этого я потащился во двор. Солнце едва поднялось над кронами деревьев. Вдали виднелись силуэты мексиканцев, направлявшихся в поле.

Со стороны переднего двора подходили Спруилы. Тэлли видно не было. Я спросил у Бо и он ответил, что она плохо себя чувствует. Может, расстройство желудка. Паппи услышал, и его раздражение выросло еще на градус. Еще один рабочий в постели, а не в поле...

А я мог думать только об одном: почему это мне не пришло в голову заболеть расстройством желудка?

Мы проехали с четверть мили до того места, где стоял прицеп, наполовину заполненный собранным хлопком, возвышаясь как монумент посреди ровного поля и призывая нас к тяжким трудам на целый день. Мы медленно вытащили свои мешки и начали сбор. Я подождал, пока Паппи не скроется впереди, потом отошел подальше от него и подальше от Спруилов.

В течение часа или около того я трудился изо всех сил. Хлопок на ощупь был сырой и мягкий, а солнце еще не стояло прямо над головой. Мной двигали не деньги и не страх, скорее я хотел отыскать безопасное местечко, чтобы поспать. И когда забрался поглубже в заросли, где никто не мог меня увидеть, а в мешке уже было достаточно хлопка, чтобы из него вышел отличный матрас, я просто упал на землю.

Отец приехал в середине утра, и надо же, чтобы из восьмидесяти акров хлопчатника он выбрал именно тот ряд, что был рядом со мной.

– Люк! - закричал он сердито, когда наткнулся на меня. Он был слишком удивлен, чтобы выговаривать мне, а я к тому времени уже достаточно пришел в себя и не стал жаловаться на расстроенный желудок, на головную боль и для пущей важности еще и на то, что почти всю ночь не спал.

– И почему это ты не спал? - спросил отец, нависая надо мной.

– Дожидался, когда вы вернетесь. - В этом был некоторый элемент правды.

– Зачем тебе было нас дожидаться?

– Хотел узнать, как там Либби.

– Ну, она родила ребенка. Что еще ты хотел узнать?

– Да Паппи мне уже сказал. - Я медленно поднялся на ноги, стараясь изо всех сил выглядеть больным.

– Иди-ка ты домой, - сказал отец, и я, не говоря ни слова, быстренько смылся.

* * *

Возле Пхеньяна китайцы и северные корейцы устроили засаду, в которую попала американская колонна, потерявшая при этом по крайней мере восемьдесят человек убитыми и еще многих, кто попал в плен. С

этого сообщения мистер Эдвард Р. Марроу начал свою вечернюю программу новостей, и Бабка тотчас принялась молиться. Как обычно, она сидела за кухонным столом напротив меня. Мама стояла, опершись о кухонную раковину, она тоже остановилась и закрыла глаза. Я слышал, как Паппи кашляет на задней веранде. Он тоже слушал.

Мирные переговоры опять были прерваны, а китайцы вводили в Корею еще больше своих войск. Мистер Марроу сказал, что перемирие, о котором уже почти договорились, теперь было невозможно. Его слова звучали в тот вечер еще более мрачно, а может, мы просто устали больше, чем обычно. Он прервался на рекламную паузу, а потом вернулся к новостям, сообщив о каком-то там землетрясении.

Бабка и мама медленно передвигались по кухне, когда вошел Паппи. Он взъерошил мне волосы, как будто все было просто отлично.

– Что на ужин? - спросил он.

– Свиные отбивные, - ответила мама.

Потом появился отец, и мы расселись по своим местам. После того как Паппи прочел благодарственную молитву, мы все вместе помолились за Рики. Разговора практически не возникло: все думали о Корее, но никто не хотел говорить об этом.

Мама рассказывала о том, что задумали в ее классе в воскресной школе, когда я услышал тихое поскрипывание сетчатой двери на нашей задней веранде. Никто ничего не услышал, только я. Ветра не было, качаться двери было не от чего. Я перестал жевать.

– Что там, Люк? - спросила Бабка.

– Мне послышалось, что дверь скрипнула, - ответил я.

Все посмотрели на дверь. Никого. Все вернулись к еде.

И тут в кухню вошел Перси Летчер. Мы замерли. Он сделал два шага и остановился, словно заблудившись. Он был босиком и весь с головы до ног покрыт пылью. Глаза красные, как будто он долго плакал. Он смотрел на нас, мы смотрели на него. Паппи начал вставать, чтобы как-то разобраться в этой ситуации. «Это Перси Летчер», - сказал я.

Паппи снова сел, держа в правой руке нож. Глаза у Перси были совершенно остекленевшие, а когда он перевел дыхание, изо рта у него вырвалось что-то вроде стоны, словно он пытался подавить бушевавшую в нем ярость. Или, возможно, он был ранен или кто-то у них там, за рекой, заболел, и он прибежал к нам за помощью.

– В чем дело, мальчик? - рявкнул на него Паппи. - Вежливые люди обычно стучат, прежде чем войти.

Перси остановил на нем свой немигающий взгляд и сказал: «Это Рики

сделал».

– Рики сделал что? - спросил Паппи, и его голос звучал уже гораздо мягче, словно он решил уступить.

– Рики это сделал.

– Рики сделал что? - повторил Паппи.

– Это его ребенок, - сказал Перси. - Ребенок Рики.

– Заткнись, парень! - крикнул ему Паппи и ухватился за край стола, как будто собираясь вскочить, рвануть к двери и избить этого беднягу.

– Она не хотела, а он ее уговорил, - сказал Перси, пялясь на меня вместо Паппи. - А потом уехал на войну.

– Это она так говорит? - сердито спросил Паппи.

– Не кричи, Илай, - вмешалась Бабка. - Он же еще ребенок. - Она глубоко вздохнула и, кажется, первой решила по крайней мере рассмотреть возможность того, что она помогла появиться на свет собственному внуку.

– Так она говорит, - сообщил Перси. - И это правда.

– Люк, ступай к себе в комнату и закрой дверь! - велел мне отец, выйдя из транс.

– Нет! - сказала мама, прежде чем я тронулся с места. - Это касается нас всех. Пусть сидит.

– Ему не следует все это слушать.

– Он уже все слышал.

– Пусть остается, - решила Бабка, принимая сторону мамы и разрешая спор. Они решили, что я хочу остаться. А чего мне в этот момент больше всего хотелось, так это выскочить наружу, найти Тэлли и отправиться с ней на долгую прогулку - подальше от ее сумасшедшей семейки, подальше от Рики, от Кореи, подальше от Перси Летчера.

– Это твои родители тебя сюда послали? - спросила мама.

– Нет, мэм. Они не знают, куда я пошел. Ребенок весь день кричал и плакал. Либби совсем с ума сошла - грозит броситься с моста и утопиться и прочее в таком роде. Это она мне сказала, что Рики с ней сделал...

– А родителям своим она тоже сказала?

– Да, мэм. Теперь все знают.

– Ты хочешь сказать, все в твоей семье?

– Да, мэм. Мы больше никому не говорили.

– И не говорите, - встрял Паппи. Он сел обратно на свой стул, плечи у него опустились - он уже признал свое поражение. Если Либби Летчер утверждает, что Рики отец ее ребенка, ей все поверят. Его здесь нет, он не может защитить себя. А если дело дойдет до свидетельства под присягой,

то у нее будет больше сочувствующих, чем у Рики, особенно принимая во внимание его скандальную репутацию.

– Ты ужинал, сынок? - спросила Бабка.

– Нет, мэм.

– Голодный?

– Да, мэм.

Стол ломился от еды, к которой теперь уже явно никто не притронется. Все Чандлеры надолго потеряли всякий аппетит, это точно. Паппи вылез из-за стола и сказал: «Пусть ест мою порцию». Он резко поднялся и пошел из кухни на переднюю веранду. Отец, не сказав ни слова, последовал за ним.

– Садись сюда, сынок, - сказала Бабка, указывая на стул Паппи.

Ему наложили полную тарелку и дали стакан сладкого чая. Он сел и начал медленно есть. Бабка переместилась на переднюю веранду, оставив меня и маму наедине с Перси. А тот ел и молчал, если к нему не обращались.

* * *

После длительного обсуждения на передней веранде, которого мы с Перси не слышали, потому что нас туда не пустили, Паппи и отец загрузили мальчика в пикап и повезли его домой. Я сидел с Бабкой в качалке, когда они отъезжали. Уже темнело. Мама лущила бобы.

– Паппи теперь поговорит с мистером Летчером? - спросил я.

– Конечно, - ответила мама.

– А о чем они будут говорить? - У меня было полно вопросов, потому что, как я понимал, теперь я имел право знать все.

– Ну, они, конечно же, будут говорить о ребенке, - сказала Бабка. - И о Рики и Либби.

– А они не подерутся?

– Нет. Они договорятся.

– О чем?

– Ну, договорятся, чтобы никто никому не рассказывал о ребенке и имя Рики не упоминалось.

– Это и тебя касается, Люк, - сказала мама. - Это теперь большой

секрет.

– Да никому я не скажу, - убежденно заявил я. Мысль о том, что люди узнают, что Чандлеры и Летчеры теперь вроде как породнились, меня ужасала. - А это действительно работа Рики?

– Конечно, нет! - сказала Бабка. - Летчерам верить нельзя. До добрых христиан им далеко, вот поэтому их девчонка и забеременела. Наверное, хотят из этого дела денег вытянуть.

– Денег?

– Мы же не знаем, чего они хотят, - заметила мама.

– Как ты думаешь, мам, это Рики?

Поколебавшись секунду, она тихо ответила:

– Нет.

– Я тоже так не думаю, - сказал я, присоединяясь к общему мнению. Я всегда буду защищать Рики, а если кто станет говорить про этого ребенка Летчеров, я готов и к драке.

Но Рики был самый вероятный подозреваемый, и нам всем это было прекрасно известно. Летчеры редко покидали свою ферму. У Джетеров, живших в двух милях от них, тоже был парень подходящего возраста, но я никогда не видел, чтобы он появлялся поблизости от реки. А рядом с Летчерами жили только мы. Так что Рики был самой подходящей самец.

Тут женщины вдруг переключились на церковные дела, как будто это была самая важная проблема. У меня была еще куча вопросов по поводу новорожденного, но я никак не мог встрять в их разговор - они болтали не останавливаясь. В конце концов я сдался и пошел на кухню, послушать репортаж об очередном матче «Кардиналз».

Мне жутко хотелось оказаться в кузове нашего пикапа, сейчас стоявшего возле дома Летчеров, и подслушивать переговоры наших мужчин, пытающихся разрешить возникшую ситуацию.

* * *

Долгое время после того, как меня отослали в постель, я лежал без сна, борясь с дремотой, потому что воздух прямо-таки звенел от голосов. Когда дед с Бабкой разговаривали в постели, я мог слышать их тихие голоса, пробравшись поближе к их комнате по узкому коридору. Слов я не

разбирал, а они как раз старались, чтобы их никто не расслышал. Но иногда, когда их что-то особенно волновало или беспокоило или когда они говорили о Рики, им приходилось это обсуждать глубокой ночью. Лежа в постели и прислушиваясь к их приглушенным голосам, я понял, что дела обстоят очень серьезно.

Родители сидели на задней веранде и ждали, пока поднимется вечерний ветерок и спадет непрекращающаяся жара. Сначала они разговаривали шепотом, однако это бремя оказалось слишком тяжелым и они были не в состоянии обсуждать его на пониженных тонах. Уверенные, что я уже сплю, они разговаривали даже громче, чем обычно.

Я выскользнул из постели и подобрался к окну, как змея. Выглянул наружу: они сидели на своих обычных местах, в нескольких футах от меня и спиной ко мне.

Я впитывал каждый звук. У Летчеров все сложилось не очень хорошо. Либби сидела где-то в задней комнате вместе с ребенком, который все время плакал. Все Летчеры были, казалось, страшно вымотаны этим бесконечным плачем. Мистер Летчер злился на Перси за то, что тот пошел к нам, но еще больше он злился, когда говорил о Либби. А та, оказывается, рассказала им, что не хотела заниматься с Рики «этими глупостями», но он в конце концов ее как-то уболтал. Паппи отрицал, что дело обстояло именно так, но доказательств у него не было. Он отрицал все и вообще выразил сомнение, что Рики когда-нибудь встречался с Либби.

Но были и свидетели. Сама миссис Летчер заявила, что Рики целых два раза, сразу после Рождества, заезжал к ним в пикапе Паппи и увозил Либби покататься. Они ездили в Монетт, и Рики угощал ее там содовой.

Отец высказал предположение, что если все действительно так и было, тогда Рики ездил в Монетт потому, что там его мало кто знал. Он бы не допустил, чтобы его увидели в Блэк-Оуке с дочерью издольщика.

– Она красивая девушка, - отметила мама.

Еще одним свидетелем был один из выводка Летчеров, ему было не больше десяти. Миссис Летчер вытащила его из толпы малышей, скопившейся возле переднего крыльца. Его свидетельство заключалось в том, что он видел, что грузовичок Паппи стоял в конце их поля, рядом с густыми зарослями кустарника. Он подобрался к самому грузовичку и увидел, что Либби и Рики целуются. Он никому ничего не сказал, потому что боялся, и выболтал эту историю всего несколько часов назад.

У Чандлеров, естественно, свидетелей не было. На нашей стороне реки никто не видел никаких намеков на этот роман. Рики, конечно же, никому ничего не говорил. Паппи бы ему за это так дал!

Мистер Летчер сказал, что все время подозревал, что отец ребенка именно Рики, но Либби это отрицала. По правде сказать, была еще парочка парней, которые проявляли к ней интерес. Но теперь она рассказала все - что Рики заставил ее, а она вовсе не хотела ребенка.

— Они хотят, чтобы мы его к себе забрали? - спросила мама.

Я чуть не застонал от такого.

— Нет, не думаю, - ответил отец. - Какая им разница, ну, еще один ребенок в семье...

Мама считала, что ребенок заслуживает того, чтобы расти в нормальном доме. А отец сказал, что об этом и речи быть не может, пока Рики не подтвердит, что это его ребенок. Ну, это вряд ли, уж я-то знаю Рики!

— Ты ребенка видел? - спросила мама.

— Нет.

— Он - точная копия Рики, - сказала она.

Мое собственное впечатление от новоявленного Летчера заключалось в том, что это был какой-то маленький комочек, в тот момент больше всего напоминавший бейсбольную перчатку. В нем не было почти ничего от человека. Однако мама и Бабка часами сравнивали лица разных людей, пытаясь определить, кто на кого похож, чьи у кого глаза, нос или волосы. Бывало, стоило им глянуть в церкви на какого-нибудь младенца, и они тут же восклицали: «Ой, да он же вылитый Чизенхол!» или «Нет, вы только посмотрите, глаза-то он от деда унаследовал!»

А мне они все казались лишь маленькими куклами.

— Значит, ты считаешь, что он Чандлер? - спросил отец.

— Никаких сомнений.

Глава 18

И снова наступила суббота, но суббота без обычного радостного возбуждения от предстоящей поездки в город. Я знал, что мы туда поедem, потому что мы никогда не пропускали две субботы подряд. Бабе понадобились бакалейные товары, особенно мука и кофе, а маме было нужно в аптеку. Отец две недели не был в кооперативе. Я не имел права голоса в этом вопросе, но мама понимала, как важны эти субботние посещения города для соответствующего воспитания ребенка, особенно мальчишки с фермы, у которого мало контактов с окружающим миром. Да, мы ехали в город, но без обычного энтузиазма.

Над нами нависала новая ужасная перспектива, гораздо более пугающая, чем вся эта бодяга с Хэнком Спруилом. Как быть, если кто-нибудь узнает, что произошло у Летчеров? Достаточно ведь одного слова, одного намека, брошенного в одном конце Мэйн-стрит, и сплетни разнесутся по всему городу подобно пожару. Дамы в лавке Попа и Перл будут ронять свои корзинки и закрывать руками рты в полном изумлении. Старики, собирающиеся возле кооператива, будут усмехаться и говорить: «Ну, меня это вовсе не удивляет!» Ребята постарше будут в церкви тыкать в меня пальцами, словно это я во всем виноват. Весь город ухватится за этот слух, как будто это истина из Писания, и имя Чандлеров будет запятнано навек.

Так что мне не хотелось ехать в город. Я хотел остаться дома, поиграть в бейсбол и, может быть, отправиться на прогулку с Тэлли.

За завтраком разговаривали мало. Все мы были все еще подавлены, и, я думаю, это было потому, что мы знали правду. О Рики в городе мало что помнили. А я про себя раздумывал: знал ли он вообще, что у Либби будет ребенок? Но поднимать сейчас этот вопрос вовсе не собирался - потом спрошу у мамы.

– Парк аттракционов в город приехал, - сообщил Паппи.

И день вдруг засверкал новыми красками. Моя рука с вилкой замерла в воздухе.

– Мы когда поедem? - спросил я.

– Как всегда. Сразу после ленча, - ответил Паппи.

– А на сколько мы там задержимся?

– Там посмотрим.

Передвижной парк аттракционов! Это была бродячая цыганская

компания, они говорили с каким-то странным акцентом; зимы они проводили во Флориде, а по осени начинали объезжать маленькие фермерские городки, когда проходил сбор урожая и у народа появлялись деньги. Обычно они приезжали совершенно внезапно, в четверг, без разрешения разбивали лагерь на бейсбольном поле и оставались там на весь уик-энд. Ничто так не возбуждало Блэк-Оук, как приезд этих бродяг с их аттракционами.

Каждый год к нам приезжал какой-нибудь новый парк. В одном показывали слона и гигантскую черепаху. В другом животных не было совсем, зато было полно странных людей - карлики и лилипуты, девочка с шестью пальцами, мужчина с третьей ногой... Но они всегда привозили с собой колесо обозрения, карусель и пару-тройку других аттракционов, скрипучих и разболтанных, страшно пугающих всех мамаш. Например, «гигантские шаги» - подвешенные к колесу на цепях петли, в которые усаживались желающие; колесо вращалось все быстрее и быстрее, и «ездок» в конечном итоге летели почти параллельно земле, вопя от страха и прося остановить машину. Пару лет назад в Монетте одна такая цепь лопнула и маленькую девочку зашвырнуло через дорогу и ударило о борт прицепа. Но когда через неделю этот аттракцион появился в Блэк-Оуке, уже с новыми цепями, к нему тут же выстроилась очередь желающих покататься.

Еще у них были павильоны, где можно было метать кольца и дартс, стрелять из пневматического ружья и выигрывать разные призы. В некоторых парках были и предсказатели судьбы, в других имелись фотографии, а с некоторыми приезжали фокусники. Все это было шумно, весело и здорово возбуждало. Слух об их прибытии быстро распространялся по всему округу, и народ начинал валить толпами, так что за несколько часов Блэк-Оук бывал весь набит битком. Я очень хотел попасть туда.

Может быть, думал я, возбуждение, вызванное приездом парка аттракционов, заставит забыть про Либби Летчер. Я скоренько проглотил свои хлебцы и выскочил наружу.

— Аттракционы в город приехали! - шепотом сообщил я Тэлли, когда она подошла к трактору, чтобы вместе с нами ехать в поле.

— Вы все поедете? - спросила она.

— Конечно! Кто ж пропускает такое!

— А я один секрет знаю, - тоже шепотом сказала она, отводя глаза.

— Какой?

— Я кой-что слышала нынче ночью.

– Где слышала?
– Возле передней веранды.
Мне не понравилось, что она все время увиливает.
– Так что за секрет?
Она нагнулась поближе:
– Про Рики и эту девчонку Летчеров. У тебя, стало быть, появился маленький кузен!
Слова ее звучали жестоко, глаза сверкали злорадством. Это была совсем не та Тэлли, которую я знал раньше.
– Чего это ты там делала? - спросил я.
– Тебя не касается!
Из дома вышел Паппи и направился к трактору.
– Ты лучше никому про это не говори, - сказал я сквозь сжатые зубы.
– Мы ж с тобой умеем хранить наши секреты, так ведь? - сказала она, отходя.
– Ага.

* * *

Я быстро проглотил ленч, а потом спешно прошел всю процедуру отскребывания и помывки. Мама понимала, что я горю нетерпением поскорее отправиться в город, и не теряла даром времени, смывая с меня грязь.

Все десять мексиканцев набились в кузов пикапа вместе со мной и отцом, и мы отъехали от нашего дома. Ковбой всю неделю собирал хлопок, несмотря на сломанные ребра, что не прошло незамеченным со стороны Паппи и отца. Они им просто восхищались. «Крепкие они ребята!» - говорил Паппи.

Спруилы тоже суетились, стараясь не отстать от нас. Тэлли уже раззвонила о приезде компании аттракционов, и даже Трот сейчас двигался вполне целеустремленно.

Когда переезжали через реку, я долго и пристально смотрел на дорогу, что вела к ферме Летчеров, но их лачуги отсюда видно не было. Я глянул на отца. Он смотрел туда же, и взгляд у него был тяжелый, почти сердитый. И как такое случилось, что эти люди вторглись в нашу жизнь?

Мы тащились дальше по грейдеру, и вскоре поля Летчеров остались позади. К тому времени, когда мы добрались до шоссе, я уже вовсе думал только об аттракционах.

Наш водитель, конечно же, ни за что не позволил бы себе спешить. Кузов был битком набит людьми, и я даже сомневался, что он будет держать скорость в тридцать семь миль в час, а Паппи действительно и не думал поднажать. Дорога, как мне показалось, заняла целый час.

Патрульная машина Стика стояла возле баптистской церкви. Движение по Мэйн-стрит было уже напряженным, а тротуары кишели народом. Мы припарковались, и мексиканцы разбрелись по округе. Из тени под деревьями появился Стик и направился прямо к нам. Бабка и мама пошли по магазинам. Я остался с мужчинами, уверенный, что сейчас нам предстоит обсуждать серьезные вопросы.

– Привет, Илай. Привет, Джесси, - сказал Стик. Шляпа его была сбита набок, во рту, как всегда, травинка.

– Добрый день, Стик, - ответил Паппи. Отец лишь кивнул. Они приехали в город вовсе не для того, чтобы терять время со Стиком, и их раздражение было достаточно заметно.

– Я вот думаю арестовать этого парня Спруилова, - сказал Стик.

– Мне плевать, что ты там думаешь, - буркнул в ответ Паппи, сразу наливаясь гневом. - Просто подожди, пока уберем весь хлопок.

– Нетрудно ведь подождать еще месяц, - заметил отец.

Стик пожевал свою травинку, выплюнул ее и сказал:

– Да наверное.

– Он хорошо работает, - сказал отец. - А хлопка нынче много. Если заберешь его прямо сейчас, мы лишимся шести пар рук. Сам ведь знаешь, что это за люди.

– Думаю, можно и подождать, - сказал Стик. Он явно стремился к компромиссу. - Я тут говорил со многими и теперь не совсем уверен, что твой парень сказал мне правду. - При этом он пристально посмотрел на меня. Я ковырял ногой гравий.

– Оставь его в покое, Стик, - сказал отец. - Он еще ребенок.

– Ему всего семь лет! - рявкнул Паппи. - Неужели трудно найти настоящих свидетелей?

Стик даже отступил немного, словно его ударили.

– Вот у меня какое предложение, - продолжал Паппи. - Ты оставляешь Хэнка в покое, пока не будет собран урожай, а потом я приеду в город и дам тебе знать, что он нам больше не нужен. После этого меня уже не касается, что ты с ним будешь делать.

– Так и сделаем, - сказал Стик.

– Но мне все равно кажется, что ничего у тебя не выйдет. Там было трое против одного, Стик. Никакие присяжные не вынесут обвинительный вердикт.

– Ну, это мы еще посмотрим, - уклончиво заметил Стик. И пошел прочь, сунув большие пальцы рук в карманы и приняв достаточно чванливый и самодовольный вид, чтобы вызвать у нас раздражение.

– Можно мне пойти на аттракционы? - спросил я.

– Конечно, можно, - сказал Паппи.

– У тебя деньги есть? - спросил отец.

– Четыре доллара.

– И сколько ты собираешься истратить?

– Четыре доллара.

– Думаю, и двух будет достаточно.

– А если три?

– Пусть будет два пятьдесят, о'кей?

– Есть, сэр. - И я бегом рванул от церкви, проскальзывая между пешеходами, и скоро был на бейсбольном поле, которое располагалось через улицу напротив кооператива, кинотеатра «Дикси» и бильярдной. Передвижной парк аттракционов занял все поле, от задней ограды до границы аутфилда. Колесо обозрения возвышалось в середине, а его окружали аттракционы поменьше, павильоны и будки. Из динамиков рядом с каруселями раздавалась громкая музыка, от которой все вокруг дрожало. Уже собрались длинные очереди желающих покататься. В воздухе стоял запах попкорна, хот-догов и еще чего-то жареного.

Я нашел фургон, где продавали сахарную вату. Порция стоила дайм, но я бы заплатил за нее и больше. Деузэйн нашел меня на дорожке между павильонами и будками - я стоял и смотрел на ребят постарше, которые стреляли из пневматических ружей по маленьким уткам, что плавали в пруду. Ни один не мог в них попасть, потому что, как утверждал Паппи, у этих ружей все прицелы сбиты.

Засахаренные яблоки тоже были по дайму штука. Мы купили себе по одному и не спеша пошли осматривать все павильоны и аттракционы. Там была ведьма в длинном черном платье, с черными волосами, сама вся черная; за двадцать пять центов она могла предсказать судьбу. Еще одна старуха с черными глазами за ту же цену могла проделать то же самое на картах таро. Ярко одетый молодой человек с микрофоном мог за дайм отгадать твой возраст или твой вес. Если он ошибался больше, чем на три года или на десять фунтов, ты получал приз. По обе стороны дорожки

располагался обычный набор игровых площадок - здесь кидали мячи для софтбола в кувшины с молоком, баскетбольные мячи в корзины слишком маленького диаметра, метали дартсы в воздушные шары, накидывали кольца на горлышки бутылок.

Мы брели между аттракционами, впитывая его шумы и его возбуждение. В дальнем конце поля, возле задней ограды, собралась целая толпа народу, и мы тоже двинулись туда. Огромная растяжка объявляла о приезде «Самсона, Величайшего в Мире Борца, прибывшего прямо из Египта!», а под растяжкой лежал квадратный спортивный мат, вокруг которого на кольях были натянуты канаты ограждения. Самсона на ринге не было, но он вот-вот должен был появиться, если верить Далиле, высокой фигуристой женщине с микрофоном. Ее костюм оставлял полностью открытыми ее ноги и большую часть груди; я был уверен, что никогда еще не видел, чтобы столько тела было выставлено на всеобщее обозрение в Блэк-Оуке. Далила между тем разъясняла молчаливой толпе, состоявшей по большей части из мужчин, что правила очень простые. Самсон платит из расчета десять к одному любому, кто продержится против него на ринге больше минуты.

– Всего шестьдесят секунд! - выкрикивала она. - И деньги ваши!

У нее и в самом деле был очень странный акцент, видимо, чтобы убедить всех, что они действительно прибыли из других земель. Я никогда не встречал кого-нибудь из Египта, но помнил из уроков в воскресной школе, что у Моисея были там какие-то приключения.

А она все расхаживала взад-вперед перед рингом, и все взгляды неотрывно следили за каждым ее движением.

– В нынешнем турне Самсон выиграл триста схваток подряд! - восклицала она зазывающее. - По правде сказать, единственную свою схватку Самсон проиграл в России, но для этого потребовалось трое человек, да к тому же они пользовались запрещенными приемами!

Из одинокого динамика, висевшего над растяжкой, заорала музыка.

– А сейчас, леди и джентльмены, - объявила Далила, перекрикивая музыку, - я представляю вам единственного и неповторимого, величайшего в мире борца, непобедимого Самсона!

У меня даже дыхание перехватило.

Он выбежал из-за занавеса и впрыгнул на ринг, сопровождаемый жидкими аплодисментами. А с чего это мы должны ему хлопать? Он же приехал нас побеждать. Его волосы были первым, на что я обратил внимание. Черные, волнистые, они падали ему на плечи, как у женщины. Я видел иллюстрации к Ветхому Завету, там у мужчин тоже были такие

волосы, но это ж было пять тысяч лет назад! Он был огромного роста, с мощным телом, огромные мускулы так и выпирали у него на плечах и на груди. Руки поросли черным волосом и выглядели достаточно могучими, чтобы поднять целый дом. А чтобы мы могли полностью рассмотреть его мускулатуру, Самсон был без рубашки. Несмотря на то что мы месяцами работали в поле, его кожа была темнее, чем у нас, так что я теперь был совершенно убежден в том, что он прибыл к нам из стран неизвестных. К тому же он еще и с русскими боролся!

Он пробежался по рингу в такт музыке, сгибая руки и напрягая свои чудовищные мускулы. Так он и бегал, пока мы не увидели все, что ему было нам показать, а этого, по моему мнению, было более чем достаточно.

– Ну, кто первый? – прокричала Далила в микрофон, когда стихла музыка. – Минимальная ставка – два доллара!

Толпа вдруг замерла. Только дурак полезет на ринг против такого гиганта!

– А я вот не боюсь! – раздался чей-то крик, и мы, не веря своим глазам, уставились на молодого парня – я его никогда прежде не видел, – который вышел вперед и протянул Далиле два доллара. Она приняла деньги и сказала:

– Ставка десять к одному. Продержитесь на ринге шестьдесят секунд, выиграете двадцать долларов. – Она передала микрофон этому парню и спросила: – Как вас зовут?

– Фарли.

– Желаю удачи, Фарли!

Он влез на ринг, как будто вовсе не боялся Самсона, который наблюдал за ним без малейших признаков беспокойства. Далила взяла деревянную булаву и ударила ею в колокол, висевший сбоку от ринга.

– Шестьдесят секунд! – провозгласила она.

Фарли двинулся чуть в сторону, потом отошел в угол, а Самсон сделал шаг ему навстречу. Оба встали, изучая друг друга. Самсон смотрел сверху вниз с явным презрением, Фарли пялился снизу вверх, предвкушая схватку.

– Сорок пять секунд! – провозгласила Далила.

Самсон шагнул вперед, Фарли метнулся на другую сторону ринга. Будучи гораздо меньше ростом, он был еще и проворнее и, по всей видимости, предпочитал стратегию уверток и уходов. Самсон напирал, Фарли уворачивался.

– Тридцать секунд!

Ринг был не слишком больших размеров, чтобы все время убегать, так что Самсон быстро покончил с этими тараканьими бегами. Он перехватил

Фарли, когда тот опять пытался проскочить мимо, и поднял его в воздух, захватив его голову в сгиб локтя, и начал сжимать.

– Смотрите, вот это захват, настоящая гильотина! - выкрикнула Далила, явно перебарщивая с трагизмом в голосе. - Осталось двадцать секунд!

Самсон крутил свою жертву в воздухе и садистски улыбался, а бедный Фарли мотался в его руках.

– Десять секунд!

Самсон крутанул Фарли еще раз и бросил его на ринг. И прежде чем тот успел встать, Величайший в Мире Борец схватил его за ноги и поднял в воздух, подержал над канатами ограждения и за две секунды до конца уронил на землю в знак своей победы.

– Вау, так недолго и проиграть, Самсон! - сказала в микрофон Далила.

Фарли явно пребывал в полном ошеломлении, однако он остался цел и, кажется, даже гордился собой: доказал свое мужество, не выказал страха и почти выиграл двадцать долларов - всего двух секунд не хватило. Следующий доброволец был тоже какой-то чужак - здоровенный малый по имени Клод, который заплатил три доллара, чтобы иметь шанс выиграть тридцать. Весил он раза в два больше Фарли, но двигался гораздо медленнее, и Самсон уложил его на лопатки за десять секунд, дав ему подсечку и затем завернув его в «салазки». За десять секунд до истечения контрольного времени он поднял Клода над головой и, демонстрируя свою огромную силу, подошел к краю ринга и швырнул его прочь.

Клод тоже уходил гордый и довольный. Всем уже было понятно, что Самсон, несмотря на всю театральность своего поведения и угрожающие ужимки, был настоящим спортсменом и никому не нанесет никаких увечий. А поскольку большинство молодых парней желали хоть как-то пообщаться с Далилой поближе, к ней скоро выстроилась очередь.

Это был настоящий спектакль, и мы с Деуэйном долго там просидели, наблюдая за тем, как Самсон разделяется с очередной жертвой, применяя все приемы из своего репертуара. Он их брал и на прямой захват, и на боковой, на захват ногами, укладывал их двойным нельсоном или броском на мат или через колено. Далиле оставалось только называть в микрофон приемы, которыми он пользовался, и Самсон тут же их демонстрировал.

Через час Самсон был весь мокрый от пота и ему был нужен перерыв, так что мы с Деуэйном смылись оттуда, чтобы два раза прокатиться на колесе обозрения. И обсудить вопрос, не купить ли еще по порции сахарной ваты, но тут услышали, как какие-то ребята обсуждают женское шоу.

— Она все с себя сняла! - говорил один из них, проходя мимо нас, и мы тут же забыли про сахарную вату. И пошли за ними в самый конец дорожки, разделявшей аттракционы, туда, где стояли фургоны цыган. За фургонами был установлен небольшой шатер, явно поставленный так, чтобы никто его заметил. Около него стояли и курили несколько мужчин, и у них был какой-то виноватый вид. Из шатра доносилась музыка.

Некоторые бродячие парки привозили к нам разные женские представления и шоу. Ничего удивительного, что Рики однажды застучали на выходе с одного такого шоу, после чего у нас дома был жуткий скандал. Его бы ни за что не поймали, если бы вместе с ним не застучали мистера Росса Ли Харта. Мистер Харт, казначей методистской церкви, фермер, владевший собственной землей, примерный прихожанин, был женат на женщине с базарными замашками. Однажды вечером в субботу, когда в город как раз приехала очередная компания аттракционов, она долго его разыскивала и случайно заметила, как он выходит из такого запретного шатра. И разоралась на всю округу, увидев своего заблудшего супруга; а тот нырнул за фургоны и скрылся. Она бросилась в погоню, вопя и причитая, и город Блэк-Оук получил новую тему для сплетен.

По неведомой причине миссис Харт рассказала о проделке своего супруга всем, кому только можно, и бедняга на много месяцев стал отверженным. А она также раззвонила, что вслед за мистером Хартом из этого шатра вышел Рики Чандлер. Мы страдали молча. Неписанным правилом для всех было: никогда не ходи на такие шоу в своем родном городе. Езжай в Монетт, или в Лейк-Сити, или в Карауэй, но только не в Блэк-Оук.

Ни Деуэйн, ни я не знали никого из мужчин, стоявших возле шатра. Мы обошли вокруг фургонов и подкрались поближе с противоположной стороны, но там была здоровенная собака на цепи, охранявшая шатер от любителей подглядывать вроде нас. Мы отступили и решили дождаться темноты.

Когда время подошло к четырем, перед нами встал очень трудный выбор: то ли пойти в кино, то ли обратно на аттракционы. Мы уже склонялись к тому, чтобы идти в кино, когда возле борцовского ринга снова появилась Далила. Она сменила свое одеяние - теперь на ней был красный костюм, жакет и юбка, которые открывали еще больше. Толпа бросилась к ней, и немного времени спустя Самсон снова крутил, вертел и бросал на мат деревенских парней и мужиков с гор и даже случайно забредших туда мексиканцев.

Единственный достойный его противник появился только после

наступления темноты. Это был глухонемой сын мистера Уокера по кличке Слепень, а весил он триста фунтов. Мы все звали его Хрюк - не из неуважения и не из жестокости, просто его все так звали. Слепень поставил пять долларов, и Хрюк медленно влез на ринг.

– Очень мощный у тебя будет противник, Самсон, - промурлыкала в микрофон Далила.

Самсон и сам понимал, что ему может потребоваться несколько больше времени, чтобы выкинуть с ринга три сотни фунтов, и пошел в атаку немедленно. Он попытался провести низкий захват с целью схватить противника за ноги и стукнуть его коленом о колено, чтобы он упал навзничь. Хрюк и упал, но упал прямо на Самсона, который даже вскрикнул от боли. В толпе тоже закричали и начали подзадоривать Хрюка, который, конечно же, ничего этого не слышал. Они катались по рингу и лягались, пока Хрюку не удалось на секунду прижать Самсона к мату.

– Сорок секунд! - провозгласила Далила. Сейчас время в ее исчислении шло медленнее, потому что Самсон был на лопатках. Он несколько раз лягнул противника, но безрезультатно, а потом пустил в ход захват ногами - это называется «джерси-флип» - прием, когда борец резко выбрасывает ноги вверх и захватывает ими противника за шею. Самсон зажал Хрюку ногами уши, а потом опрокинул его навзничь. И сам вскочил на ноги под соответствующие комментарии Далилы. Затем последовал бросок через колено, который совершенно ошеломил Хрюка.

– Пятнадцать секунд! - объявила Далила - сейчас ее часы снова шли быстро. Хрюк бросился на противника, как бешеный бык, и оба они опять рухнули на мат. Толпа снова разразилась криками. Слепень Уокер в полном исступлении подпрыгивал и бегал вдоль внешней стороны ринга. Так они возились некоторое время, а потом Далила сказала:

– Десять секунд!

Из толпы раздались крики протеста по поводу такого отсчета времени. Но тут Самсон ухватил Хрюка за руку, заломил ее ему за спину, потом сцапал его ногу и швырнул беднягу через весь ринг и за канаты. Тот приземлился у ног собственного папаши. «Ты, проклятый мошенник, сукин сын!» - заорал Слепень.

Самсон с полным пониманием отнесся к этому оскорблению и сделал Слепню приглашающий жест - пожаловать на ринг лично. Слепень сделал шаг вперед, а Самсон раздвинул канаты. Далила, которая, несомненно, много раз слышала подобные угрозы, тихо сказала:

– На вашем месте я бы не стала этого делать. Он может покалечить, когда разозлится.

К тому времени Слепень уже искал подходящий предлог, чтобы не лезть на рожон. Стоя на краю ринга, глядя вниз и насмешливо улыбаясь, Самсон казался чуть не десяти футов ростом. Слепень нагнулся, осмотрел Хрюка, который тер плечо и, казалось, был готов заплакать. Самсон только посмеялся им вслед, когда они пошли прочь, а затем, чтобы развлечь оставшихся, стал опять напрягать свои мышцы, обходя весь ринг по периметру. Кто-то в толпе восхищенно присвистнул, а ему только того и надо было.

После этого он обработал еще нескольких желающих, а потом Далила заявила, что ее мужу пора ужинать. А через час они вернутся для финального представления.

Было уже совсем темно. Все вокруг заполняли разнообразные звуки, всегда сопровождающие аттракционы и шоу: возбужденные вопли и визг детишек, катающихся на карусели, радостные крики победителей, выигравших призы, музыка из множества динамиков, выдававших самые разнообразные мелодии, непрерывная трескотня зазывал, уговаривающих народ поактивнее расставаться с деньгами, поглядеть на самую большую в мире черепаху, выиграть еще один приз и подавляющий все остальные звуки рев наэлектризованной толпы. Народ у нас такой глупый, его и палкой отсюда не отгонишь, любила повторять Бабка. Вокруг будок и павильонов собрались целые толпы, все пилились и орали. К аттракционам тянулись длиннющие извивающиеся очереди. Повсюду группами бродили мексиканцы, в изумлении озираясь по сторонам, но по большей части не желая расставаться со своими деньгами. Никогда не видел, чтобы в одном месте скопилось столько народу.

Родителей я обнаружил возле Мэйн-стрит - они пили лимонад и наблюдали за всем этим спектаклем с безопасного расстояния. Паппи и Бабка уже сидели в грузовичке, готовые к отъезду, но явно желая еще задержаться. Аттракционы приезжают к нам всего раз в год.

— У тебя сколько денег осталось? - спросил отец.

— Около доллара, - ответил я.

— Это колесо обозрения что-то не очень безопасным выглядит, Люк, - сказала мама.

— Я на нем два раза прокатился. И все в порядке.

— Я дам тебе еще доллар, если ты больше не будешь на нем кататься.

— Ладно, согласен.

Она вручила мне долларовую бумажку. Мы договорились, что вернусь примерно через час. Я нашел Деуэйна, и мы решили, что пора проверить, как там это женское шоу. Мы быстро пробрались сквозь толпу и замедлили

ход только возле цыганских фургонов. Здесь, позади них, было гораздо темнее. Перед самым шатром стояли несколько мужчин - курили сигареты, а в дверях вихлялась молоденькая женщина в очень откровенном костюмчике - она вертела бедрами и вызывающе пританцовывала.

Мы, баптисты, всегда считали, что танцы - дело изначально дурное и вообще греховное. Они занимали такое же место в списке самых тяжких прегрешений, что и пьянство или богохульство.

Эта танцорка была не такая привлекательная, как Далила, да и не умела так же изящно демонстрировать свои прелести. Конечно, у Далилы позади годы практического опыта, она ж весь мир объехала.

Мы стали медленно прокрадываться дальше, держась в тени, пока рядом вдруг не раздался какой-то незнакомый голос, провозгласивший словно ниоткуда: «Хватит, и так далеко забрались. А теперь убирайтесь отсюда, ребята!» Мы замерли на месте и оглянулись по сторонам. И в этот самый момент услышали другой, хорошо знакомый голос, провозглашавший позади нас: «Покайтесь! Покайтесь, погрязшие в пороке!»

Это был преподобный Эйкерс, он стоял, выпрямившись во весь рост с Библией в руке, согнутым пальцем другой тыкая в небеса.

– Вы, порождения ехидны! Исчадия ада! - орал он во всю силу своих легких.

Я не успел увидеть, перестала танцевать та молодая женщина и разошлись ли мужчины, стоявшие у шатра. Не было времени оглянуться: мы с Деуэйном тут же бросились на землю и на четвереньках побежали, как преследуемая дичь, сквозь скопление фургонов и грузовиков, пока не увидели свет, пробивавшийся между двумя павильонами возле дорожки. Там мы вылезли и затесались в толпу.

– Как думаешь, он нас видел? - спросил меня Деуэйн, когда мы оказались в безопасности.

– Не знаю. Вряд ли.

Мы сделали круг и снова подобрались поближе к цыганским фургонам. Брат Эйкерс был в прекрасной форме. Он подошел уже футов на тридцать к шатру и теперь изгонял демонов самым громким голосом, на какой был способен. И имел некоторый успех. Танцорка куда-то исчезла, так же как и мужчины, что слонялись у шатра и курили. Он угробил это шоу, хотя, как я подозревал, все они сидели внутри и ждали, когда он уберется.

А Далила между тем снова появилась у ринга - опять в другом костюме. Он был сшит из леопардовой шкуры и едва прикрывал ее

прелести, так что я был уверен, что на следующее утро брату Эйкерсу будет что сказать об этом. Он обожал приезды аттракционов, потому что они давали ему материал для обличений с церковной кафедры.

Возле борцовского ринга уже собралась толпа, все глазели на Далилу и ждали Самсона. Она еще раз представила его публике, теми же словами, что мы уже слышали. Потом он наконец запрыгнул на ринг - он тоже был теперь в леопардовой шкуре. Плюс тесные шорты, никакой рубашки, сверкающие черные кожаные сапоги. Он с важным видом прошелся по рингу, потом встал в красивую позу и попытался раззадорить нас, чтобы посвистели.

Мой приятель Джеки Мун первым влез на ринг и, подобно большинству предыдущих жертв Самсона, предпочел стратегию уловок и уверток. Двадцать секунд он ловко уворачивался и ускользал, пока Самсону это не надоело. Сначала «ножницы», захват ногами, потом бросок с перекатыванием, как нам объяснила Далила, и вот Джеки уже лежит на траве неподалеку от меня. И смеется: «Совсем не так уж и плохо!»

Самсон и впрямь не собирался никого увечить: это могло повредить его бизнесу. Но по мере того как его выступление приближалось к концу, он становился все более задиристым. И все время кричал нам: «Что, настоящих мужчин среди вас больше не осталось?» Акцент у него был какой-то совершенно экзотический, а голос низкий и пугающий. «Ну, остались еще настоящие воины в городе Блэк-Оук, штат Арканзас?»

Мне хотелось сейчас быть семи футов ростом. Тогда бы я тоже влез на ринг и напал бы на старичка Самсона, и толпа бы орала от восторга. Я в ему показал! Я в его так вышвырнул с ринга! И стал бы настоящим героем Блэк-Оука! А так мне оставалось только освистывать его.

И тут на сцене появился Хэнк Спруил. Он прошел вдоль ограждения ринга под рев зрителей и остановился. Стоял он достаточно долго, чтобы привлечь внимание Самсона. Толпа смолкла, а эти двое стояли и мерили друг друга взглядами. Потом Самсон подошел к краю ринга и сказал:

— Ну, заходи сюда, малыш!

Хэнк, конечно, только усмехнулся в ответ. Потом подошел к Далиле и достал из кармана деньги.

— О-ля-ля, Самсон! - воскликнула Далила, принимая деньги. - Двадцать пять долларов!

Толпа недоверчиво забормотала.

— Двадцать пять баксов! - произнес мужчина сзади. - Это ж недельный заработок!

— Да, но он может выиграть двести пятьдесят, - заметил другой.

Толпа сгрудилась возле ринга. Мы с Деузэйном пробрались в первый ряд, чтобы взрослые не закрывали нам ринг.

– Как вас зовут? - спросила Далила, поднимая микрофон.

– Хэнк Спруил, - прорычал тот. - Ставка такая же, десять к одному?

– Точно такая же, мальчик. А ты не боишься ставить двадцать пять долларов?

– Не боюсь. И все, что я должен сделать, это продержаться на ринге минуту?

– Да, шестьдесят секунд. Знаешь, за пять лет Самсон не проиграл ни одной схватки. Последний раз он был побежден в России, они там смошенничали.

– Плевать мне на Россию, - сказал Хэнк, снимая рубашку. - Еще какие правила?

– Никаких. - Она повернулась к толпе и со всем драматизмом в голосе, на какой только была способна, прокричала: - Леди и джентльмены! Великого Самсона вызвали на бой! Самый страшный бой за все времена! Мистер Хэнк Спруил поставил двадцать пять долларов на эту схватку, а ставка десять к одному! Никогда прежде в истории никто не ставил такую сумму!

Самсон прохаживался по рингу, демонстрируя свои мышцы и потряхивая локонами, он явно с нетерпением предвкушал предстоящую схватку.

– Покажите деньги! - прорычал Хэнк Далиле.

– Вот они, - сказала она в микрофон.

– Нет, я хочу видеть все двести пятьдесят.

– Да они нам не понадобятся, - со смехом ответила она; но в ее смешке проскользнула некоторая нервозность. Она опустила микрофон, и они еще некоторое время спорили и торговались. Из толпы вылезли Бо и Дэйл, и Хэнк поставил их возле маленького столика, где Далила держала деньги. Когда он убедился, что деньги на месте, то влез на ринг, где великий Самсон ждал его, скрестив на груди могучие руки.

– Это не тот, что убил Джерри Сиско? - спросил кто-то позади нас.

– Он самый, - последовал ответ.

– Он почти такой же здоровый, как Самсон.

Хэнк был на несколько дюймов пониже, и грудь у него была не такая мощная, но он вроде бы не видел для себя никакой опасности. Самсон начал пританцовывать вдоль одной стороны ринга, а Хэнк следил за ним, вытянув руки вперед.

– Вы готовы? - прокричала в микрофон Далила, и зрители еще больше

сдвинулись вперед. Она ударила в колокол. Оба борца злобно разглядывали друг друга. Хэнк, однако, все еще стоял в своем углу. Время работало на него. Через несколько секунд Самсон, который, как я подозревал, уже понял, что ему придется туго, двинулся вперед, пританцовывая, приседая и вихляясь, как обычно делает настоящий борец. Хэнк стоял совершенно спокойно.

– Давай, давай, малыш, выходи! - заорал Самсон с расстояния в пять футов, но Хэнк оставался в своем углу.

– Сорок пять секунд, - объявила Далила.

Ошибка Самсона заключалась в том, что он решил, что это схватка борцов, а не просто драка. Он попробовал нижний захват в расчете применить один из своих приемов и зажимов и на несколько секунд оставил лицо открытым. Хэнк атаковал молниеносно, как гремучая змея. Его правая рука вылетела вперед и нанесла такой быстрый удар, что его едва можно было успеть заметить, и его кулак угодил Самсону прямо в его мощную челюсть.

Голова Самсона резко дернулась назад, и его прекрасные волосы разлетелись в разные стороны. При ударе раздался такой звук, точно кто-то хлыстом щелкнул. Стэн Мьюзиэл вряд ли смог бы сильнее ударить битой по бейсбольному мячу.

У Самсона закатились глаза. Его огромному телу понадобилось несколько секунд, чтобы осознать, что голова изуродована. Одна нога подломилась и подогнулась в колене. Потом подломилась и вторая, и Величайший в Море Борец, прибывший прямо из Египта, с грохотом рухнул на спину. Ринг весь содрогнулся, канаты закачались. Самсон лежал как мертвый.

Хэнк расслабленно стоял в углу, положив руки на верхний канат. Он никуда не спешил. Бедная Далила пораженно молчала. Потом попыталась что-то сказать, убедить нас, что это просто часть представления, но на самом деле ей хотелось броситься на ринг и заняться Самсоном. Толпа стояла, пораженная.

Самсон между тем застонал и попытался подняться на ноги. Он встал на четвереньки и так постоял, качаясь, прежде чем смог подтянуть вперед одну ногу. Потом попробовал подняться одним мощным рывком, но ноги его не держали. Он ринулся вперед, к канатам, и сумел ухватиться за них и смягчить падение. Он смотрел прямо на нас, но не мог произнести ни слова, бедняга. Глаза у него были красные и глядели дико, а сам он, казалось, даже не сознавал, где находится. Так он и висел на канатах, дергаясь, пытаясь прийти в себя и заставить ноги подчиняться.

Мистер Слепень Уокер подскочил к рингу и завопил Хэнку: «Убей этого сукина сына! Давай, прикончи его!»

Но Хэнк не шевелился. Вместо этого он просто крикнул: «Время!», но Далила забыла про часы.

Из толпы раздались крики одобрения и насмешки, но большая часть народу подавленно молчала. Зрители были поражены видом поверженного Самсона, тем, как он там беспомощно барахтается, будучи почти без сознания.

Самсон повернулся и попытался сфокусировать взгляд на Хэнке. Все еще держась за канаты, он сделал пару нетвердых шагов, потом рванулся вперед в последней отчаянной попытке. Хэнк просто ушел нырком в сторону, и Самсон с грохотом вцепился в угловой столбик. Канаты под его весом натянулись, остальные столбики, казалось, вот-вот сломаются. Самсон стонал и метался, словно раненый медведь. Он подтянул под себя ноги и, обретя некоторую устойчивость, повернулся к противнику. Ему же надо было оставаться на мате. Хэнк метнулся вперед и нанес удар справа и сверху - замахиваться он начал еще в центре ринга. Удар пришелся точно туда же, куда попал первый. А поскольку противник был совершенно беззащитен, Хэнк снова размахнулся и нанес третий, последний, удар. Самсон мешком рухнул на мат. Далила вскрикнула и полезла на ринг. Хэнк отошел в угол и расслабленно опустил руки на канаты, улыбаясь и не выказывая никакой озабоченности состоянием противника.

Я не знал, что делать. Зрители по большей части тоже стояли и молчали. С одной стороны, это было здорово - видеть, как арканзасский парень так внушительно победил этого египетского гиганта. Но с другой - это же был Хэнк Спруил, и он бил кулаками! Победа была нечестная, правда, ему на это было явно наплевать. Всем нам было бы гораздо лучше, если бы кто-то из местных победил Самсона в равной схватке.

Когда Хэнк решил, что время боя истекло, он пролез сквозь канаты и спрыгнул на землю. Бо и Дэйл забрали деньги, и все трое исчезли.

— Да он никак убил этого Самсона, - сказал кто-то позади меня. Величайший в Мирах Борец лежал плашмя, широко разбросав руки и ноги, а его подруга склонилась над ним, пытаясь привести в сознание. Мне стало их жалко. Они были такие замечательные, мы такого представления теперь долго не увидим, если вообще увидим хоть когда-нибудь. По правде говоря, я сильно сомневался, что Самсон и Далила когда-нибудь еще приедут в Блэк-Оук, штат Арканзас.

Когда он наконец сумел сесть, мы немного успокоились. Несколько добросердечных зрителей ему даже немного похлопали, а потом толпа

начала расходиться.

И почему бы Хэнку не присоединиться к этому передвижному парку аттракционов? Зарабатывал бы деньги своими драками и убрался бы наконец с нашей фермы. Я решил сказать об этом Тэлли.

Бедный Самсон целый день надрывался на жаре, а потом в долю секунды потерял все полученное за день. Хорошенький способ зарабатывать на жизнь! Мне наконец удалось увидеть работу, которая была гораздо хуже, чем сбор хлопка.

Глава 19

Весной и зимой во второй половине дня в воскресенье мы часто ездили «с визитами». Закончив ленч и поспав после него, мы загружались в пикап, ехали в Лейк-Сити или в Парагулд и совершенно неожиданно сваливались на голову каким-нибудь родственникам или старым друзьям, которые были всегда рады нас видеть. Или они к нам заезжали. «Вы все приезжайте к нам в гости» - таково было обычное приглашение, и все воспринимали его буквально. Никаких договоренностей или уведомлений не требовалось, да и невозможны они были. Телефона у нас не было, у родственников и друзей тоже.

Но такие поездки в гости не стояли в повестке дня в конце лета или осенью, потому что в этот период работа была самая тяжелая, а во второй половине дня стояла жуткая жара. И мы на некоторое время забывали про своих тетюшек и дядюшек, зная что успеем наверстать упущенное потом.

Я сидел на передней веранде, слушал репортаж о матче «Кардиналз» и наблюдал за мамой и Бабкой, которые лущили бобы и горох. И тут заметил клуб пыли, приближающийся к нам от моста. «Машина едет», - сказал я, и они тоже посмотрели в том направлении.

Машины на нашей дороге показывались редко. Почти всегда это оказывался кто-то из Джетеров с той стороны дороги или из Толливеров, живших к востоку. Иногда проезжала и чья-нибудь чужая машина или грузовик, и мы молча смотрели на нее, пока не уляжется пыль, а потом обсуждали за ужином, размышляя, кто бы это мог быть и что ему понадобилось в нашей части округа Крэйгхед. Паппи и отец потом рассказывали об этом в кооперативе, а мама и Бабка - в церкви, перед занятиями в воскресной школе, и рано или поздно находили кого-нибудь еще, кто тоже видел этот незнакомый автомобиль. Обычно тайна в итоге раскрывалась, но иногда такая машина проезжала мимо нас, а нам так и не удавалось узнать, откуда она появилась.

Эта машина ехала медленно. Я разглядел красное пятнышко, которое все увеличивалось в размерах, и вскоре на нашу подъездную дорожку свернул сверкающий двухдверный седан. Мы все трое уже стояли у выхода с веранды, слишком удивленные, чтобы двинуться дальше. Водитель остановился позади нашего пикапа. С переднего двора не него пялились и Спруилы.

Водитель распахнул дверцу и вылез из машины.

– А-а, так это ж Джимми Дэйл! - сказала Бабка.
– Точно, он, - сказала мама, теряя интерес.
– Люк, сбегай, скажи Паппи и отцу, - велела Бабка, и я бросился в дом, крича и зовя мужчин, но те и сами услышали, как хлопнула дверца машины, и уже шли к дому с заднего двора.

Мы все сошлись перед машиной - она была вся новенькая и чистенькая, несомненно, самая прекрасная машина, какую я когда-либо видел. Все хлопали друг друга по плечам и пожимали руки и обменивались приветствиями, а потом Джимми Дэйл представил нам свою молодую жену, тоненькое и маленькое создание, которое выглядело моложе, чем Тэлли. Звали ее Стейси. Она была из Мичигана, и когда разговаривала, слова как будто выходили у нее через нос. Она все время проглатывала окончания и пропускала некоторые звуки, так что у меня вскоре по коже пошли мурашки.

– Почему она так говорит? - шепотом спросил я у мамы, когда все двинулись к веранде.

– Она же янки, северянка, - последовало простое объяснение.

Отцом Джимми Дэйла был Эрнест Чандлер, старший брат Паппи. Эрнест был фермером в Личвилле, но несколько лет назад он умер от сердечного приступа. Лично я Эрнеста не помнил, да и Джимми Дэйла тоже, но много о них слышал. И знал, что Джимми Дэйл сбежал с фермы и подался в Мичиган, где нашел работу на заводе, выпускавшем «бьюики», и стал получать по три доллара в час - невероятно высокая плата, по меркам Блэк-Оука. Он и некоторым другим местным ребятам помог найти работу в тамошних краях. Два года назад, после очередного плохого урожая, отец провел ужасную зиму во Флинте, вставляя в новенькие «бьюики» лобовые стекла. Домой он привез тысячу долларов, которые целиком ушли на уплату наших долгов.

– Ну и машина у тебя! - сказал отец, когда они расселись на ступеньках переднего крыльца. Бабка уже была в кухне - готовила чай со льдом. Маме выпала малоприятная забота развлекать Стейси, которая сразу всем не понравилась, лишь только успела вылезти из машины.

– Новенькая, - гордо ответил Джимми Дэйл. - На прошлой неделе получил, как раз вовремя, чтобы съездить на ней домой. Я и Стейси месяц назад поженились, так что это нам подарок к свадьбе.

– "Стейси и я поженились", надо было сказать, а не «я и Стейси», - вмешалась в разговор его жена с другого конца веранды. В разговоре возникла маленькая пауза, пока все остальные переваривали факт, что Стейси поправила мужа в присутствии других людей. Я такого в жизни

никогда не слыхивал!

– Это пятьдесят вторая модель? - спросил Паппи.

– Нет, пятьдесят третья. Последняя модель, только начали выпускать. Сам собирал.

– Да неужели?

– Ага. Фирма «Бьюик» разрешает нам делать для себя машины на заказ, мы сами следим, как их собирают на конвейере. Я в ней сам приборный щиток устанавливал.

– А сколько она стоит? - спросил я и тут же понял, что мама готова вцепиться мне в горло.

– Люк! - вскричала она. Паппи и отец сердито посмотрели на меня, и я уже был готов начать оправдываться, когда Джимми Дэйл выпалил:

– Двадцать семь тысяч долларов. Это вовсе не секрет. Любой дилер знает, сколько они стоят.

К этому времени возле дома собрались и все Спруилы и принялись рассматривать машину, все, кроме Тэлли, которой нигде видно не было. Сегодня же было воскресенье и, как я понимал, подходящее время для купания в прохладной воде Сайлерз-Крик. Я потому и болтался на веранде, что ждал, когда она туда отправится.

Трот ошивался возле самой машины, Бо и Дэйл обходили ее кругами. Хэнк заглядывал внутрь, видимо, высматривая, где ключи. Мистер и миссис Спруил восхищались ею на расстоянии.

Джимми Дэйл смотрел на них настороженно.

– С гор приехали? - спросил он.

– Ага, они из Юрика-Спрингс.

– Приличные люди?

– По большей части, - сказал Паппи.

– И этот здоровенный малый тоже ничего?

– Вот от него всего можно ждать.

Утром в церкви мы узнали, что Самсон все-таки поднялся в конце концов на ноги и сам ушел с ринга, так что Хэнку не удалось добавить в свой список еще одну жертву. Брат Эйкерс в течение целого часа проповедовал нам о греховности аттракционов. Азарт, ставки, борьба, похоть и распутство, вульгарная одежда, общение с цыганами - все это, по его мнению, было мерзко и непристойно. Мы с Деуэйном ловили каждое его слово, но наши имена названы не были.

– А почему они вот так живут? - спросила Стейси, разглядывая лагерь Спруилов. Ее четкий и резкий голос словно резал воздух.

– А где им еще жить? - спросил Паппи. Он тоже уже пришел к выводу,

что ему не нравится новоявленная миссис Джимми Дэйл Чандлер. Она сидела прямо, как маленькая птичка, на краю кресла-качалки и свысока поглядывала на все окружающее.

– Вам их негде больше разместить? - спросила она.

Я заметил, что Паппи начинает заводиться.

– А кроме того, «Бьюик» дает нам рассрочку по оплате машины на двадцать четыре месяца, - сказал Джимми Дэйл.

– Правда? Кажется, это самая красивая машина, какую я когда-либо видел, - сказал отец.

Бабка вынесла на веранду поднос и оделила всех высокими стаканами с ледяным чаем с сахаром. Стейси отказалась. «Чай со льдом, - сообщила она, - это не для меня. А горячий чай у вас есть?»

Горячий чай? Слыханное ли дело, чушь какая!

– Нет, мы здесь горячий чай не пьем, - сказал Паппи, свирепо глядя на Стейси.

– А мы в Мичигане не пьем чай со льдом, - сообщила она.

– Ну, тут вам не Мичиган, - буркнул Паппи.

– Не хотите посмотреть на мой огород? - вдруг предложила ей мама.

– Вот-вот, отличная мысль, - сказал Джимми Дэйл. - У Кэтлин самый замечательный огород во всем Арканзасе.

– Я тоже с вами, - сказала Бабка, желавшая увести молодую женщину с веранды, подальше от возникающей напряженности.

Три женщины покинули нас, и Паппи, подождав некоторое время, спросил:

– Господи помилуй, ты где такую откопал, Джимми Дэйл?

– Да она хорошая девушка, дядя Илай, - ответил тот без особой уверенности в голосе.

– Да она ж проклятая янки!

– Янки не такие уж плохие. И у них хватает ума не заниматься хлопком. Они живут в хороших домах, у них там водопровод, и канализация, и телефоны, и телевизоры. Хорошо зарабатывают и строят хорошие школы. Стейси два года училась в колледже. У нее дома уже три года есть телевизор. На прошлой неделе я смотрел по нему бейсбольный матч - «Тайгерс» против «Индиэнс». Можешь себе представить, Люк? Смотреть бейсбольный матч по телевизору!

– Нет, сэр.

– Ну вот, а я смотрел. Боб Лемон был питчером у «Индиэнс». «Тайгерс» неудачно выступают, они опять на последнем месте.

– Меня не особенно интересуют игры в Американской лиге, - сказал я,

повторяя слова, которые регулярно слышал от отца и деда с тех пор, как себя помню.

– Какой сюрприз! - воскликнул со смехом Джимми Дэйл. - Слова истинного болельщика «Кардиналз»! Я в этом году одиннадцать раз был на стадионе «Тайгер», и, должен сказать, команды Американской лиги здорово вас догоняют! «Янкиз» играли у нас две недели назад - свободных мест на стадионе не было! У них новый игрок, Микки Мэнтл, самый лучший из всех, что я видел! Мощный малый, скорость отличная, противников выбивает в аут одного за другим, а уж если отбивает мяч, пиши пропало! Из него выйдет толк! А у них еще есть Берра и Ридзутто!

– Все равно терпеть их не могу! - сказал я, и Джимми Дэйл снова засмеялся.

– По-прежнему хочешь выступать за «Кардиналз»?

– Да, сэр!

– Фермером быть не хочешь?

– Нет, сэр.

Я слышал, что взрослые говорят о Джимми Дэйле. Ему здорово повезло, что он сумел удрать с наших хлопковых полей и хорошо устроиться на Севере. И он любит поговорить о деньгах. Он обеспечил себе хорошую жизнь и всегда готов помочь советом другим ребятам из фермерских семей нашего округа.

Паппи считал, что фермерство - единственная достойная работа, которой должен заниматься мужчина, за исключением, может быть, только профессиональной игры в бейсбол.

Некоторое время мы потягивали чай, а потом Джимми Дэйл спросил:

– Ну и как нынче хлопок?

– Пока что хорошо, - ответил Паппи. - Первый сбор прошел отлично.

– А теперь пойдем по второму заходу, - добавил отец. - Закончим, видимо, через месяц или около того.

Из глубины лагеря Спруилов появилась Тэлли с полотенцем или какой-то тряпкой в руках. Она обошла красную машину, держась от нее на расстоянии, тогда как ее семейка все еще в восхищении толклась около; они ее даже не заметили. Она посмотрела на меня издали, но не подала никакого знака. Мне вдруг наскучило говорить о бейсболе и хлопке и машинах и прочем в том же роде, но просто так свалить было неловко. Это было бы грубо с моей стороны - так вот просто встать и уйти, отец сразу заподозрит неладное. Вот я и продолжал сидеть и смотреть, как Тэлли скрывается за домом.

– А как там Лютер? - спросил отец.

– Нормально, - ответил Джимми Дэйл. - Я его на завод устроил. Зарабатывает три доллара в час, работает сорок часов в неделю. Он никогда не видел таких денег.

Лютер был еще один наш кузен, тоже Чандлер, но из дальних родственников. Я однажды видел его, на похоронах.

– Так что домой он не вернется?

– Сомневаюсь.

– Тоже хочет на янки жениться?

– Не спрашивал. Думаю, сделает так, как ему захочется.

Возникла пауза, и напряжение на минутку спало. Потом Джимми Дэйл сказал:

– Не стоит его винить, что он там остался. Я что хочу сказать, они же, черт возьми, потеряли свою ферму. И он работал на чужих людей, убирал для них хлопок, зарабатывал всего тысячу баксов в год и не имел свободного дайма в кармане. А сейчас имеет шесть тысяч в год плюс премии, а потом и пенсия.

– И в профсоюз вступил? - спросил отец.

– Да, конечно! Все ребята, которых я отсюда вытащил, вступили в союз.

– А что такое профсоюз? - спросил я.

– Люк, пойдй погляди, где там мама, - велел Паппи. - Ступай, ступай.

Вот, пожалуйста, стоит задать самый невинный вопрос, и тебя тут же отсылают прочь! Я спустился с веранды и рысью понесся за дом, надеясь увидеть Тэлли. Но она уже ушла и, без сомнений, купалась теперь в речке, но без своего преданного сторожа.

Бабка стояла в калитки огорода, опершись на ограду и наблюдая за тем, как мама и Стейси ходят между кустами. Я остановился рядом с ней, и она взъерошила мне волосы.

– Паппи сказал, что она проклятая янки, - тихонько сообщил я ей.

– Не ругайся.

– Я не ругаюсь. Просто повторяю его слова.

– Они хорошие люди, просто другие. - Бабка явно думала о чем-то своем. Нынешним летом она часто разговаривала со мной вот так, словно меня не замечая. Ее усталый взгляд убегал куда-то вдаль и мысли тоже уносили ее далеко от нашей фермы.

– А почему она так странно разговаривает?

– А она считает, что это мы говорим странно.

– Да ну?

– Точно.

Этого я понять не мог.

Из зелени на грядке с огурцами появился зеленый уж, не больше фута длиной, высунул голову, а потом быстро пополз по тропинке прямо к маме и Стейси. Они почти тотчас же его заметили. Мама показала на него и сказала:

– А вон маленький уж ползет.

Стейси отреагировала на это совсем по-другому. Открыла рот, но была настолько перепугана, что в первую секунду не издала ни звука. А потом испустила такой вопль, что его, должно быть, было слышно у Летчеров, истошный вопль, от которого кровь стынет в жилах, более пугающий, чем самая ядовитая змея.

– Змея! - снова завизжала она и прыгнула за спину мамы. - Джимми Дэйл! Джимми Дэйл!

Змея остановилась и замерла на тропинке, глядя вроде бы прямо на Стейси. Это был всего лишь маленький безвредный ужик. И как можно такого бояться? Я выскочил вперед и схватил его, уверенный, что это самый лучший выход из положения. Однако вид мальчишки, сжимающего в руке такое ужасное создание, оказался для Стейси слишком большим испытанием: она потеряла сознание и рухнула прямо в заросли бобов. Тут появились прибежавшие с веранды мужчины.

Джимми Дэйл поднял ее, а мы все пытались объяснить ему, что произошло. Бедная змейка безжизненно висела у меня в руке; я решил, что она тоже потеряла сознание. Паппи не мог сдержать улыбку. Мы проследовали за Джимми Дэйлом на заднюю веранду, где он уложил свою жену на лавку, а Бабка отправилась за лекарствами.

В конце концов Стейси пришла в себя. Лицо ее было бледным, кожа холодная и влажная. Бабка склонилась над ней, держа в руке мокрую тряпку и нюхательную соль.

– У них в Мичигане что, змей нету? - шепотом спросил я у мамы.

– Думаю, что нет.

– Но это ж просто маленький уж! - продолжал я.

– Слава Богу, ей полоз на глаза не попался! Тогда она вообще умерла бы от страха! - сказал отец.

Мама вскипятила воду и налила ее в чашку, где уже лежал чайный пакетик. Стейси села и выпила чай - это было в первый раз, когда на нашей ферме кто-то пил горячий чай. Потом она попросила, чтобы ее оставили одну, и мы ушли на переднюю веранду, а она осталась приходить в себя.

Прошло совсем немного времени, и мужчины, конечно же, полезли в «бьюик». Подняли крышку капота и стали рассматривать мотор. На меня внимания никто не обращал, так что я смылся с веранды и пошел за дом, высматривая Тэлли. Плотом спрятался возле силосной ямы, в любимом мной местечке, где меня никто не мог видеть. Услышав, как заработал мотор, я сразу понял, что это не наш грузовик - звук был мощный и ровный. Они собирались прокатиться - отец уже звал меня. Но я не откликнулся, и они уехали без меня.

Я не стал больше искать Тэлли и пошел обратно домой. Стейси сидела на табуретке под деревом, с убитым видом глядя на поля и скрестив руки, словно чувствовала себя совершенно несчастной. «Бьюика» возле дома не было.

— А ты что же, не поехал прокатиться? - спросила она меня.

— Нет, мэм.

— А почему?

— Да просто не поехал.

— А ты когда-нибудь на легковушке катался? - Тон ее был насмешливым, так что я решил соврать:

— Нет, мэм.

— Тебе сколько лет?

— Семь.

— Тебе уже семь, и ты ни разу не ездил на легковой машине?

— Не ездил, мэм.

— А телевизор когда-нибудь смотрел?

— Нет, мэм.

— А телефоном пользовался?

— Нет, мэм.

— Невероятно! - Она с отвращением покачала головой, и я пожалел, что не остался сидеть возле силосной ямы. - Ты в школу ходишь?

— Да, мэм.

— Слава Богу, хоть это есть. Читать уже умеешь?

— Да, мэм. И писать тоже.

— Собираешься закончить среднюю школу?

— Конечно.

— А твой отец закончил?

— Закончил.

— А дед?

— Нет, мэм.

— Так я и думала. А у вас тут кто-нибудь в колледже учится?

– Пока нет.
– Как тебя понимать?
– Мама говорит, что я пойду учиться в колледж.
– Сомневаюсь. Откуда у вас деньги на колледж?
– Мама говорит, что я все равно пойду.
– Да нет, ты вырастешь и станешь еще одним нищим фермером и будешь выращивать хлопок, как твои отец и дед.

– Это мы еще посмотрим! - сказал я.

Она в полном разочаровании покачала головой.

– А вот я два года посещала колледж! - сообщила она гордо.

Ну, ума тебе это не прибавило, хотелось мне сказать. Возникла длинная пауза. Я хотел уйти, но не был до конца уверен, каким образом можно выйти из разговора. Она очень прямо сидела на табуретке и рассеянно смотрела вдаль, накапливая яду для следующего укуса.

– Просто уму непостижимо, какие вы тут отсталые! - наконец произнесла она.

Я изучал свои ступни. Если не считать Хэнка Спруила, я никогда еще не встречал человека, столь же неприятного, как эта Стейси. Что бы сейчас сделал Рики? Скорее всего послал бы ее куда подальше. Мне такое было не по зубам, так что я решил просто уйти.

«Бьюик» уже возвращался, за рулем сидел отец. Он остановил машину, и все взрослые вылезли из нее. Джимми Дэйл крикнул Спруилам, чтобы шли сюда. Посадил Бо, Дэйла и Трота на заднее сиденье, а Хэнка на переднее, и они поехали по нашей грунтовке в сторону реки, поднимая за собой клубы пыли.

* * *

День уже клонился к вечеру, когда Джимми Дэйл впервые сказал, что они скоро поедут. Мы-то только и ждали, что они уедут, а я особенно беспокоился, что они могут проторчать достаточно долго, чтобы остаться к ужину. Не мог я себе представить, что буду сидеть с ними за одним столом и пытаться жевать, а Стейси будет отпускать свои комментарии по поводу нашей еды и привычек. Пока что она только и делала, что выражала всяческое презрение по отношению к нашей жизни, значит, и за ужином

продолжит в том же духе.

Наконец мы медленно двинулись к «бьюику»; прощание, как обычно, длилось целую вечность.

У нас тут никто никогда никуда не торопился, когда наставало время уезжать. Кто-нибудь заявлял, что время уже позднее, потом это повторялось еще раз, потом кто-нибудь делал первый шаг в сторону машины или грузовика, и тут все начинали многословно прощаться. Жали друг другу руки, похлопывали по спине, обменивались разными обещаниями. Так все и шло, пока гости не усаживались в свою машину, и тут процесс вдруг замирал, потому что кто-нибудь вдруг вспоминал какую-нибудь занимательную историю. Потом опять объятия и обещания вскоре приехать еще раз. Наконец в результате значительных усилий все отбывающие наконец благополучно рассаживались в своем транспортном средстве, но тут провожающие засовывали головы внутрь и начинался новый раунд прощаний и обещаний. Иногда в такой момент кто-то рассказывал еще какую-нибудь историю. Потом кто-то начинал протестовать, и наконец заводился мотор, а затем машина или грузовик медленно разворачивалась, и все вокруг принимались махать ей вслед.

А когда дом уже скрывался из виду, кто-нибудь (но не водитель) непременно задавал вопрос: «И куда было спешить?»

А кто-то из оставшихся на переднем дворе, все еще маша рукой вслед уезжающим, обязательно спрашивал: «Интересно, с чего это они вдруг заторопились?»

Когда мы добрались до машины, Стейси что-то прошептала на ухо Джимми Дэйлу. Он повернулся к маме и сказал:

– Ей надо в туалет.

Мама явно заволновалась. Туалета у нас не было. Мы пользовались обычной уличной уборной, маленьким деревянным сортиром, устроенным над глубокой ямой за сараем для инструментов, на полпути от заднего крыльца к амбару.

– Идемте со мной, - сказала ей мама, и они пошли. Джимми Дэйл тут же припомнил какую-то еще историю об одном из местных ребят, который поехал в Флинт и был там арестован за появление на улице в пьяном виде, когда вывалился из бара. Я потихоньку отодвинулся от них и, пройдя дом насквозь, сбежал с заднего крыльца и направился по тропинке между двумя курятниками к точке, откуда мне было видно, как мама ведет Стейси к сортиру. А та внезапно замерла на месте, с явным неудовольствием осмотрела наши «удобства», очевидно, не испытывая желания туда заходить. Однако выбора у нее не было.

Мама оставила ее там и вернулась на передний двор.

И тут я нанес свой удар. Как только мама скрылась, я постучался в дверь сортира. Услышал приглушенный вскрик, а затем отчаянное:

– Кто это?!

– Мисс Стейси, это я, Люк.

– Занято! - пропищала она, едва выговорив это слово, словно ее душила влажность, вечно стоявшая в нашем сортире. Внутри было темно, свет туда проникал только сквозь щели между досками.

– Не выходите сразу! - сказал я как можно более паническим тоном.

– А что такое?

– Тут здоровенный черный полоз!

– О Господи! - охнула она. Она бы, наверное, снова грохнулась в обморок, если бы уже не сидела.

– Сидите тихо! - сказал я. - А то он поймет, что вы там, внутри.

– Боже мой! - дрожащим голосом простонала она. - Сделай что-нибудь!

– Не могу. Он здоровенный и кусается!

– Что ему нужно?! - умоляющим тоном сказала она, явно готовая заплакать.

– Не знаю. Он всегда болтается там, где дерьмо.

– Приведи сюда Джимми Дэйла!

– Хорошо, только не выходите! Он прямо возле порога. Думаю, он уже понял, что вы там, внутри.

– О Господи! - повторила она и заплакала. Я, пригибаясь, побежал назад, проскочил между курятниками, потом обежал вокруг огорода и приблизился к дому с восточной стороны. Шел я медленно и тихо, пробираясь между кустов, что служили оградой нашего участка, пока не добрался до густых зарослей, в которых можно было спрятаться и спокойно наблюдать за тем, что происходит у нас на переднем дворе. Джимми Дэйл стоял, облокотясь на машину, и все рассказывал свою историю, дожидаясь, когда его молодая жена покончит со своими делами.

Время тянулось и тянулось. Мои родители, Паппи и Бабка слушали истории Джимми Дэйла и смеялись, а он, закончив одну, тут же принимался за следующую. Время от времени кто-нибудь бросал взгляд в сторону сортира.

В конце концов мама не выдержала и пошла проверять, что там со Стейси. Минуту спустя от сортира донеслись их голоса, и Джимми Дэйл рванул туда же. Я поглубже запрятался в кусты.

* * *

Когда я вернулся в дом, было уже почти темно. Я наблюдал за домом издали, из-за силосной ямы, и видел, что мама и Бабка занялись приготовлением ужина. Я и так уже достаточно нашкодил, не хватало только еще и к ужину опоздать.

Все сидели, и Паппи приготовился благословить нашу пищу, когда я вошел в дверь с задней веранды и тихо занял свое место. Все смотрели на меня, но я лишь уставился в свою тарелку. Паппи быстро прочитал молитву, и все принялись накладывать себе в тарелки. После некоторого молчания, когда в воздухе уже скопилось достаточно напряжения, отец спросил:

- Ты где был, Люк?
- На речку ходил.
- Зачем?
- Просто так. Прогулялся.

Это звучало достаточно подозрительно, но они пропустили мое вранье мимо ушей. Потом Паппи, хорошо подгадав момент и с явной подковыркой в голосе, спросил:

– И много ты там видел здоровенных полозов? - Он был едва в состоянии произносить слова, так его распирало.

Я осмотрел всех, сидящих за столом. Бабка стиснула зубы, стараясь не улыбаться. Мама прикрыла рот салфеткой, но ее выдавали глаза: она тоже готова была рассмеяться. Отец как раз сунул в рот приличный кусок и как-то все же сумел его прожевать, сохраняя на лице спокойствие.

Но Паппи уже спекся. Он взорвался хохотом, хотя все остальные все еще всеми силами старались не заржать.

– Это ты здорово придумал, Люк! - едва сумел выговорить Паппи, когда наконец перевел дыхание. - Будет ей урок!

Наконец засмеялся и я, но не по поводу своего розыгрыша, а глядя на хохочущего Паппи и на то, как остальные трое по-прежнему пытались сделать вид, что ничего смешного не произошло.

– Ладно, хватит тебе, Илай, - сказала Бабка, обретя наконец способность двигать губами.

Я наложил себе хорошую порцию бобов и принялся за еду. За столом все наконец успокоилось, и мы продолжали жевать в полном молчании.

* * *

После ужина отец повел меня прогуляться до сарая с инструментами. На его двери висела ореховая палка, которую он сам вырезал и отполировал до полного блеска. Она предназначалась для меня.

Меня приучили вести себя как мужчина, когда наказывают. Плакать и кричать запрещалось, по крайней мере громко. В такие ужасные минуты меня всегда поддерживал пример Рики. Я слышал страшные истории о том, какие порки задавал ему Паппи, и, по словам и его родителей, и моих, он никогда не позволял себе заплакать. Когда Рики был маленьким, порка была для него настоящим испытанием.

— Это была скверная штука, как ты поступил со Стейси, - начал отец. - Она ж была гостьей на нашей ферме, к тому же она замужем за твоим двоюродным братом.

— Да, сэр.

— Зачем ты это сделал?

— Потому что она сказала, что мы глупые и отсталые. Небольшое преувеличение никогда не помешает.

— Вот как?

— Да, сэр. И она мне не понравилась, да и тебе тоже, вообще никому не понравилась!

— Может, и так, но все равно старших надо уважать. Ну и на сколько ударов палкой это тянет, по твоему мнению?

— На один, - ответил я. Это была моя обычная оценка.

— Думаю, что на два, - сказал он. - А как насчет скверных выражений?

— Не думаю, что они такие уж скверные.

— Они просто недопустимые.

— Да, сэр.

— Сколько ударов за это?

— Один.

— Сойдемся на трех за все? - спросил он. Он никогда не наказывал меня, пока был сердит, так что у меня всегда была возможность поторговаться. Три удара казались мне заслуженным наказанием, но я всегда немного упирался. В конце концов, удары-то получал я. Так почему бы и не поспорить?

— Два будет достаточно.

— Нет, три. Поворачивайся.

Я с трудом сглотнул, скрипнул зубами, повернулся и наклонился, ухватившись за колени. И он три раза врезал мне по заднице своей ореховой палкой. Больно было!... Однако он сейчас явно не очень старался. Бывало и похуже.

– Ступай в кровать, прямо сейчас! - приказал он, и я бросился в дом.

Глава 20

Теперь, когда у Хэнка было 250 долларов, выигранных у Самсона, он совсем утратил какой бы то ни было энтузиазм по поводу сбора хлопка. «А где Хэнк?» - спросил Паппи у мистера Спруила, когда мы разбирали свои мешки и приступали к работе утром в понедельник. «Спит, наверное», - последовал краткий ответ, и больше по этому поводу ничего сказано не было.

На поле он появился где-то в середине утра. Не знаю точно когда - я был на другом конце своего ряда хлопчатника, но вскоре я услышал голоса и понял, что у Спруилов опять какая-то ссора.

Примерно за час до ленча небо начало темнеть, и с запада подул слабый ветерок. Когда солнце скрылось за тучей, я перестал собирать хлопок и начал рассматривать облака. В сотне ярдов от меня Паппи был занят тем же самым - стоял, уперев руки в боки и сдвинув соломенную шляпу набок, и, хмурясь, пялился на небо. Ветер все усиливался, а небо все больше темнело, и вскоре жара совершенно спала. Все наши бури и грозы приходили со стороны Джонсборо, их путь здесь называли Коридором торнадо.

Первым ударил град - тяжелые градины были размером с горошину, и я бросился к трактору. Небо на юго-западе стало темно-синим, почти черным. На нас неслись низкие тучи. Спруилы быстро двигались вдоль рядов хлопка, тоже направляясь к прицепу. Мексиканцы уже бежали к амбару.

Я тоже побежал. Градины били по спине, заставляя бежать еще быстрее. Ветер уже свистел в ветвях деревьев у реки и пригибал к земле стебли хлопчатника. Где-то позади ударила молния, и я услышал, как кто-то из Спруилов, кажется, Бо, вскрикнул от испуга.

— Ну, нам тут теперь делать нечего, - говорил Паппи отцу, когда я подбежал. - При такой-то грозе.

— Поехали домой, - сказал отец.

Мы погрузились в прицеп, со всей поспешностью карабкаясь в его кузов, и, когда Паппи развернул трактор к дому, дождь навалился на нас со всей силой. Холодные струи лупили в нас сбоку, сносимые яростным ветром. Мы немедленно промокли насквозь; с нас текло так, словно мы искупались в речке.

Спруилы сгрудились все вместе, усадив Тэлли в середину. Отец сел

рядом с ними, прижав меня к себе, словно меня могло унести ветром. Мама с Бабкой ушли с поля незадолго перед тем, как началась гроза.

Ветер налетал сильными порывами. Поднялась такая пыль, что едва можно было разглядеть ряды хлопчатника всего в нескольких футах впереди. «Быстрее, Паппи!» - повторял я все время. Гроза так гремела, что не было слышно даже знакомого перестука тракторного движка. Снова ударила молния, на этот раз гораздо ближе, так близко, что у меня заложило уши. И я подумал, что мы все сейчас погибнем.

Мне показалось, прошла целая вечность, пока мы добирались до дому. А когда добрались, дождь внезапно прекратился. Небо стало еще более темным, совершенно черным, везде и повсюду. «Торнадо идет!» - громко сказал мистер Спруил, когда мы вылезали из прицепа. Далеко на западе, за рекой, высоко над линией деревьев появилось закрученное облако, нижним концом направленное к земле. Оно было светло-серого цвета, почти белого на фоне черного неба, и оно росло и росло в размерах, и по мере того как оно - очень медленно - приближалось к земле, от него исходил все более мощный рев. Оно было еще в нескольких милях от нас и по этой причине пока не казалось слишком опасным.

Торнадо - обычная вещь в нашей части Арканзаса. Я всю жизнь слышал рассказы о них. Несколько десятков лет назад, как рассказывали, отец Бабки умудрился пережить особенно страшный смерч, который все ходил и ходил кругами, несколько раз возвращаясь к его ферме. История была сомнительная, Бабка ее повторяла без особой уверенности в ее правдивости. Смерчи были частью нашей жизни, правда, сам я до сих пор ни одного не видел.

— Кэтлин! - крикнул отец в сторону дома. Он хотел, чтобы мама тоже не пропустила такое зрелище. Я глянул на амбар - там стояли мексиканцы, не менее нас пораженные. Некоторые тыкали пальцем в небо.

Мы наблюдали за смерчем молча, как замороженные, без особого страха и ужаса, потому что он был достаточно далеко от нашей фермы и явно проходил мимо, направляясь к северо-востоку. Двигался он медленно, словно отыскивая удобное место, чтобы ударить по земле. Его хвост был ясно виден над горизонтом, высоко над землей, и он крутился там, в пространстве, иногда подпрыгивая, словно примериваясь, когда и где нанести удар. Основная масса торнадо была так сильно закручена, что образовала почти идеальный вертикальный конус, направленный узким концом вниз и заворачивающийся в яростно извивающуюся спираль.

Позади нас хлопнула дверь с сеткой. На ступеньках появились мама с Бабкой, на ходу вытирая мокрые руки кухонными полотенцами.

– Он на город идет, - сказал Паппи с большой уверенностью, как будто умел предсказывать, куда ударит торнадо.

– Я тоже так думаю, - поддержал его отец, вдруг заделавшийся опытным предсказателем погоды.

Хвост смерча спустился еще ниже и перестал подпрыгивать. Казалось, он и в самом деле достал до земли, где-то далеко от нас, потому что мы уже не видели его нижнего конца.

Церковь, джин, кинотеатр, бакалея Попа и Перл - я уже подсчитывал убытки и разрушения, когда торнадо вдруг поднялся вверх и как бы полностью растворился в воздухе.

Тут позади нас снова послышался рев и грохот. Через дорогу от нашей фермы, в глубине участка Джетеров, появился еще один торнадо. Он успел подобраться совсем близко, пока мы наблюдали за первым. До него оставалось еще мили две, и он, казалось, идет прямо на нас. Секунду или две мы в ужасе смотрели на него, не в силах пошевелиться.

– Пошли все в амбар! - заорал Паппи. Кто-то из Спруилов уже бежал к их лагерю, как будто от смерча можно укрыться в палатке.

– Все вон туда! - кричал мистер Спруил, указывая на амбар. Все вдруг начали кричать и вопить, тыкать пальцами и носиться взад-вперед. Отец схватил меня за руку, и мы побежали. Земля под ногами дрожала, ветер свистел в ушах. Мексиканцы разбежались во все стороны: некоторые решили, что лучше укрыться в поле, другие понеслись к нашему дому, пока не увидели, что мы бежим к амбару. Хэнк промчался мимо меня с Тротом на спине. Тэлли тоже нас обогнала.

Прежде чем мы добрались до амбара, смерч оторвался от земли и быстро поднялся в воздух. Паппи остановился и стал смотреть, потом его примеру последовали и все остальные. Торнадо немного сдвинулся к востоку от нашей фермы и, вместо того чтобы обрушиться на нас всей своей силой, оставил после себя лишь потоки темной от грязи дождевой воды да брызги мокрой глины. Мы видели, как он поднялся еще выше, словно высматривая другое место для удара, так же как первый смерч.

Несколько минут мы стояли молча, напуганные и пораженные, не в силах вымолвить хоть слово.

Я внимательно изучал облака по всему небу, совсем не желая снова оказаться застигнутым врасплох. Я был не одинок - остальные тоже озабоченно озирались по сторонам.

Потом опять начался дождь, и мы пошли в дом.

* * *

Гроза и буря бушевали два часа и вывалили на нас практически все, что могло найтись у природы в запасе: ветер ураганной силы, слепящий дождь, смерчи, град и молнии, сверкавшие так близко, что мы не раз прятались под кровати. Спруилы укрылись у нас в общей комнате, а сами мы рассыпались по всему дому. Мама все время прижимала меня к себе. Она до смерти боялась гроз, для нее любая подобная непогода была еще страшнее, чем для остальных.

Сам я не очень представлял, как именно мы погибнем - то ли нас унесет ветром, то ли убьет ударом молнии, то ли смоем потоком воды. Но мне было ясно, что нам пришел конец. А вот отец проспал чуть ли не всю грозу, и его равнодушное к ней отношение немного подбадривало остальных. Он привык на фронте укрываться в «лисыих норах», и немцы в него стреляли, так что он ничего не боялся. Мы все трое лежали на полу у них в спальне - отец похрапывал, мама молилась, а я лежал между ними и прислушивался к грохоту грозы. Думал про Ноя и про сорок дней непрерывных дождей и ждал, что наш маленький дом вот-вот просто оторвется от земли и поплывет.

* * *

Когда дождь и ветер наконец прекратились, мы вышли наружу, чтобы осмотреть нанесенный ими ущерб. Однако если не считать вымокшего хлопка, повреждений оказалось на удивление немного - несколько сломанных ветвей деревьев, размытые, как обычно, канавы, несколько вырванных с корнем помидорных кустов в огороде. Хлопок к завтрашнему утру высохнет, и мы опять примемся за работу.

За поздним ленчем Паппи сказал:

— Думаю, надо мне съездить поглядеть, как там джин.

Нам всем хотелось поехать в город. А вдруг смерч сровнял его с землей?

— А я хочу съездить в церковь, - сказала Бабка.

– И я тоже, - сказал я.
– А в церковь-то тебе зачем?
– Хочу поглядеть, не снесло ли ее смерчем.
– Ладно, поехали, - сказал Паппи, и мы все вскочили с мест. Грязные тарелки просто свалили в раковину - я такого никогда еще не видел.

На дороге была сплошная грязь, а некоторые ее участки были просто смыты. Мы проехали с четверть мили - пикап мотало и заносило, - пока не уперлись в здоровенную промоину. Паппи попробовал преодолеть ее вброд на первой передаче, по левому краю, ближе к хлопковому полю Джетеров. Грузовичок тыркнулся и встал, а потом осел - мы безнадежно застряли. Отец пошел обратно на ферму - привести наш «Джон Дир», а мы остались ждать. Как обычно, я сидел в кузове пикапа, так что мне было где двигаться. А вот мама была втиснута между Паппи и Бабкой на переднем сиденье. Кажется, Бабка была первой, кто заметил, что это, по всей вероятности, была не самая удачная мысль - поехать в город. Паппи просто молча кипел.

Потом вернулся на тракторе отец. Он зацепил нас двадцатифутовой цепью за передний бампер и медленно вытянул грузовичок из ямы. Мужчины решили, что лучше пусть трактор тянет нас и дальше, до самого моста. Когда мы до него добрались, Паппи отцепил цепь, и отец поехал вперед на тракторе. Когда он пересек реку, пикап тронулся следом. На другом берегу дорога была еще хуже, так что пикап снова пришлось тащить трактором на цепи еще две мили, пока мы не добрались до грейдера. Там мы оставили «Джон Дир» и направились в город, если, конечно, он еще стоял на своем месте. Господь один ведает, какая разруха нас там ожидает. Я едва скрывал возбуждение.

В конце концов мы все же выбрались на шоссе, и когда повернули в сторону Блэк-Оука, за нами на асфальте остался длинный грязный след. Неужели трудно все дороги замостить? - спрашивал я себя.

Вокруг все вроде бы было в норме. Двигаясь по шоссе, мы, не заметили ни поваленных деревьев, ни побитых градом полей, ни мусора, разбросанного на целые мили, ни зияющих разрушений. Все дома вроде бы были в порядке. Поля были пусты, потому что весь хлопок вымок, но если не считать этого, то жизнь продолжалась как всегда.

Стоя на тракторе позади сиденья водителя и глядя поверх тента, под которым сидел отец, я напрягал зрение, пытаюсь разглядеть приближающийся город. И вскоре он был уже полностью виден. Джин стоял на своем месте. Господь уберег и церковь. Магазины на Мэйн-стрит были целы и невредимы. «Слава Богу», - сказал отец. Я не испытал

неудовольствия от того, что все здания целы, но все же гроза и ураган могли сделать что-нибудь и поинтереснее.

Мы оказались не единственными любопытными. Движение по Мэйн-стрит было весьма оживленное, на тротуарах толпились люди. По понедельникам такого обычно не бывало. Мы остановились у церкви, и, как только убедились, что она не пострадала, я тут же поскакал к Попу и Перл, где топталось особенно много народу. Мистер Ред Флетчер уже собрал вокруг себя большую группу слушателей, и я успел как раз вовремя.

По словам мистера Реда, который жил к западу от города, он заранее знал, что к нам вот-вот пожалует смерч, потому что его старый бигль спрятался под кухонный стол, а это было очень серьезным предупреждением. Поняв, на что намекает собака, мистер Ред принялся разглядывать небо и вскоре заметил, как оно чернеет, что его уже не удивило. Он услышал рев смерча еще до того, как увидел его. И тот обрушился вниз неизвестно откуда прямо на его ферму и крутился по ней достаточно долго, чтобы сравнять с землей два курятника и снести с дома крышу. Осколок стекла до крови рассек кожу его жене, так что у нас теперь была и настоящая жертва торнадо. Позади себя я слышал возбужденный шепот - народ обсуждал идею поехать на ферму Флетчера и самим осмотреть разрушения.

— А как он выглядел? - спросил кто-то.

— Черный, как уголь, - сказал мистер Ред. - И грохот от него - как от грузового состава.

Это было гораздо более интересно, потому что от нас смерчи выглядели светло-серыми, почти белыми. А у него смерч был черный. По всей вероятности, на наши края обрушились несколько разных торнадо.

Тут рядом появилась и миссис Флетчер. Рука ее была вся замотана бинтами и висела на перевязи, так что все сразу уставились на нее. Она выглядела так, словно вот-вот потеряет сознание, прямо тут, на тротуаре. Она продемонстрировала всем свою перевязанную руку и переключила всеобщее внимание на себя, но тут мистер Ред сообразил, что потерял аудиторию, и снова стал рассказывать. Он сообщил, что торнадо потом поднялся над землей и начал приплясывать в воздухе. А сам он запрыгнул в свой грузовик и попытался ехать следом. Он довольно долго преследовал смерч, пробиваясь сквозь ветер и град, и почти догнал его, когда тот стал заворачивать.

Грузовик мистера Реда был постарше, чем пикап Паппи. И некоторые в толпе стали оглядываться по сторонам с явным недоверием. А мне хотелось, чтобы кто-нибудь из взрослых спросил: «А что бы ты стал

делать, Ред, если б догнал его?» Но Ред уже сказал, что бросил погоню и вернулся домой, чтобы позаботиться о миссис Флетчер. И когда он в последний раз видел торнадо, тот направлялся прямо к городу.

Паппи потом сказал мне, что мистер Ред Флетчер всегда врет, даже если правда выглядит лучше.

В тот день в Блэк-Оуке можно было услышать много вранья. Или, скажем так, преувеличений. Рассказы о смерче повторялись и передавались с одного конца Мэйн-стрит на другой. У кооператива Паппи рассказывал, что видели мы, и по большей части придерживался фактов. Его история о двух смерчах захватила всех и привлекла всеобщее внимание, но тут вперед вышел мистер Лэм по кличке Голландец, который заявил, что видел три! Его жена подтвердила его слова, и Паппи пошел к своему грузовичку.

К тому времени, когда мы выехали из города, всем уже казалось чудом, что при таком ужасном светопреставлении не погибли сотни людей.

Последние облака рассеялись к наступлению сумерек, но жара больше не вернулась. После ужина мы уселись на веранде и стали ждать передачу про «Кардиналз». Воздух был чистый и свежий - первый признак осени.

У «Кардиналз» было впереди еще шесть матчей - три против «Редз» и три против «Кабз». И все они должны были играть дома, на стадионе «Спортсменз-парк». Но поскольку «Доджерс» были на семь игр впереди и занимали первое место в таблице, сезон для нас был уже окончен. Стэн Мьюзиэл, Настоящий Мужчина, лидировал в лиге как лучший бэттер, а кроме того, у него было больше всех точно отбитых мячей и «даблов». Чемпионат «Кардиналз» не выиграют, но все равно за нашу команду выступает самый лучший игрок. Вернувшись домой после поездки в Чикаго, команда будет рада играть в Сент-Луисе, на своем поле, - так нам сообщил Харри Карай, который частенько распространял об игроках всякие слухи, словно все они жили с ним в одном доме.

Мьюзиэл сделал «сингл», а потом «трипл», и счет после девяти иннингов был три - три. Было уже поздно, но мы сегодня не очень устали. Гроза прогнала нас с поля, да и прохладной погодой можно было насладиться. Спруилы сидели вокруг костра и тихо разговаривали, радуясь тому, что Хэнка нет рядом. Он после ужина частенько куда-то исчезал.

В середине десятого иннинга Шёндинст из команды «Редз» заделал «сингл», а когда к пластине вышел Стэн Мьюзиэл, фэны словно с ума посходили, как назвал это Харри Карай (который, по словам Паппи, частенько сам смотрел один матч, а комментировал другой). Зрителей было меньше десяти тысяч; даже нам было слышно, что народу на стадионе маловато. Но Харри производил достаточно шума, чтобы заменить

недостающие двадцать тысяч. После 148 матчей он горел точно таким же энтузиазмом, как в день открытия чемпионата. Мьюзиэл сделал «дабл» - это был уже его третий точный удар за матч, - обойдя Шёндинста. Счет стал четыре - три.

Если бы это было месяц назад, у нас на передней веранде был бы праздник, как и у Харри. А я потом изображал бы эту игру у нас во дворе, обегая базы и добираясь до второй, как это делал Настоящий Мужчина Стэн. После такой замечательной победы мы бы пошли спать совершенно счастливыми, хотя Паппи все равно продолжал бы бурчать, что менеджера команды пора выгнать.

Но сейчас все было иначе. Выигранный матч уже практически ничего не значил; сезон был почти завершен, «Кардиналз» были на третьем месте.

Наш передний двор был заполнен Спруилами. Лето кончилось.

Паппи выключил радио, когда Харри завершал свою трансляцию. «Нет, Баумхольцу его не догнать», - сказал Паппи. Фрэнки Баумхольц из команды «Кабз» отставал от Мьюзиэла на шесть очков в гонке на титул лучшего бэттера.

Отец крикнул в знак согласия. Мужчины нынче во время матча вели себя тише обычного. Гроза и прохладная погода поразили их как болезнь. Осень была уже на пороге, а почти треть урожая хлопка была еще не убрана. Семь месяцев погода стояла почти идеальная, естественно, теперь ей пришло время меняться.

Глава 21

Осень продлилась меньше двадцати четырех часов. На следующий день к полудню снова воцарилась жара, хлопок был сухой, земля закаменевшая, и все мечты о прохладе и опавших листьях были забыты. Мы опять начали с края поля возле реки - пошел второй сбор. Третий сбор мог начаться позже, уже осенью, - его называли «рождественский сбор», - тогда будем убирать самые последние остатки хлопка. К тому времени наемные рабочие с гор и мексиканцы уже уедут.

Большую часть дня я держался поближе к Тэлли и трудился изо всех сил, чтобы не отставать от нее. Она почему-то держалась отчужденно, и мне отчаянно хотелось выяснить почему. Спруилы были все напряженные - никакого пения или смеха не доносилось с их стороны поля, да и словами они редко обменивались. Хэнк вышел на работу в середине утра и стал неторопливо собирать хлопок. Остальные Спруилы, кажется, избегали его.

Ближе к вечеру я с трудом дотащился до прицепа - в последний раз на сегодня, как я надеялся. До окончания работы оставался еще час, и я стал высматривать маму. Вместо нее я увидел Хэнка, он вместе с Бо и Дэйлом стоял по ту сторону прицепа и ждал, чтобы Паппи или отец взвесили собранный ими хлопок. Я нырнул между стеблей, чтобы они меня не заметили, и стал дожидаться кого-нибудь из своих.

Хэнк говорил, как всегда, громко. «Надоело мне этот хлопок собирать, - сказал он. - Устал до чертиков! Я тут думал о какой-нибудь другой работе и придумал, как добывать деньги. Много денег. Я поеду следом за этой компанией аттракционов, буду ездить за ними из города в город и вроде как прятаться, пока старина Самсон и его баба собирают с простаков баксы. Буду ждать, пока не наберется побольше. Буду смотреть, как он выкидывает с ринга этих хилых уродов, а когда он устанет, выпрыгну вдруг и поставлю полсотни баксов, а потом заделаю ему козью морду и заберу все деньги! Если удастся такое устраивать хотя бы раз в неделю, это ж две тыщи баксов в месяц! Двадцать четыре тыщи в год! Наликом! Черт побери, я ж богатым стану!»

Голос его звучал очень недобро, но когда он закончил, Бо и Дэйл рассмеялись. Даже я был готов признать, что все это звучало забавно.

– А если Самсону это надоеет? - спросил Бо.

– Шутишь, что ли? Он же величайший в мире борец, приехал прямо из Египта. Никого не боится. Черт возьми, я у него и бабу могу увести! Она ж

красивая, правда ведь?

– Тебе придется иногда и поддаваться ему, - сказал Бо. - Иначе он с тобой не будет бороться.

– А мне нравится идея насчет его бабы, - сказал Дэйл. - Мне самому понравились ее ноги.

– Остальное у нее тоже ничего, - сказал Хэнк. - Погодите! Есть идея получше! Я выгоню его и сам стану Самсоном, новым Самсоном! Отращу волосы до задницы, покрашу в черный цвет, добуду себе шорты из леопардовой шкуры, буду говорить с акцентом, и все эти темные работяги будут думать, что я и впрямь из Египта. И Далила никуда от меня не денется!

Смеялись они долго и громко; и их веселье оказалось заразным - я тоже посмеивался про себя, представляя, как Хэнк бежит по рингу в леопардовых шортах и пытается убедить народ, что он приехал из Египта. Только он ведь наверняка будет увечить своих противников и распугает всех желающих.

Тут к прицепу подошел Паппи и начал взвешивать хлопок. Потом появилась мама и сказала мне шепотом, что хочет уже идти домой. Я тоже хотел. И мы проделали весь этот длинный путь вместе, молча, оба довольные тем, что день уже почти закончился.

* * *

Покраска дома возобновилась. Мы заметили это из огорода, а при более близком рассмотрении обнаружили, что наш маляр - мы все еще считали, что это был Трот, - добрался уже до пятой доски снизу и нанес первый слой краски на кусок обшивки размером с небольшое окно. Мама чуть прикоснулась к краске пальцем; на его кончике остался маленький след.

– Свежая, - сказала она, оглядываясь в сторону переднего двора. Трота, как обычно, видно не было.

– Ты по-прежнему думаешь, что это он? - спросил я.

– Да, думаю, он.

– А где он краску взял?

– Тэлли ему покупает, из тех денег, что получает за хлопок.

– Кто тебе сказал?

– Я спросила у миссис Фоли, в скобяной лавке. И она мне сказала, что мальчик-инвалид с гор и его сестра купили у нее две кварты белой эмалевой краски для наружных работ и небольшую кисть. Она решила, что это очень странно - чтобы люди с гор покупали краску.

– А сколько стоят две кварты краски?

– Ну, не очень много.

– Ты расскажешь Паппи?

– Да.

Мы быстро выбрались из огорода, набрав совсем немного овощей - помидоры, огурцы да два красных перца, попавшихся на глаза. Остальная команда сборщиков скоро должна была явиться с поля, и я с нетерпением ждал взрыва, который неминуемо грянет, как только Паппи узнает о том, что кто-то красит его дом.

В течение нескольких минут, пока снаружи доносился краткий и тихий обмен репликами, я был вынужден сидеть в кухне и резать огурцы. Такая тактика позволяла избежать недоразумений в дальнейшем. Бабка слушала по радио сводку новостей, мама занималась готовкой. Потом отец и Паппи пошли к восточной стене дома и осмотрели результаты работы Трота.

Потом они вернулись в кухню. Мы сели, прочли благодарственную молитву и приступили к еде, разговаривая только о погоде. Если Паппи и разозлился по поводу покраски дома, то не показывал этого. Может, просто слишком устал.

На следующий день мама не пустила меня в поле, да и сама явно старалась подольше задержаться дома. Она вымыла посуду после завтрака, кое-что постирала, и при этом мы все время следили за передним двором. Бабка уже ушла в поле, но мы с мамой все еще торчали дома, занимаясь всякими мелкими домашними делами, лишь бы не сидеть без дела.

Трот так и не появился. Куда-то смылся в переднего двора. Зато появился Хэнк. Он вылез из палатки около восьми и долго гремел жестянками и банками, пока не нашел остатки утренних хлебцев. Сжевал все, ничего не оставив, потом рыгнул и посмотрел в сторону нашего дома, словно собирался совершить на него налет в поисках еды. В конце концов он встал и побрел мимо силосной ямы в сторону прицепа с хлопком.

Мы все ждали, поглядывая в окна, выходящие на передний двор. Трота по-прежнему видно не было. В конечном итоге мы бросили это занятие и пошли в поле. А когда мама три часа спустя вернулась, чтобы приготовить ленч, несколько досок под моим окном белели свежей краской. Трот медленно продвигался к задней части дома. Фронт работ ему ограничивали

его малый рост и стремление действовать в полном одиночестве. При нынешних темпах он успеет покрасить только половину восточной стены, а там Спруилам уже настанет время паковать вещи и возвращаться к себе в горы.

* * *

После трех дней мира и тяжелого труда пришла пора для нового конфликта. После завтрака Мигель перехватил Паппи у трактора, и они вместе направились к амбару, где уже ждали остальные мексиканцы. В утреннем полумраке я потащился следом, достаточно близко, чтобы все слышать, но так, чтобы меня никто не заметил. В амбаре на чурбаке, низко опустив голову, сидел Луис. Вид у него был такой, как будто он заболел. Паппи подошел ближе и внимательно его осмотрел. Луис выглядел так, словно его избили.

Мигель на своем ломаном английском торопливо рассказал, что случилось. Оказывается, ночью кто-то вдруг принялся швырять в амбар комья сухой глины. Первый ком попал в стену сеновала, как только мексиканцы улеглись спать. Звук был как от выстрела - доски затряслись, казалось, весь амбар задрожал. Прошло несколько минут, и в стену угодила второй такой же снаряд. А потом еще один. Прошло минут десять, и они уже было решили, что все кончилось, но тут ударил еще один ком, на этот раз по жестяной крыше, прямо у них над головой. Они разозлились и перепугались, спать было совершенно невозможно. Сквозь щели в стене они пытались разглядеть хоть что-то на хлопковом поле позади амбара. Тот, кто над ними измывался, явно сидел где-то там, спрятавшись среди стеблей хлопчатника, незаметный во тьме ночи, скрываясь, как последний трус.

Луис медленно отворил дверь сеновала, чтобы лучше видеть, и тут ему прямо в лицо попал следующий снаряд. Это был камень, подобранный с дороги прямо напротив нашего дома. Тот, кто его швырнул, явно приберегал его как раз для такого вот случая, чтобы бросить прямо в кого-то из мексиканцев. От комьев глины только грохоту много, а вот камень был брошен явно с целью кого-нибудь искалечить.

У Луиса был разбит и порезан нос, он распух и стал вдвое больше нормального. Паппи крикнул отцу, чтобы тот привел Бабку.

А Мигель продолжал. Как только они перевязали Луиса и устроили его поудобнее, бомбардировка возобновилась. Каждые десять минут, как только они в очередной раз укладывались спать, из темноты следовал новый залп. Они внимательно следили за полем сквозь щели, но не заметили никакого движения. Было слишком темно, чтобы хоть что-то разглядеть. В конце концов метатель комьев устал развлекаться этими играми и перестал кидаться. Мексиканцы по большей части спали эту ночь урывками.

Тут прибыла Бабка и сразу же взялась за дело. Паппи отвалил прочь, ругаясь себе под нос. А я готов был разорваться пополам и никак не мог решить, чего мне больше хочется: то ли поглядеть, как Бабка лечит Луиса, то ли послушать, как Паппи выражает свое неудовольствие.

Я все же пошел следом за Паппи обратно к трактору, где он вывалил на отца такие слова, которые я совсем не понял. Потом он обрушился на все еще полусонных Спруилов, сидевших в прицепе.

– Где Хэнк? - рыкнул он на мистера Спруила.

– Спит, наверное.

– Он сегодня будет работать? - Слова Паппи звучали очень резко.

– Спросите у него самого, - сказал мистер Спруил, поднимаясь на ноги, чтобы смотреть Паппи прямо в лицо.

Паппи сделал шаг вперед:

– Мексиканцы нынче ночью не могли заснуть, потому что кто-то кидался комьями глины в стену амбара. Знаете кто?

Отец, пока сохранявший спокойствие, шагнул вперед и встал между ними.

– Нет, не знаю. Вы кого-то конкретно обвиняете? - спросил мистер Спруил.

– Ну, не знаю, - буркнул Паппи. - Все остальные целыми днями работают до упаду и спят после этого мертвым сном, смертельно уставшие к вечеру. Все - кроме Хэнка. По-моему, только у него полно свободного времени. И еще - на такой идиотский поступок только Хэнк способен.

Мне не нравился этот открытый конфликт со Спруилами. Они тоже устали от Хэнка не меньше нас, но все же они были его близкие. Кроме того, это ведь были люди с гор - стоит их разозлить, тут же уедут. А Паппи уже был готов сказать что-нибудь лишнее.

– Ладно, я с ним поговорю, - сказал мистер Спруил уже несколько мягче, как будто и сам понимал, что Хэнк - самый вероятный виновник ночного переполоха. Рот у него приоткрылся на пару дюймов, когда он посмотрел на миссис Спруил. Семейство явно пребывало из-за Хэнка в

некотором смятении, они были не в состоянии его защищать.

– Поехали работать, - сказал отец. Все были рады покончить с этой стычкой. Я взглянул на Тэлли, но она смотрела в другую сторону, погрузившись в свои мысли и не обращая внимания ни на меня, ни на кого бы то ни было другого.

Луис все утро пролежал на задней веранде, приложив к лицу лед. Бабка хлопотала вокруг него, неоднократно пытаясь навязать ему свои «лекарства», но Луис держался твердо. К полудню он уже был по горло сыт всем этим врачеванием в американском духе и горел желанием вернуться в поле, сломан у него нос или нет.

* * *

Производительность труда Хэнка теперь упала с четырехсот фунтов хлопка в день до менее двухсот. Паппи от этого просто бесился. Время бежало, положение все более осложнялось, и взрослые стали чаще о чем-то шептаться. У Паппи ведь никогда не было больше 250 долларов свободных денег.

– Он нынче сколько собрал? - спросил он за ужином у отца. Мы только что произнесли благодарственную молитву и теперь раскладывали еду по тарелкам.

– Сто девяносто фунтов.

Мама в отчаянии закрыла глаза. Считалось, что ужин всей семьи - это время отдыха и общения. Она ненавидела споры во время еды. Праздные сплетни - обычная болтовня о последних событиях, о людях, с которыми мы были или, может быть, не были знакомы, - все это было в порядке вещей, но вот конфликтов она не любила. Пища как следует не будет перевариваться, если тело не расслабилось.

– У меня есть мысль поехать завтра в город, найти Стика Пауэrsa и сказать ему, что этот малый мне больше не нужен, - заявил Паппи, размахивая вилкой в воздухе.

Нет, он этого никогда не сделает, мы все это прекрасно понимали. И он тоже. Если Стику каким-то образом удастся заковать Хэнка Спруила в наручники и засунуть в свою патрульную машину - а на такое зрелище я очень хотел бы полюбоваться, - остальные Спруилы тут же упакуют свое

барахло и уедут в считанные минуты. А Паппи не станет рисковать урожаем из-за какого-то идиота вроде Хэнка. И мы будем по-прежнему скрипеть зубами и стараться как-то перетерпеть его присутствие на нашей ферме. И еще будем молиться и надеяться, что он больше никого не убьет и его никто не прикончит, а через несколько недель урожай уже будет убран, и он уедет.

— Ты ж не знаешь наверняка, что это он, - сказала Бабка. - Никто ж не видел, что это он в амбар кидался.

— Некоторые вещи вовсе не обязательно видеть собственными глазами, - выстрелил в ответ Паппи. - Мы ж не видели Трота с кистью в руке, но совершенно счастливы считать, что это он красит дом, так?

Мама, улучив момент, спросила:

— Люк, с кем сегодня играют «Кардиналз»? - Это был ее стандартный вопрос, этим она почти напрямую хотела дать всем понять, что хочет поесть в спокойной обстановке.

— С «Кабз», - ответил я.

— Сколько у них игр осталось? - продолжала она.

— Только три.

— А Мьюзиэл далеко вперед вырвался?

— На шесть очков. У него триста тридцать шесть. У Баумхольца триста тридцать. Ему Стэна не догнать.

На этом этапе полагалось вступить отцу и поддержать жену в ее попытке увести разговор в сторону от более серьезных вопросов. Он прокашлялся и сказал:

— Забыл вам рассказать. Я тут в прошлую субботу столкнулся с Лу Джеффкотом. Он мне сказал, что у методистов появился новый питчер, он будет играть в воскресенье.

Паппи уже вполне остыл, чтобы заявить:

— Да врет он все. Они каждый год это говорят.

— Да зачем им новый питчер? - чуть улыбнувшись, спросила Бабка, и я решил, что мама сейчас рассмеется.

В воскресенье должен был состояться ежегодный Осенний Пикник - замечательное мероприятие, приводившее в возбуждение весь Блэк-Оук. После молитвы, обычно очень длинной, по крайней мере у нас, баптистов, мы собирались в школе, куда подтягивались и методисты. В тени под деревьями наши дамы раскладывали столько еды, что можно было бы накормить весь наш штат, а после весьма продолжительного ленча мужчины всегда играли в бейсбол.

Это была не совсем обычная игра, потому что на кон ставилось право

потом хвастаться и похваляться весь год. Победители в этой игре высмеивали и вышучивали проигравших почем зря. Я не раз слышал, как посреди зимы мужчины в «Ти шопп» подсмеивались друг над другом по итогам этого матча.

Методисты выигрывали этот матч последние четыре года подряд и все-таки каждый год распространяли слухи о своем новом питчере.

– А у нас кто будет за питчера? - спросил отец. Паппи из года в год был тренером команды баптистской общины, хотя после четырех поражений подряд на него уже начали ворчать.

– Ридли, наверное, - без колебаний ответил Паппи. Он думал об этом матче весь год.

– Да этого Ридли даже я переиграю! - заявил я.

– У тебя есть предложение получше? - резко спросил Паппи.

– Да, сэр!

– Я просто горю нетерпением, так хочу его услышать!

– Ковбой, - сказал я. Все заулыбались. А что, отличная мысль!

Но мексиканцы не могли участвовать в нашем Матче, и люди с гор тоже. Обе команды набирались только из всем известных членов обеих конгрегации - никаких наемных рабочих, никаких родственников из Джонсборо, никаких незаконных участников любого вида и рода. Вокруг Матча было накручено такое количество разных правил и условий, что, если записать все на бумаге, выйдет целая книга, потолще Библии! Судей приглашали из Монетта и платили им по пять долларов плюс все, что они смогут съесть за ленчем. По идее судей никто не должен был знать, но после прошлогоднего поражения возникли слухи, по крайней мере в нашей церкви, что они либо сами методисты, либо женаты на представительницах методистской общины.

– Да, это было бы просто здорово, - сказал отец, мечтательно представляя себе, как Ковбой гонял бы наших противников. Один страйк-аут за другим! И крученые мячи, летящие в них со всех сторон!

Разговор перешел на гораздо более приятные темы, и тут вступили женщины. Бейсбол был отринут в сторону - они заговорили о пикнике, о блюдах, о том, в каких платьях придут женщины из методистской общины, и так далее. Ужин спокойно подошел к обычному концу, и мы двинулись на веранду.

* * *

Я уже решил, что напишу Рики письмо и расскажу все о Либби Летчер. Я был уверен, что никто из взрослых этого не сделает - они были слишком озабочены сохранением тайны. Но Рики надо знать, в чем его обвиняет Либби. Ему же надо как-то на это реагировать. Если он обо всем узнает, то, может быть, сумеет как-то отпроситься в отпуск, домой, чтобы разобраться со сложившейся ситуацией. И чем раньше, тем лучше. Летчеры держались скрытно, никому ничего не говорили, насколько нам было известно, однако в Блэк-Оуке секреты хранить трудно.

До того как отбыть в Корею, Рики раз рассказал нам об одном своем приятеле, парне из Техаса, с которым познакомился в учебном лагере для новобранцев. Парню было всего восемнадцать, но он уже был женат, и его жена была беременна. В армии его на несколько месяцев направили в Калифорнию, возиться с какими-то бумагами, чтобы не погиб на фронте. Записали ему в личное дело сложное положение в семье, так что теперь парень вернется в Техас еще до того, как его жена разродится.

У Рики теперь тоже было это самое сложное положение в семье, просто он об этом пока не знал. Вот я ему об этом и сообщу. Я смылся с веранды, сказав, что устал, и пошел в комнату Рики, где лежала моя дощечка для письма с изображением Великого Вождя. Я притащил ее на кухонный стол - там было светлее всего - и принялся писать большими печатными буквами.

Коротко рассказал о бейсбольном чемпионате, о борьбе за выигрыш, потом о приезде к нам аттракционов, и о Самсоне, и о смерчах, что обрушились на нас в начале недели. У меня не было ни времени, ни желания рассказывать о Хэнке, так что я рассказал ему только основные детали этой истории. Потом сообщил, что Либби Летчер родила ребенка, но не признался, что сам болтался рядом, когда этот младенец появился на свет.

В кухню с веранды вошла мама и спросила, чем я занимаюсь. «Пишу Рики», - ответил я.

— Молодец, - похвалила она. - Но уже пора спать.

— Да, мэм, - ответил я. Я уже исписал целую страницу и очень собой гордился. Завтра еще одну напишу. А потом, может, и еще. Я твердо намеревался написать самое длинное письмо, какое Рики когда-либо от меня получал.

Глава 22

Я уже приближался к концу длинного ряда хлопчатника, упиравшегося в густые заросли по берегу Сайлерз-Крик, когда услышал чьи-то голоса. Стебли здесь были особенно высокие, так что меня за их густой листвой было совершенно не видно. Мешок был наполнен наполовину, а я уже мечтал о поездке в город после ленча, о кино в «Дикси» с кока-колой и поп-корном. Солнце стояло почти прямо над головой; должно быть, время подходило к полудню. Я решил повернуть назад и идти обратно к прицепу, аккуратно собирая весь хлопок, и эффектно закончить день.

Услышав голоса, я упал на одно колено и медленно и беззвучно уселся на землю. Мне долго ничего не было слышно, и я уже решил, что ошибся, когда до меня донесся голос девушки, едва доносившийся сквозь заросли к тому месту, где я сидел. Она была где-то справа, только я не мог понять, как далеко.

Я медленно поднялся, выглядывая сквозь стебли, но ничего не увидел. Тогда я снова пригнулся и начал пробираться вдоль этого ряда хлопка к его концу, оставив пока свой мешок. Я полз и замирал, полз и замирал, не производя ни звука, пока опять их не услышал. Она была через несколько рядов от меня и, думаю, пряталась за их листвой. Я замер на несколько минут, пока не услышал ее смех, приглушенный зарослями, и тут я понял, что это Тэлли.

Долгое время я стоял на четвереньках, раскачиваясь взад-вперед и пытаюсь представить себе, что она там делает, спрятавшись в поле как можно дальше от прицепа. Потом я услышал другой голос, мужской, и решил подобраться поближе.

Нашел дырку пошире между стеблями и пролез сквозь первый ряд совершенно беззвучно. Ветра не было, листья и коробочки не шевелились и не шуршали, так что мне вновь пришлось замереть. И набраться терпения. Потом я пролез сквозь второй ряд и стал ждать, когда вновь раздастся чей-нибудь голос.

Долгое время они молчали, и я уже начал беспокоиться, что они меня услышали. Потом кто-то захихикал, вновь зазвучали оба голоса, и снова начался тихий, приглушенный разговор, который я едва слышал. Я растянулся плашмя и оглядел окрестности с земли, где стебли были толще всего, но не было ни листьев, ни коробочек. Я уже почти различал что-то в нескольких рядах хлопчатника от себя, может, темные волосы Тэлли, а

может, и нет. Но решил, что я уже достаточно близко к ним подобрался.

Поблизости никого не было. Все остальные - Спруилы и Чандлеры - двигались назад к прицепу. Мексиканцы были далеко, отсюда не было видно ничего, кроме их соломенных шляп.

Хотя я сидел в тени, пот с меня тек ручьями. Сердце колотилось, во рту пересохло. Тэлли прячется в хлопчатнике с мужчиной, делает что-то плохое, а если нет, то зачем им там прятаться? Мне хотелось что-нибудь сделать, чтобы остановить их, но я понимал, что не имею на это права. Я был еще мальчишка, который просто шпионит за ними, вмешиваясь в их личные дела. Я подумал было убраться оттуда, но голоса меня остановили.

А потом рядом появился щитомордник, водяной щитомордник, которых полно в Арканзасе. Они живут около рек и ручьев, но иногда довольно далеко отползают от них, чтобы погреться на солнце и что-нибудь сожрать. Каждую весну, когда мы заняты севом, это самое обычное зрелище - видеть, как они ползут позади плуга или бороны. Они были толстые, черные, агрессивные и ядовитые. Их укус редко бывает смертельным, но я слышал множество историй об ужасных смертях.

Если такой попадался, его просто убивали палкой, мотыгой или еще чем-нибудь, что окажется под рукой. Они не так проворны, как гремучие змеи, да и не атакуют сразу, как те, но все равно это гнусные и опасные создания.

Этот щитомордник полз вдоль ряда хлопчатника прямо ко мне и был уже меньше чем в пяти футах. Мы с ним оказались буквально лицом к лицу. Я был так поглощен подглядыванием и подслушиванием, что совершенно забыл обо всем остальном. В ужасе я испустил крик, вскочил на ноги и рванул прочь сквозь ряды хлопка.

Мужской голос позади меня произнес что-то более громко, но в этот момент я был больше озабочен змеей. Я упал на землю возле своего мешка для хлопка, надел его лямку на плечо и пополз в сторону прицепа. Когда я удостоверился, что щитомордник остался далеко позади, я остановился и прислушался. Ничего. Полная тишина. И никто за мной не гонится.

Я медленно выпрямился и осмотрелся. Справа, через несколько рядов от меня, повернувшись ко мне спиной, двигалась Тэлли - мешок для хлопка на плече, соломенная шляпа сдвинута набок; она спокойно продвигалась вперед, будто ничего не случилось.

А слева, продираясь сквозь заросли и пригибаясь, как шпион, появился Ковбой.

* * *

По субботам после ленча Паппи по большей части старался найти какую-нибудь причину, чтобы отсрочить нашу поездку в город. Мы съедали наш ленч, потом я проходил через все унижения мытья и отскребывания, а потом он находил себе какое-нибудь дело, потому что хотел заставить нас ждать. То в тракторе что-то ломалось и требовало немедленного ремонта. И он начинал ползать вокруг «Джона Дира» со своими старыми гаечными ключами, без конца рассуждая о том, что следует сделать немедленно для его починки и что надо купить в городе необходимые запчасти. Или вдруг оказывалось, что у грузовика как-то не так работает мотор и суббота после ленча - самое подходящее время с ним повозиться. Или что насос на колодце требует проверки. А иногда он усаживался за стол на кухне и занимался разной писаниной - правда, ее немного требовалось для ведения дел на нашей ферме.

В конце концов, когда все уже начинали беситься, он долго мылся, после чего мы все же отправлялись в город.

Маме не терпелось поглядеть на самого юного гражданина округа Крэйгхед, пусть он и был Летчером, так что пока Паппи возился в сарае с инструментами, мы загрузили овощами четыре коробки и отправились за реку. Отец воздержался от участия в этой поездке. Предполагаемый отец ребенка приходился ему братом, значит, сам он становился предполагаемым дядей новорожденного, а признать такой факт отец явно был еще не готов. Кроме того, я уверен, у него не было никакого желания снова вступать в пререкания с мистером Летчером.

Мама вела пикап, а я молился, и мы кое-как вполне благополучно преодолели мост. На другом берегу она остановила грузовик и выключила мотор. Пока она переводила дух, я решился. И сказал:

- Мам, мне тебе кое-что надо рассказать.
- Отложить нельзя? - спросила она, наклоняясь к замку зажигания.
- Нет.

Мы сидели в разогретом грузовичке, стоявшем на узкой грунтовой дороге в двух шагах от моста, и поблизости не было видно ни домов, ни других машин. И место, и время идеально подходили для серьезного разговора.

— Ну, что стряслось? - спросила мама, складывая руки на груди. Она, похоже, решила, что я совершил какой-то ужасный поступок.

У меня накопилось что-то очень много разных секретов. Хэнк и избиение братьев Сиско. Купание Тэлли в речке. Рождение ребенка у Либби. Но эти пока могут подождать. Я уже стал настоящим специалистом по хранению тайн. А вот последним непременно надо было поделиться с мамой.

– Мне кажется, Тэлли и Ковбой влюбились друг в друга, - сказал я, и мне тут же стало гораздо легче.

– Да неужели? - спросила она с улыбкой, словно я в этом ничего не понимаю, потому что еще ребенок. Потом улыбка медленно исчезла с ее лица - она обдумывала полученные сведения. А я пытался понять, не известно ли ей тоже что-то об этом романе.

– Точно, мэм.

– И почему ты так думаешь?

– Я застукал их в зарослях хлопка нынче утром.

– И что они там делали? - спросила она, вроде даже немного напуганная тем, что я мог увидеть нечто, что мне видеть не полагается.

– Не знаю, но они там были вдвоем.

– Ты их видел?

Я рассказал ей, как все было, начиная с услышанных голосов, потом про щитомордника и о том, как они разбежались. Подробности я опустил и, к собственному удивлению, ничего не стал преувеличивать. Ну, может, только размеры змеи, зато во всем остальном придерживался чистой правды.

Она выслушала меня и, кажется, здорово удивилась.

– А что они там делали, а, мам? - спросил я.

– Не знаю. Ты ведь ничего не разглядел, не так ли?

– Ага. Как думаешь, они там целовались?

– Вероятно, - быстро ответила она.

Она снова наклонилась к замку зажигания и сказала:

– Ну ладно, я поговорю об этом с твоим отцом.

И мы быстро поехали дальше. И через пару минут я уже не мог с уверенностью сказать, лучше мне стало или нет. Мама мне не раз твердила, что маленьким мальчикам не следует держать что-то в секрете от взрослых. Но всякий раз, когда я открывал ей какой-нибудь секрет, она только плечами пожимала и пересказывала все услышанное отцу. И никаких выгод от своей откровенности я не получал. Но это было все, что я мог сделать. Теперь взрослые знают про Тэлли и Ковбоя, пусть они и беспокоятся об этом.

Летчеры собирали хлопок вблизи своего домика, так что, когда мы

подкатали и остановились, они тут же нас окружили. Миссис Летчер появилась из дома и сумела даже выдавить улыбку, а потом стала помогать нам выгружать коробки на их веранду.

– Наверное, вам хочется увидеть ребенка, - тихонько сказала она маме.

Я тоже хотел на него взглянуть, но понимал, что шансов у меня почти нет. Женщины ушли в дом. Я нашел себе местечко в тени рядом с грузовиком, где собирался посидеть в одиночестве, ни во что не вмешиваясь и просто поджидая маму. Мне совершенно не хотелось видеть никого из Летчеров. Тот факт, что мы теперь стали родственниками, пусть даже и не кровными, вызывал у меня тошноту.

Но тут трое их вышли из-за пикапа - трое пацанов во главе с Перси. Двое других были младше и меньше, но почти такие же длинные и крепкие, как он. Не говоря ни слова, они подошли ко мне.

– Привет, Перси, - сказал я, стараясь по крайней мере быть вежливым.

– Чего ты тут делаешь? - прорычал он. Его братья стояли по бокам от него, и все трое как бы выстроились фронтом против меня.

– Мама взяла меня с собой, - сказал я.

– Нечего тебе тут делать! - прошипел он сквозь стиснутые зубы. Мне захотелось смяться. Если правду сказать, мне хотелось удрать, поджав хвост.

– Я маму жду, - сказал я.

– А вот мы тебе щас надерем задницу! - сказал Перси, и все трое сжали кулаки.

– За что?

– За то, что ты Чандлер, а ваш Рики вон что сделал с Либби!

– А я-то тут при чем?

– Все равно! - Самый мелкий из них смотрел на меня особенно злобно. Он щурился и кривил губы, словно скалился на меня, и я решил, что он будет бить первым.

– Трое на одного - нечестно, - сказал я.

– А с Либби было честно?! - крикнул Перси и, как кот лапой, ударил меня в живот. Удар был такой, словно лошадь лягнула, и я с воплем свалился на землю.

Я не раз дрался в школе - обычные потасовки на спортплощадке, которые быстро пресекались учителями еще до того, как дело доходило до серьезных повреждений. Миссис Эмма Инос, учительница третьего класса, однажды прописала мне три удара розгой за попытку побить Джои Столкапа, и Паппи страшно этим гордился. И Рики тоже не очень-то со мной считался, когда мы боролись, боксировали или просто возились. Так

что в драке я не был новичком. Паппи любил подраться, и когда я упал, то вспомнил его. Кто-то пнул меня ногой; я ухватился за эту ногу, и тут мы все свалились в кучу, получилась мешанина из мальчишеских тел, маленьких разъяренных бойцов, пинающихся, кусающихся и ругающихся в пыли. Я схватил одного из них за волосы, пока остальные двое колотили меня по спине. Я был твердо намерен свернуть ему шею, но тут Перси врезал мне прямо по носу. На секунду я ослеп, а они, вопя как дикие звери, опять навалились на меня.

Потом я слышал женские крики с веранды. Ну, слава Богу, наконец-то! Миссис Летчер прибыла на место битвы первой и тут же принялась вытаскивать своих пацанов из кучи, ругая их и расшвыривая в разные стороны. Мама в ужасе смотрела на меня. Моя чистая одежда теперь была в пыли и грязи, из носа текла кровь.

– Люк, с тобой все в порядке? - спросила она, хватая меня за плечи.

Глаза у меня слезились, тело начинало ныть. Но я кивнул ей, дескать, все в порядке, никаких проблем.

– А ну срежь мне розгу! - заорала миссис Летчер на Перси. Она еще возилась с двумя младшими, продолжая их ругать. - Как не стыдно бить маленького мальчика?! Он вам ничего не сделал!

У меня тем временем вовсю пошла из носа кровь, она стекала по щеке и капала на рубашку. Мама уложила меня на землю и заставила откинуть голову назад, чтобы остановить кровотечение, и пока она этим занималась, Перси принес прут.

– Я хочу, чтобы ты это видел! - заявила миссис Летчер, обращаясь ко мне.

– Не надо, Дарла, - сказала мама. - Мы лучше поедem.

– Нет, я хочу, чтобы ваш мальчик видел это, - сказала та. - Перси, повернись и наклонись!

– Не, ма, я не буду... - промямлил Перси, явно напуганный.

– Наклонись! Или я отцу скажу! Я тебя научу, как себя вести! Избил мальчика, а он к нам в гости приехал!

– Нет! - ответил Перси, и она ударила его прутом по голове. Он вскрикнул, а она полоснула его прутом по уху.

Потом заставила его нагнуться и ухватиться за коленки. «Отпустишь - неделю подряд буду тебя пороть!» - пригрозила она ему. Он уже плакал, когда она начала его пороть. Мама и я стояли, пораженные ее злостью и жестокостью. После девяти или десяти ударов Перси начал скулить. «Заткнись!» - рявкнула на него мать.

Руки и ноги у нее были такие же тонкие, как этот прут, но если ей

недоставало силы, она с лихвой искупала это быстротой движений. Удары следовали как пулеметная очередь, быстрые и сильные, щелкающие, как хлыст пастуха. Десять, двадцать, тридцать ударов, и Перси уже завывал: «Хватит! Пожалуйста, хватит! Я больше не буду!»

Но порка все продолжалась. Это уже было не наказание, гораздо хуже. Когда у нее устала рука, она швырнула Перси на землю, и тот свернулся в клубок и заплакал. К тому времени остальные двое тоже лили слезы. Она схватила среднего за волосы. Назвав его Рэйфордом, она тоже велела ему нагнуться. Рэйфорд медленно наклонился и ухватился за свои коленки. И явно с трудом пережил то, что за этим последовало.

– Поехали, - шепотом сказала мне мама. - Ты можешь лечь в кузове.

Она помогла мне туда забраться, а миссис Летчер тем временем притащила третьего своего отпрыска, волоча его за волосы. Перси и Рэйфорд валялись в пыли, словно жертвы побоища, которое сами же и затеяли. Мама развернула грузовик, и мы поехали прочь, а миссис Летчер принялась лупцевать младшего. Потом сзади раздались громкие голоса, я привстал и увидел, что мистер Летчер бежит вокруг дома, а следом за ним несется свора его детей. Он орал на свою жену, а та, не обращая на него внимания, продолжала порку. Когда он наконец добрался до нее, то схватил ее за руку. Повсюду мельтешили их дети, все они либо вопили, либо плакали.

Потом позади нас поднялась пыль, и они скрылись из виду. Я лег на дно кузова и попытался устроиться поудобнее. А потом стал молиться, чтобы мне никогда больше не пришлось появляться у них на ферме. Мне больше совсем не хотелось видеть ни одного из них, никогда в жизни. И еще я молился, долго и усердно, чтобы никто и никогда не узнал, что Летчеры и Чандлеры теперь родственники.

Мое возвращение домой стало настоящим триумфом. Спруилы уже вымылись и были готовы ехать в город. Они сидели под деревом и пили чай со льдом вместе с Паппи, Бабкой и отцом, когда мы подкатили и остановились футах в двадцати от них. Я со всей театральностью, на какую был способен, встал в кузове и с огромным удовлетворением стал любоваться тем шоком, который они испытали, увидев мое состояние. Так я и стоял - побитый, весь в крови и в пыли, одежда порвана, но ведь стою на своих ногах!

Потом я слез на землю, и все столпились вокруг. Мама выскочила вперед и стала сердито рассказывать:

– Вы не поверите, что случилось! Они втроем напали на Люка! Перси и еще двое напали на него, пока я была у них в доме! Маленькие негодяи!

Мы им еду привозим, а они такое устраивают!

Тэлли тоже мне сочувствовала, мне даже показалось, что она хочет до меня дотронуться, чтобы убедиться, что со мной все в порядке.

– Трое? - переспросил Паппи. Глаза у него так и сверкали.

– Да, и все они гораздо крупнее Люка, - сказала мама. Так начала рождаться легенда. Рост и сила нападавших будут теперь расти день ото дня.

Бабка занялась моим лицом - изучала нос, на котором был небольшой порез. «Может оказаться, что он сломан», - пробормотала она, и я ощутил прилив гордости, услышав это. Однако я вовсе не хотел, чтобы она занялась моим лечением.

– Так ты не убежал? - спросил Паппи. Он тоже подошел поближе.

– Нет, сэр! - гордо заявил я. Я бы убежал, конечно, если б была такая возможность.

– Он не убежал, - сердито сказала мама. - Он там всю брыкался и царапался, не меньше, чем эти негодяи.

Паппи аж расцвел. Отец тоже улыбнулся.

– Я к ним завтра съезжу и прикончу этих мерзавцев, - заявил Паппи.

– Никуда не надо ездить, - сказала мама. Она разозлилась, потому что знала, как Паппи любит подраться. Но ведь она выросла в доме, где были одни девчонки. И в драках ничего не понимала.

– Ты хоть раз кому-нибудь врезал? - спросил Паппи.

– Они все ревели, когда мы уезжали, - ответил я.

Мама закатила глаза.

Хэнк пробрался сквозь собравшихся и нагнулся надо мной, изучая полученные повреждения. «Говоришь, их трое было, а?» - прорычал он.

– Да, сэр, - ответил я и кивнул.

– Хороший урок для тебя, парень. Крепче будешь.

– Да, сэр.

– Если хочешь, я могу тебе показать кое-какие приемчики - как себя вести, когда на тебя трое наваливаются.

– Пойдем-ка, я тебя помою, - сказала мама.

– Кажется, у него нос сломан, - сказала Бабка.

– Ты в порядке, Люк? - спросила Тэлли.

– Ага, - ответил я как можно тверже.

И меня повели как настоящего победителя.

Глава 23

Осенний Пикник всегда проводили в последнее воскресенье сентября, хотя никто не мог сказать, почему именно в этот день. Просто такая была традиция в Блэк-Оуке, ритуал, такой же, как приезд парка аттракционов или весенние молитвенные бдения. Пикник как бы соединял в себе праздник по случаю окончания сбора урожая и завершения бейсбольного сезона. Не совсем понятно, правда, можно ли это проделать за один пикник, но по крайней мере усилия в этом направлении предпринимались.

Мы отмечали этот день вместе с методистами, нашими друзьями, друзьями-соперниками. Здесь у нас не было других этнических групп - черных, евреев или азиатов, вообще никаких чужаков. Все мы были англо-ирландского происхождения, ну, может, еще примешалась пара капель немецкой крови, и все здесь занимались фермерством или поставками фермерам всяких товаров. И все были христиане - или считались таковыми. Разногласия начинались тогда, когда фэн команды «Кабз» начинал завираться в «Ти шопп» или когда какой-нибудь идиот заявлял, что «Джон Дир» работает хуже, чем трактор какой-нибудь другой фирмы. А в остальном наша жизнь по большей части протекала мирно. Мужчины помоложе и парни постарше любили по воскресеньям подраться позади кооператива, но в этих драках было гораздо больше просто спорта, чем чего бы то ни было другого. Избиения вроде того, что Хэнк устроил братьям Сиско, случались редко, так что в городе все еще продолжались разговоры на эту тему.

Но индивидуальные ссоры длились веками. Паппи тоже внес в это свой вклад. Настоящей вражды, правда, никогда не возникало. Существовала определенная и четкая социальная структура, где в самом низу располагались издольщики, а на самом верху - торговцы, и всем было положено знать свое место. Так вот и жили.

Граница между баптистами и методистами никогда не была ясной и четкой. Они молились немного по-другому, причем их обряд окропления младенцев, как это представлялось нам, был самым значительным отклонением от Священного Писания. И еще они не так часто встречались, что, конечно же, означало, что они не так серьезно относятся к своей религии, как мы. Никто так часто не собирался, как мы, баптисты. Мы очень гордились своими регулярными общими молебствиями. Перл Уотсон, которая мне больше всех нравилась среди методистов, говорила, что хотела

бы стать баптисткой, но у нее просто не хватит на это физических сил.

Рики мне однажды сказал, когда мы с ним были вдвоем, что когда он уедет с фермы, то, может быть, станет католиком, потому что католики собираются всего раз в неделю. Я не знал, что такое католик, и он попытался мне это объяснить, но в теологии Рики был в лучшем случае не очень силен.

В то воскресное утро Бабка и мама потратили гораздо больше времени, чем обычно, на утюжку наших вещей. И конечно, меня отскребывали еще более целеустремленно. К моему разочарованию, оказалось, что нос у меня не сломан, он даже не распух, а порез на нем был едва заметен.

Мы хотели выглядеть нынче как можно лучше, потому что у дам из методистской общины платья были немного красивее. Несмотря на всю эту суматоху, я радовался и не мог дожидаться, когда мы поедем.

Мы пригласили с собой Спруилов. Это было сделано из дружеских чувств и из соображений христианской заботы, хотя лично я приглашал бы их выборочно. Тэлли можно было пригласить, а остальные пускай себе остаются у нас на переднем дворе, мне все равно. Но когда я оглядел их лагерь после завтрака, то не заметил там особых передвижений. Они и не подумали отвязать от своего грузовика все бесчисленные веревки и бечевки, на которых держались их навесы и палатка. «Они не поедут», - сообщил я Паппи, который готовился к занятиям в воскресной школе.

— Вот и хорошо, - спокойно ответил он.

Перспектива видеть, как Хэнк болтается среди собравшихся на пикник, хапает еду со столов и нажирается, одновременно высматривая возможность подраться, была не слишком привлекательной.

Вот у мексиканцев никакого выбора не было. Мама передала Мигелю приглашение еще в начале недели, а потом еще пару раз мягко напомнила, поскольку воскресенье все приближалось. Отец разъяснил ему, что будет прочитана специальная молитва на испанском, а потом подадут кучу всякой вкусной еды. Да и делать им по воскресеньям после ленча было особенно нечего.

Девятеро мексиканцев набились в кузов нашего пикапа; не было только Ковбоя. Это разожгло мое воображение. Куда это он подевался и чем занимается? И где Тэлли? Когда мы отъезжали, на переднем дворе ее видно не было. У меня упало сердце, когда я подумал, что они опять ушли в поле и теперь прячутся там и делают все, что им вздумается. Вместо того чтобы поехать с нами в церковь, Тэлли, по всей вероятности, опять укрывается в хлопчатнике и занимается чем-нибудь дурным. А что, если она теперь

использует Ковбоя в роли сторожа, пока сама купается в Сайлерз-Крик? Мне была невыносима эта мысль, и я всю дорогу до города беспокоился за нее.

* * *

Брат Эйкерс с улыбкой на лице - редкое зрелище! - взошел на кафедру. Церковь была полна народу, люди сидели даже в проходах и стояли возле задней стены. Окна были распахнуты настежь, а с северной стороны от церкви, под высоким дубом, собрались мексиканцы - стояли, сняв шляпы, и их темные головы образовывали целое море черного цвета.

Мы приветствовали наших гостей, приезжих с гор, а также и мексиканцев. Людей с гор собралось порядочно, но не слишком много. Как обычно, брат Эйкерс попросил их встать и назвать себя. Они были из разных мест - из Харди, из Маунтин-Хоум, из Калико-Рок, и все они тоже принарядились, как и мы.

В окно был выставлен динамик, чтобы слова брата Эйкерса доносились из церкви до мексиканцев, где мистер Карл Дурбин переводил их на испанский. Мистер Дурбин был вышедшим на пенсию миссионером из Джонсборо. Он тридцать лет проработал в Перу среди настоящих индейцев высоко в горах, а теперь частенько заезжал к нам с проповедями и показывал фотографии и слайды, на которых были запечатлены разные пейзажи этой далекой страны, где он пробыл столько лет. Помимо испанского, он еще знал один из индейских диалектов, и это восхищало меня.

Мистер Дурбин стоял в тени дерева, а мексиканцы расселись на траве вокруг него. На нем был белый костюм и белая соломенная шляпа, а его голос доносился до церкви, почти такой же громкий, как и голос старины Эйкерса, усиленный динамиком. Рики однажды заметил, что у мистера Дурбина гораздо больше здравого смысла, чем у брата Эйкерса; это свое мнение он высказал за воскресным ужином и вызвал настоящий скандал, не первый и не последний. Это был грех - критиковать своего священника, по крайней мере во всеуслышание.

Я сидел на краю скамьи, рядом с окном, так что мог наблюдать за мистером Дурбином и слышать его. Слов его я разобрать не мог, но уже

знал, что по-испански он говорит медленнее, чем мексиканцы. А те трещали так быстро, что я часто поражался, как они вообще умудряются друг друга понимать. Он говорил гладко, предложения его были взвешенные, но в его испанском слышался сильный арканзасский акцент. Хотя я не имел понятия, что он там говорит, все же его речь захватывала больше, чем разглагольствования брата Эйкерса.

Ничего удивительного, что в присутствии такого количества народу утренняя проповедь была длинной, как марафонский забег. Меньше народу - короче проповедь. Большая толпа, как на Пасху или на День благодарения и на Осенний Пикник, - и брат Эйкерс ощущает прилив особого вдохновения. В какой-то момент, где-то в середине его разглагольствований, мистеру Дурбину все это как будто наскучило. И он, уже не обращая внимания на трансляцию из церкви, стал читать собственную проповедь. Когда брат Эйкерс делал паузу, чтобы перевести дыхание, мистер Дурбин продолжал свою проповедь. А когда вопли брата Эйкерса о геенне огненной и кипящей сере достигли совершенно болезненной высоты, мистер Дурбин уже отдыхал со стаканом воды в руке. Потом он уселся на траву рядом с мексиканцами и стал дожидаться сигнала из церкви об окончании проповеди.

Я тоже ждал. И убивал время, мечтая о жратве, которую нам скоро предложат, - блюда с горами жареных цыплят и галлоны мороженого собственного приготовления.

Мексиканцы поглядывали на окна церкви. Уверен, они уже решили, что брат Эйкерс сошел ума. «Не волнуйтесь, ребята, - хотелось им сказать. - Он всегда такой».

Потом мы все пропели пять строф псалма «Ибо Я сужу праведно» как благодарственную молитву. Никто не тронулся с места, пока брат Эйкерс не распустил конгрегацию, очень неохотно. Возле входа я встретил Деуэйна, и мы вместе помчались по улице к бейсбольному полю, посмотреть, не собрались ли там методисты. Конечно, они уже были там: они никогда так долго не молились, как мы.

За задней оградой поля, под тремя вязами, которые на своем веку выдержали удары миллионов «фолов», на столах для пикника, застеленных красно-белыми клетчатыми скатертями, уже раскладывали еду. Методисты так и кишели вокруг - дети подносили блюда, а дамы расставляли их на столах. Я увидел Перл Уотсон и заговорил с ней. «Брат Эйкерс все еще выступает?» - спросила она с улыбкой.

— Он только что нас распустил, - ответил я. Она дала нам с Деуэйном по шоколадке. Я съел свою в два прикуса.

В конце концов начали подтягиваться и баптисты. Послышались возгласы: «Привет!», «Где это вас носило?», «Чего это вы так долго?» Грузовики и легковушки все подъезжали и подъезжали, и вскоре парковка была забита машинами, стоявшими бампер к бамперу вдоль оград, со всех сторон окружавших поле. По крайней мере в одну, а то и в несколько во время игры обязательно угодит неточно брошенный мяч. Пару лет назад новенький крайслеровский седан мистера Уилбера Шифлета лишился таким образом ветрового стекла - Рики так здорово отбил мяч за левую ограду, что сумел заделать «хоум ран». Звук был жуткий - громкий удар, а потом звон разбитого стекла. Но у мистера Шифлета водились денежки, так что никто особо не беспокоился. Он знал, на что шел, когда парковал свою машину. Методисты в тот год выиграли у нас, и Рики был уверен, что тренер нашей команды, то есть Паппи, должен был заменить питчера в третьем иннинге.

Они даже некоторое время не разговаривали.

Столы были вскоре все уставлены огромными блюдами с овощами, тарелками с жареными цыплятами, корзинками со свежим кукурузным хлебом, булочками и другими хлебными изделиями. Миссис Орт, жена методистского священника, командовала размещением блюд, пока столы не приобрели какую-то видимость определенного порядка. На одном стояли только свежие овощи - помидоры десяти сортов, огурцы, маринованный желтый и синий лук. Рядом размещались бобы, фасоль и горох - вигна китайская, горошек заборный, зеленые бобы, приготовленные с ветчиной, лима мелкоплодная. На каждый пикник непременно готовили картофельный салат, причем у каждого шеф-повара был свой рецепт его приготовления. Мы с Деузэйном насчитали целых одиннадцать огромных салатниц с этим блюдом, и все они отличались друг от друга. Яйца со специями были не менее популярны, некоторые блюда с ними занимали по полстола. И последнее, самое главное блюдо - жареные цыплята. Тут их было столько, что можно было месяц кормить весь город.

Дамы все суетились вокруг столов, колдуя над блюдами, а мужчины переговаривались и посмеивались, обменивались приветствиями, но ни на секунду не отводили глаз от цыплят. Повсюду сновали дети. Мы с Деузэйном переместились к одному конкретному дереву, под которым несколько дам раскладывали десерт. Я насчитал шестнадцать контейнеров с самодельным мороженым; все они были плотно укутаны полотенцами и засыпаны льдом.

Как только приготовления завершились утвердительным кивком миссис Орт, ее муж, преподобный Вернон Орт, вместе с братом Эйкерсом

встал в центре и толпа присмирела и умолкла. В прошлом году благодарственную молитву Господу возносил брат Эйкерс; в этот год эта честь принадлежала методистам. Каждый пикник проходил по строгому, хоть и неписаному распорядку. Мы склонили головы и стали слушать, как преподобный Орт благодарит Господа за Его милости, за всю эту прекрасную пищу, за хорошую погоду, за хлопок и так далее и тому подобное. Преподобный ничего не забыл. Город Блэк-Оук и в самом деле был благодарен Создателю за все, что Он нам ниспослал.

Я чувствовал аромат жареных цыплят. И уже ощущал на языке вкус шоколадных пирожных с орехами и мороженого. Тут Деуэйн лягнул меня, и мне захотелось сбить его с ног. Но я не посмел - меня непременно выпороли бы за драку во время молитвы.

Когда преподобный Орт закончил наконец свою молитву, мужчины собрали всех мексиканцев и построили их в одну линию, чтобы удобнее было раздавать им тарелки с едой. Такова была традиция: мексиканцев угощали первыми, потом приезжих с гор, потом детей, потом взрослых. Тут откуда-то появился Стик Пауэрс, конечно, в форме, и втиснулся в очередь между мексиканцами и людьми с гор. Я слышал, как он объясняет всем, что он на дежурстве и времени у него нет. Он унес две тарелки - одну с цыплятами, а вторую со всем, что успел туда наложить. Мы прекрасно знали, что он будет жрать, пока не набьет утробу, а потом найдет себе тенистое дерево где-нибудь на краю города и будет под ним спать, пока не переварит свой ленч.

Кто-то из методистов спрашивал меня про Рики - как у него дела, давно ли от него было письмо? Я старался быть вежливым и отвечать на все вопросы, но обычно мы, Чандлеры, не слишком радовались такому вниманию. А теперь, когда над нами нависла угроза разоблачения тайны Либби Летчер, любое упоминание вслух имени Рики пугало еще больше.

— Передай ему, что мы его часто вспоминаем, - говорили мне. Они всегда так говорили, как будто у нас был телефон и мы каждый вечер звонили ему. - Мы молимся за него, - говорили они.

— Спасибо, - всегда отвечал я.

Любой неожиданный вопрос о Рики мог уничтожить всю радость от такого замечательного события, как Осенний Пикник. Он был в Корее, сидел в окопах в самом пекле, укрываясь от пуль и убивая людей, и не знал, вернется ли когда-нибудь домой, пойдет ли снова в церковь вместе с нами, примет ли участие в пикнике вместе со всем городом, сыграет ли еще в бейсбол против команды методистов. В самый разгар веселья я вдруг почувствовал себя страшно одиноким и напуганным.

«Ничего, переживем», - сказал бы сейчас Паппи. Еда в этом смысле, несомненно, очень помогла. Мы с Деуэйном утащили свои тарелки подальше и ууселись возле первой базы, где было немного тени. По всему полю были расстелены стеганные одеяла, на которых семьями рассаживались участники пикника, прямо на солнце. Тут и там устанавливали зонты; дамы обмахивались веерами, обмахивали детей и свои тарелки. Мексиканцы тесной группой собрались возле правой штрафной линии, подальше от всех остальных. В прошлом году Хуан признался мне однажды, что они не слишком любят жареных кур. В жизни не слышал подобной ереси! Это ж жуть насколько вкуснее, чем какие-то тортильи! - подумал я тогда.

Мои родители и дед с Бабкой сидели на одеяле около третьей базы. После долгих споров и пререканий мне было дано разрешение есть вместе с друзьями - гигантский прогресс для семилетки!

Очередь за тарелками с едой не замирала ни на минуту. К тому времени, когда мужчины отходили к столу, тинейджеры уже прибегали назад, за новой порцией. Мне было довольно и одной тарелки. Хотелось оставить место для мороженого. И вскоре мы уже слонялись около стола с десертом, где на страже стояла миссис Айрин Флэнаган, не допуская вандализма со стороны подобных нам любителей сладкого.

— У вас много шоколадного? - спросил я у нее, оглядывая коллекцию контейнеров с мороженым, ожидающих в тени своей очереди.

— Ох, даже и не знаю, - сказала она улыбаясь. - Несколько контейнеров.

— А миссис Купер принесла свое мороженое с орехами? - спросил Деуэйн.

— Принесла, - ответила миссис Флэнаган, указывая на контейнер в середине. Миссис Купер здорово умела делать мороженое, намешивая в него шоколадное масло с арахисовым. Результат был просто потрясающий! Народ потом с восторгом вспоминал ее мороженое целый год. В прошлом году двое тинейджеров, один баптист, другой методист, чуть было не подрались из-за того, кто должен следующим получить добавку. А пока преподобный Орт восстанавливал мир, Деуэйн умудрился стащить две порции этой вкуснятины. Он удрал с ними подальше и спрятался за каким-то сараем, где сожрал все до последней капли. А потом целый месяц только об этом и вспоминал.

Миссис Купер была вдова. Она жила в хорошеньком маленьком домике через два дома от лавки Попа и Перл, и когда ей нужно было что-нибудь сделать по дому, она просто готовила контейнер орехового мороженого. Тинейджеры появлялись тут же, так что у нее всегда был

самый чистый двор во всем городе. Известно было, что даже взрослые мужчины нередко задерживались у нее, чтобы выдрать парочку сорняков.

– Вам придется подождать, - сказала миссис Флэнаган.

– Долго?

– Пока все не наедятся.

Мы прождали целую вечность. В поле кое-кто из парней постарше и мужчин помоложе уже начали разминаться и перекидываться мячами. Взрослые продолжали разговаривать и общаться, общаться и разговаривать. Я уже начал опасаться, что мороженое все растает. Из Монетта прибыли двое судей, отчего толпа сразу возбудилась. Но их, конечно, следовало прежде накормить, так что пока они были больше озабочены жареными цыплятами, чем бейсболом. Одежда и зонты начали потихоньку убирать с поля. Пикник подходил к концу. Наступало время бейсбольного матча.

Дамы собрались вокруг стола с десертом и начали раздавать сладкое. Деуэйн в итоге получил свое ореховое мороженое. А я выбрал себе парочку шоколадных пирожных с молочным кремом, изготовленных миссис Лу Кайнер. Минут двадцать вокруг стола с десертом творилось настоящее светопреставление, но какой-то порядок все же соблюдался. Оба проповедника стояли в середине толпы и оба поглощали мороженое в не меньших количествах, чем все остальные. Оба судьи от десерта отказались, ссылаясь на жару как основную причину того, что они в конце концов перестали есть.

Потом кто-то крикнул: «Мяч в игру!», и толпа хлынула к задней линии поля. Тренером команды методистов был мистер Даффи Льюис, фермер, живший к западу от города, и, по словам Паппи, человек, мало понимавший в бейсболе. Однако после четырех поражений подряд Паппи гораздо реже высказывал свое невысокое мнение о мистере Льюисе. Судьи позвали тренеров обеих команд на совещание, состоявшееся позади пластины «дома», и они там долгое время обсуждали блэк-оуковскую версию бейсбольных правил. Они тыкали пальцами в сторону забора и столбов, указывали на ветки деревьев, нависавшие над полем, - у каждого были свои правила и свой опыт. Паппи был по большей части не согласен с тем, что говорили судьи, так что споры все продолжались.

Команда баптистов была принимающей в прошлом году, так что нынче мы первыми играли в нападении. Питчером у методистов выступал Бак Прескотт, сын мистера Прескотта по кличке Зубрила, одного из самых крупных землевладельцев в округе Крэйгхед. Баку было чуть за двадцать, и он уже два года учился в университете Арканзаса, что в наших местах было большой редкостью. Он уже выступал питчером в студенческой команде,

но там возникли какие-то проблемы с тренером. Он был левша и всегда бросал крученые; в прошлом году он обыграл нас со счетом девять - два. Когда он вышел к «горке», я понял, что нам нынче будет нелегко. Первый бросок был несильный, навесной и крученный; он пошел высоко и упал в аут, но это все равно было засчитано как страйк, и Паппи тут же стал орать на судью. Первых двух бэттеров Бак не пустил дальше первой базы, следующих двух выбил в аут, а потом вывел из игры моего отца, пустив высокий «флай» в центр поля, где его поймал кто-то из защитников.

У нас питчером был Дьюк Ридли, молодой фермер, у которого было семеро детей; его подачи даже я мог отбить. Он, правда, утверждал, что однажды играл питчером на Аляске, во время войны, но подтвердить это было некому. Паппи считал, что это вранье, а после того, как я посмотрел на его игру в прошлом году, когда его просто закидали мячами, у меня тоже возникли серьезные сомнения по этому поводу. Он отдал первую базу первым трем бэттерам противника, заработав всего один страйк, и я уже начал опасаться, что Паппи вот-вот бросится к «горке» и искалечит его. Тут новый бэттер противника пропустил мяч, и тот попал нашему кэтчеру. Их следующий парень отбил мяч на высокий «флай», влево и недалеко. Нам повезло, когда их шестой бэттер, мистер Лесли Хёрдл - ему уже исполнилось пятьдесят два и он был самым старым игроком в обеих командах - высоко отбил следующий мяч далеко вправо, где наш аутфилдер Бенни Дженкинс, игравший босиком и без перчатки, поймал его голыми руками.

Игра превратилась в дуэль питчера и бэттера, но вовсе не потому, что подачи были сильные, а оттого, что бэттеры обеих команд не могли отбить ни одного мяча. Мы потащились обратно к столу с десертом, где раскладывали по тарелкам последние, уже растаявшие остатки мороженого. К третьему иннингу дамы из обеих конгрегации уже сбились в маленькие тесные группки и занялись сплетнями - для них игра не представляла особого интереса. Где-то неподалеку, в одной из машин, работал радиоприемник, и до меня донесся голос Харри Карая. «Кардиналз» играли против «Кабз», это был финальный матч сезона.

Когда мы с Деуэйном шли от стола с десертом, взяв себе по последнему стаканчику мороженого, то проходили мимо группы в полдюжины молодых женщин, сидевших на одеяле. Они отдыхали и разговаривали. «А сколько ей лет, этой Либби?» - спросила одна из них.

Я остановился, откусил мороженого и стал смотреть поверх их голов в поле, где шла игра, как будто меня вовсе не интересовало, о чем они говорят.

– Ей всего пятнадцать, - ответила другая женщина.

– Она же из Летчеров. Скоро еще принесет.

– Это мальчик или девочка?

– Как я слышала, мальчик.

– А отец кто?

– Без понятия. Она так никому и не сказала.

– Пошли, - сказал Деуэйн, ткнув меня локтем в бок. Мы пошли дальше и приблизились к первой базе. Я так и не разобрался: то ли я испытывал облегчение, то ли испуг. Значит, слух о том, что Либби родила, уже распространился, но отца ребенка так и не установили.

Долго это не протянется, подумал я. И тогда нам конец. У меня будет двоюродный братец по фамилии Летчер, и всем это станет известно.

Жесткая дуэль питчеров закончилась в пятом иннинге, когда игроки каждой команды по шесть раз достигли «дома», заработав по шесть очков. В течение тридцати минут мячи летали во всех направлениях - за штрафные линии, вообще в никуда, мимо зоны страйка, в аутфилд, мимо полевых игроков. Мы дважды меняли питчеров, а потом я понял, что нам грозит беда, потому что Паппи вышел к «горке» и ткнул пальцем в моего отца. Он не был сейчас питчером, но к этому времени других уже не осталось. Он подавал низко, да и иннинг вскоре завершился.

– Мьюзиэл подает! - заорал кто-то. Или он ошибся, или пошутил. Стэн Мьюзиэл мог многое, но никогда раньше не играл питчером. Мы бегом бросились мимо болельщиков к площадке, где были запаркованы машины. Возле «доджа» 1948 года, что принадлежал мистеру Рейфу Хенри, уже собралась небольшая толпа. Приемник был включен на полную громкость, и Харри Карай разорялся вовсю - действительно, Стэн-Настоящий-Мужчина стоял на «горке» и подавал мячи на бэттера «Кабз», Фрэнки Баумхольца, игрока, с которым соревновался весь сезон за титул лучшего отбивающего. Толпа на стадионе «Спортсменз-парк» была в восторге. Харри орал в микрофон. Мы были потрясены, узнав что Стэн играет на «горке».

Баумхольц отбил низкий мяч к третьей базе, и Мьюзиэла отправили назад в центр поля. Я сбегал к нашей первой базе и сказал Паппи, что Стэн только что играл питчером, но он мне не поверил. Я сказал отцу, и он тоже посмотрел на меня с сомнением. Методисты вели со счетом восемь - шесть, кончался седьмой иннинг, и в лагере баптистов росло напряжение. Даже хорошее наводнение не вызвало бы такого волнения, по крайней мере в данный момент.

Было жарко, не меньше чем девяносто пять по Фаренгейту [4]. Игроки

были все мокрые от пота, чистые комбинезоны и белые воскресные рубашки прилипли к телу. И двигались они помедленнее - плата за всех съеденных цыплят и картофельный салат - и недостаточно старались, чтобы угодить Паппи.

Отец Деуэйна не играл, так что они вскоре уехали. Потом ушло еще несколько человек. Мексиканцы все еще торчали под своим деревом возле столба у правой штрафной линии, но теперь уже лежали, растянувшись на траве, и, кажется, спали. Дамы еще более увлеклись своими сплетнями в тени деревьев; им было совершенно безразлично, кто выиграет.

Я сидел в одиночестве на импровизированной трибуне для зрителей и смотрел, как методисты зарабатывают еще три очка в восьмом иннинге. И мечтал о том дне, когда сам выйду на поле и буду мощно отбивать мяч, делать один «хоум ран» за другим, добиваясь невероятных результатов в центре поля. У этих поганых методистов не будет ни малейших шансов на победу, когда я вырасту.

Они выиграли со счетом одиннадцать - восемь; пятый год подряд Паппи приводил команду баптистов к поражению. Игроки обменялись рукопожатиями и немного посмеялись, а потом направились в тень, где их ждал чай со льдом. Паппи не улыбался и не смеялся и никому не пожимал рук. На некоторое время он исчез. Я знал, что он теперь неделю будет дуться.

«Кардиналз» тоже проиграли, со счетом ноль - три. Они закончили сезон, отстав на четыре матча от «Джайантс» и на восемь от «Бруклин доджерс», которые будут теперь выступать против «Янкиз» в «Уорлд сириз» в Нью-Йорке.

Остатки еды уже были собраны и отнесены обратно в машины и грузовики. Столы были вымыты, мусор убран. Я помог мистеру Даффи Льюису разровнять граблями «горку» и «дом», и, когда мы закончили, поле выглядело как новенькое. Еще час заняло прощание со всеми остающимися. Звучали обычные угрозы со стороны проигравшей команды - насчет того, что будет в будущем году, и обычные насмешки победителей. Насколько можно было судить, никто особенно не расстроился, только Паппи.

Когда мы выехали из города, я подумал, что закончился очередной спортивный сезон. Бейсбол начинается весной, когда мы заняты севом и все полны радужных надежд. Бейсбол поддерживал нас все лето, часто он был для нас единственным способом отвлечься от тяжелого труда в поле. Мы слушали репортажи обо всех матчах, а потом долго обсуждали каждую игру, всех игроков и их тактику, пока не начинался репортаж о следующем

матче. Это было в очень значительной мере частью нашей повседневной жизни в течение шести месяцев, но потом она просто переставала существовать. Так же как хлопок.

Когда мы прибыли домой, я был в очень грустном настроении. Теперь уже не слушаешь спортивные репортажи, сидя на передней веранде. Шесть месяцев без голоса Харри Карая. Шесть месяцев без Стэна Мьюзиэла. Я достал свою перчатку и отправился на долгую прогулку по полевой дорожке, подбрасывая мяч в воздух и раздумывая, чем мне теперь заниматься до апреля.

Так впервые в жизни бейсбол разбил мне сердце.

Глава 24

Жара спала в первые дни октября. Ночи стали прохладные, а выезды в поле ранним утром заставляли ежиться от холода. Удушающая влажность исчезла, солнце уже не пекло. К полудню становилось снова жарко, но это была не августовская жара, а к сумеркам воздух заметно свежел. Мы ждали, что жара, может быть, вернется, но этого не произошло. Погода явно менялась, дни становились все короче.

Поскольку солнце уже не так вытягивало из нас силы, мы работали усерднее и собирали больше. Ну и конечно, перемены погоды и смены сезона было вполне достаточно, чтобы Паппи снова заволновался, озаботившись новыми проблемами. Зима была уже не за горами, и он вдруг стал припоминать всякие ужасные истории о не убранном до самого Рождества хлопке, мокнущем под дождями и гниющем на корню.

Поработав месяц в полях, я начал скучать по школе. Занятия должны были начаться в конце октября, и я уже представлял себе, как будет здорово весь день сидеть за партой в окружении друзей, а не посреди стеблей хлопчатника и рядом не будет никаких Спруилов и вообще не о чем будет беспокоиться. Теперь, когда бейсбольный сезон закончился, надо было помечтать о чем-нибудь другом. Это была своего рода дань моему отчаянию при мысли, что теперь мне остается только школа, и больше ничего, к чему можно было бы стремиться.

Возвращение в школу станет для меня настоящим триумфом, потому что на мне будет замечательная новенькая бейсбольная куртка с эмблемами «Кардиналз». В моей коробке из-под сигар, хранившейся в верхнем ящике бюро, лежала огромная сумма, целых 14 долларов 50 центов - результат тяжелого труда и жесткой экономии. Я очень неохотно жертвовал на церковь и с большой оглядкой тратился на кино и поп-корн по субботам, а по большей части все свои заработки складывал в надежное место рядом с фотокарточкой Стэна Мьюзиэла и карманным ножиком с перламутровой ручкой, который мне подарил Рики в тот день, когда отправлялся в Корею.

Я уже хотел заказать эту куртку по каталогу «Сирс-Роубак», но мама настояла, чтобы я подождал окончания сбора урожая. Мы все еще с ним не управились. Доставка товаров почтой обычно занимала две недели, а я твердо намеревался заявиться в класс разодетым, в красной «кардинальской» куртке.

* * *

Однажды ближе к вечеру, когда мы вернулись с поля домой, нас там ждал Стик Пауэрс. Я был с мамой и Бабкой. Мы ушли с поля чуть раньше остальных. Как обычно, Стик сидел в тени под деревом, рядом с пикапом Паппи, и его заспанные глазки свидетельствовали, что до нашего прихода он дрыхнул.

Он приветствовал маму и Бабку, прикоснувшись пальцами к полям своей шляпы, и сказал:

- Добрый день, Рут и Кэтлин.
- Привет, Стик, - ответила Бабка. - Чем можем быть тебе полезны?
- Мне нужен Илай или Джесси.
- Они скоро придут. Что-нибудь случилось?

Стик пожевал травинку, торчавшую у него во рту, потом долго смотрел в поле, как будто озабоченный скверными новостями, которые можно, а может быть, и нельзя сообщать женщинам.

– Так в чем дело, Стик? - спросила Бабка. Ее сын был на войне, так что появление любого мужчины в форме пугало ее. В 1944 году один из предшественников Стика привез ей известие, что мой отец был ранен в бою при Анцио.

Стик еще раз посмотрел на обеих женщин и, видимо, решил, что им можно доверять. И сообщил:

– Тут этот старший из братьев Сиско, Грейди, тот, что сидел в тюрьме за убийство человека в Джонсборо... Ну, в общем, сбежал он на прошлой неделе... И, говорят, вернулся в наши края.

Женщины с минуту молчали. Бабка испытывала облегчение, потому что новости не имели отношения к Рики. А маме уже надоела вся эта возня с семейством Сиско.

– Лучше скажи об этом Илаю, - сказала Бабка. - А нам надо ужином заняться.

Они извинились и пошли в дом. Стик посмотрел им вслед, думая, несомненно, об ужине.

– А кого он убил? - спросил я Стика, как только женщины скрылись внутри.

- Не знаю.
- А как убил?
- Избил лопатой, так мне сказали.

– Вау, наверное, хорошая была драка!

– Наверное.

– Думаете, он за Хэнком охотится?

– Знаешь, я лучше с Илаем поговорю. Где он сейчас?

Я указал в глубину поля. Прицеп с хлопком был едва виден.

– Господи, куда забрался, - пробормотал Стик. - Как думаешь, на машине туда можно доехать?

– Конечно, - сказал я, уже направляясь к его патрульной машине. Мы влезли внутрь.

– Ничего тут не трогай, - предупредил Стик, когда мы уселись на передние сиденья. Я, разинув рот, вытаращился на разные переключатели и радиоприемник. А Стик решил похвастаться на всю катушку. «Вот это радио, - сообщил он, поднимая микрофон. - А вот тут включается сирена, а тут - фары». - Потом взялся за ручку на панели приборов: «А это фарискатель».

– А с кем вы говорите по радио? - спросил я.

– По большей части с участком. С офисом шерифа то есть.

– А где он находится?

– В Джонсборо.

– И прямо сейчас можете их вызвать?

Стик неохотно взял микрофон, поднес его к губам, наклонил голову вбок и, нахмурившись, произнес:

– Четвертый вызывает базу. Отвечайте! - Голос его звучал тише, а слова он произносил быстрее, чем обычно, и с гораздо большей важностью.

Мы ждали. «База» не отвечала. Стик сбил шляпу на другой бок, нажал на кнопку микрофона и повторил: «Четвертый вызывает базу. Отвечайте!»

– А что такое «четвертый»? - спросил я.

– Это я.

– А сколько вас там всего?

– По-разному бывает.

Я смотрел на приемник и ждал, когда «база» отзовется на вызов Стика. Мне казалось невероятным, что человек, сидящий в Джонсборо, может разговаривать с ним вот так, напрямую, а Стик может ему отвечать.

Теоретически так оно, видимо, и должно было происходить, но сейчас «базу» явно не интересовало, где болтается Стик. Он в третий раз сказал в микрофон: «Четвертый вызывает базу. Ответьте мне!» Голос его сейчас звучал немного недовольно.

Но «база» и в третий раз проигнорировала его вызов. Подождав еще

несколько долгих секунд, он опустил микрофон на приемник и сказал:

– Наверное, старина Теодор опять заснул.

– Кто такой Теодор?

– Один из диспетчеров. Все время спит на дежурстве.

И ты тоже, подумал я.

– А сирену можете включить? - спросил я.

– Не-а. Мамашу твою можно испугать.

– А фары?

– Нет, они мне батарею посадят. - Он наклонился к замку зажигания.

Стартер щелкнул и загудел, но не провернулся.

Он попробовал еще раз, и в самый последний момент, когда стартер, казалось, вот-вот окончательно откажет, двигатель все же завелся и заработал, кашляя и стуча. «База» явно выдала Стику самую раздолбанную из всех имевшихся у них машин. Естественно, ведь Блэк-Оук вовсе не был центром криминальной активности.

Но прежде чем он успел включить скорость, я заметил трактор, медленно направляющийся к нам с поля. «Вон они, едут», - сказал я. Он прищурился, посмотрел, потом выключил мотор. Мы вылезли из машины и пошли назад к дереву.

– А ты не хочешь стать помощником шерифа? - спросил Стик.

Ага, и ездить в разбитой патрульной машине, спать по полдня и разбираться со всякими раздолбаями вроде Хэнка Спруила и братьев Сиско? Ну уж нет!

– Я в бейсбол буду играть, - ответил я.

– Где?

– В Сент-Луисе.

– Вон как! - сказал он с этакой улыбочкой, какую взрослые обычно изображают на лице, когда разговаривают с мальцами, склонными помечтать. - Все мальчишки хотят выступить за «Кардиналз».

У меня было еще много вопросов, которые хотелось ему задать, по большей части про его револьвер и пули, которыми тот заряжался. И еще я всегда хотел поближе рассмотреть наручники, понять, как они защелкиваются и открываются. Пока он смотрел на подъезжающий трактор с прицепом, я изучал его револьвер и кобуру - мне очень хотелось еще его порасспрашивать.

Но Стику уже надоело со мной возиться. Он явно хотел, чтобы я ушел. И я отложил свои вопросы.

Когда трактор остановился, Спруилы и часть мексиканцев вылезли из прицепа. Паппи и отец направились прямо к нам, и когда достигли тени под

деревом, в воздухе уже повисло напряжение.

– Чего тебе надо, Стик? - рявкнул Паппи.

Паппи всегда раздражал и сам Стик, и его надоедливое вмешательство в нашу жизнь. Нам урожай надо было убирать, а все остальное значения не имело. А Стик тенью таскался сзади - и в городе, и на нашей собственной земле.

– Так в чем дело, Стик? - повторил Паппи свой вопрос. В тоне его явственно звучало презрение. Он десять часов проработал в поле, собрал пятьсот фунтов хлопка, и он прекрасно знал, что наш помощник шерифа - сущий бездельник.

– Старший Сиско, Грейди, тот, что сидел в тюрьме за убийство, на прошлой неделе сбежал и, я думаю, вернулся домой.

– Ну так поезжай и забери его.

– Вот я его и разыскиваю. Говорят, они что-то задумали...

– Что именно?

– Да кто их знает, этих Сиско... Но они могут заявиться за Хэнком.

– Пусть только заявятся! - сказал Паппи, всегда готовый ввязаться в хорошую драку.

– Говорят, у них есть оружие.

– У меня тоже есть ружья, Стик. Ты скажи этим Сиско, что если я кого-то из них увижу поблизости от моего дома, то просто снесу ему его тупую башку. - Последние слова Паппи прямо-таки прошипел. Даже отцу, кажется, пришлась по вкусу мысль о защите семьи и имущества.

– Ну, здесь-то ничего такого не случится, - сказал Стик. - А вот этому вашему парню скажите, чтобы в город не совался.

– Сам ему скажи! - рявкнул Паппи. - Никакой он не мой парень! И мне плевать, что с ним будет!

Стик посмотрел в сторону переднего двора, где Спруилы занимались своими делами, готовили ужин. Ему явно было неохота идти к ним.

Он повернулся к Паппи и сказал:

– Ты передай ему это, Илай, - и пошел к своей машине.

Машина кашлянула, стартер завыл, потом двигатель все же завелся. Он развернулся и поехал прочь.

* * *

После ужина я смотрел, как отец латает камеру для трактора, когда вдалеке показалась Тэлли. Было уже поздно, но еще не стемнело; она, казалось, старалась держаться в тени, направляясь в сторону силосной ямы. Я внимательно за ней наблюдал, пока она не остановилась и не махнула мне рукой, приглашая следовать за собой. Отец что-то бормотал себе под нос - у него не ладилось с ремонтом шины. Я отступил к дому, потом, держась в тени, обежал вокруг грузовика, и через несколько секунд мы уже шагали по направлению к Сайлерз-Крик.

— Ты куда собралась? - спросил я в конце концов, когда стало понятно, что первой она заговаривать не собирается.

— Не знаю. Просто погулять.

— На речку не пойдешь?

Она тихонько засмеялась, потом сказала:

— А ты бы хотел, а, Люк? Понравилось за мной подглядывать, а?

У меня щеки запылали, и я не нашел что ответить.

— Может быть, попозже, - сказала она.

Я хотел ее спросить про Ковбоя, но эта тема представлялась мне неудобной и слишком личной, так что у меня не хватило пороку затронуть ее. А еще мне хотелось ее спросить, откуда она узнала, что Либби Летчер призналась, что Рики - отец ее ребенка, но и этот вопрос мне было никак не задать. Тэлли всегда была какая-то таинственная, всегда в каком-то странном настроении, но я ее просто обожал. А тот факт, что я сейчас шагаю вместе с ней по узкой тропинке, позволял мне чувствовать себя лет на двадцать старше.

— Чего этому помощнику шерифа было надо? - спросила она.

Я все ей рассказал. Стик ведь не делился с нами никакими секретами, не подлежащими разглашению. Братья Сиско всегда похвалялись своими намерениями, да и сумасбродства у них вполне хватило бы на любую глупость. И я все это передал Тэлли.

Она некоторое время обдумывала это, а потом спросила:

— А Стик не собирается арестовывать Хэнка за убийство этого парня?

Вот тут следовало соблюдать осторожность. Спруилы вечно ссорились друг с другом, но при любом намеке на внешнюю угрозу они тут же сплотят свои ряды.

— Паппи беспокоится, что вы все уедете, - сказал я.

— А какое это имеет отношение к Хэнку?

— Если его арестуют, вы можете уехать.

— Да не уедем мы, Люк. Нам деньги нужны.

Мы остановились. Она смотрела на меня, а я изучал свои босые

ступни.

– Думаю, Стик хочет дожидаться окончания сбора хлопка, - сказал я.

Она восприняла это спокойно, ничего не сказав в ответ, потом повернулась и пошла назад к дому. Я тащился сзади, понимая, что слишком много ей рассказал. Возле силосной ямы она попрощалась и исчезла в темноте.

Несколько часов спустя, когда мне уже давно полагалось спать, я слушал сквозь открытое окно, как Спруилы ругаются и грызутся между собой. Хэнк, как всегда, был в центре скандала. Я не всегда разбирал, о чем они говорят и пререкаются, но, как мне показалось, каждая новая вспышка ссоры возникала после очередного высказывания или действия Хэнка. Они устали, а он - нет. Они вставали еще до рассвета и по крайней мере по десять часов проводили в поле; он же спал столько, сколько хотел, а потом лениво помогал им собирать хлопок.

И он точно продолжал бродить по ночам. Мигель ждал у заднего крыльца, когда мы с отцом вышли из кухни, направляясь за яйцами и молоком к завтраку. Он просил о помощи. Амбар опять подвергся обстрелу; кто-то уже за полночь снова бомбардировал его тяжелыми кусками глины. Мексиканцы были очень утомлены и здорово злились, так что могла возникнуть и драка.

Это было единственной темой разговоров за завтраком. Паппи был настолько зол, что едва мог есть. Было решено, что Хэнка следует выгнать, а если и остальные Спруилы последуют за ним, то мы как-нибудь справимся сами. Десять хорошо отдохнувших и здорово работающих мексиканцев были гораздо более ценны, чем все Спруилы.

Паппи встал из-за стола, чтобы идти на передний двор предъявлять свой ультиматум. Но отец остановил его. И они решили подождать конца рабочего дня, заставив таким образом Спруилов полностью его отработать. Плюс к тому они вряд ли станут складывать свой лагерь на ночь глядя.

Я просто сидел и слушал. Мне хотелось вскочить и пересказать им свой разговор с Тэлли, особенно ту его часть, что ее семье нужны деньги. По моему мнению, никуда они не уедут, да и сами будут рады избавиться от Хэнка. Однако к моим мнениям во время семейных споров и обсуждений не очень-то прислушивались. Я жевал хлебец и старался не пропустить ни единого слова.

– А как быть со Стиком? - спросила Бабка.

– А он тут при чем? - рявкнул в ответ Паппи.

– Ты ж собирался сказать Стику, когда Хэнк тебе будет не нужен.

Паппи откусил ветчины и стал обдумывать сказанное.

Бабка думала гораздо быстрее, кроме того, на ее стороне было то преимущество, что она могла рассуждать хладнокровно, без злости. Она отпила кофе и сказала:

– Думаю, надо вот как сделать. Надо сказать мистеру Спруилу, что Стик хочет забрать Хэнка. И пусть этот парень ночью исчезнет. И он исчезнет, а это самое главное. А Спруилы будут только благодарны, что ты ему помог избежать ареста.

План Бабки был очень хорош. Мама даже чуть улыбнулась. Опять женщины разобрались в ситуации быстрее, чем мужчины.

Паппи не произнес ни слова. Отец быстро покончил с едой и вышел из дому. Солнце едва поднялось над вершинами далеких деревьев, а день уже был полон событий.

* * *

После ленча Паппи заявил: «Люк, мы едем в город. Прицеп полон».

Прицеп вовсе не был еще полон, а кроме того, мы никогда не отвозили хлопок в джин в середине дня. Но я не стал спорить. Паппи явно что-то затеял.

Когда мы прибыли к джину, впереди нас в очереди оказалось только четыре прицепа. А обычно в это время сбора урожая их здесь скапливалось по крайней мере десять, но ведь мы всегда приезжали после ужина, когда здесь уже было не протолкнуться. «Днем сюда хорошо приезжать», - заметил Паппи.

Он оставил ключи в замке зажигания и, когда мы отошли от пикапа, сказал:

– Мне надо в кооператив зайти. Пошли на Мэйн-стрит.

Меня это вполне устраивало.

В городе Блэк-Оук было три сотни жителей, и практически все они проживали в пяти минутах ходьбы от Мэйн-стрит. Я часто думал, как здорово было бы иметь маленький аккуратненький домик на тенистой улице в двух шагах от лавки Попа и Перл и от кинотеатра «Дикси» и чтобы вокруг - никакого хлопка.

На полпути к Мэйн-стрит мы вдруг резко свернули в сторону. «Перл хочет тебя видеть», - сказал Паппи, указывая вправо, на дом Уотсонов. Я

никогда не бывал у Попа и Перл дома, для этого не было никаких причин, но, конечно же, видел этот дом. Он был один из немногих в городе, построенных их кирпича.

– Что? - спросил я, совершенно обескураженный.

Он не ответил, и я просто пошел за ним следом.

Перл ждала нас у дверей. Когда мы вошли, я почувствовал густой и сладкий аромат какой-то стряпни, но был слишком ошарашен, чтобы осознать, что она хочет меня чем-то угостить. Она погладила меня по голове и подмигнула Паппи. В углу, согнувшись пополам и спиной к нам, с чем-то возился Поп. «Иди сюда, Люк», - сказал он, не оборачиваясь.

Я уже слышал, что они купили телевизор. Первый у нас в округе был приобретен год назад мистером Харви Глисоном, владельцем банка, но он жил замкнуто, и, насколько нам было известно, его телевизора никто не видел. У нескольких членов нашей церковной общины были родственники в Джонсборо, и у тех имелись телевизоры, так что когда наши отправлялись туда в гости, то по возвращении не переставая рассказывали об этом чудесном новом изобретении. Деуэйн видел однажды телевизор в витрине магазина в Блайтвилле, после чего невыносимо долго ходил по школе с ужасно важным видом.

– Садись вот здесь, - сказал Поп, указывая на место на полу прямо перед телевизором. Он все еще настраивал его с помощью ручек управления. - «Уорлд сириз», - пояснил он. - Третий матч. «Доджерс» играют на стадионе «Янки».

У меня аж сердце замерло и нижняя челюсть отпала. Я был так поражен, что не мог пошевелиться. В трех футах от меня был маленький экран, по которому плясали полосы. Он размещался в центре темного деревянного футляра, а под целым рядом ручек серебром отсвечивала надпись «Моторола». Поп повернул одну из ручек, и мы вдруг услышали скрипучий голос комментатора, объявившего что мяч ушел к шорт-стопу. Потом Поп повернул сразу две ручки, и на экране возникло изображение.

На экране шел бейсбольный матч. Он передавался напрямую со стадиона «Янки», и мы смотрели его в Блэк-Оуке, штат Арканзас!

Позади меня задвигались стулья, и я почувствовал, что Паппи садится поближе. Перл не очень интересовалась игрой. Она некоторое время возилась в кухне, а потом вышла оттуда, неся тарелку с шоколадными пирожными и стакан молока. Я принял все это и поблагодарил ее. Пирожные были прямо из духовки и пахли потрясающе. Но есть в такой момент я был просто не в состоянии.

Эд Лоупат был питчером у «Янкиз», а у «Доджерс» подавал Причер

Роу. За «Янкиз» также играли Микки Мэнтл, Йоги Берра, Фил Ридзутто, Хэнк Бауэр, Билли Мартин, а за «Доджерс» Пи-Уи Риз, Дьюк Снайдер, Рой Кампанелла, Джеки Робинсон и Джил Ходжес. И все они были тут, в гостинной Попа и Перл, одновременно выступая перед шестьюдесятью тысячами зрителей на стадионе «Янки». Я был настолько заворочен, что просто онемел. Я просто смотрел на экран, видел все это, но не верил собственным глазам.

– Ешь пирожные, Люк, - сказала Перл, проходя через комнату. Это было больше похоже на приказ, чем на приглашение, и я откусил кусочек.

– За кого болеешь? - спросил Поп.

– Не знаю, - пробормотал я, поскольку действительно не знал. Я привык ненавидеть обе эти команды. Ненавидеть их было легко, когда они были далеко от нас, в Нью-Йорке, в другом мире. Но сейчас они были в Блэк-Оуке и играли в игру, которую я очень любил, пусть сейчас ее передавали со стадиона «Янки». Моя ненависть к ним вдруг куда-то испарилась. «За „Доджерс“, наверное», - сказал я.

– Надо всегда болеть за Национальную лигу, - сказал Пап-пи позади меня.

– Да, наверное, - неуверенно ответил Поп. - Только ведь за «Доджерс» болеть трудновато...

Игру передавал в наш мир канал-5 из Мемфиса, это был филиал «Нэшнл бродкастинг компани», не знаю, что это такое. В перерывах давали рекламу сигарет «Лаки Страйк», «кадиллаков», кока-колы, компании «Тексако». Все паузы между иннингами заполняла реклама, а когда она заканчивалась, изображение на экране снова менялось и мы опять оказывались на стадионе «Янки». Это было потрясающее впечатление, оно меня захватило целиком и полностью. На целый час я словно перенесся в другой мир!

У Паппи были дела в городе, так что в какой-то момент он ушел и отправился на Мэйн-стрит. Я не слышал, как он уходил, только когда началась реклама, понял, что его нет.

Йоги Берра сделал «хоум ран», и когда я смотрел, как он обегает все базы на виду у шестидесяти тысяч фанатов, понял, что никогда больше не смогу должным образом ненавидеть команду «Янкиз». Там же играют сплошные спортивные легенды! Самые замечательные игроки самой замечательной команды, какая когда-либо играла в бейсбол. Я немного расслабился душой, но решил, что все эти свои новые чувства мне лучше держать при себе. Паппи не потерпит в своем доме идиотов, симпатизирующих «Янкиз»!

В середине девятого иннинга Берра пропустил поданный питчером мяч мимо себя. «Доджерс» заделали два «рана», получив два очка, и выиграли матч. Перл завернула пирожные в фольгу и дала их мне с собой. Я поблагодарил Попа за то, что они позволили мне разделить с ними это необыкновенное приключение, и спросил, нельзя ли мне будет прийти посмотреть, когда будут играть «Кардиналз».

– Конечно, - ответил он. - Только это еще не скоро будет.

Возвращаясь обратно к джину, я задал Паппи несколько вопросов о том, как работает телевизор. Он долго говорил что-то о сигналах и трансляционных башнях, туманно и запутанно, и в конечном итоге признался, что и сам мало что в этом понимает, поскольку изобретение-то это совсем недавнее. Я спросил, когда и мы сможем купить телевизор. «Да на этих днях», - ответил он так, что это означало «никогда». И я устыдился своего вопроса.

Мы притащили пустой прицеп обратно на ферму, и я отправился собирать хлопок до самого конца рабочего дня. А за ужином слово было предоставлено одному мне. И я не переставая рассказывал об игре, о рекламе и вообще обо всем, что увидел по телевизору у Попа и Перл.

Современная Америка потихоньку вторгалась в деревенский Арканзас.

Глава 25

Перед самыми сумерками отец и мистер Леон Спруил пошли прогуляться возле силосной ямы. Отец объяснил ему, что Стик Пауэрс хочет арестовать Хэнка за убийство Джерри Сиско. А поскольку от Хэнка все равно одни неприятности, то нынче для него самый подходящий момент раствориться в ночи и вернуться к себе в горы. В конечном итоге мистер Спруил воспринял все это нормально и больше не угрожал уехать всем семейством. Тэлли была права: им были нужны деньги. И им самим до смерти надоел Хэнк. Получалось, что они останутся у нас и уберут урожай до конца.

Мы сидели на передней веранде, смотрели и прислушивались. Но не слышали резких слов и не видели признаков свертывания лагеря. Незаметно было и чтобы Хэнк собирался смотаться. В сумерках было видно, как он там мелькает, двигаясь по лагерю, присаживаясь у костра, роется в поисках остатков от ужина. Потом Спруилы по одному отправились спать. И мы тоже.

Я прочитал все молитвы и теперь лежал в постели Рики совсем без сна, размышляя о «Янкиз» и «Доджерс», когда откуда-то издали донеслись голоса спорящих. Я прокрался к окну и выглянул наружу. Вокруг было темно и тихо, какое-то время я ничего не видел. Потом тени сместились, и я увидел, что возле дороги стоят мистер Спруил и Хэнк, стоят лицом к лицу и говорят одновременно. Я не слышал, что именно они там говорят, но было понятно, что оба здорово сердиты.

Было бы слишком обидно пропустить такое. Я пробрался в коридор и постоял, пока не убедился, что все взрослые спят. Тогда я прокрался через гостиную, открыл дверь с сеткой, вылез на переднюю веранду, спустился по ступенькам и сиганул в заросли кустарника на восточной стороне нашего участка. На небе была половинка луны, там и сям виднелись облака. Через несколько минут я тихонько подобрался к самой дороге. К спору тем временем присоединилась и миссис Спруил. Они спорили по поводу драки с братьями Сиско. Хэнк непреклонно стоял на том, что он ни в чем не виноват. Родители же не хотели, чтобы его арестовали.

— Да я убью этого жирного помощника шерифа! - рычал он.

— Отправляйся-ка ты лучше домой, сынок, пусть здесь все остынут, - повторяла миссис Спруил.

— Чандлеры хотят, чтобы ты отсюда исчез, - сообщил в какой-то

момент разговора мистер Спруил.

– У меня в кармане больше денег, чем у этих недоумков когда-нибудь будет, - мрачно заявил Хэнк.

Спор продолжался по нескольким направлениям сразу. Хэнк скверно отзывался о нас, о мексиканцах, о Стике Пауэрсе, о братьях Сиско, о населении Блэк-Оука в целом, он даже нашел несколько изысканных выражений в адрес собственных родителей, Бо и Дэйла. Лишь Тэлли и Трот остались незатронутыми. Словечки с его языка срывались все хуже и хуже, голос становился все громче, но мистер и миссис Спруил не отступали.

– Ну ладно, - сказал в итоге Хэнк. - Я уйду.

И кинулся к палатке за вещами. Я пробрался к самому краешку дороги, потом быстро пересек ее и упал в глубине зарослей хлопка Джетеров на другой ее стороне. Теперь мне был прекрасно виден весь наш передний двор. Хэнк складывал в старый холщовый мешок еду и одежду. Я решил, что он пешком доберется до шоссе, а дальше будет голосовать и поедет на попутных. Я пролез сквозь ряды хлопчатника и пополз по краю неглубокой канавы по направлению к реке. Я хотел увидеть Хэнка, когда он будет проходить мимо.

Они еще поспорили, потом миссис Спруил сказала:

– Мы вернемся домой через несколько недель.

На этом разговор закончился, и Хэнк протопал мимо меня, шагая по середине дороги и закинув за плечо свой мешок. Я добрался до края поля и стал смотреть, как он идет к реке.

Я невольно улыбнулся. Теперь на нашей ферме восстановится мир. Я уселся на землю и сидел там довольно долго после того, как Хэнк исчез в темноте, и благодарил звезды за то, что он в конце концов отвалил отсюда.

Я уже собирался было начать продвижение назад, когда прямо против меня, по ту сторону дороги, что-то внезапно зашевелилось. Чуть зашелестели стебли хлопчатника, из них поднялся человек и сделал шаг вперед. Он низко пригнулся и двигался быстро, явно стараясь, чтобы его не заметили. Оглянулся назад, на дорогу, потом на наш дом, и тут луна на мгновение осветила его лицо. Это был Ковбой.

Несколько секунд я сидел неподвижно, боясь двинуться. Я был в полной безопасности на этой стороне от дороги, на поле Джетеров, укрывшись в их хлопке. Мне хотелось назад, домой, в постель Рики.

Но еще больше мне хотелось узнать, что затеял Ковбой.

Ковбой постоял в неглубокой канаве, потом быстро и беззвучно двинулся вперед. Он делал несколько шагов, останавливался и прислушивался. Продвигался чуть вперед и замирал на месте. Я был в ста

футах позади него, все еще на поле Джетеров, продвигаясь за ним так быстро, как позволяли условия. Если он меня услышит, я просто нырну в густые заросли хлопка.

Вскоре впереди показалась сгорбленная фигура Хэнка. Он по-прежнему шагал по середине дороги, особенно не торопясь. Ковбой замедлил шаг, я тоже.

Я был босиком, так что если я наступлю на щитомордника, мне угрожает ужасная смерть. Ступай домой, твердил мне внутренний голос. Отваливай отсюда.

Если Ковбой собирается драться, то чего он ждет? Ферма уже скрылась из виду, ничего не слышно. Но впереди уже завиднелась река; может быть, Ковбой хотел добраться до нее.

Когда Хэнк приблизился к мосту, Ковбой ускорил шаг и тоже пошел по середине дороги. Я продолжал двигаться по краю хлопкового поля, я уже сильно вспотел и начал задыхаться. И все думал, что за глупость пришла мне в голову.

Хэнк достиг реки и вступил на мост. Ковбой перешел с шага на бег. Когда Хэнк прошел уже полпути по мосту, Ковбой приостановился, размахнулся и бросил вперед камень. Он упал на доски настила рядом с Хэнком, который тоже остановился и быстро повернулся назад. «А-а-а, - сказал он. - Ну иди сюда, „мокрая спина“!»

Ковбой не остановился ни на секунду. Он уже был на мосту, шагал, чуть наклонившись вперед и не выказывая никакого страха, а Хэнк стоял и ждал его, ругаясь. На вид Хэнк был в два раза больше Ковбоя. Сейчас они встретятся посередине моста, и, никаких сомнений, один из них скоро очень сильно вымокнет.

Когда они сблизились, Ковбой внезапно замахнулся и кинул еще один камень, с расстояния всего в пару шагов. Хэнк пригнулся и камень в него не попал. Тогда он бросился на Ковбоя. Раздался щелчок выкидного ножа, и в дело вступило лезвие. Ковбой держал свое оружие высоко. Хэнк остановился на мгновение и махнул своим мешком. Мешок попал Ковбою по голове и сбил с него шляпу. Теперь они ходили кругами по узкому мосту, выбирая удобный момент для нападения. Хэнк рычал и ругался, не сводя глаз с ножа, а потом сунул руку в мешок достал оттуда какую-то банку. Ухватил ее, как бейсбольный мяч, и приготовился метнуть. Ковбой низко пригнулся, чуть согнув колени, и ждал момента. Обходя друг друга кругами, они приблизились к краю моста.

Хэнк издал мощный рык и изо всех сил метнул свою банку в Ковбоя, который был меньше чем в десяти футах от него. И она угодила ему куда-то

в шею или в горло, не могу сказать точно, и Ковбой покачнулся. Казалось, он сейчас упадет. Хэнк швырнул в него свой мешок и сам бросился в атаку. Но Ковбой с поразительной быстротой перекинул нож в левую руку, достал правой из кармана еще один камень и швырнул его в Хэнка - да так сильно, как ни разу не подавал мяч, когда стоял питчером. Камень попал Хэнку куда-то в лицо. Я не видел, куда именно, но прекрасно слышал звук удара. Хэнк вскрикнул и схватился за лицо, а когда пришел в себя, было уже слишком поздно.

Ковбой сделал низкий выпад. Нож воткнулся Хэнку в живот. Хэнк издал болезненный вопль, полный ужаса.

Ковбой выдернул лезвие и ударил снова. И еще раз, и еще. У Хэнка подогнулось колено, потом и другое. Рот его был широко открыт, но он больше не издавал ни звука. Он просто смотрел на Ковбоя, и на его лице застыло выражение ужаса.

Ковбой еще несколько раз взмахнул ножом, довершая дело. Удары были быстрые и жестокие. Когда Хэнк упал и замер в неподвижности, Ковбой быстро обшарил карманы его штанов и обобрал его. Потом оттащил тело к краю моста и сбросил вниз. Труп с сильным всплеском упал в воду и тут же погрузился. Ковбой осмотрел содержимое мешка, не нашел в нем ничего подходящего и тоже бросил его вниз. А потом долго стоял на краю моста и смотрел на воду.

У меня не было никакого желания последовать за Хэнком, так что я закопался поглубже между двумя рядами хлопка и пригнулся так низко, что и сам бы себя тут не нашел. Сердце колотилось так быстро, как никогда в жизни. Меня всего трясло, я был мокрый от пота, я плакал и молился одновременно. Мне бы надо было сейчас лежать в постели, спать в полной безопасности, когда родители в соседней комнате, а дед с Бабкой - чуть дальше по коридору. Но сейчас они были страшно далеко. А я сидел в неглубокой канавке, одинокий и перепуганный, и мне грозила нешуточная опасность. Я только что видел такое, во что все еще не мог поверить.

Не знаю, сколько времени Ковбой простоял там, на мосту, глядя на воду в желании удостовериться, что тело Хэнка унесло. Луну все время закрывали набегающие облака, и я едва его различал во мраке. Потом их немного разнесло, и я снова его увидел - стоит себе как стоял, сдвинув набок свою грязную ковбойскую шляпу. Некоторое время спустя он сошел с моста на берег и спустился к воде, чтобы вымыть нож. Снова постоял немного, глядя на реку, потом повернулся и пошел по дороге. Когда он проходил мимо меня, нас разделяло всего футов двадцать, и я чувствовал себя так, словно меня закопали по крайней мере на два фута в землю.

Я ждал и ждал, кажется, целую вечность, пока он не пропал из виду, пока не исчезла малейшая возможность, что он может меня услышать, а потом выбрался из своего убежища и начал пробираться назад домой. Я не представлял, что буду делать, когда попаду туда, но там я буду в безопасности. И уж что-нибудь придумаю.

Я старательно пригибался, пробираясь сквозь густые заросли гумая, покрывавшие весь край поля. Мы, фермеры, ненавидели этот сорняк, но сейчас впервые в жизни я был ему очень благодарен. Мне хотелось ускорить шаг, даже броситься бегом прямо по дороге и как можно скорее добраться до дома. Но я сильно боялся и еле передвигал ноги. Страх и усталость одолевали меня, временами я просто не мог идти. Прошла целая вечность, прежде чем я разглядел очертания нашего дома и амбара. Я осмотрел дорогу впереди, уверенный, что Ковбой прячется где-то поблизости, обеспечивая себе тыл и фланги. Я пытался не думать о Хэнке. Я был слишком озабочен тем, чтобы добраться до дому.

Когда я остановился, чтобы перевести дух, то уловил несомненный запах мексиканца. Они редко мылись, и после нескольких дней сбора хлопка от них начинало очень характерно разить.

Запах быстро исчез, и через минуту или две, с трудом отдышавшись, я уже начал думать, что он мне просто почудился. Однако, решив не рисковать, я снова отошел поглубже в заросли хлопка Джетеров и медленно направился к востоку, продираясь сквозь ряды хлопчатника, но не производя никакого шума. И когда увидел белые крыши палаток в лагере Спруилов, то понял, что уже почти добрался до дома.

Что мне теперь рассказать о Хэнке? Правду, и ничего кроме. Я и так уже знал слишком много тайн. Еще для одной уже места не было, особенно для такой мрачной. Сейчас я заберусь обратно в комнату Рики и попытаюсь немного поспать, а утром, когда отец пойдет за яйцами и молоком, все ему расскажу. О каждом шаге, о каждом движении, о каждом ударе ножом - отец узнает все. И они с Паппи поедут в город, чтобы сообщить об убийстве Стику Пауэрсу, и Ковбоя посадят в тюрьму еще до ленча. А потом повесят, видимо, еще до Рождества.

Хэнк был мертв. Ковбой будет в тюрьме. Спруилы соберут свои манатки и уедут, но это мне было безразлично. У меня не было никакого желания еще раз видеть кого-либо из Спруилов, даже Тэлли. Я хотел, чтобы все они убрались с нашей фермы и из нашей жизни.

Еще я хотел, чтобы Рики вернулся домой и чтобы Летчеры тоже уехали. Тогда все у нас снова будет в полном порядке.

Мне осталось только быстро пробежать до нашей передней веранды, и

я решил, что пора. Нервы у меня были вымотаны, терпение кончилось. Я уже несколько часов прятался и здорово устал от этого. Я пробрался к самому краю хлопкового поля, перешагнул через канаву и ступил на дорогу. Низко пригнувшись, я секунду прислушивался, а потом рванул вперед. Через два, может, три шага сзади раздался какой-то звук, и чья-то рука схватила меня за ноги. Я упал. Ковбой навалился сверху, поставив колено мне на грудь и держа лезвие своего ножа в дюйме от моего носа. Его глаза сверкали. «Тихо!» - прошипел он.

Оба мы тяжело дышали и истекали потом; от него мерзко пахло - никаких сомнений, это был тот самый запах, что я почуял пару минут назад. Я перестал барахтаться и стиснул зубы. Его колено больно давило мне на грудь.

– На реке был? - спросил он.

Я отрицательно замотал головой. Пот с него капал мне прямо на лицо, от него жгло глаза. Он чуть качнул лезвием, как будто я его мог не заметить.

– А где ж ты был?

Я снова замотал головой - говорить я не мог. И тут понял, что меня всего трясет, все тело содрогалось от страха.

Когда он понял, что я не в состоянии произнести ни слова, он постучал кончиком лезвия мне по лбу.

– Скажешь хоть слово о том, что видел нынче, и я зарежу твою мать! - медленно произнес он. Его глаза при этом сказали больше, чем его слова. - Зарежу! Понял?

Я яростно закивал. Он встал и зашагал прочь, быстро исчезнув в темноте и оставив меня валяться на дороге, в пыли и грязи. Я заплакал и пополз в сторону. И сумел добраться до нашего пикапа, прежде чем потерял сознание.

* * *

Утром меня обнаружили под кроватью в спальне родителей. Поднялся ужасный шум: родители орали на меня и все время расспрашивали обо всем - о грязной одежде, о кровавых царапинах на руках, почему это я сплю под их кроватью и так далее. Я воспользовался этим и успел сочинить

целую историю: якобы мне приснился ужасный сон, что Хэнк утонул! И я пошел проверить, так ли это на самом деле.

– Ты ходил во сне! - сказала мама недоверчиво, и я тут же ухватился за эту мысль.

– Ага, наверное, - сказал я и закивал. В голове у меня все перемешалось - я смертельно устал и напуган был тоже до смерти, так что даже не понимал, произошло ли то, что я увидел на реке, в реальности или это действительно мне всего лишь приснилось. И меня бросало в ужас при мысли о новой встрече с Ковбоем.

– С Рики тоже такое бывало, - заметила Бабка из коридора. - Я его однажды отловила возле силосной ямы.

Ее замечание всех немного успокоило. Меня отвели в кухню и усадили за стол. Мама пыталась меня отчистить от грязи, а Бабка тем временем занималась порезами от гумая на моих руках. Мужчины, убедившись, что все приходит в норму, отправились собирать яйца и доить корову.

Мощная гроза разразилась как раз в тот момент, когда мы сели завтракать. Ее грохот был для меня огромным облегчением: еще несколько часов нам не надо будет ехать в поле, и я пока что не увижу Ковбоя.

Все смотрели на меня, пока я ел. В какой-то момент я решил их успокоить.

– Да я в полном порядке, - сообщил я им.

Дождь тяжело лупил по крыше, заглушая разговор, так что мы ели в молчании. Мужчины беспокоились о хлопке, женщины беспокоились обо мне.

На меня же свалилось столько всякого беспокойства, что хватило бы на всех нас.

– Можно, я потом доем? - спросил я, чуть отодвигая тарелку. - Очень спать хочется...

Мама решила, что мне действительно лучше лечь в постель и спать, сколько будет нужно. Пока женщины убирали со стола, я подошел к маме и шепотом попросил ее полежать со мной. Конечно, она согласилась.

Она уснула раньше меня. Мы с ней легли в их с отцом постель; в их спальне было полутемно, все еще прохладно, и я чувствовал себя в полной безопасности, слушая шум дождя и голоса наших мужчин, все еще пивших кофе на кухне, совсем недалеко.

Мне хотелось, чтобы дождь продолжался вечно. Тогда и мексиканцы, и Спруилы уедут. Ковбоя тоже увезут обратно туда, где он может резать и пырять своим ножом всех, кого угодно, и я об этом и знать-то не буду. А на следующее лето, когда все начнут строить планы насчет уборки нового

урожая, я уж как-нибудь добыюсь, чтобы Мигель и его банда больше в нашем округе не появлялись.

Мне хотелось, чтобы мама всегда была рядом, а отец где-нибудь поблизости. Мне хотелось спать, но когда я закрыл глаза, то тут же увидел Хэнка и Ковбоя на мосту. Мне вдруг страшно захотелось, чтобы Хэнк оказался все там же, в лагере Спруилов, копался бы там в поисках оставшегося хлебца и, как раньше, швырялся бы по ночам камнями в амбар. Тогда все, что случилось, окажется просто дурным сном.

Глава 26

Весь день я не отходил от мамы, уже после того, как гроза прошла, после ленча, после того, как все остальные отправились в поле, а мы остались дома. Родители о чем-то пошептались, отец нахмурился, но мама настояла на своем. Бывают такие моменты, когда маленьким мальчикам просто необходимо побыть с матерью. А я боялся даже выпустить ее из виду.

От одной только мысли рассказать о том, что я видел на мосту, у меня начинали дрожать колени. Я пытался выбросить из головы мысли об убийстве и о том, чтобы рассказать о нем, но ни о чем другом просто не мог думать.

Мы с мамой собирали овощи в огороде. Я следовал за ней с соломенной корзиной в руках, озираясь во все стороны, готовый к тому, что Ковбой вдруг выпрыгнет откуда-нибудь и убьет нас обоих. Я даже чувствовал его запах, ощущал его присутствие, слышал его. Я как будто видел, как его злобные светлые глаза следят за каждым нашим движением. И все время помнил прикосновение кончика его ножа к своему лбу.

Я думал только о нем, и ни о чем другом, и держался поближе к маме.

— Что с тобой, Люк? - не раз спрашивала она. Я понимал, что не отвечаю ей, но не мог заставить себя говорить. У меня в ушах все время звенело. И мир вокруг словно замедлил свое движение. Мне просто нужно было куда-нибудь спрятаться.

— Да ничего, - отвечал я. У меня даже голос стал другой - низкий и хриплый.

— Все еще чувствуешь усталость?

— Да, мэм.

Да я еще месяц готов чувствовать себя усталым, если это поможет мне не ездить в поле и держаться подальше от Ковбоя!

Мы остановились, чтобы осмотреть покрасочные работы Трота. Поскольку мы остались дома и не поехали собирать хлопок, Трота видно не было. Вот если бы мы уехали, он тут же возвратился бы и снова взялся за работу. Восточная стена уже была вся выкрашена снизу, фута на три в высоту, от самого фасада почти до задней стены. Покраска была чистая и аккуратная - явно работа человека, которому некуда спешить.

При нынешних темпах Трот никак не успевал закончить покраску дома до того, как Спруилы уедут. А что будет потом, когда они уедут? Не можем

же мы жить в доме с двухцветной восточной стеной...

Но сейчас у меня были гораздо более важные поводы для беспокойства.

Мама решила, что надо «заготовить», то есть законсервировать некоторое количество помидоров. Они с Бабкой обычно тратили кучу времени летом и в начале осени, «заготавливая» овощи с нашего огорода - помидоры, горох, бобы, окру, салатную горчицу, кукурузу. К первому ноября полки в кладовке будут все уставлены квартовыми банками с консервами по четыре вглубь - достаточно, чтобы кормить нас всю зиму и начало весны. И еще, конечно же, они консервировали некоторое количество дополнительно - для тех, кому может потребоваться помощь. Я был уверен, что мы опять будем поставлять еду Летчерам, поскольку теперь они нам родня.

Сама мысль об этом приводила меня в ярость, но опять же сейчас Летчеры меня больше не волновали.

Моя работа заключалась в чистке помидоров. Очищенные, они нарезались на ломтики и укладывались в огромные кастрюли, в которых варились до готовности, а потом раскладывались по банкам в одну кварту с добавлением в каждую по столовой ложке соли и закрывались новыми герметичными крышками. Банки эти мы использовали из года в год, но крышки всегда покупали новые. Самая небольшая течь из-под крышки - и все содержимое банки может испортиться; это всегда было неприятным событием, когда зимой Бабка или мама открывали новую банку, а ее содержимое нельзя было есть. Но такое бывало редко.

Должным образом укупоренные и запечатанные, эти банки потом устанавливались в огромную скороварку, наполовину залитую водой. В ней они должны были покипеть под давлением в течение получаса, чтобы из них вышел лишний воздух и чтобы улучшить герметичность. Бабка с мамой всегда разводили жуткую суету с этим своим консервированием. Для женщин это было еще одним источником гордости, я частенько слышал, как наши дамы в церкви хвастаются тем, сколько банок бобов или еще чего они «заготовили».

За консервирование принимались сразу же, как только начинал плодоносить огород. Меня иногда заставляли помогать, и я это дело всегда ненавидел. Но не сегодня. Сегодня я был вполне доволен, сидя в кухне с мамой, а Ковбой был в поле, далеко отсюда.

Я стоял возле кухонной раковины с острым ножом в руке, и когда я разрезал первый помидор, вдруг вспомнил Хэнка на мосту. Кровь, выкидной нож, крик боли после первого удара, потом молчаливое

выражение ужаса и следующие удары. Хэнк, я думаю, сразу понял, что сейчас его зарежет человек, который такое уже делал. Понял, что он уже труп.

Падая, я ударился головой о ножку кухонного стула. Когда я очнулся, то увидел, что лежу на софе, а мама прикладывает лед к шишке у меня над правым ухом. Она улыбнулась и сказала:

– Ты в обморок упал, Люк.

Я попытался что-то ей ответить, но у меня совсем пересохло в глотке. Мама дала мне попить воды и сказала, что некоторое время мне придется побыть дома и никуда не ходить.

– Все еще чувствуешь усталость? - спросила она.

Я кивнул и закрыл глаза.

* * *

Дважды в год власти округа присылали несколько грузовиков гравия для ремонта нашей дороги. Грузовики сваливали его, а следом за ними появлялся грейдер и разравнивал гравий по дорожному полотну. Грейдером управлял один старик, он жил неподалеку от Карауэя. На одном глазу он носил черную нашлепку, а вся левая сторона лица была в шрамах и так изуродована, что, когда я его видел, меня всего передергивало. Он был ранен на Первой мировой, как говорил Паппи, который также утверждал, что знает об этом старике больше, чем тому хотелось бы. Отис его звали.

У этого Отиса имелись две обезьянки, которые помогали ему разравнивать дорогу вокруг Блэк-Оука. Это были два маленьких черненьких зверька с длинными хвостами, они все время носились по раме грейдера, иногда свешиваясь даже с его отвального ножа и почти касаясь пыльной земли и гравия. Иногда они сидели у него на плечах, или на спинке его сиденья, или на длинном вале, что соединяет рулевое колесо с передними колесами. И пока Отис двигал свой грейдер по дороге то вперед, то назад, переключал рычаги, меняя направление и угол наклона отвала и плюясь во все стороны жеваным табаком, обезьяны прыгали и кувыркались рядом без малейшего страха и вообще, кажется, всюю наслаждались жизнью.

Если по какой-либо ужасной причине нам, ребятам, не удастся попасть

в состав «Кардиналз», многие из нас очень хотели бы стать водителями грейдера. Это была огромная мощная машина, а управлял ею всего один человек, двигал всеми этими рычагами, которые надо уметь точно переключать, чтобы руки и ноги работали очень согласованно. Кроме того, ровные дороги чрезвычайно важны для фермеров сельскохозяйственного Арканзаса. Немногие профессии были столь же важными, во всяком случае, по нашему мнению.

Мы не имели понятия, сколько за это платят, но были уверены, что эта специальность приносит больше доходов, чем фермерство.

Когда я услышал звук дизельного мотора, то сразу понял, что это Отис приехал. Мы с мамой, держась за руки, вышли к самому краю дороги, и вот вам, пожалуйста - между нашим домом и мостом уже возвышались три кучи свежего гравия. Отис уже разравнивал его, медленно продвигаясь в нашу сторону. Мы отошли назад, под дерево, и стали смотреть.

В голове у меня прояснилось, я чувствовал себя нормально. Мама по-прежнему придерживала меня за плечо, как будто опасаясь, что я снова грохнусь в обморок. Когда Отис подъехал ближе, я сделал шаг к дороге. Двигатель грейдера ревел, его отвал смешивал гравий с пылью. Нашу дорогу ремонтировали - очень важный момент в нашей жизни.

Отис иногда махал нам в знак приветствия, а иногда - нет. Мне было хорошо видны его шрамы и черная нашлепка на глазу. Ох, сколько вопросов я готов был ему задать!

И еще я видел только одну обезьянку. Она сидела на раме грейдера, рядом с рулевым колесом, и выглядела очень грустной. Я осмотрел весь грейдер в поисках ее подруги, но никаких других обезьян там не было.

Мы помахали Отису, который посмотрел на нас, но не помахал в ответ. В нашем мире это считалось ужасной грубостью, но ведь Отис был из совсем другого мира. Из-за полученных на войне шрамов у него не было ни жены, ни детей, ничего, кроме одиночества.

Вдруг грейдер остановился. Отис повернулся и посмотрел на меня своим единственным целым глазом, а потом махнул, приглашая подняться к нему. Я тут же подался к грейдеру, а мама бросилась вперед, чтобы сказать «нет». Отис прокричал: «Все будет в порядке! Ничего ему не сделается!», но это не имело никакого значения: я уже забирался к нему наверх.

Он ухватил меня за руку и втащил на площадку, на которой сидел сам. «Стой здесь, - ворчливо велел он, ткнув пальцем в место рядом с собой. - И держись вот за это». Я ухватился за какую-то ручку рядом с другим, очень важным с виду, рычагом, к которому боялся прикоснуться. Я поглядел вниз на маму, которая стояла, упревая руки в боки. Она качала головой, как будто

готова была меня удушить, но тут я заметил у нее на губах слабую улыбку.

Отис дал по газам, и мотор позади нас вновь ожил и заревел. Он выжал ногой педаль сцепления по самого пола, перевел рычаг переключения передач, и мы тронулись. Я легко обогнал бы грейдер, даже идучи шагом, но при таком реве дизеля казалось, что мы несемся вперед.

Я стоял слева от Отиса и пытался не смотреть на его шрамы. Через пару минут он словно забыл о моем присутствии. А вот обезьяна, наоборот, мной заинтересовалась. Она смотрела на меня, словно я вторгся сюда непрошеным, а потом медленно, крадучись, подобралась поближе, все время на четвереньках, готовая в любой момент прыгнуть на меня. Потом вскочила на правое плечо Отиса, обошла по плечам его шею и уселась на левом плече, уставившись на меня.

А я смотрел на нее. Она была не крупнее беличьего детеныша, нежный черный мех и маленькие черные глазки, едва разделяемые переносицей. Ее длинный черный хвост свисал вдоль груди Отиса. А тот все переключал рычаги, разравнивал гравий, что-то бормоча себе под нос и как будто не замечая обезьяну у себя на плече.

Когда я убедился, что обезьяне вполне достаточно просто смотреть на меня, то переключил внимание на то, как работает дорожный грейдер. Отис как раз опустил отвал в неглубокий кювет, отрегулировал его на более острый угол и подцепил им пласт дерна и земли, чтобы выложить все это на дорогу. Я знал по своим прежним наблюдениям, что потом он несколько раз проедет взад-вперед, засыпая ямы, выравнивая середину дороги и засыпая ее гравием. Паппи был того мнения, что Отис и власти округа должны ремонтировать нашу дорогу чаще, но так думают все фермеры.

Отис развернул грейдер, всадил отвал в край другого кювета и снова направил машину в сторону нашего дома. Обезьяна не шевельнулась.

– А где другая обезьяна? - громко спросил я, нагнувшись к уху Отиса.

Он ткнул пальцем в сторону отвального ножа грейдера и ответил: «Упала».

Мне понадобилась целая секунда, чтобы понять, и меня обуял ужас при мысли о бедной маленькой обезьянке, попавшей под нож и встретившей такую страшную смерть. Отиса это, по всей видимости, не очень трогало, а вот оставшаяся обезьянка, несомненно, оплакивала потерю своей подружки. Она так и сидела там, иногда поглядывая на меня, иногда в сторону, очень-очень одинокая. Она явно старалась теперь держаться подальше от ножа.

Мама стояла не шевелясь. Я помахал ей, а она махнула мне в ответ. Отис опять никак на это не отреагировал. Он все время сплевывал,

выпуская длинную струю коричневой табачной слюны, которая падала на землю перед задними колесами. Он утирал рот грязным рукавом, правым и левым, в зависимости от того, какая его рука в данный момент была занята тем или иным рычагом. Паппи говорил, что Отис - человек очень спокойный и уравновешенный; и точно, табачная слюна стекала из обоих уголков его рта, а ему хоть бы что.

С того высокого места, где я сейчас находился, был виден наш дом, а далеко позади него, посреди поля, - прицеп с хлопком и несколько соломенных шляп, рассыпавшихся вокруг него. Я поискал еще и обнаружил мексиканцев, в общем, в том же самом месте, где обычно, и подумал о Ковбое - с выкидным ножом в кармане и, несомненно, очень гордом своим последним убийством. И еще подумал, сказал ли он об этом своим приятелям. Скорее всего нет.

На секунду я испугался, потому что мама осталась далеко позади нас и совсем одна. Испуг был совершенно беспричинный, я отлично понимал это, но мысли у меня сейчас были абсолютно иррациональные.

А когда я разглядел линию деревьев вдоль реки, меня обуял новый страх. Мне вдруг стало боязно снова увидеть мост, место убийства. Несомненно, там остались следы крови, свидетельство того, что там произошло нечто ужасное. Или, может, их смыл дождь? Иногда проходило несколько дней подряд, когда по мосту не проезжал ни один грузовик или легковушка. Видел ли кто-нибудь кровь Хэнка? Скорее, эта важная улика уже исчезла.

И вообще, действительно ли все это имело место? Или это был просто дурной сон?

Реку мне тоже не хотелось видеть. Вода в ней в это время года текла медленно, а Хэнк был такой крупный. Может, его уже вынесло на берег? Вынесло на отмель, как выбросившегося на берег кита. Мне, конечно же, совсем не хотелось оказаться на месте того, кто его обнаружит.

Ковбой ведь Хэнка буквально всего изрезал. И Ковбой был единственным из всех тутошних, у кого имелся выкидной нож, да и мотивов у него было предостаточно. Такое преступление даже Стиг Пауэрс может раскрыть.

Я был единственным свидетелем, но уже решил, что эту тайну унесу с собой в могилу.

Отис переключил передачу и повернул назад - достаточно трудное дело при управлении дорожным грейдером, как я начал понимать. Я увидел в отдалении мост, но мы находились слишком далеко от него, чтобы хоть что-то там разглядеть. Обезьяне надоело глазеть на меня, и она

переместилась на другое плечо Отиса. С минуту она еще смотрела на меня из-за его головы, а потом просто застыла там, нахохлившись как сова и уставившись на дорогу.

Ох, если бы меня сейчас видел Деуэйн! Он бы умер от зависти! Какое это было бы для него унижение! Он бы так переживал, что потом неделю бы со мной не разговаривал! Я не мог дождаться субботы. Я там всем на Мэйн-стрит расскажу, что весь день провел на грейдере, с Отисом и его обезьяной. Правда, всего лишь с одной обезьяной, так что придется еще рассказать, что случилось с другой. И обо всех этих рычагах и ручках, которые с земли выглядели совершенно недостижимыми и непонятными, а в действительности не представляли для меня никаких проблем. Я уже понял, как ими управлять! Да, это будет один из самых замечательных для меня моментов!

Отис остановился напротив нашего дома. Я слез вниз и прокричал: «Спасибо!», но он поехал дальше, не кивнув и не сказав ни единого слова.

А я вдруг вспомнил о погибшей обезьянке и заплакал. Я не хотел плакать, я пытался остановить слезы, но они все лились и лились, и я никак не мог с этим справиться. Мама прибежала из дому и спросила, в чем дело. А я и не знал, в чем дело, просто плакал. Я был напуган, я устал, мне хотелось, чтобы все снова пришло в норму, чтобы мексиканцы и Спруилы пропали из нашей жизни, чтобы Рики вернулся домой, а Летчеры исчезли, чтобы ночные кошмары с участием Хэнка стерлись из моей памяти. Я устал от секретов и тайн, устал видеть вещи, которые мне видеть не полагается.

И поэтому я просто плакал.

Мама обняла меня и прижала к себе. Когда я понял, что и она напугана, то кое-как рассказал ей о погибшей обезьянке.

– Ты это видел? - спросила она в ужасе.

Я помотал головой и рассказал ей, как все было. А потом мы уселись на передней веранде и долго-долго сидели там.

* * *

Отбытие Хэнка было подтверждено в тот же день. За ужином отец сказал, что мистер Спруил сообщил ему, что Хэнк прошлой ночью ушел.

Он собирался добираться домой в Юрика-Спрингс на попутных.

А Хэнк тем временем плавал где-то в глубинах Сент-Франсис-Ривер, и, когда я подумал о нем и о сомиках, у меня пропал аппетит. Взрослые сегодня следили за мной внимательнее обычного. За последние двадцать четыре часа у меня был и ночной кошмар, и несколько обмороков, я несколько раз принимался плакать и, насколько им было известно, бродил во сне. Со мной явно было что-то не так, и их это очень беспокоило.

— Хотела в я знать, доберется ли он до дому? - задумчиво произнесла Бабка. Ее слова повлекли за собой целую серию разных историй о пропавших людях. У Паппи был кузен, который однажды вместе со своей семьей перебирался из Миссисипи в Арканзас. Они ехали на двух старых грузовиках. Однажды они подъехали к железнодорожному переезду; первый грузовик, за рулем которого сидел тот самый кузен, переехал на другую сторону полотна. Тут с грохотом появился поезд. Второй грузовик остановился и стал ждать, пока он пройдет. Поезд был длинный, и когда он наконец прошел, на той стороне не было никакого грузовика. Второй грузовик пересек полотно и поехал дальше. Они добрались до развилки дороги и там тоже никого не обнаружили. Кузена этого больше никто никогда не видел. Ни кузена, ни грузовика. А ведь прошло уже тридцать лет!

Я много раз слышал эту историю. И знал, что следующей будет выступать Бабка. И точно, она тут же поведала нам легенду об отце своей матери, человеке, у которого было шестеро детей и который однажды сел в поезд и сбежал в Техас. Кто-то из их семьи случайно столкнулся с ним лет двадцать спустя - у него уже была другая жена и еще шестеро детей.

— Ты пришел в себя, Люк? - спросил Паппи, когда с едой было покончено. Вся его ворчливость куда-то пропала. Они рассказывали все эти истории, чтобы подбодрить и отвлечь меня, они пытались меня как-то развлечь, потому что беспокоились обо мне.

— Просто устал, Паппи, - ответил я.

— Хочешь пораньше лечь спать? - спросила мама, и я кивнул в ответ.

Они стали убирать и мыть посуду, а я пошел в комнату Рики. Мое письмо ему занимало уже две страницы - титанический подвиг для меня. Оно по-прежнему лежало спрятанное под матрасом вместе с дощечкой для письма, и в нем были описаны все основные события, связанные с Летчерами. Я вновь перечитал его и ощутил немалую гордость за себя. Потом я некоторое время раздумывал, не написать ли Рики о Ковбое и Хэнке, но решил дождаться, когда он вернется домой. К тому времени мексиканцы уедут, вокруг снова станет спокойно, и Рики сам будет знать,

что делать.

Я решил, что письмо готово к отправке, но начал беспокоиться о том, как мне его отослать. Мы всегда отправляли письма одновременно, часто в одном большом конверте из оберточной бумаги. Я решил, что сначала проконсультируюсь у мистера Линча Торнтона в нашем почтовом отделении на Мэйн-стрит.

На ночь мама прочла мне историю про пророка Даниила, как его кинули в ров со львами. Это была одна из самых любимых моих историй. Теперь, когда погода переменилась и ночи стали более прохладными, мы уже меньше времени проводили на веранде, но больше отводили на чтение перед сном. Мы с мамой читали, остальные - нет. Мама предпочитала истории из Библии, что меня вполне устраивало. Она всегда сперва немного читала мне, а потом объясняла прочитанное. А потом читала еще. В каждой истории заключался какой-то урок, и она хотела удостовериться, что я все их понял. Ничто не раздражало меня больше, чем привычка брата Эйкерса разжевывать все подробности таких историй в своих долгоиграющих проповедях.

Когда я был готов ко сну, я спросил, не полежит ли она со мной в кровати Рики, пока я не усну.

— Ну конечно, - сказала она.

Глава 27

После того как я целый день отдыхал, отец уже ни под каким видом не стал бы терпеть мое отсутствие в поле. Он вытащил меня из постели в пять утра, и мы отправились делать обычные утренние дела - доить корову и собирать яйца.

Я знал, что не могу больше прятаться дома с мамой, так что я храбро прошел все стадии подготовки к сбору хлопка. Мне все равно в какой-то момент придется встретиться с Ковбоем, прежде чем он отсюда уедет. Самое лучшее - побыстрее пройти через это и проделать это так, чтобы рядом было побольше народу.

Мексиканцы уже шли в поле пешком, не желая ехать в прицепе. Так они могли начать сбор на несколько минут раньше, а кроме того, держаться подальше от Спруилов. Из дому мы выехали до рассвета. Я стоял на тракторе и крепко держался за спинку сиденья Паппи, глядя, как в кухонном окне постепенно уменьшается мамино лицо. Прошлой ночью я долго и усердно молился, и что-то говорило мне, что она будет в безопасности.

Пока мы ехали по полевой дороге, я внимательно изучал наш трактор «Джон Дир». Я немало времени провел на нем, когда мы пахали, боронили, сеяли и даже когда отвозили хлопок в город вместе с отцом или с Паппи, и управление им всегда представлялось мне достаточно сложным и вызывающим желание овладеть им. Но теперь, после получаса езды на дорожном грейдере с его поразительным количеством рычагов и педалей, трактор казался совершенно простым в управлении. Паппи просто сидел, держа руки на рулевом колесе, и почти не двигая ногами, едва не засыпая, тогда как Отис все время пребывал в движении - еще одна причина, по которой мне лучше будет заниматься ремонтом дорог, а не фермерством, если, конечно, ничего не получится с бейсбольной карьерой, что маловероятно.

Мексиканцы уже прошли полряда и скрылись в зарослях хлопчатника, не заметив нашего прибытия. Я знал, что Ковбой работает вместе со всеми, но в неярком свете раннего утра не мог отличить одного мексиканца от другого.

Я избегал встречи с ним до самого перерыва на ленч. По всей видимости, он заметил меня утром и, думаю, решил, что небольшое напоминание мне будет нелишним. Пока остальные его товарищи

подъедали остатки от ленча в тени прицепа с хлопком, Ковбой поехал вместе с нами к дому. Он одиноко сидел по одну сторону прицепа, а я игнорировал его, пока мы почти добрались до дому.

Когда же я в итоге набрался смелости посмотреть на него, он чистил ногти своим выкидным ножом. Он ждал моего взгляда. И улыбнулся мне - гнусная улыбочка, которая заменила тысячи слов. И еще он чуть помахал своим ножом. Никто этого не видел, а я тут же отвернулся.

Наш договор был только что скреплен еще более прочно.

* * *

Ближе к вечеру прицеп был заполнен хлопком до отказа. После короткого ужина Паппи объявил, что отвезет его вместе со мной в город. Мы поехали в поле и прицепили прицеп к грузовичку, а потом отправились в город по только что отремонтированной дороге. Отис был мастер своего дела. Дорога была гладкая, это хорошо ощущалось в стареньком пикапе Паппи.

Как обычно, пока мы ехали, Паппи не произнес ни слова. Это меня вполне устраивало, поскольку мне тоже было нечего ему сказать. Куча секретов, но ни один нельзя открыть. Пока мы медленно переезжали через мост, я внимательно изучал грязную, медленно текущую воду внизу, но не заметил ничего необычного - никаких следов крови или преступления, свидетелем которого я стал.

С момента убийства прошел уже целый день, даже больше, - обычный рабочий день на ферме, заполненный тяжелым, однообразным трудом. Я все время думал о своем секрете, вспоминал его при каждом вдохе, но, как мне казалось, хорошо его скрывал. Мама была в безопасности, а это самое главное.

Мы проехали поворот к дому Летчеров, и Паппи посмотрел в ту сторону. Для меня в данный момент они были менее значительной неприятностью.

Когда мы выехали на шоссе и еще больше удалились от фермы, я начал думать, что вскоре придет такой день, когда я смогу снять с себя тяжкий груз тайны. Я все расскажу Паппи, наедине, когда мы с ним останемся вдвоем. Ковбой скоро отправится назад в Мексику, в

безопасность этого своего мира, чужого для нас. Спруилы тоже вернутся к себе домой, но Хэнка там не окажется. Я все расскажу Паппи, а уж он-то придумает, что делать.

Мы въехали в Блэк-Оук вслед за еще одним прицепом и последовали за ним к джину. Когда мы остановились, я слез на землю, но остался рядом с Паппи. Несколько фермеров сидели, сгорбившись, прямо возле офиса джина и между ними разгорался какой-то серьезный спор. Мы подошли поближе и стали слушать.

Новости были тревожные, даже угрожающие. Прошлой ночью на округ Клэй, к северу от нас, обрушились мощные дожди. В некоторых местах, по сообщениям, за шесть часов выпало шесть дюймов осадков. Округ Клэй располагался выше по течению Сент-Франсис-Ривер. Все ручьи и речки там вздулись и несли в реку огромные массы воды.

Вода в реке поднималась.

Обсуждался вопрос, затронет ли это нас. Меньшинство считало, что грозы мало повлияют на уровень воды в реке возле Блэк-Оука. Мы были слишком далеко от Клэя, и, если дождей больше не будет, небольшой подъем воды не будет грозить наводнением. Но большинство придерживалось более пессимистического мнения, а поскольку большинство из них в любом случае были профессиональными нытиками и вечно беспокоились по любому поводу, новости эти они восприняли с большой тревогой.

Один из фермеров сообщил, что в его ежегоднике предсказывались сильные дожди в середине октября.

Другой заявил, что его кузена в Оклахоме уже затопило, а поскольку все перемены погоды приходят к нам с запада, он считал, что это явный признак того, что дожди неизбежны.

Паппи проямлил что-то насчет того, что дожди из Оклахомы приходят быстрее, чем новостные сообщения.

Споров было много, мнений высказано еще больше, и общий их тон был весьма мрачный. Нас уже столько раз било разными погодными явлениями, или колебаниями рынка, или ценами на семена и удобрения, что мы всегда ждали худшего.

— У нас уже двадцать лет не было наводнений в октябре, - заявил мистер Ред Флетчер, и это дало старт жарким обсуждениям истории осенних наводнений. Было высказано так много самых разных версий и воспоминаний, что в итоге все безнадежно запутались.

Паппи не принимал участия в общей дискуссии, и через полчаса, вдоволь наслушавшись, мы пошли назад к джину. Он отцепил прицеп, и мы

поехали домой, конечно же, в полном молчании. Я пару раз бросал на него взгляд, и всякий раз оказывалось, что он такой, каким я и ожидал его увидеть, - молчаливый, мрачный, обеспокоенный. Рулит себе, обеими руками крутя баранку, лоб наморщен, все мысли только о приближающемся наводнении.

У моста мы остановились, пробрались через полосу грязи на берегу и подошли к самой воде. Паппи с минуту изучал реку, как будто мог отследить подъем воды. Я опасался, что тело Хэнка может вдруг всплыть прямо рядом с нами. Паппи, не говоря ни слова, выбрал из плавника палку диаметром около дюйма и фута три длиной. Отломил от нее кусок и камнем забил его в песчаную косу, где вода была глубиной два дюйма. Потом сделал на нем зарубку своим карманным ножом, отметив уровень воды. «Утром проверим», - сказал он. Это были его первые слова за все это долгое время.

Несколько минут мы смотрели на этот указатель уровня, оба уверенные, что скоро увидим подъем воды. Когда этого не произошло, мы вернулись к пикапу.

Река пугала меня, и не только из-за возможного наводнения. В ней где-то плавал Хэнк, зарезанный, мертвый, распухший от речной воды; его в любой момент могло вынести на берег, где его кто-нибудь найдет. И у нас тут будет еще одно настоящее убийство, не просто смерть в драке, как было с Джерри Сиско, а настоящее умышленное убийство.

Дожди помогут избавиться от Ковбоя. И еще дожди поднимут воду в реке, и она потечет быстрее. Хэнка, вернее, то, что от него осталось, унесет вниз по течению, в другой округ, даже, может быть, в другой штат, где его однажды кто-нибудь найдет и не будет иметь ни малейшего понятия, кто это такой.

Прежде чем заснуть в тот вечер, я молился о дожде. Очень усердно молился, как никогда. Просил Господа ниспослать нам самый сильный дождь, какой только мог случиться со времен Ноя.

* * *

Утром в субботу, когда мы еще завтракали, Паппи вломился в кухню с задней веранды. Одного взгляда на его лицо было достаточно, чтобы все

понять. «Вода в реке поднялась на четыре дюйма, Люк, - сообщил он мне, усаживаясь на свое место и принимаясь за еду. - А на западе молнии сверкают».

Отец нахмурился, но продолжал жевать. Когда разговор заходил о погоде, он всегда впадал в пессимизм. Если погода стояла хорошая, по его мнению, это был только вопрос времени, когда она переменится на плохую. А если плохая, то это было как раз то, чего он уже давно ожидал. Бабка восприняла новость спокойно, не изменив выражения на лице. Ее младший сын сражался в Корее, и это было для нее более важно, чем грядущий дождь. Она всю жизнь прожила на ферме и прекрасно понимала, что бывают хорошие годы, а бывают и плохие, но жизнь все равно продолжается. Господь дал нам жизнь и здоровье, ниспослал нам достаточно пищи, а это гораздо больше, чем могут похвастаться многие другие. Кроме того, Бабке вечно не хватало терпения выслушивать все эти сетования на погоду. «Все равно ничего тут не изменишь», - всегда говорила она в таких случаях.

Мама не улыбалась и не хмурилась, у нее на лице было странное выражение полной удовлетворенности. Она была твердо намерена не гробить свою жизнь, обеспечивая себе жалкое существование за счет земли. И еще более твердо она была намерена обеспечить, чтобы я не стал фермером. На ферме она все равно не останется - еще один плохой урожай, и мы тут же уедем отсюда.

К тому времени, когда мы покончили с завтраком, послышался удар грома. Бабка с мамой убрали со стола и сварили еще кофе. Мы сидели за столом, разговаривали и прислушивались, пытаясь определить, насколько сильной будет гроза. Я подумал, что вот-вот последует ответ на мою молитву и ощутил чувство вины за столь гнусное пожелание.

Но молнии и громы сместились к северу. У нас не выпало ни капли дождя. К семи утра мы уже были в поле - усердно собирали хлопок, страстно желая, чтобы поскорее наступил полдень.

* * *

Когда мы отправились в город, в кузов пикапа залез один Мигель. Остальные мексиканцы работали, как он объяснил, а ему нужно было для

них кое-что купить. Я испытал огромное облегчение, какое не выразить словами. Мне не надо было ехать вместе с Ковбоем, сидящим всего в паре футов от меня.

Под дождь мы попали при въезде в Блэк-Оук. Но это был просто мелкий прохладный дождичек, никакая не гроза. Тротуары были забиты народом, люди медленно передвигались туда и сюда, укрываясь под навесами магазинов и лавок и под балконами, тщетно пытаясь не вымокнуть.

Погода не позволила приехать в город многим фермерским семьям. Это стало ясно, когда в четыре часа начался дневной сеанс в кинотеатре «Дикси». Половина мест была пуста - явный признак того, что нынче не обычная суббота. На половине фильма свет в проходе мигнул и экран погас. Мы сидели в темноте, готовые в панике броситься вон, прислушиваясь к раскатам грома.

– Электричество отключили, - официальным тоном произнес кто-то сзади. - Прошу всех покинуть зал, без спешки.

Мы выбрались в переполненный вестибюль и стали смотреть, как по Мэйн-стрит барабанит дождь. Небо было темно-серым, на нескольких проехавших мимо машинах были включены фары.

Даже дети в наших местах знали, что бывает слишком много дождей, слишком сильные грозы, слишком много разговоров о поднимающейся в реке воде. Но наводнения обычно случались весной и очень редко в период сбора урожая. В нашем мире, где все занимались фермерством или торговали с фермерами, дожди в середине октября не предвещали ничего хорошего.

Постояв немного в вестибюле, мы высыпали наружу и разбежались в поисках своих родителей. При сильных дождях дороги становятся грязными, так что город скоро опустеет, все фермерские семейства разъедутся еще до наступления темноты. Отец собирался купить новое полотно для пилы, поэтому я заскочил в скобяную лавку, надеясь найти его там. Лавка была битком набита народом, все стояли и наблюдали за льющим снаружи дождем. И разговаривали, разбившись на группки. Старики рассказывали о наводнениях, что случались в былые времена. Женщины обсуждали, сколько дождей выпадает в других городах - в Парагулде, в Лепанто, в Маниле. Лавка была заполнена людьми, которые ничего не покупали и даже не смотрели на товары, а просто разговаривали.

Я протискивался сквозь эту толпу, высматривая отца. Скобяная лавка была старая, в задней ее части было темно, как в пещере. Деревянные полы были все мокрые от стекавшей с ног посетителей воды и просевшие от

многолетнего топтания. В углу лавки я повернулся и нос к носу столкнулся с Тэлли и Тротом. Она держала в руке галлонную банку белой краски. А у Трота была банка с кварцу. Они болтались тут, как и все, ожидая, когда пройдет гроза. Трот увидел меня и попытался спрятаться за Тэлли. «Привет, Люк!» - сказала она, улыбнувшись.

– Добрый день, - ответил я, глядя на банку с краской. Она поставила банку на пол. - А для чего вам краска? - спросил я.

– Да так, ни для чего особенного, - сказала она и снова улыбнулась. Я снова вспомнил, что Тэлли - самая красивая девушка, какую я когда-либо видел, а когда она мне улыбнулась, у меня все мысли разом куда-то пропали. Если ты когда-нибудь видел красивую девушку обнаженной, возникает ощущение некоторой привязанности к ней.

Трот укрылся у нее за спиной, как маленький ребенок укрывается за спиной матери. Мы поговорили с ней о грозе, я рассказал ей, что в кино отключилось электричество прямо во время дневного сеанса. Она с интересом слушала, и чем больше я говорил, тем больше мне хотелось говорить. Я рассказал ей о слухах про поднимающуюся воду и о том, как мы с Паппи поставили на реке указатель уровня. Она спросила про Рики, и я долго рассказывал ей про него.

Про краску я, конечно, забыл.

Свет мигнул, и все лампы снова загорелись. Дождь, однако, все еще продолжался, так что уходить из лавки никто и не подумал.

– А как там эта девочка Летчеров? - спросила Тэлли, бегая глазами по сторонам, как будто кто-то мог нас подслушать. Это было нашим с ней самым секретным секретом.

Я хотел было ответить, когда вдруг меня словно ударило: ведь брат Тэлли убит, а она об этом ничего не знает! Спруилы, вероятно, считают, что Хэнк сейчас уже дома, в Юрика-Спрингс, в их уютном маленьком покрашенном доме. И они через несколько недель увидятся с ним, даже скорее, если дожди будут продолжаться. Я посмотрел на нее и попытался что-то сказать, но все, что мне приходило в голову, были мысли о том, какой шок она испытает, если я скажу ей, о чем сейчас думаю.

Я просто обожал Тэлли, несмотря на все ее капризные перемены настроения и ее секреты, несмотря на ее странные делишки с Ковбоем. Ничего не мог с собой поделаться, так она мне нравилась. И я не мог причинить ей такую боль. От одной мысли о том, чтобы проболтаться, что Хэнк мертв, у меня начинали трястись колени.

Я запинался и бормотал что-то и вообще уставился в пол. Мне вдруг стало холодно и страшно. «Ладно, еще увидимся», - едва сумел я

произнести и тут же отступил в другую часть лавки.

В перерыве между дождями лавки все опустели. Народ хлынул по тротуарам к своим машинам и грузовикам. Облака были по-прежнему темные, и мы хотели добраться до дому до того, как сверху снова польет.

Глава 28

В воскресенье небо было серым и все затянуто облаками, и отец решил, что вряд ли стоит рисковать промокнуть в кузове пикапа, едучи в церковь. Кроме того, наш пикап был не совсем непромокаем, и на женщин, сидящих в кабине, обычно капало, если шел хороший дождь. Мы редко пропускали воскресные молебствия, но угроза дождя иногда удерживала нас дома. Последние месяцы мы посещали службы регулярно, так что, когда Бабка предложила позавтракать попозднее и потом послушать радио, мы быстро согласились. Баптистская церковь «Бельвю» была самой большой в Мемфисе, и службы из нее транслировались по радио на канале Эйч-би-кью. Паппи не очень нравился их проповедник, он считал его слишком либеральным, но мы тем не менее с удовольствием его слушали. Да и хор у них был большой, человек сто, стало быть, на восемьдесят больше, чем в баптистской церкви Блэк-Оука.

После завтрака мы все уселись за кухонным столом и, попивая кофе (я тоже пил), стали слушать проповедь, которую священник читал конгрегации в три тысячи членов, и беспокоиться по поводу резкого изменения погоды. Беспокоились, конечно, взрослые; я только притворялся.

В баптистской церкви «Бельвю» был еще и оркестр - можете себе представить! - и когда он аккомпанировал благодарственной молитве, нам казалось, что Мемфис отстоит от нас на миллионы миль. Оркестр в церкви! Старшая дочь Бабки, моя тетя Бетти, жила в Мемфисе, и хотя сама она не посещала «Бельвю», у нее были знакомые из тамошнего прихода. Там все мужчины одевались в отличные костюмы. Во всех семьях были отличные машины. Это был действительно совсем другой мир.

Мы с Паппи съездили к реке посмотреть на указатель уровня воды. Дожди хорошо потрудились над результатами работы грейдера Отиса. Неглубокие кюветы по обе стороны дороги были заполнены водой, стекающие ее потоки образовали огромные лужи, в ямах тоже стояла мутная вода. Мы остановились посередине моста и внимательно осмотрели реку по обе его стороны. Даже мне было понятно, что вода поднялась. Все отмели и наносы скрылись под волнами. Вода была мутной и несколько более светлого оттенка - результат смыва грунта с полей. Течение усилилось, возникло множество водоворотов. Плавающий мусор - мелкий плавник, целые бревна и даже ветки деревьев с еще зелеными листьями - тащило водой вниз.

Наш указатель еще стоял на месте, но едва держался. Над водой виднелось всего несколько дюймов. Паппи набрал воды в сапоги, когда ходил за ним. Вытащив его, он осмотрел палку так внимательно, словно она что-то не то сделала, и сказал, словно сам себе: «Прибыла на десять дюймов за двадцать четыре часа». Он присел и постучал палкой по камню. Наблюдая за ним, я прислушался к шуму воды в реке. Он был не слишком сильный, но вода шумела, переливаясь через каменистые отмели и разбиваясь о быки моста. Она плескалась, омывая кусты, свешивавшиеся с берега, и корни стоявшей рядом ивы. Шум был угрожающий. Я такого никогда еще не слышал.

Паппи прекрасно отдавал себе отчет в том, чем это угрожает. Он указал палкой в сторону излучины, видневшейся вдали справа, и сказал:

– Летчеров зальет первыми. У них там низина.

– Когда? - спросил я.

– Зависит от дождей. Если они прекратятся, наводнения, может, вообще не будет. А вот если это затянется, через неделю вода выйдет из берегов.

– А когда в последний раз было наводнение?

– Три года назад, но это было весной. Последнее осеннее наводнение случилось много лет назад.

У меня было много вопросов о наводнениях, но Паппи явно не желал распространяться на эту тему. Мы еще немного понаблюдали за рекой, прислушиваясь к ее шуму, потом пошли назад к пикапу и поехали домой.

– Давай-ка съездим к Сайлерз-Крик, - предложил Паппи. Полевые дороги слишком развезло, чтобы проехать на грузовичке, поэтому он запустил «Джон Дир», и мы выехали со двора на глазах у большей части Спруилов и всех мексиканцев, взиравших на нас с большим любопытством. Обычно по воскресеньям трактором никто не пользовался. Илай Чандлер никогда не стал бы работать в воскресенье!

Речушка здорово изменилась. Не было больше никаких чистых и прозрачных заводей, в которых так понравилось купаться Тэлли. Не было больше и прохладных струй, протекавших между камнями и упавшими стволами. Речка стала намного шире и была полна мутной воды, стремительно несшейся к Сент-Франсис-Ривер в полумиле отсюда. Мы слезли с трактора и подошли к берегу. «Вот отсюда и начинаются у нас наводнения, - сказал Паппи. - Не от Сент-Франсис. Здесь низина, и когда речушка выходит из берегов, вода льется прямо на наши поля».

Вода была по крайней мере в десяти футах ниже, по-прежнему надежно огражденная высокими берегами узкого оврага, прорытого речкой

в нашей земле за многие десятилетия. Казалось совершенно невозможным, что она может подняться так высоко, чтобы перехлестнуть через края этого оврага.

– Думаешь, наводнение все же будет, а, Паппи? - спросил я.

Он надолго задумался. Впрочем, может, он вовсе и не думал ни о чем. Просто смотрел на речку. Потом все же ответил, правда, в голосе его не было особой уверенности:

– Нет. Все будет в порядке.

На западе загрохотал гром.

Рано утром в понедельник, когда я вошел в кухню, Паппи сидел за столом, пил кофе и крутил настройку приемника. Он пытался поймать станцию в Литл-Роке и узнать прогноз погоды. Бабка стояла у плиты и жарила бекон. В доме было холодно, но от жара и ароматов, исходящих от сковородки, сразу становилось теплее. Отец сунул мне старую фланелевую куртку, перешедшую мне по наследству от Рики, и я неохотно надел ее.

– Паппи, нынче будем собирать? - спросил я.

– Сейчас вот узнаем, - ответил он, не отводя взгляда от радио.

– Ночью дождь шел? - спросил я у Бабки, которая как раз наклонилась, чтобы поцеловать меня в лоб.

– Всю ночь лил, - ответила она. - Ступай-ка принеси яиц.

Я вышел вслед за отцом из дома, спустился с заднего крыльца и замер на месте, пораженный тем, что увидел. Солнце едва взошло, но света было уже вполне достаточно. Я не ошибся, я видел то, что видел.

Я ткнул пальцем в ту сторону и только и сумел произнести:

– Смотри!

Отец был в десяти шагах от меня и направлялся к курятникам.

– Что там, Люк? - спросил он.

На площадке под дубом, где Паппи каждый день оставлял свой грузовичок, виднелись только колеи. Пикапа там не было.

– Грузовик! - сказал я.

Отец медленно подошел ко мне, и мы с ним долго смотрели на нашу парковочную площадку. Грузовик всегда стоял здесь, всегда, как любой из дубов или любой из наших сараев. Мы видели его каждый день, но не обращали особого внимания, потому что он всегда был здесь.

Не говоря ни слова, отец повернулся и поднялся по ступеням обратно на заднюю веранду, пересек ее и вошел в кухню. «Куда подевался грузовик?» - спросил он у Паппи, который тщетно пытался расслышать сквозь треск разрядов прогноз погоды, передаваемый откуда-то издалека. Бабка застыла на месте и наклонила голову, словно хотела, чтобы ей

повторили заданный вопрос. Паппи выключил радио и переспросил:

– Что-что?

– Грузовик исчез, - сказал отец.

Паппи посмотрел на Бабку, а та - на отца. Потом все посмотрели на меня, как будто я опять что-то не то сделал. В этот момент в кухню вошла мама, и вся семья, друг за другом вслед, промаршировала из дома прямо к грязным колеям, где должен был стоять грузовик.

Мы обследовали всю ферму, как будто наш пикап мог самостоятельно переместиться в другое место.

– Я его здесь поставил, - не веря своим глазам, сказал Паппи. Конечно, он его здесь поставил! Грузовик никогда не оставляли на ночь ни в каком другом месте.

В отдалении раздался голос мистера Спруила:

– Тэлли!

– Кто-то украл наш грузовик, - едва слышно произнесла Бабка.

– А ключ где? - спросил отец.

– Рядом с приемником, как обычно, - сказал Паппи. В том конце кухонного стола рядом с приемником всегда стояла маленькая оловянная чашка, и ключ от грузовика всегда клали в нее. Отец пошел проверить. Он быстро вернулся и сказал:

– Ключа нет.

– Тэлли! - вновь послышался голос мистера Спруила, уже более громкий. В лагере Спруилов все вдруг закопошились и забегали. Появилась миссис Спруил, она быстро направилась к нашему переднему крыльцу. Когда она увидела, что мы стоим возле дома и, разинув рты, глазеем на пустую парковку, то подбежала и сообщила:

– Тэлли пропала! Нигде не можем ее найти!

Остальные Спруилы вскоре подошли следом за ней, и оба семейства принялись паяться друг на друга. Отец объяснил им, что у нас пропал грузовик. Мистер Спруил объяснил, что у них пропала дочь.

– Она грузовик водить умеет? - спросил Паппи.

– Нет, не умеет, - ответила миссис Спруил, и это еще больше осложнило ситуацию.

Некоторое время все молчали и обдумывали создавшееся положение.

– Вам не приходит в голову, что Хэнк мог вернуться и взять его, а? - спросил Паппи.

– Хэнк не стал бы красть у вас грузовик, - ответил мистер Спруил, и в голосе его звучали злость и неуверенность. В данный момент любое предположение звучало одновременно и вероятным, и невозможным.

– Хэнк сейчас уже дома, - сказала миссис Спруил. Она была готова разразиться слезами.

Мне очень хотелось закричать: «Хэнк мертв!», а потом убежать в дом и спрятаться под кроватью. Эти бедняги еще не знают, что их сын никогда не доберется до дому. Этот секрет становился слишком тяжелым, чтобы хранить его в одиночку. Я шагнул за мамину спину.

Она наклонилась к отцу и прошептала:

– Надо проверить, на месте ли Ковбой.

Поскольку я рассказал ей тогда о Тэлли и Ковбое, мама лучше остальных разобралась в ситуации.

Отец на секунду задумался, потом посмотрел в сторону амбара. Паппи сделал то же самое, потом Бабка и в конечном итоге все остальные.

С той стороны к нам медленно подходил Мигель, не особенно спеша и оставляя следы в мокрой траве. Свою грязную соломенную шляпу он держал в руке и шел так, что мне невольно подумалось, что ему вовсе не хочется делать то, что он намерен сделать.

– Доброе утро, Мигель - сказал Паппи, словно день начался точно так же, как обычно.

– Senor. - Мигель поклонился.

– Какие-нибудь проблемы? - спросил Паппи.

– Si, senor [5]. Маленькая проблема.

– Что случилось?

– Ковбой исчез. Думаю, ночью тихонько ушел.

– Прямо эпидемия, - буркнул Паппи и сплюнул в траву. Спруилам понадобилось несколько минут, чтобы сложить всю информацию в единую картину. Вначале исчезновение Тэлли, по крайней мере в их понимании, не имело никакой связи с Ковбоем. По всей видимости, они ничего не знали о тайном романе этой парочки. Чандлеры все поняли гораздо раньше Спруилов, но у них было преимущество - об этом уже знал я.

Потихоньку до всех начало доходить реальное положение вещей.

– Думаете, это он ее увез? - спросил мистер Спруил, впадая в панику. Миссис Спруил уже начала всхлипывать, пытаясь сдержать слезы.

– Не знаю, что и думать, - сказал Паппи. Его гораздо больше заботила пропажа грузовика, чем местопребывание Тэлли и Ковбоя.

– Ковбой забрал свои вещи? - спросил отец у Мигеля.

– Si, senor.

– А Тэлли свои вещи забрала? - спросил он у мистера Спруила.

Тот не ответил, и вопрос повис в воздухе, пока Бо не сообщил:

– Да, сэр. Ее сумки нету.

– А что было в этой сумке?

– Одежда и всякое такое. И ее копилка.

Миссис Спруил совсем разревелась. А потом заголосила:

– Ох, моя девочка!

Мне захотелось заползти под дом.

Спруилы сейчас являли собой жалкое зрелище. Головы поникли, плечи опущены, взгляды совсем протухшие. Их любимая Тэлли сбежала с человеком, которого они считали чем-то вроде полукровки, с темнокожим чужаком из Богом забытых краев. Они были страшно унижены, да еще в нашем присутствии, и это для них было страшно болезненно.

Я тоже был уязвлен. Как она только могла такое сделать?! Мы ж с ней были друзья! Она ко мне относилась как к доверенному человеку, она защищала меня прямо как старшая сестра. Я любил Тэлли, а она удрала с этим отъявленным убийцей!

– Он увез ее! - голосила миссис Спруил. Бо и Дэйл увели ее прочь, оставив здесь только Трота и мистера Спруила - разбираться дальше. Обычно пустой взгляд Трота сейчас сменился выражением замешательства и огромного горя. Тэлли и его всегда защищала. А теперь ее здесь уже не было.

* * *

Мужчины пустились в оживленное обсуждение, что делать дальше. Главной задачей было найти Тэлли и грузовик, пока она далеко не уехала. У нас не было никаких указаний на то, когда именно они сбежали. Они, ясное дело, воспользовались грозой, которая заглушила все звуки. Спруилы ночью не слышали совершенно ничего, ничего, кроме грома и шума дождя, а ведь подъездная дорога проходит всего в восьмидесяти футах от их палаток.

Они могли уехать несколько часов назад, и у них вполне хватило бы времени добраться до Джонсборо или до Мемфиса, даже до Литл-Рока.

Однако мужчины были настроены оптимистично, полагая, что Тэлли и Ковбоя можно найти, и найти быстро. Мистер Спруил отправился освободить свой грузовик от веревок и растяжек. Я просил отца разрешить мне ехать с ними, но он сказал «нет». Тогда я пошел к маме, но

она тоже держалась твердо.

– Тебе там не место, - сказала она.

Паппи и отец втиснулись на переднее сиденье рядом с мистером Спруилом, и они отъехали, скользя колесами по нашей дороге, пробуксовывая и разбрызгивая жидкую грязь.

А я ушел за силосную яму, в старую, заросшую сорняками коптильню, и сидел там под сгнившей крышей целый час, глядя на падающие передо мной капли дождя. Для меня было большим облегчением, что Ковбой исчез с нашей фермы, я поблагодарил Господа за это в короткой, но искренней молитве. Но это облегчение сводилось на нет разочарованием в Тэлли. Я даже начал ненавидеть ее за то, что она уехала. Я ругал и проклинал ее, пользуясь словами, которым меня научил Рики, и когда я выблевал из себя все скверные слова, которые смог припомнить, то попросил у Господа прощения за это.

И еще я попросил Его защитить Тэлли.

Мужчинам понадобилось два часа, чтобы отыскать Стика Пауэрса. Тот утверждал, что как раз возвращался из офиса шерифа в Джонсборо, но Паппи сказал, что он выглядел так, как будто спал всю последнюю неделю. Стик был просто в восторге, заполучив в свою юрисдикцию такое классное преступление. Кража грузовика у фермера, по нашим представлениям, была всего на ступеньку ниже настоящего убийства, так что Стик сразу включился в работу на всю катушку. Он сообщил по радио во все участки, с которыми смог связаться по своей старой рации, и вскоре большая часть северо-восточного Арканзаса гудела, обсуждая полученные новости.

По словам Паппи, Стика не очень заботило местонахождение Тэлли. Он сразу понял, что она по доброй воле сбежала с этим мексиканцем, что было с ее стороны низко и вообще безнравственно, но это не было нарушением закона, хотя мистер Спруил все время повторял слово «похищение».

Сомнительно было, что эти любовнички далеко уедут на нашем грузовичке. Они наверняка хотели выбраться за пределы Арканзаса, и Стик решил, что их наиболее вероятным средством транспорта будет автобус. Если они станут голосовать на дороге, то сразу подпадут под подозрение; ни один арканзасский водитель ни в жизнь не станет сажать к себе в машину такого темнокожего типа, как Ковбой, особенно вместе с белой девушкой. «Они наверняка едут сейчас автобусом на север», - заявил Стик.

Когда Паппи рассказал нам это, я вспомнил, что Тэлли говорила о своей мечте уехать в Канаду, подальше от жаркого и влажного климата. Она хотела жить посреди снегов и по какой-то причине в качестве своего места

под солнцем выбрала Монреаль.

Мужчины обсуждали денежные проблемы. Отец занялся арифметикой и подсчитал, что Ковбой на уборке хлопка заработал около четырехсот долларов. Никто, правда, не знал, сколько он отослал домой. Тэлли заработала примерно половину этой суммы и, вероятно, сберегла большую часть. Мы знали, что она покупает для Трота белую краску, но не имели понятия о других ее расходах.

Именно в этот момент рассказа Паппи я хотел облегчить свою душу и открыть правду про Хэнка. Ковбой ведь обобрал его после того, как убил. Было, конечно, невозможно определить, сколько денег, заработанных на сборе хлопка, Хэнк не истратил, но я знал наверняка, что 250 долларов Самсона переключевали в карман Ковбоя. Я почти проговорился об этом, когда мы сидели за кухонным столом, но слишком сильно боялся. Ковбой сбежал, но его еще могли где-нибудь поймать.

«Подожди, - сказал я себе. - Просто подожди. Наступит такой момент, когда можно будет снять с себя этот груз».

Что бы там у них ни было с финансами, но было понятно, что у Тэлли и Ковбоя достаточно денег, чтобы долго ехать на автобусе.

А мы были, как обычно, в полном пролете. Произошел быстрый обмен мнениями о том, чем заменить грузовик в случае, если старый так и не будет найден, но это была слишком болезненная тема, чтобы ее обсуждать. Кроме того, при этом присутствовал я.

Мы рано покончили с ленчем, а потом сидели на задней веранде и просто смотрели на дождь.

Глава 29

Старая погромыхающая патрульная машина Стика въехала на наш передний двор с нашим украденным грузовичком на прицепе. Стик вылез наружу с очень важным видом - он же решил самую неотложную часть проблемы, связанной с данным преступлением. Еще один помощник шерифа из Блэк-Оука сидел за рулем грузовика, который, насколько можно было судить, не понес никакого ущерба. Спруилы сбежались поближе, горя нетерпением что-нибудь узнать про Тэлли.

— Обнаружили на автобусной остановке в Джонсборо, - объявил Стик, когда вся толпа собралась вокруг него. - Как я и думал.

— А ключ где был? - спросил Паппи.

— Под сиденьем. Бак полон бензина. Не знаю, сколько в нем было, когда они отсюда уехали, но сейчас он полон.

— Он был наполовину пуст, - сказал пораженный Паппи. Мы все были удивлены не только тем, что получили грузовик обратно, но и тем, что он был совершенно цел и невредим. Мы целый день провели в беспокойстве по поводу того, как нам обходиться без грузовика. Без средств транспорта мы попадали в такое же положение, как Летчеры, которые были вынуждены вечно кого-нибудь просить подбросить их по пути в город. Я даже представить себе не мог такого ужасного положения и теперь более чем когда-либо был намерен перебраться жить в город, где у всех есть свои машины.

— Думаю, они просто позаимствовали его на время, - сказал мистер Спруил как бы сам себе.

— Именно так оно и было, - согласился с ним Стик. - Вы по-прежнему будете настаивать на судебном преследовании? - спросил он у Паппи.

Паппи обменялся хмурыми взглядами с отцом.

— Думаю, нет, - сказал он.

— Их кто-нибудь видел? - тихо спросила миссис Спруил.

— Да, мэм. Они купили два билета до Чикаго, а потом часов пять болтались возле автобусной остановки. Кассир понял, что тут что-то не так, но решил, что это не его дело. Убежать из дому с мексиканцем - не самая умная вещь, но это не преступление. Кассир сказал, что наблюдал за ними всю ночь, а они делали вид, что не обращают друг на друга внимания, как будто ничего такого и не происходит. И в автобус влезли по отдельности. Но когда в автобус сели все пассажиры, они устроились рядышком.

– А во сколько ушел автобус? - спросил мистер Спруил.

– В шесть утра. - Стик вытащил из кармана сложенный конверт и передал его мистеру Спруилу. - Нашел его на переднем сиденье. Думаю, это вам записка от Тэлли. Я не читал.

Мистер Спруил передал конверт миссис Спруил, которая его быстро открыла и вытащила оттуда лист бумаги. Она начала читать и сразу принялась вытирать глаза. Все смотрели на нее в ожидании, не произнося ни слова. Даже Трот, который до этого прятался за Бо и Дэйла, вылез вперед и смотрел, как она читает письмо.

– Это совсем не мое дело, мэм, - сказал Стик. - Но если там есть какая-нибудь полезная информация, может, мне следует об этом знать.

Миссис Спруил продолжала читать, а когда закончила, то, не поднимая глаз от земли, сказала:

– Она пишет, что домой не вернется. Пишет, что они с Ковбоем хотят пожениться и устроиться где-нибудь на Севере, где можно найти хорошую работу, и все такое. - Слезы и всхлипы вдруг куда-то исчезли. Теперь миссис Спруил здорово разозлилась. Ее дочь вовсе не похитили; она сбежала с мексиканцем и собиралась за него замуж.

– Они собираются жить в Чикаго? - спросил Стик.

– Этого она не пишет. Говорит, на Севере, и все.

Спруилы начали расходиться, отступать к себе. Отец поблагодарил Стика и второго помощника шерифа за доставку грузовика.

– У вас тут больше дождей, чем в других местах, - сказал Стик, открывая дверцу своей патрульной машины.

– Ага, везде сплошная сырость, - сообщил в ответ Паппи.

– Река на севере уже вздулась, - сказал Стик, как будто был в этом большим специалистом. - И еще дожди на подходе.

– Спасибо, Стик, - сказал Паппи.

Стик и второй помощник шерифа забрались в патрульную машину, Стик устроился за рулем. Он уже готов был тронуться с места, когда вдруг выскочил обратно и сказал:

– Слушай, Илай, я тут позвонил шерифу в Юрика-Спрингс. Он до сих пор не видел этого парня, Хэнка. А он уже должен был вернуться домой, ведь верно?

– Думаю, да. Он уехал неделю назад.

– Интересно, где это он?

– Меня это не касается, - сказал Паппи.

– А я еще с ним не закончил, сам знаешь. И когда найду, засуну в тюрьму в Джонсборо, а потом устроим суд.

– Правильно, Стик, - сказал Паппи, поворачиваясь, чтобы уйти. - Правильно, так и надо.

Лысые шины буксовали и скользили в грязи, но Стик все же сумел выбраться на дорогу. Мама с Бабкой вернулись в кухню и принялись за стряпню.

Паппи достал свои инструменты и разложил их у заднего борта пикапа. Потом поднял крышку капота и начал тщательный осмотр двигателя. Я сидел на бампере, подавая ему гаечные ключи и следя за каждым его движением.

– Зачем такой хорошей девушке, как Тэлли, выходить замуж за мексиканца? - спросил я.

Паппи как раз подтягивал ремень вентилятора. Никто, конечно, и не думал, что Ковбой, задумав сбежать с Тэлли, станет залезать в моторный отсек и возиться с мотором, но Паппи тем не менее считал обязательным все там проверить, отрегулировать и подтянуть, как будто грузовик поуродовали.

– Разве их поймешь, этих женщин, - пробормотал он.

– Что ты имеешь в виду?

– Женщины всегда делают всякие глупости.

Я подождал более подробных пояснений, но он ничего не добавил к уже сказанному.

– Я не понимаю, - сказал я в конце концов.

– Я тоже не понимаю. И ты не поймешь. Да и не надо тебе понимать женщин.

Он снял воздушный фильтр и с подозрением уставился на карбюратор. Минуту казалось, что он сейчас начнет его регулировать, но он подвернул всего один винт и, кажется, вполне этим удовлетворился.

– Как думаешь, ее когда-нибудь найдут? - спросил я.

– А ее никто и не ищет. Мы получили грузовик назад, так что преступления никакого нету, полиция их не ищет. Сомневаюсь, что и Спруилы будут их искать. Что им за дело? Даже если им повезет и они ее найдут, что с того?

– А они могут ее заставить вернуться домой?

– Нет. Если она выйдет замуж, то уже будет считаться взрослой. А замужнюю женщину заставить нельзя.

Он запустил мотор заводной ручкой и послушал, как мотор работает на холостом ходу. Мне показалось, что звук такой же, что и прежде, но Паппи решил, что слышит какое-то погромыхивание. «Давай-ка проедемся немного», - сказал он. Даром жечь бензин, по мнению Паппи, был большой

грех, но сейчас ему не терпелось израсходовать немного из бесплатного топлива, оставленного ему Тэлли и Ковбоем.

Мы забрались внутрь, и Паппи сдал задом на дорогу. Я сидел на месте, где всего несколько часов назад сидела Тэлли, когда они тайком выбирались отсюда во время грозы. Я не думал ни о чем другом, только о ней, и пребывал все в том же недоумении.

Дорога была слишком мокрая и грязная, чтобы Паппи мог развить свою любимую скорость в тридцать семь миль в час, но он все же полагал, что сможет определить, если с мотором что-то не в порядке. Мы остановились на мосту и посмотрели на реку. Песчаные и каменистые отмели исчезли; между берегами не было ничего, кроме воды - воды и плавучего мусора, что несло течением сверху. Вода стремительно неслась мимо нас, быстрее, чем я когда-либо видел. Палка Паппи, его указатель уровня воды, давно уже пропала, ее унесло бурлящим потоком. Но она уже была не нужна - и так было ясно, что Сент-Франсис-Ривер готова выйти из берегов.

Паппи был загипнотизирован видом и шумом несущейся воды. Трудно сказать, но, кажется, он был готов то ли разразиться проклятиями, то ли заплакать. Ни то ни другое, разумеется, не могло нам помочь, и, думаю, Паппи, может быть, впервые пришла в голову мысль, что мы можем потерять урожай.

Что бы там ни было не в порядке в моторе, оно само как-то отрегулировалось к тому времени, когда мы вернулись домой. За ужином Паппи объявил, что грузовик в порядке, как и раньше, после чего мы затеяли длительную и очень творческую дискуссию по поводу Тэлли и Ковбоя, где они могут теперь находиться и что могут делать. Отец слышал, что в Чикаго полно мексиканцев, и считал, что Ковбой и его молодая жена просто растворятся в этом огромном городе и никто их никогда больше не увидит.

А я так беспокоился за Тэлли, что едва мог жевать и глотать.

* * *

На следующий день поздним утром, когда солнце изо всех сил пыталось пробиться сквозь облака, мы вернулись в поле собирать хлопок.

Всем уже надоело сидеть дома и смотреть на небо. Даже мне хотелось в поле.

Мексиканцам особенно не терпелось вернуться к работе. Они были, в конце концов, в двух тысячах миль от дома, и им еще не платили за работу.

Но хлопок был слишком отсыревший, а земля расползалась под ногами. На мои сапоги налипла грязь, она пристала даже к мешку для хлопка, так что через час работы у меня уже было такое ощущение, что я тащу за собой ствол дерева. Через пару часов мы закончили сбор и грустной и унылой толпой побрели к дому.

Спруилы решили, что с них хватит. Никто и не удивился, когда они начали сворачивать свой лагерь. Делали они это очень медленно, словно лишь неохотно признают свое поражение. Мистер Спруил сказал Паппи, что им нет смысла здесь оставаться, раз они не могут работать. Им надоели дожди, и трудно было их за это винить. Они уже шесть недель стояли лагерем на нашем переднем дворе. Их старые палатки и навесы все провисли под тяжестью дождевой воды. Матрасы, на которых они спали, наполовину торчали наружу и были все заляпаны грязью. Я бы на их месте давно уже уехал.

Мы сидели на веранде, наблюдая, как они собирают свое барахло и как попало засовывают его в свой грузовик и в прицеп. Без Хэнка и Тэлли у них там было теперь больше свободного места.

Меня вдруг напугал их отъезд. Они ведь скоро будут дома, а Хэнка там нету. Они подождут, потом примутся за поиски, потом начнут задавать вопросы. Я не был уверен, что в один прекрасный день это может как-нибудь коснуться нас, но все равно был напуган.

Мама заставила меня пойти с ней в огород, где мы набрали овощей человек на двадцать. Мы помыли початки кукурузы, огурцы, помидоры, окру и зелень в кухонной раковине, а потом она все это тщательно сложила в картонную коробку. Бабка собрала дюжину яиц, два фунта ветчины собственного копчения, фунт масла и две квартовые банки клубничного варенья. Спруилы не уедут без хорошего запаса еды на дорогу.

К середине дня они закончили сборы. Их грузовик и прицеп были безнадежно перегружены - коробки, ящики и джутовые мешки были свалены по бортам и кое-как привязаны упаковочным шнуром. По дороге наверняка будут падать. Когда стало понятно, что они готовы к отъезду, мы всей семьей спустились с переднего крыльца и пересекли двор, чтобы попрощаться. Мистер и миссис Спруил встретили нас и приняли от мамы запас еды. Они извинились, что уезжают до того, как собран весь хлопок, но все понимали: есть большая вероятность, что урожай все равно

погибнет. Мы пытались улыбаться и быть любезными, но их горе было видно всем. Наблюдая за ними, я не мог избавиться от мысли, что они вечно будут теперь проклинать тот день, когда решили поработать на нашей ферме. Если б они нанялись на другую, Тэлли никогда не встретилась бы с Ковбоем. И Хэнк, может быть, остался бы в живых, хотя, памятуя о его всегдашнем стремлении подраться, можно предположить, что он был обречен погибнуть молодым. «Кто мечом убивает, тому самому надлежит быть убиту мечом», - любила цитировать Бабка.

Я ощущал некоторую вину за те гадости, которые про них думал. И еще чувствовал себя как вор, потому что я знал правду о Хэнке, а они нет.

Я попрощался с Бо и Дэйлом, которые мало что могли сказать в ответ. Трот прятался за прицепом. Когда прощание уже заканчивалось, он шаркающей походкой подошел ко мне и пробормотал что-то, чего я не разобрал. А он вытащил из-за спины руку и протянул мне малярную кисть. Мне ничего не оставалось, как взять ее.

Свидетелями этой передачи были все взрослые. На минуту воцарилось полное молчание.

– Вот здесь, - проскрипел Трот, указывая на кузов грузовика.

Бо понял его и сунул руку за задний борт. И извлек оттуда галлонную банку белой эмали с яркой надписью «Питсбург пэйнт» спереди. Он поставил ее передо мной на землю, а потом достал еще одну.

– Это тебе, - сказал Трот.

Я посмотрел на две галлонные банки краски, потом оглянулся на Паппи и Бабку. Хотя о покраске дома не вспоминали уже много дней, мы давно знали, что Трот не успеет завершить свое начинание. И теперь он передавал эту работу мне. Я взглянул на маму и заметил у нее на губах странную улыбку.

– Это Тэлли купила, - сказал Дэйл.

Я постучал кистью о ногу и в конце концов сумел произнести «спасибо». Трот тупо ухмыльнулся мне, и это заставило остальных заулыбаться. Они снова принялись размещаться в своем грузовике, и на этот раз им это удалось. Трот залез в прицеп, теперь он был там один. Когда мы в первый раз их увидели, с ним была Тэлли. Он выглядел очень грустным и покинутым.

Грузовик завелся очень неохотно. Сцепление завизжало, потом закрипело, а когда его наконец отпустили, все это сооружение рывком двинулось вперед. И Спруилы поехали под грохот кастрюль и сковородок, среди болтающихся во все стороны коробок и ящиков. Бо и Дэйл подскакивали на своем матрасе, а Трот забился в угол прицепа, завершая

картину. Мы махали им, пока они не скрылись из виду.

О работе в будущем году разговоров не было. Спруилы к нам больше не приедут. Мы знали, что никогда их больше не увидим.

Трава - то небольшое ее количество, что уцелело на переднем дворе, - была вся утоптана, но когда я обозревал причиненный ущерб, то вдруг обрадовался, что они наконец уехали. Я разбросал ногой пепел и угли, оставшиеся на месте, где они жгли свой костер, прямо на пластине бейсбольного «дома», и вновь подумал о том, какие они все-таки бесчувственные. На дворе остались колеи от колес их грузовика, лунки в земле от кольев их палаток. В будущем году я поставлю тут загородку, чтобы эти люди с гор держались подальше от моего бейсбольного поля.

Теперь, однако, моей первой заботой стало завершение того, что затеял Трот. Я оттащил краску на переднюю веранду, каждую галлонную банку по отдельности - они все же были здорово тяжелые. Я думал, Паппи что-нибудь скажет по этому поводу, но он никак не прокомментировал ситуацию. А вот мама отдала несколько распоряжений отцу, который быстренько установил что-то вроде лесов вдоль восточной стены дома. Это была дубовая доска два дюйма на шесть, длиной восемь футов, установленная на козлы для пилки дров с одной стороны и на пустую бочку из под солярки с другой. Доска немного клонилась в сторону бочки, но не так сильно, чтобы с нее свалиться. Отец открыл первую банку, размешал краску палкой и помог мне взобраться на импровизированные леса. Потом выдал мне какие-то рекомендации, но поскольку он мало что понимал в окраске домов, мне была предоставлена полная свобода набираться собственного опыта. А я подумал, что если уж Трот мог красить, то я и подавно сумею.

Мама внимательно наблюдала за мной, время от времени помогая очень мудрыми советами типа «Смотри, чтобы краска не капала» или «Не спеши». Трот успел выкрасить шесть нижних досок на восточной стене дома, от фасада до задней стены. Стоя на лесах, я мог покрасить еще на три фута выше того, что он успел сделать. Я еще не знал, как буду добираться до досок под самой крышей, но решил оставить эту проблему на потом.

Старые доски впитывали в себя весь первый слой краски. Второй слой получился ровным и белым. Через несколько минут я уже с головой ушел в работу, потому что результат ее был тут же налицо.

— Ну, как получается? - спросил я, не оглядываясь.

— Отлично, Люк, - сказала мама. - Только крась помедленнее, не спеши.

И смотри не упади!

— Не упаду! - Зачем предупреждать об опасности, которая и так всем

видна?

Отец дважды за этот вечер передвигал леса, и к ужину я успел известить весь галлон краски. Руки я отмывал щелоком и мылом, но под ногтями все равно осталась краска. Ну и наплевать. Я гордился своей новой профессией. Я был занят делом, которым ни один из Чандлеров не занимался никогда.

Покраска дома за ужином не упоминалась. Перед нами стояли более серьезные проблемы. Наши наемные рабочие с гор собрали вещички и уехали, а между тем значительное количество хлопка еще не было собрано. В округе не ходило никаких слухов о том, что кто-то из рабочих тоже уехал из-за дождливой погоды. Паппи же не хотелось, чтобы кто-то узнал, что мы спасовали перед дождем. Погода переменится, утверждал он. У нас никогда не бывало столько гроз в это время года.

В сумерках мы переместились на переднюю веранду, на которой теперь было гораздо тише. «Кардиналз» уже канули в далекое прошлое, а мы редко слушали после ужина что-то другое, кроме спортивных репортажей. Паппи не желал жечь электричество, так что я сидел на ступенях крыльца и просто смотрел на наш передний двор, опустевший и тихий. В течение шести недель его занимали всякие палатки и навесы. Теперь там не было ничего.

С деревьев упало несколько листьев, разлетевшись по всему двору. Ночь была прохладная и ясная, что подтолкнуло отца к тому, чтобы предсказать на завтра прекрасную возможность собирать хлопок двенадцать часов кряду. А мне хотелось только красить.

Глава 30

Когда мы сели есть, я взглянул на часы, висевшие над кухонной плитой. Было десять минут пятого. Нынче у нас был самый ранний завтрак, какой я мог припомнить. Отец произнес всего несколько слов, собственный прогноз погоды, - прохладно, ясно, на небе ни облачка, земля еще влажная, но достаточно просохла, чтобы можно было собирать хлопок.

Взрослые горели нетерпением. Значительная часть нашего урожая была еще не собрана, и если все так и останется, наш маленький фермерский бизнес еще глубже залезет в долги. Мама с Бабкой в рекордное время покончили с мытьем посуды, и мы всей кодлой выкатились из дому. Мексиканцы тоже поехали в поле вместе с нами. Они сгрудились в кучу вдоль одного борта прицепа, стараясь согреться.

Ясные сухие дни стали теперь редкостью, и мы навалились на хлопок так, словно это был последний такой день. К восходу солнца я уже выдохся, но любые жалобы могли вызвать только резкую отповедь. Над нами висела угроза потерять урожай, так что надо было работать до полного изнеможения. Желание хоть немного соснуть все росло и крепло, но я знал, что отец выдерет меня ремнем, если застанет спящим.

На ленч были холодные хлебцы с ветчиной; мы их быстренько съели в тени прицепа. К середине дня потеплело, так что сиеста была бы очень к месту. Вместо этого мы сидели на своих мешках, жевали хлебцы и изучали небо. Даже когда разговаривали, и то смотрели вверх.

Ясный день, кроме всего прочего, означал еще, что новые грозы на подходе, поэтому через двадцать минут, что мы ели свой ленч, отец и Паппи объявили, что перерыв окончен. Женщины поднялись так же быстро, как и мужчины, желая доказать, что они могут работать не менее усердно. Я был единственный, кто не проявил никакой прыти.

Могло быть и хуже: мексиканцы вон вообще не останавливались, чтобы перекусить.

Вторая половина дня была очень утомительной и скучной - я думал о Тэлли, потом о Хэнке, потом снова о Тэлли. Еще я вспоминал Спруилов и завидовал тому, что они уехали. Пытался представить себе, что они станут делать, когда доберутся до дому и увидят, что Хэнк их там вовсе не дожидается. И еще старался убедить себя, что мне это безразлично.

Мы уже несколько недель не получали писем от Рики. Я слышал, как взрослые перешептываются по этому поводу. Я и сам еще не отправил ему

свое длинное послание, прежде всего потому, что не знал, как его отправить, чтобы никто не узнал. И еще у меня возникли сомнения - стоит ли обременять его сообщением о Летчерах. У него ведь и без того полно забот. Если б Рики был дома, мы бы с ним отправились на рыбалку и я бы ему все рассказал. Начал бы с убийства Джерри Сиско, со всеми подробностями, а потом рассказал бы про ребенка Либби Летчер, про Хэнка и Ковбоя, про все. Рики бы знал, что делать. Я очень хотел, чтобы он поскорее вернулся домой.

Не знаю, сколько хлопка я собрал в тот день, но думаю, что установил мировой рекорд для семилеток. Когда солнце опустилось за деревья у реки, мама нашла меня и мы с ней пошли к дому. Бабка осталась в поле, она работала так же быстро, как мужчины.

— Они еще долго там пробудут? - спросил я у мамы. Мы очень устали и шли с трудом.

— Думаю, дотемна.

Когда мы добрались до дому, было уже почти темно. Мне хотелось упасть на софу и спать целую неделю, но мама велела вымыть руки и помочь ей с ужином. Она напекла кукурузного хлеба и подогрела все остальное, пока я чистил и резал помидоры. Мы слушали радио - о Корее в передаче не было сказано ни слова.

Несмотря на тяжелый день, проведенный в поле, Паппи и отец были в хорошем настроении, когда садились за стол. Они вдвоем собрали тысячу сто фунтов. Недавние дожди вызвали повышение цен на хлопок на мемфисском рынке, и если сухая погода простоят еще несколько дней, тогда в нынешнем году мы сумеем выжить. Бабка слушала их разговор, но не слышала ни слова. Было понятно, что мысли ее сейчас где-то далеко, в Корее. А мама слишком устала, чтобы разговаривать.

Паппи терпеть не мог есть остатки от ленча. Но все равно прочитал молитву, возблагодарив Господа за хлеб наш насущный. И еще за сухую погоду. И попросил, чтобы она простояла подольше. Ели мы медленно - на всех навалилась усталость. Разговоры были короткие и тихие.

Гром я услышал первым. Это был низкий рокот, где-то далеко от нас, и я оглянулся вокруг, чтобы понять, слышали ли его взрослые. Паппи говорил про хлопковый рынок. Через несколько минут гром раздался уже гораздо ближе, а когда вдали сверкнула молния, мы перестали есть. Поднялся ветер, и жестяная крыша над задней верандой начала тихонько погромыхивать. Мы не могли смотреть друг на друга.

Паппи сложил ладони и поставил локти на стол, словно опять собрался молиться. Он же только что просил Господа ниспослать нам

хорошую погоду. А на нас надвигался очередной потоп.

У отца опустились плечи. Он потер лоб и уставился в стену. По крыше застучал дождь, что-то слишком громко, и Бабка сказала: «Будет град».

Значит, идет сильная буря и ливень. И точно, ветер задул во всю силу. Мы долго сидели за столом, прислушиваясь к раскатам грома и грохоту дождя, забыв про недоеденный ужин и думая о том, сколько еще дюймов осадков на нас упадет и сколько времени пройдет, прежде чем мы снова сможем собирать хлопок. Сент-Франсис-Ривер уже не могла держать в своих берегах столько воды, и когда она хлынет на поля, урожай погибнет.

Ветер стих, но дождь продолжался, временами очень сильный. Мы в конце концов ушли из кухни. Я вышел вместе с Паппи на переднюю веранду, но ничего не мог разглядеть, кроме моря воды между нашим домом и дорогой. Мне было очень жалко Паппи - он сидел в качалке и, словно не веря собственным глазам, смотрел на потоки воды, что Господь ниспослал на нас.

Позднее вечером, когда мама читала мне истории из Библии, ее голос был едва слышен из-за грохота дождя по крыше. История про Ноя и про потоп была сейчас явно не к месту. Я заснул еще до того, как Давид поразил Голиафа.

* * *

На следующий день родители объявили, что собираются ехать в город. Меня тоже пригласили - это было бы слишком жестоко не взять меня с собой, а вот Паппи и Бабка в число приглашенных не попали. Получалась как бы чисто семейная поездка. Возможно, будет и мороженое. Благодаря Ковбою и Тэлли у нас было некоторое количество дармового бензина, а на ферме сейчас делать было совершенно нечего. Между рядами хлопчатника стояла вода.

Я сидел на переднем сиденье между родителями и не сводил глаз со спидометра. Как только мы свернули на шоссе и направились к северу, в сторону Блэк-Оука, отец перестал переключать передачи и довел скорость до сорока пяти миль в час. Насколько я мог судить, наш грузовичок ехал точно так же, как и при тридцати семи милях в час, но я вовсе не собирался сообщать об этом Паппи.

Вид других ферм, замерших в безделье из-за дождя, странным образом утешал и успокаивал. Никто не копошился в поле, пытаясь собирать урожай. Не видно было и ни одного мексиканца.

Наши земли располагались низко и были в первую очередь подвержены наводнениям, поэтому мы часто теряли весь урожай, тогда как других фермеров это не затрагивало. Теперь же, по всей видимости, промокли все в равной степени.

Была середина дня, делать было нечего, так что многие семьи просто сидели на верандах и глазели на проезжающие машины. Женщины лущили горох. Мужчины разговаривали и волновались. Дети либо просто сидели на ступеньках, либо играли в грязи. Мы махали им, они махали нам и наверняка задавались при этом вопросом: а зачем это Чандлерам понадобилось тащиться в город?

На Мэйн-стрит было тихо. Мы остановились возле скобяной лавки. Через три дома от нас, возле кооператива, собралась небольшая группа фермеров в комбинезонах, что-то обсуждавших с серьезным видом. Отец счел необходимым сначала пообщаться с ними или по крайней мере узнать, что они думают по поводу того, когда могут кончиться дожди. Я пошел следом за мамой в аптеку, где продавалось мороженое, в задней ее части, рядом со стойкой и сатуратором для содовой. Там всегда, сколько я себя помнил, работала хорошенькая девушка по имени Синди. В данный момент у нее не было других покупателей, и я получил очень щедрую порцию ванильного мороженого с вишнями. Маме это обошлось в десять центов. Я влез на табурет у стойки. Когда стало понятно, что я тут прекрасно устроился и в ближайшие полчаса никуда не денусь, мама пошла покупать то, что ей нужно.

У Синди был старший брат, он погиб в ужасной автомобильной катастрофе, и всякий раз, когда я ее видел, всегда вспоминал истории, которые рассказывали про этот случай. Столкнувшиеся машины вспыхнули, и ее брата так и не смогли вытащить из огня. Вокруг собралась толпа, а это, естественно, означало, что существовало множество версий того, насколько ужасным там все было на самом деле. Она была хорошенькая, но глаза у нее всегда были грустные - я понимал, что это все из-за той трагедии. Она была сейчас в неразговорчивом настроении, что меня вполне устраивало. Я медленно ел мороженое, решив растянуть удовольствие подольше, и смотрел, как она двигается за стойкой.

Недавно я случайно услышал разговор родителей - они собирались куда-то звонить по телефону. Поскольку у нас телефона не было, им для этого надо было попроситься к кому-то. Я решил, что они попросят

разрешения воспользоваться телефоном в лавке Попа и Перл.

Большая часть домов в нашем городе уже имела телефоны, равно как и разные частные фирмы. И фермеры, кто жил в двух-трех милях от города, тоже обзавелись ими, поскольку до них нетрудно было дотянуть телефонные линии. Мама сказала мне однажды, что пройдет немало лет, прежде чем такую линию дотянут до нашей фермы. Паппи, во всяком случае, телефон ставить не хотел. Говорил, что если у тебя будет телефон, то тебе придется беседовать со всеми, кому захочется позвонить, независимо от того, удобно это тебе или нет. Телевизор - это может быть интересно, а о телефоне забудьте.

В дверь вошел Джеки Мун и направился к стойке Синди.

— Эй, младший Чандлер, а тебя зачем сюда занесло? - спросил он, взъерошив мне волосы и усаживаясь рядом.

— За мороженым, - ответил я, и он рассмеялся.

Синди подошла к нам и спросила:

— Тебе как обычно?

— Да, мэм, - ответил он. - Как поживаешь?

— Отлично, Джеки, - проворковала она в ответ. Они смотрели друг на друга очень внимательно, и я сразу понял, что между ними что-то затевается. Она повернулась, чтобы приготовить ему его «как обычно», и Джеки осмотрел всю ее, с головы до ног.

— От Рики что-нибудь слышно? - спросил он меня, не сводя глаз с Синди.

— В последнее время ничего, - ответил я, глядя туда же.

— Рики - крепкий парень. Все у него будет в порядке.

— Я знаю.

Он закурил сигарету и некоторое время молча пускал дым. Потом спросил:

— Вы там у себя здорово промокли?

— Насквозь.

Синди поставила перед ним порцию шоколадного мороженого и чашку черного кофе.

— Говорят, дожди растянутся на две следующие недели, - сказал он. - Лично я в этом не сомневаюсь.

— Дожди, дожди, дожди, - сказала Синди. - Нынче все только об этом и говорят. И не надоело вам все время говорить только о погоде?

— А больше и говорить-то не о чем, - заметил Джеки. - По крайней мере фермерам.

— Только одни дураки занимаются фермерством, - заявила она, потом

швырнула полотенце на стойку и пошла к кассе.

Джеки проглотил кусочек мороженого.

– Знаешь, а она, наверное, права насчет этого.

– Наверное, да.

– Твой отец собирается на Север?

– Куда?

– На Север, во Флинт. Я слышал, что многие ребята уже звонили на завод компании «Бьюик», хотели устроиться туда на работу. Там, говорят, в этом году мало рабочих мест, вот все и спешат пристроиться. Хлопок в этом году опять паршивый. Еще один хороший дождь, и река выйдет из берегов. И большая часть фермеров в лучшем случае соберет половину урожая. Глупо, правда? Вкалывать шесть месяцев до потери пульса и все потерять, а потом тащиться на Север в поисках работы и привезти домой достаточно денег, чтобы расплатиться с долгами. И снова пахать и сеять.

– А ты едешь на Север? - спросил я.

– Подумываю об этом. Я еще молодой и не хочу на всю жизнь застрять на ферме.

– Ага, и я тоже.

Он потягивал свой кофе, и мы молча раздумывали о том, как глупо заниматься фермерством.

– Я слышал, этот здоровенный парень с гор убрался домой, - произнес наконец Джеки.

К счастью, у меня рот был полон мороженого, так что я лишь кивнул в ответ.

– Надеюсь, его все же поймают, - заметил он. - Хотелось бы видеть, как его поведут на суд, пусть получит, что заслужил. Я уже говорил Стику Пауэрсу, что выступлю свидетелем. Я все там видел. И другие теперь тоже приходят к Стику и рассказывают, как там все было на самом деле. Этому парню с гор вовсе не надо было убивать Джерри Сиско.

Я запихнул в рот еще кусок мороженого и продолжал кивать. Я уже научился помалкивать и лишь глупо таращиться, когда речь заходила о Хэнке Спруиле.

Вернулась Синди. И стала возиться у себя за стойкой, что-то вытирая и напевая себе под нос. Джеки сразу позабыл про Хэнка.

– Ты вроде как доел? - спросил он, глядя на мое мороженое. Кажется, им с Синди надо было о чем-то поговорить.

– Почти, - ответил я.

Она все напевала, а он смотрел, как я заканчиваю есть. Съев последний кусочек, я сказал «спасибо» и отправился в лавку Попа и Перл,

где надеялся узнать что-нибудь о предполагаемом телефонном звонке. Перл была одна, стояла у кассового аппарата, опустив очки на кончик носа. Наши глаза встретились, едва я вошел в лавку. Про нее говорили, что она узнает по звуку любой грузовик, проезжающий по Мэйн-стрит, и может определить, кто именно сидит за рулем, а также точно сказать, сколько времени прошло с тех пор, когда он в последний раз был в городе. Она ничего мимо себя не пропускала.

– А где Илай? - спросила она, когда мы обменялись приветствиями.

– Остался дома, - ответил я, глядя на банку с рулетами. Она кивнула и сказала:

– Возьми себе рулет.

– Спасибо. А Поп где?

– В задней комнате. Так ты только с родителями приехал?

– Да, мэм. Вы их видели?

– Нет еще. Они бакалею будут закупать?

– Да, мэм. И еще, кажется, отец хотел воспользоваться вашим телефоном. - От этого сообщения она буквально застыла на месте, видимо, обдумывая, зачем это отцу понадобилось кому-то звонить. Я развернул рулет.

– А кому он звонить собрался?

– Не знаю. - Следовало пожалеть любого бедолагу, который хотел воспользоваться телефоном Перл и при этом сохранить разговор в тайне. Она все равно узнала бы даже больше, чем те, с кем он разговаривал.

– У вас там здорово мокро?

– Да, мэм, здорово.

– Такая уж скверная у вас местность. И вы, и Летчеры, и Джетеры всегда первыми попадаете в наводнение. - Голос ее уплыл вдаль - она явно задумалась над нашими несчастьями.

Потом глянула в окно и медленно покачала головой, словно предвидя еще один плохой урожай.

Мне еще только предстояло узнать, что такое наводнение - я ведь ни одного пока не видел, - так что ответить мне было нечего. Погода испортила настроение всем, включая Перл. Когда над нашими краями нависают такие тяжелые облака, трудно оставаться оптимистом. А впереди нас еще ждала мрачная зима.

– Я слыхал, кое-кто собирается на Север, - сообщил я. Уж Пёрл-то точно будет знать все подробности, если этот слух соответствует действительности.

– Я тоже слыхала, - сказала она. - Хотят устроиться на работу, если

дожди продолжатся.

– А кто собрался ехать?

– Не слышала, - ответила она, но по ее тону было сразу понятно, что у нее есть самые последние сплетни. Фермеры, видимо, пользовались ее телефоном.

Я поблагодарил ее за рулет и вышел из лавки. Тротуары были пусты. Это было очень здорово, как будто ты в городе один. По субботам здесь обычно не протолкнуться, столько собирается народу. Я заметил родителей в скобяной лавке. Они там что-то покупали. Я пошел посмотреть, что именно.

Они покупали краску. На прилавке в ряд были выставлены пять галлонных банок краски «Питсбург пэйнт» и две кисти все еще в пластиковой упаковке. Продавец подсчитывал общую сумму, когда я вошел. Отец рылся в кармане, что-то отыскивая. Мама стояла рядом с ним, гордо выпрямившись. Мне сразу стало понятно, что это она настояла на покупке краски. Она улыбнулась мне, очень довольная.

– Всего четырнадцать долларов и восемьдесят центов, - сказал продавец.

Отец достал деньги и начал отсчитывать купюры.

– Я могу записать это на ваш счет, - предложил продавец.

– Нет, это не имеет к счету никакого отношения, - ответила мама. У Паппи мог случиться сердечный приступ, если бы он получил очередной месячный баланс из банка, где было бы указано, сколько было потрачено на краску.

Мы понесли банки в грузовик.

Глава 31

Банки с краской были выставлены в ряд на задней веранде, как солдаты, сидящие в засаде. Отец под руководством мамы перетащил леса к северо-восточному углу дома, что давало мне теперь возможность красить всю стену, с самого низа и почти до крыши. Я уже закончил одну стену и завернул за угол. Трот мог бы гордиться.

Открыли новую банку краски. Я снял обертку с одной из новых кистей и немного поводил ладонью по ее волосу, взад и вперед. Она была шириной в пять дюймов и намного тяжелее той, которую мне подарил Трот.

– Нам надо поработать в огороде, - сказала мама. - А потом сразу вернемся. - И они с отцом ушли, он по пятам за ней, таща три самые большие корзины, какие только нашлись у нас на ферме. Бабка была на кухне - варила клубничное варенье. Паппи отсутствовал - где-нибудь сидел и волновался насчет погоды. Я остался один.

Капиталовложения родителей в мой проект придали ему дополнительный вес. Теперь дом будет покрашен целиком, нравится это Паппи или нет. А основной рабочей силой буду выступать я. Спешить, однако, было ни к чему. Если будет наводнение, то я буду красить, пока нет дождя. Если мы закончим с уборкой урожая, у меня впереди будет целая зима, чтобы завершить свое произведение искусства. Дом ни разу не красили за все пятьдесят лет его существования. Так зачем спешить теперь?

Через тридцать минут я устал. Я слышал голоса родителей в огороде. У меня было еще две кисти - одна новая, а другая та, что мне подарил Трот, - они просто лежали на веранде рядом с банками с краской. Вот почему бы родителям не взять эти кисти и не поработать вместе со мной? Они же вроде бы собирались поработать.

Малярная кисть была действительно тяжелая. Я старался красить короткими мазками, медленно и аккуратно. Мама предупредила, чтобы я не пытался класть краску сразу слишком толстым слоем. «Смотри, пусть краска не капает, - говорила она. - Смотри, чтобы не потекло».

Через час мне потребовалось передохнуть. Оставленный один на один с самим собой, да еще перед лицом столь гигантской задачи, я уже начал про себя проклинать Трота за то, что он мне все это подсунул. Он выкрасил примерно третью часть одной стены дома, а потом сбежал. Я уже начал думать, что Паппи, наверное, все же прав - никакая покраска нашему дому

вовсе не нужна.

Хэнк был всему виной, вот кто. Хэнк насмеялся надо мной и оскорблял нашу семью, потому что наш дом был некрашенный. А Трот встал на нашу защиту. Они с Тэлли договорились начать покраску, не зная, что основная ее часть свалится на мои плечи.

Тут я услышал голоса позади. Мигель, Луис и Рико подошли к дому и теперь с любопытством глазели на меня. Я улыбнулся им, и мы обменялись обычными «*buenas días*». Они подошли поближе, явно заинтригованные тем, что младшему Чандлеру была поручена такая огромная работа. Несколько минут я сосредоточенно работал, понемногу продвигаясь вперед. Мигель зашел на веранду и осмотрел еще не открытые банки с краской и остальные кисти.

– Можно мы тоже покрасим? - предложил он.

Вот это была отличная идея!

Были открыты еще две банки краски. Я отдал Мигелю свою кисть, и через пару секунд Луис и Рико уже сидели на лесах, свесив вниз босые ноги, и красили стену, словно занимались этим всю свою жизнь. Мигель начал с задней веранды. А через некоторое время остальные шестеро мексиканцев уже сидели в тени на траве и наблюдали за нами.

Бабка услышала шум голосов и вышла наружу, вытирая руки кухонным полотенцем. Посмотрела на меня и засмеялась, а потом вернулась к своему клубничному варенью.

Мексиканцы были в восторге, получив хоть какую-то работу. Дожди заставили их долгими часами сидеть в амбаре или около него и просто убивать время. У них не было грузовика, чтобы поехать в город, не было радио, чтобы послушать передачи, не было книг, чтобы почитать. (Мы не знали, умеют ли они вообще читать.) Иногда они играли в кости, но всякий раз прекращали игру, когда кто-то из нас оказывался поблизости.

Они с яростным жаром навалились на некрашенный дом. Шестеро, что не красили, без конца лезли с разными советами и оценками к тем, у кого были кисти. По всей вероятности, некоторые их замечания были явными насмешками, потому что время от времени маляры раздражались таким хохотом, что не могли работать. Испанские фразы сыпались все быстрее и громче, все девятеро мексиканцев все время смеялись и переговаривались. Главная мысль всего этого заключалась в том, чтобы убедить одного из обладателей кисти расстаться с ней хоть на минутку и позволить кому-нибудь другому показать результат получше. Роберто выступал в роли эксперта. Он очень выразительно инструктировал новичков в малярном деле, Пабло и Пепе, как надо правильно красить. Он расхаживал за

спинами остальных, пока они трудились, и без конца выдавал советы, отпускал шуточки или делал выговоры. Кисти переходили из рук в руки, и, несмотря на насмешки и издевательства, возникла даже определенная система работы единой командой.

Я сидел под деревом с остальными мексиканцами, наблюдая за трансформацией задней веранды. Потом вернулся Пап-пи на тракторе. Он поставил его возле сарая и некоторое время наблюдал за работой издали. Потом сделал широкий круг перед домом. Трудно было сказать, одобряет он эту затею или нет, но, как мне показалось, это уже не имело никакого значения. Походка его утратила упругость, он шел как будто куда глаза глядят. Сейчас Паппи являл собой пример фермера-неудачника, мрачно предвкусывающего потерю очередного урожая.

Вернулись с огорода родители с корзинами, полными овощей. «Очень напоминает Тома Сойера», - заметила мама.

– А это кто?

– Вечером расскажу тебе эту историю.

Они поставили корзины на веранде, стараясь не испачкаться в свежей краске, и пошли в дом. Все взрослые собрались на кухне, и я подумал, что они обсуждают нашу с мексиканцами работу. Потом появилась Бабка с кувшином чая со льдом и подносом со стаканами. Это был хороший знак. Мексиканцы устроили перерыв и выпили холодного чая. Поблагодарив Бабку, они немедленно принялись пререкаться, кому теперь достанутся кисти.

По мере приближения вечера солнце все больше пробивалось сквозь облака. Иногда даже наступали такие моменты, когда оно светило во всю мочь, а воздух был теплым, почти как летом. Мы, конечно же, все время поглядывали на небо в надежде, что дождевые тучи уходят наконец из Арканзаса, не собираясь возвращаться по крайней мере до весны. Но потом вновь становилось темнее и прохладнее.

Тучи одерживали верх, и мы все это прекрасно понимали. Мексиканцы скоро уедут с нашей фермы, как уже уехали Спруилы. Нельзя ожидать, чтобы люди целыми днями сидели и только смотрели на небо, стараясь уберечься от воды и ничего при этом не зарабатывая.

К вечеру краска была вся израсходована. Задняя часть дома, включая веранду, была покрашена, и разница между ней и фасадом стала просто поразительной. Сверкающие белизной доски резко контрастировали с неокрашенными, оставшимися в углу. Завтра мы навалимся на западную стену, при условии, что мне удастся разжиться краской.

Я поблагодарил мексиканцев. Они рассмеялись и пошли к себе в

амбар, продолжая смеяться. Сейчас они напекут себе тортилий, съедят их и пораньше улягутся спать в надежде, что завтра смогут снова собирать хлопок.

Я уселся на траву, восхищаясь результатами их работы и не испытывая никакого желания идти в дом, поскольку взрослые пребывают в скверном настроении. Они, конечно, постараются улыбаться и даже придумают что-нибудь смешное, но на самом деле они здорово обеспокоены.

Жаль, что у меня нет брата - старшего или младшего, роли не играет. Родители хотели завести еще детей, но с этим возникли какие-то проблемы. А мне был нужен друг, еще один мальчишка, с кем можно было бы разговаривать, играть, делить секреты. Мне уже надоело быть единственным малышом на нашей ферме.

И еще я скучал по Тэлли. Попытался распалить в себе ненависть к ней, но из этого ничего не получалось.

Из-за угла вышел Паппи и стал изучать только что выкрашенную стену. Я никак не мог определить, доволен он или нет.

— Давай-ка съездим к речке, - предложил он и, не прибавив больше ни слова, пошел к трактору. Завел его, и мы поехали, следуя колеям, проложенным по полевой дороге. Трактор с прицепом, полным хлопка, проезжал здесь много раз, колеи стали глубокие, и в них стояла вода. Передние колеса разбрызгивали жидкую грязь. Мы медленно тащились вперед. Задние колеса жевали сырую землю и еще больше углубляли колеи. Мы с трудом продвигались по полю, которое сейчас быстро превращалось в болото.

Хлопок выглядел плачевно. Коробочки с волокном, напитавшиеся дождевой водой, висели низко. Стебли погнулись под ветрами. Неделя палящего солнца могла бы высушить землю и хлопок, это позволило бы нам завершить уборку, но сухой погоды больше уже не будет.

Мы свернули к северу и потащились по еще более мокрой тропе, той самой, по которой несколько раз ходили мы с Тэлли. Речка виднелась прямо впереди.

Я стоял чуть позади Паппи, крепко держась за стойку тента и за скобу над левым задним колесом, и смотрел сбоку на его лицо. Его челюсти были стиснуты, глаза сузились. Он почти никогда не демонстрировал свои чувства, если не считать редких взрывов неудовольствия. Я никогда не видел, чтобы он плакал или хотя бы был на грани слез. Он беспокоился и волновался, потому что был фермером, но никогда не жаловался. Если дожди смоят наш урожай, тогда будут причины для расстройства. Но Господь защитит и убережет нас и пребудет с нами и в хорошие годы, и в

плохие. Мы, баптисты, верили, что Господь повелевает всем на свете.

Я был уверен, что существует какая-то определенная причина, в силу которой «Кардиналз» продули в этом году чемпионат, но никак не мог понять, почему Господь был к этому причастен. Почему Он позволил двум командам из Нью-Йорка выйти в финал «Уорлд сириз»? Это было совершенно недоступно моему пониманию.

Впереди вдруг оказалось очень глубоко - передние колеса ушли в воду на шесть дюймов. Тропа была вся залита водой, и на секунду меня это озадачило. Мы были недалеко от речки. Паппи остановил трактор и ткнул в нее пальцем. «Вышла из берегов!» - произнес он вполне деловым тоном, но в голосе его звучала горечь поражения. Вода просачивалась сквозь заросли кустарника, который раньше был высоко над руслом речки. Где-то здесь купалась Тэлли, в прохладном и прозрачном потоке, от которого теперь не осталось и следа.

– Наводнение идет, - сказал Паппи. Он выключил мотор трактора, и мы стали слушать шум воды, вырывающейся из берегов Сайлерз-Крик и стекавшей в низину, где располагались наши нижние сорок акров. Вода растекалась между рядами хлопчатника и устремлялась дальше по небольшому уклону. Где-то посреди поля она остановится, примерно на полпути до нашего дома, где земля начинала немного повышаться. Там она будет собираться все в больших и больших количествах, прежде чем хлынуть на восток и на запад и залить большую часть нашего участка.

Вот теперь я видел настоящее наводнение. До этого были и другие, но тогда я был еще слишком мал, чтобы их запомнить. Все свои детские годы я слышал истории о вышедших из берегов реках и затопленных урожаях, и вот теперь видел это своими глазами, словно в первый раз. Это было пугающее зрелище, поскольку раз уж наводнение началось, никто не может сказать, когда оно закончится. Ничто уже не сможет сдержать напор воды, она теперь потечет туда, куда захочет. Может, даже достигнет нашего дома? А может, и Сент-Франсис-Ривер разольется и смоев все вокруг? Может, дожди будут идти сорок дней и сорок ночей? И мы все погибнем, как погибли те, кто смеялся над Ноем?

Нет, по всей вероятности, нет. Там ведь было что-то такое, в этой истории, про радугу и про обещание Господа никогда больше не насыпать на землю наводнения.

Да, это было настоящее наводнение. Вид радуги в нашей жизни - почти что Божье чудо, а мы уже несколько недель не видели ни единой. Я никак не мог понять, почему Господь мог допустить, чтобы такое случилось.

Паппи за сегодняшний день уже по крайней мере три раза ездил на речку, наблюдал, измерял и, вероятно, молился.

– Когда оно началось? - спросил я.

– Думаю, с час назад. Точно не знаю.

Я хотел спросить, когда оно закончится, но уже знал ответ.

– Это обратный поток, - объяснил он. - Сент-Франсис заполнилась до предела, воде уже некуда течь.

Мы долго наблюдали за прибывающей водой. Она все прибывала и прибывала, напояла нас, поднимаясь по передним колесам трактора. Через некоторое время мне захотелось вернуться домой. Паппи же такого желания вроде бы не испытывал. Все его страхи и беспокойства нашли себе подтверждение, и он словно был загипнотизирован тем, что сейчас наблюдал.

В конце марта они с отцом начинали распахивать эти поля, переворачивая пласты земли, засыпая стебли, корни и листья, оставшиеся после прошлогодних посевов. В это время они обычно пребывали в прекрасном настроении, радовались, что наконец можно выбраться в поле после зимнего заточения. Они наблюдали за погодой, внимательно изучали фермерский ежегодник и часто болтались возле правления кооператива, чтобы узнать, что говорят другие фермеры. В начале мая они обычно уже сеяли, если погода стояла хорошая. 15 мая было крайним сроком высадки семян хлопчатника в грунт. Мое участие в их операциях обычно начиналось в первых числах июня, когда со школой уже было покончено, а в полях начинали пробиваться сорняки. Мне давали тяпку, указывали направление, и я часами полон сорняки - занятие столь же утомительное и отупляющее, как и сбор урожая хлопка. Все лето, по мере того как подрастал хлопчатник и сорняки вокруг него, мы пололи. Если хлопок зацветал к 4 июля, это означало, что урожай будет отменный. К концу августа мы уже были готовы к уборке. А к началу сентября начинали искать наемных рабочих из числа людей с гор и старались набрать мексиканцев.

А сейчас, в середине октября, нам оставалось только смотреть, как наш урожай смывает с полей. Все труды, весь пот и натруженные мышцы, все деньги, вложенные в семена, в удобрения и горючее, все надежды и планы - все это мы сейчас теряли в потоках воды, не уместившейся в русле Сент-Франсис-Ривер.

Мы все ждали и ждали, но поток не останавливался. Передние колеса трактора наполовину залило водой, когда Паппи наконец запустил мотор. Было уже совсем темно и почти ничего не видно. Тропа была залита водой,

и при таких темпах ее разлива к восходу солнца весь урожай на «нижних сорока» будет потерян.

Никогда еще я не ужинал в таком мрачном молчании. Даже у Бабки не нашлось ни единого оптимистического высказывания. Я ковырял вилкой бобы и гадал, о чем могут сейчас думать родители. Отец, видимо, беспокоится по поводу займа, взятого под будущий урожай, - этот долг теперь невозможно будет выплатить. А мама обдумывает план, как нам навсегда покинуть хлопковые поля. Она вовсе не так расстроена, как остальные взрослые. Катастрофические результаты сбора урожая после столь многообещающей весны и лета давали новый запас снарядов для ее тяжелой артиллерии, которую она направит на отца.

Наводнение помогло мне отвлечься от более тяжелых мыслей - о Хэнке, Тэлли, Ковбое, - и по этой причине это была не самая неприятная тема для размышлений. Но я все равно не произнес ни слова.

* * *

Скоро должны были начаться занятия в школе, и мама решила, что мне уже пора приниматься за ежевечерние уроки чтения и письма. Я очень хотел вернуться обратно в класс (я, правда, никогда бы в этом никому не признался), так что даже испытывал удовольствие от этих домашних уроков. Мама тут же выяснила, что за лето мой почерк стал совершенно неразборчивым, и заявила, что мне нужно много практиковаться. Читал я тоже не очень бегло.

— Видишь, к чему приводит сбор урожая хлопка? - сказал я.

Мы сидели вдвоем в комнате Рики, читали друг другу перед тем, как отправиться спать.

— Я хочу тебе кое-что сказать по секрету, - сообщила она мне шепотом.
- Ты умеешь хранить секреты?

Если бы она только знала, сколько их я уже храню! И я ответил:

— Конечно!

— Обещай, что никому не расскажешь.

— Никому!

— Никому об этом не говори, даже Паппи и Бабке.

— Ладно-ладно. А что такое?

Она наклонилась еще ближе:

– Мы с отцом подумываем податься на Север.

– А я?

– Ты поедешь с нами.

Это было здорово!

– Вы хотите устроиться на работу, как Джимми Дэйл?

– Точно. Отец переговорил с Джимми Дэйлом, и тот обещал устроить ему работу на заводе компании «Бьюик» во Флинте, в Мичигане. Там хорошие деньги платят. Навсегда мы там не останемся, но отцу надо найти какой-нибудь постоянный доход.

– А что будет с Паппи и Бабкой?

– Ну, они никогда отсюда не уедут.

– Они будут продолжать работать на земле?

– Надо думать, так. Не знаю, чем им еще здесь можно заниматься.

– Как же они смогут тут работать без вас?

– Да как-нибудь справятся. Слушай, Люк, мы не можем здесь сидеть, все время, каждый год теряя вложенные деньги и занимая еще и еще. Мы с отцом уже готовы попробовать прожить как-то иначе.

Я испытывал смешанные чувства, услышав это. Я хотел, чтобы родители были счастливы, а мама никогда не будет довольна своей жизнью на ферме, особенно при условии, что жить здесь приходится вместе с родней мужа. Я-то, конечно, вовсе не собирался становиться фермером, но со мной вопрос решен, я буду играть в составе «Кардиналз». Но мысль о том, чтобы покинуть единственное родное для меня место, несколько обескураживала. И еще я не мог себе представить, как я буду жить без Паппи и Бабки.

– Это будет очень здорово, Люк, - продолжала мама, по-прежнему шепотом. - Можешь мне поверить.

– Думаю, да. А там холодно, на северах?

– На Севере, - поправила она меня. - Да, зимой там много снега, но, я думаю, это тоже здорово. Будем лепить снежных баб и делать мороженое из снега, и у нас будет настоящее «белое Рождество»!

Я припомнил истории, что рассказывал Джимми Дэйл о том, как он смотрел все игры «Детройт тайгерс», как все там находят себе хорошую работу и покупают телевизоры и что школы там получше. Но потом вспомнил его жену, эту гнусную Стейси с ее плаксивым, хныкающим голоском, и как я перепугал ее, когда она заседала в нашем сортире.

– Они ж там, на Севере, говорят как-то по-странному...

– Это так, но ничего, ты привыкнешь. Это же будет отличное приключение, Люк, а если нам не понравится, мы просто вернемся домой.

– Вернемся сюда?

– Вернемся в Арканзас или в какое-нибудь другое место, но на Юге.

– Мне неохота встречаться со Стейси.

– Мне тоже. Ну ладно, тебе пора ложиться. Подумай об этом. Только помни, никому ни слова!

– Да, мэм.

Она подоткнула мне одеяло и выключила свет.

Ну вот, еще новости! Есть о чем подумать.

Глава 32

Как только Паппи проглотил последний кусок яичницы и вытер рот, то сразу посмотрел в окно над кухонной раковиной. Было уже достаточно светло, чтобы увидеть все, что нужно. «Пошли посмотрим», - сказал он, и мы все следом за ним вышли из кухни, спустились с задней веранды и пошли через задний двор по направлению к амбару. Я ежился от холода, хоть и натянул свитер, и старался не отстать от отца. Трава была мокрая, и через несколько шагов мои сапоги тоже намокли. Мы остановились на ближайшем к дому поле и стали смотреть в сторону темнеющей вдали линии деревьев вдоль Сай-лерз-Крик, до которых отсюда было почти с милю. Перед нами лежало сорок акров земли, половина нашего участка. И они были залиты водой, мы только не знали, сколько ее там.

Паппи пошел вперед между двумя рядами хлопковых стеблей и вскоре почти исчез - видны оставались только его плечи и соломенная шляпа. Ладно, он все равно остановится, как только дойдет до воды, поступающей из речки. Если будет продолжать идти еще немного, значит, речка не нанесла нам того ущерба, которого мы опасались. Может, вода уже стекает назад, и, может быть, еще выглянет солнце. И нам удастся хоть что-то спасти.

Пройдя футов шестьдесят - расстояние от «горки» питчера до пластины «дома», - он остановился и посмотрел себе под ноги. Нам ничего там видно не было - ни землю, ни то, что на ней, но мы все поняли. Вода из речки все еще шла на нас.

— Вот куда она дошла, - сказал Паппи через плечо. - Здесь ее уже на два дюйма.

Поле заливало быстрее, чем предполагали мужчины. А при их вечно пессимистических прогнозах это было своего рода достижение.

— Такого в октябре никогда не случалось, - сказала Бабка, крутя в ладонях фартук.

Паппи все рассматривал движение воды возле собственных ног. Мы не сводили с него глаз. Начался восход солнца, но небо было в облаках - тени от них то набегали, то исчезали. Я услышал чей-то голос и оглянулся вправо. Там группой собрались мексиканцы - они смотрели на нас. Даже на похоронах люди не выглядят так мрачно.

Всем хотелось посмотреть, как прибывает вода. Я сам видел это вчера, но теперь мне хотелось посмотреть, как она просачивается через наши

поля, понемногу подбираясь к дому, как гигантская змея, которую ничем не остановить. Отец тоже пошел вперед, пробираясь между двумя рядами стеблей. Остановился рядом с Паппи и упер руки в боки, приняв точно такую же позу, что и его родитель. Бабка с мамой подошли следом. Я тоже пошел, но не очень далеко, потом тронулись с места и мексиканцы. Мы веером разошлись по полю, высматривая, куда дошла вода. И все остановились, выстроившись в прямую линию и глядя на мутные воды, переливавшиеся через берега Сайлерз-Крик.

Я отломил кусок от стебля хлопчатника и воткнул его в землю перед наступающей водой. Не прошло и минуты, как он был полностью поглощен течением.

Мы медленно пошли назад. Отец и Паппи о чем-то говорили с Мигелем и остальными мексиканцами. Те уже были готовы уехать либо домой, либо на другую ферму, где еще можно было собирать хлопок. Кто стал бы их обвинять за это? Я торчал поблизости, достаточно близко, чтобы все слышать. Было решено, что Паппи пойдет с ними на «задние сорок», где почва немного повыше, и они попробуют немного пособирать. Хлопок был сырой, но если солнце пробьется сквозь тучи, они, может быть, соберут по сотне фунтов каждый.

А отец поедет в город, уже второй день подряд, чтобы узнать в кооперативе, не нужны ли услуги мексиканцев на какой-нибудь другой ферме. В северо-восточной части округа земли были намного лучше, поля более высоко расположенные, вдали от местных речушек и от Сент-Франсис-Ривер. Ходили также слухи, что возле Монетта не выпадало столько дождей, как у нас, в южном конце округа.

* * *

Я был в кухне, вместе с женщинами, когда отец объявил о новых планах на сегодняшний день.

— Хлопок весь вымок, - с неодобрением заметила Бабка. - Они и по пятьдесят фунтов не соберут. Все это пустая трата времени.

Паппи все еще был на улице и не слышал ее комментария. А отец слышал, но был не в том настроении, чтобы спорить с матерью. «Попробуем устроить их на другую ферму», - сказал он.

– А мне можно в город? - спросил я у родителей. Мне очень хотелось уехать, потому что альтернативой мог стать вынужденный выход с мексиканцами на «задние сорок», где нужно будет таскать за собой по воде и грязи мокрый мешок и пытаться собрать хоть сколько-нибудь мокрого хлопка.

Мама улыбнулась и ответила: «Да, нам же нужно купить краски».

Бабка снова посмотрела на нас неодобрительно. Зачем надо тратить деньги на покраску дома, когда их и так не хватает, когда мы с тому же теряем очередной урожай? Дом, однако, был выкрашен примерно наполовину - бьющий в глаза контраст между новыми белыми и старыми буро-коричневыми стенами. Работу все равно нужно было закончить.

Даже отец не очень одобрительно относился к мысли об этих дополнительных расходах, однако сказал мне: «Можешь поехать».

– А я дома останусь, - сказала мама. - Надо немного окры собрать.

Еще одна поездка в город! Я был просто счастлив. Не надо собирать хлопок, ничего не надо делать, просто ехать по шоссе и мечтать о том, что по приезде в Блэк-Оук получишь конфету или мороженое. Только надо было соблюдать осторожность и не очень выказывать свою радость, поскольку из всех Чандлеров счастлив был я один.

Когда мы остановились возле моста, то сразу увидели, что Сент-Франсис вот-вот выйдет из берегов.

– Думаешь, еще можно переправляться? - спросил я у отца.

– Надеюсь, - ответил он, включая первую передачу, и мы поползли над рекой, боясь даже взглянуть вниз. Под весом нашего грузовичка и напором воды мост задрожал, особенно когда мы добрались до его середины. Мы прибавили скорость и скоро были уже на другом берегу. Здесь мы одновременно перевели дыхание.

Если мост снесет, это будет настоящая беда. Мы окажемся в полной изоляции. Вокруг нашего дома будет сплошная вода, нам некуда будет податься. Даже Летчеры будут в более выгодном положении - они ведь живут по ту сторону моста, на том же берегу, где расположен Блэк-Оук и вся остальная цивилизация.

Проезжая мимо, мы осмотрели земли Летчеров. «Их дом уже заливают», - заметил отец, хотя так далеко мы видеть не могли. Но урожай у них точно погиб.

Ближе к городу на полях были видны мексиканцы, хотя и не так много, как раньше. Мы остановили пикап возле кооператива и вошли внутрь. В задней части комнаты сидели несколько мрачных фермеров - пили кофе и обсуждали свои проблемы. Отец дал мне пять центов на кока-колу, а сам

присоединился к беседующим.

– Вы еще собираете? - спросил его один из них.

– Понемногу.

– А как речка?

– Разлилась вчера ночью. До рассвета залила больше чем полмили.

Нижние сорок пропали.

Все минутным молчанием выразили свое сочувствие при столь трагическом известии; все смотрели в пол и явно жалели нас. Я теперь еще сильнее ненавидел фермерское дело.

– Река вроде бы еще держится, - заметил еще один.

– От нас до нее далеко, - ответил отец. - Но надолго ее не хватит.

Все закивали в ответ, как бы разделяя его мнение.

– У кого еще реки вышли из берегов? - спросил отец.

– Я слышал, у Триплетов залило двадцать акров, вроде бы Дир-Крик разлилась, но сам не видел, - сообщил один из фермеров.

– Все речки выходят из берегов, вода идет на поля, - добавил другой. - И в Сент-Франсис поступает слишком много воды...

Опять воцарилось молчание - все обдумывали положение с речками и усилившимся напором воды.

– Кому-нибудь нужны мексиканцы? - спросил в конце концов отец. - У меня их девять человек, и им нечего делать. Они уже готовы домой возвращаться.

– А про десятого какие слухи?

– Никаких. Уехал, и ладно. И вообще не до него теперь.

– Ригс знает нескольких фермеров на севере, за Блайтвиллом, они могут взять мексиканцев.

– А где Ригс?

– Скоро вернется.

Люди с гор уезжали теперь целыми группами, так что разговор перескочил на них и на мексиканцев. Исход рабочей силы стал еще одним свидетельством того, что урожай погиб. Мрачное настроение в задней части правления кооператива стало еще более подавленным, так что я вышел оттуда и направился к Перл в надежде выклянчить у нее рулет.

Но лавка Попа и Перл оказалась закрытой - такое на моей памяти было впервые. Надпись на двери гласила, что они открыты с девяти до шести с понедельника по пятницу и с девяти до девяти по субботам. В воскресенье они не работали - ну, это и так понятно. Мистер Спарки Диллон, механик из «Тексако», подошел ко мне сзади и сообщил: «До девяти не откроется».

– А сколько сейчас? - спросил я.

– Восемь двадцать.

Я еще никогда не приезжал в Блэк-Оук в столь ранний час. Я бросил взгляд вдоль Мэйн-стрит, в ту и в другую сторону, не зная, куда теперь направиться. И решил зайти в аптеку, где в задней части стоял сатуратор с содовой. К ней я и направлялся, когда услышал шум моторов. С юга, с нашей стороны округа, приближались два грузовика. Это явно были люди с гор, они возвращались к себе домой, и их имущество было высоко навалено в кузовы и привязано к бортам. Семейство в первом грузовике вполне могло сойти за Спруилов - тинейджеры точно так же сидели на старом матрасе и грустно рассматривали магазины, мимо которых они проезжали. Второй грузовик выглядел гораздо лучше и чище. Он тоже был загружен деревянными ящиками и джутовыми мешками, но они были сложены аккуратно. Муж сидел за рулем, жена - на пассажирском сиденье. У нее на коленях сидел маленький ребенок, который помахал мне ручонкой. Я помахал в ответ.

Бабка всегда говорила, что у многих людей с гор дома получше, чем у нас. И я никак не мог понять, зачем они собираются и едут к нам из своих Озаркских гор собирать хлопок.

Я увидел, что отец зашел в скобяную лавку, и пошел туда же. Он стоял у прилавка, где продают краску, и разговаривал с продавцом. Четыре галлона «Питсбург пэйнт» уже стояли на прилавке. Я невольно вспомнил команду «Питсбург пайретс». Они опять заняли последнее место в чемпионате Национальной лиги. У них был только один замечательный игрок - Ральф Кайнер, он тридцать семь раз отбил мяч за забор, всякий раз обеспечивая своей команде «хоум ран».

Когда-нибудь и я буду играть в Питсбурге. И гордо носить красный цвет «Кардиналз» и гонять этих несчастных «Пайретс»!

Мы вчера израсходовали всю краску, докрашивая заднюю стену дома. Мексиканцы собирались уезжать. По моему убеждению, было очень разумно купить еще краски и воспользоваться бесплатной рабочей силой, пока она еще торчит у нас на ферме. Иначе они уедут, а вся малярная работа опять свалится на меня.

– Этой краски не хватит, - шепотом сказал я отцу, когда продавец протянул ему счет.

– Пока достаточно, - ответил он хмурясь. Все дело было в деньгах.

– Десять долларов плюс налог в тридцать шесть центов, - сказал продавец. Отец полез в карман и вытащил тощую пачку банкнот. Медленно пересчитал их, словно не хотел с ними расставаться.

Он остановился, насчитав десять, ровно десять бумажек по одному

доллару. Когда стало до боли понятно, что денег у него не хватает, он изобразил смешок и сказал:

– Выходит, я захватил только десять долларов. Налог заплачу в следующий раз, как приеду в город.

– Конечно, мистер Чандлер, - сказал продавец.

Они вынесли каждый по две банки и погрузили их в кузов пикапа. Мистер Риге как раз вернулся в кооператив, и отец пошел туда, чтобы поговорить с ним насчет наших мексиканцев. Я вернулся в скобяную лавку и направился прямо к продавцу.

– Сколько стоят два галлона краски? - спросил я.

– Два пятьдесят за галлон, всего пять долларов.

Я полез в карман и достал деньги.

– Вот пять долларов, - сказал я, протягивая ему банкноты. Он сначала не хотел их брать.

– Ты эти деньги на сборе хлопка заработал? - спросил он.

– Да, сэр!

– А отец знает, что ты покупаешь краску?

– Нет еще.

– А что это вы там красите?

– Наш дом.

– Зачем это?

– Потому что его никогда не красили.

Он неохотно взял деньги.

– Плюс еще восемнадцать центов налога, - сказал он. Я протянул ему долларовую бумажку и спросил:

– Сколько отец остался должен за этот налог?

– Тридцать шесть центов.

– Вычтите отсюда.

– О'кей, - сказал он и дал мне сдачу. А потом вынес краску и тоже погрузил ее в пикап. Я стоял на тротуаре и присматривал за нашей краской, как будто кто-то мог ее украсть.

Потом рядом с лавкой Попа и Перл я увидел мистера Линча Торнтон, нашего почтмейстера. Он отпер дверь почты и вошел внутрь. Я пошел туда, не отводя бдительного взгляда от грузовичка. Мистер Торнтон был человек с причудами, и многие считали, что это потому, что он женат на женщине, у которой проблемы с виски. К алкоголю почти все в Блэк-Оуке относились неодобрительно. В округе царил «сухой закон», а ближайший винный магазин находился в Блайтвилле, хотя поблизости имелось несколько бутлегеров, которые не жаловались на свои доходы. Я знал про это, потому

что мне Рики рассказал. Еще он сказал, что самому ему виски не нравится, но он частенько пил пиво. Я прослушал достаточно много проповедей о том, какое зло этот алкоголь, чтобы здорово беспокоиться о душе Рики. И если для мужчин считалось грехом тайком пить спиртное, то для женщин это вообще было скандальным явлением.

Я хотел спросить у мистера Торнтона, как мне отправить письмо Рики, причем спросить так, чтобы об этом никто не узнал. Письмо было на три страницы, и я весьма гордился своими достижениями. Но в нем содержались все подробности про Либби Летчер и ребенка, а я все еще не был уверен, что мне следует его посылать в Корею.

— Добрый день, - поздоровался я с мистером Торнтоном, который уже стоял за прилавком и поправлял на лбу козырек, готовясь к работе.

— Ты мальчик Чандлеров? - спросил он, едва взглянув на меня.

— Да, сэр.

— У меня для вас кое-что имеется. - Он скрылся на минутку, потом вернулся и протянул мне два письма. Одно было от Рики.

— Это все? - спросил он.

— Да, сэр. Спасибо.

— Как у него дела?

— Думаю, хорошо.

Я бегом добежал от почты до грузовика, сжимая в руке письма. Второе было от представительства фирмы «Джон Дир» из Джонсборо. Я осмотрел то, что было от Рики. Оно было адресовано всем нам: Илаю Чандлеру и всей семье Чандлеров, Рут 4, Блэк-Оук, Арканзас. В верхнем левом углу был обратный адрес - непонятная путаница из букв и цифр, а в последней строчке надпись: Сан-Диего, Калифорния.

Рики был жив и писал письма домой; все остальное было совершенно не важно. Отец уже шел по направлению ко мне. Я побежал ему навстречу, размахивая письмом, и мы с ним уселись у входа в продуктовую лавку и прочитали его до последнего слова. Рики опять писал в спешке, и письмо было всего на одну страницу. Он писал, что его часть почти не участвует в боях, и, хотя он вроде бы был не очень этому рад, для нас это звучало как музыка. Еще он сообщал, что слухи о перемирии ходят все чаще и что даже начались разговоры, что к Рождеству все они уже будут дома.

Последний абзац был грустный и даже пугающий. Один из его друзей, парень из Техаса, погиб, подорвавшись на противопехотной mine. Они с Рики были одного возраста и вместе проходили подготовку в учебном лагере. Рики собирался, вернувшись домой, съездить в Форт-Уорт навестить мать своего друга.

Отец сложил письмо и сунул его в карман. Мы влезли в пикап и поехали из города.

К Рождеству Рики будет дома! Лучшего подарка и быть не может!

* * *

Мы поставили грузовичок под дубом, и отец пошел забрать краску из кузова. Там он остановился, пересчитал банки и посмотрел на меня:

– Как это у нас получилось шесть банок?

– Я купил еще две, - ответил я. - И налог заплатил.

Он, кажется, не знал, что на это сказать.

– Ты истратил деньги, что заработал на хлопке? - наконец спросил он.

– Да, сэр.

– Зря ты это сделал.

– Я хотел помочь.

Он почесал лоб и с минуту изучал проблему, а потом произнес:

– Ладно, думаю, так будет по-честному.

Мы перетасили краску на заднюю веранду, а потом он решил пойти на «задние сорок» и посмотреть, как там Паппи и мексиканцы. Если хлопок можно собирать, он останется с ними. Мне же было разрешено начинать красить западную стену дома. Я хотел поработать в одиночестве. Хотел продемонстрировать, насколько я слаб и насколько огромна стоящая передо мной задача, чтобы мексиканцы, когда вернутся с поля, пожалели меня.

Они вернулись в полдень, все перемазанные в грязи, усталые и с невеликими результатами утреннего сбора. «Хлопок слишком мокрый», - услышал я слова Паппи, обращенные к Бабке. Мы поели жареной окры с хлебцами, и я вернулся к своей работе.

Краем глаза я поглядывал на амбар, но мне целую вечность пришлось работать в одиночестве без какой-либо помощи со стороны. И что они там делают? Ленч уже прошел, тортильи давно отложены на потом. И чего бы им не прийти мне на помощь?

Небо на западе потемнело, но я не замечал этого, пока Паппи и Бабка не вышли на заднюю веранду. «Может пойти дождь, Люк, - сказал Паппи. - Лучше заканчивай красить».

Я вытер кисть и поставил краску под скамейку на задней веранде, как

будто гроза могла ее испортить. И уселся над ней между Паппи и Бабкой. И мы снова стали прислушиваться к низкому погромыхиванию, доносившемуся с юго-запада. Мы ждали новых дождей.

Глава 33

Наш новый ритуал повторился и на следующий день после позднего завтрака. Мы прошли по вымокшей под дождем траве между домом и амбаром и выбрались на край хлопкового поля, где остановились. Перед нами была вода - не дождевая вода, собравшаяся за ночь, а все та же разлившаяся мутная вода из речки. Она была три дюйма глубиной и, казалось, готова была подняться еще выше и продолжить свое медленное наступление к амбару, к сараю для инструментов, к курятникам и, в конце концов, к дому. Стебли хлопчатника склонились к востоку, согнутые ветром, который прошлой ночью как будто взял нашу ферму в осаду. Коробочки все провисли под тяжестью воды.

– Паппи, наш дом тоже зальет? - спросил я.

Он помотал головой и обнял меня за плечи:

– Нет, Люк, она никогда не доходила до дома. Близко подбиралась пару раз, но дом стоит на добрых три фута выше, чем это место, где мы сейчас. Так что за дом можешь не волноваться.

– Однажды вода дошла до амбара, - сказал отец. - Это было через год после рождения Люка, так ведь?

– В сорок шестом, - сказала Бабка. Она всегда точно помнила даты. - Но это было в мае, - добавила она. - Через две недели после того, как мы закончили сев.

Утро было прохладное и ветреное, облака плыли высоко, значит, дождя скорее всего не будет. Отличный день для малярных работ, конечно, если удастся получить какую-нибудь помощь. Мексиканцы подтянулись поближе, но недостаточно близко для разговора.

Они скоро уедут от нас, может быть, даже через несколько часов. Мы довезем их до кооператива и дождемся, когда их заберет какой-нибудь другой фермер, живущий на более сухих землях. Я слышал, как взрослые обсуждали этот вопрос за кофе, еще до рассвета, и чуть не впал в панику. Девятеро мексиканцев могут выкрасить западную стену нашего дома меньше чем за день. А мне на это потребуется месяц. В такой ситуации скромничать было нельзя.

Когда мы повернули к дому, я подошел к мексиканцам.

– Buenos días! - сказал я, обращаясь ко всей группе. - Como esta?

Все девятеро что-то мне ответили. Они возвращались в амбар, у них был потерян еще один день. Я прошел немного с ними, пока не оказался

достаточно далеко от родителей, чтобы они меня не услышали.

– Хотите еще немного покрасить? - спросил я.

Мигель, как трещотка, перевел им вопрос, и вся группа заулыбалась.

Десять минут спустя были открыты три банки с краской, и мексиканцы обсели всю западную стену дома. Они чуть не подрались, разбирая кисти. Потом оставшиеся без кистей принялись воздвигать леса. Я указывал, куда что поставить, и вообще раздавал инструкции, правда, меня, кажется, никто не слушал. Мигель и Роберто с пеной у рта отдавали разные приказы и команды на испанском. Но на все эти распоряжения на двух языках никто в равной степени не обращал никакого внимания.

Мама и Бабка поглядывали на нас из окна кухни, занимаясь мытьем оставшейся после завтрака посуды. Паппи пошел в сарай - хотел повозиться с трактором. Отец отправился в обход полей, видимо, хотел прикинуть убытки и обдумать, что нам делать дальше.

Спешить с покраской не было никакой нужды. Мексиканцы перебрасывались шутками, смеялись и подначивали друг друга, но работали вдвое быстрее, чем два дня назад. Они не теряли ни секунды. Каждые полчаса или около того кисти переходили из рук в руки. Подкрепления все время стояли наготове. К середине утра они были уже на полпути к передней веранде. Дом-то у нас был не слишком большой.

Я был рад убраться в сторонку и не мешать. Мексиканцы работали так быстро, что мне казалось, что это будет совершенно бессмысленным, если я сам возьму кисть и стану сбивать их с взятого темпа работы. Кроме того, бесплатный труд был явлением временным. Приближался тот час, когда я останусь заканчивать этот труд в одиночестве.

Мама принесла чай со льдом и печенье, но покраска не остановилась. Те, что вместе со мной сидели в тени под деревом, поели первыми, потом трое из них поменялись местами с малярами.

– У вас хватит краски? - шепотом спросила меня мама.

– Нет, мэ.

И она вернулась на кухню.

Еще до ленча западная стена дома была уже выкрашена, и толстый сверкающий слой краски поблескивал под пробивавшимися по временам лучами солнца. Краски остался всего один галлон. Я повел Мигеля к восточной стене, где Трот месяц назад начал свою работу, и показал не выкрашенную еще полосу наверху, куда я не смог дотянуться. Он рывкнул приказание, и вся команда двинулась к этой стене.

Здесь они применили другой метод работы. Пепе и Луис, самые низкорослые из всех, взгромоздились на плечи Пабло и Роберто, самых

мощных и высоких, и принялись красить под самой крышей. Это, конечно же, вызвало непрекращающийся поток комментариев и шуток со стороны остальных.

Когда краска кончилась, было как раз время поесть. Я пожал руки всем им и от души их поблагодарил. Они смеялись и переговаривались, пока шли к амбару. Был полдень, светило солнце, и температура поднималась. Когда я смотрел им вслед, то бросил взгляд и на поле возле амбара. Стоявшая там вода была хорошо видна. И мне показалось странным, что вода может прибывать, когда сияет солнце.

Я повернулся к дому и обозрел сделанную работу. Задняя стена дома и обе боковых выглядели прямо как новенькие. Только фасад оставался некрашеным, но поскольку теперь я был уже ветераном малярного дела, то мог завершить работу и без мексиканцев.

Мама вышла на веранду и позвала меня:

– Ленч, Люк.

Я секунду еще постоял на месте, любуясь достигнутыми результатами, поэтому она подошла поближе и мы осмотрели дом вместе.

– Очень хорошая работа, Люк, - сказала она.

– Спасибо.

– Сколько краски осталось?

– Ничего не осталось. Всю извели.

– А сколько тебе нужно, чтобы выкрасить фасад?

Фасад был не таким длинным, как восточная или западная стены, но там добавлялась дополнительная проблема с верандой, как и на задней стене.

– Думаю, четыре или пять галлонов, - сказал я так, как будто десятки лет занимаюсь покраской домов.

– Я не хочу, чтобы ты тратил свои деньги на краску, - сказала она.

– Но это мои деньги. Вы ж сами говорили, что я могу истратить их на что хочу.

– Это так, только тебе не нужно их тратить на нечто в этом роде.

– Да я вовсе не против. Просто хочу вам помочь.

– А как же твоя куртка?

Я, можно сказать, ночей не спал, беспокоясь насчет этой куртки с эмблемами «Кардиналз», но сейчас это казалось не важным. А кроме того, я подумывал и еще об одном способе получить ее.

– Может, Санта-Клаус подарит мне такую куртку, - сказал я.

– Может быть, - улыбнулась мама. - Ладно, пошли есть.

Как только Паппи закончил молитву, возблагодарив Господа за пищу,

но ни словом не обмолвившись ни о погоде, ни об урожае, отец мрачно объявил, что вода из речки начала просачиваться через нашу главную полевую дорогу и поступать на задние сорок акров. Сообщение не вызвало особых комментариев. Мы уже стали бесчувственны к дурным новостям.

* * *

Мексиканцы уже собрались возле грузовика и ждали Паппи. У каждого был небольшой мешок с их вещами, теми же самыми, с которыми они приехали к нам шесть недель назад. Я пожал руку каждому из них и попрощался. Как всегда, я с нетерпением ждал очередной поездки город, даже несмотря на то что нынешняя не относилась к приятным.

— Люк, пойдй помоги маме в огороде, - велел отец, когда мексиканцы начали грузиться. Паппи уже заводил мотор.

— Я думал, я тоже в город поеду, - сказал я.

— Не заставляй меня повторять, - строго сказал отец.

Я посмотрел, как они отъезжают, - все девять мексиканцев грустно махали нам, в последний раз оглядывая наш дом и всю ферму. По словам отца, они теперь направлялись на большую ферму к северу от Блайтвилла, в двух часах езды от нас, где поработают еще три-четыре недели - если позволит погода, - а уж потом поедут назад в Мексику. Мама осведомилась, как их будут отправлять домой - опять в прицепе для скота или все-таки автобусом, - но не очень настаивала на точном ответе. Это было вне нашей власти, а кроме того, подобные детали казались гораздо менее важными перед лицом наводнения, заливавшего наши поля.

А вот вопрос запасов провизии был важным: надо было обеспечить себя едой на всю зиму, долгую зиму, что последует за плохим урожаем, когда все, что мы будем есть, будет с нашего огорода. В этом не было ничего необычного, если не считать того, что у нас не будет и лишнего дайма, чтобы купить хоть что-то помимо муки, сахара и кофе. Хороший урожай означал, что у нас останется немного денег, припрятанных под матрасом, несколько банкнот, свернутых рулончиком и засунутых подальше, на которые иногда можно купить что-нибудь роскошное вроде кока-колы, мороженого, соленых крекеров и белого хлеба. Плохой же урожай означал, что если мы чего-то не вырастим сами, то и не будем

иметь этого на столе.

По осени мы собирали салатную горчицу, репу и горох, поздно созревающие овощи, которые обычно сажали в мае и июне. Снимали и немного последних помидоров, но очень мало.

Огород менялся с наступлением каждого нового времени года, кроме зимы, когда все отдыхало, набираясь сил перед следующей весной.

Бабка была в кухне, варила красные бобы и консервировала их со всей доступной ей быстротой. Мама была в огороде и дожидалась меня.

— Я в город хотел поехать, - сказал я.

— Извини, Люк. Нам надо поспешить. Если будут еще дожди, овощи начнут гнить. А если вода дойдет до огорода?

— А они купят еще краски?

— Не знаю.

— Я хотел поехать и купить еще краски.

— Может, завтра съездишь. А сейчас надо собрать всю репу.

Юбку она подняла до колен и подоткнула подол.

Она была босиком, ноги по щиколотку в грязи. Я никогда не видел маму такой грязной. Я присел и навалился на репу. И через несколько минут тоже был перемазан с ног до головы.

Два часа я выдергивал и собирал овощи. Потом вымыл их в бадье на задней веранде, и Бабка унесла их на кухню, где стала их отваривать и укладывать в квартовые банки.

На ферме было тихо - ни грома, ни ветра, ни Спруилов на переднем дворе, ни мексиканцев возле амбара. Мы снова были одни, только мы, Чандлеры, остались сражаться с силами природы и напором воды. Я неустанно повторял себе, что когда Рики вернется домой, жить сразу станет лучше, потому что мне будет с кем играть и разговаривать.

Мама принесла на веранду еще одну корзину зелени. Она устала и сильно вспотела. Взяв тряпку и ведро с водой, она стала отмываться от грязи. Она не выносила грязи и всячески старалась передать это отвращение мне.

— Пойдем-ка в амбар, - сказала она. Я уже шесть недель не был на сеновале - с тех пор, как там поселились мексиканцы.

— Пойдем, - ответил я, и мы направились туда.

Мы поговорили с Изабель, нашей дойной коровой, потом взобрались по лестнице на сеновал. Мама здорово потрудилась, готовя для мексиканцев удобное и чистое место для жилья. Она всю зиму собирала старые одеяла и подушки, чтобы им было на чем спать и чем укрываться. Забрала и старый вентилятор, который годами служил нам на передней

веранде, и установила его на сеновале. Она даже убедила отца протянуть от дома к амбару электричество.

– Они же люди, что бы некоторые тут о них ни думали! - услышал я как-то ее слова.

На сеновале было все чисто и аккуратно убрано, как в тот день, когда мексиканцы к нам приехали. Подушки и одеяла были сложены возле вентилятора. Пол подметен. Никакого мусора не видно. Мама могла гордиться нашими мексиканцами. Она с ними обращалась уважительно, и они отплатили тем же.

Мы настезь распахнули дверь сеновала, ту самую, куда высунулся Луис, когда Хэнк начал обстреливать сеновал камнями и комками глины, и уселись на краю, свесив ноги вниз. Тридцать футов над землей - отсюда открывался прекрасный вид на любой уголок нашей фермы. Линия деревьев далеко на западе обозначала Сент-Франсис-Ривер, а прямо перед нами, за нашим задним полем, стояла вода из разлившейся Сайлерз-Крик.

В некоторых местах вода доходила почти до верхушек стеблей хлопчатника. С этой позиции мы гораздо лучше могли осознать размеры надвигающегося наводнения. Мы видели воду между ровными рядами, идущими прямо к амбару, мы видели, что она залила нашу основную полевую дорогу и просачивается на «задние сорок».

Если Сент-Франсис выйдет из берегов, дому будет угрожать опасность.

– Думаю, со сбором покончено, - заметил я.

– Кажется, так, - ответила она чуть грустно.

– А почему наши земли так быстро заливает?

– Потому что тут низина и к реке близко. Это не очень удобный участок, Люк, никогда от него толку не будет. Это одна из причин, почему мы уезжаем. У этой земли никакого будущего.

– А куда мы поедем?

– На Север. Где есть работа.

– А надолго?...

– Нет, не очень. Пока не наберем денег. Отец будет работать на заводе фирмы «Бьюик» вместе с Джимми Дэйлом. Там платят три доллара в час. Нам хватит, как-нибудь перебьемся, а ты будешь там в школу ходить, в хорошую школу.

– Не хочу я в другую школу!

– Да это будет только здорово, Люк! У них там огромные удобные школы, на Севере.

Но для меня это было вовсе не здорово. Все мои друзья были в Блэк-

Оуке. А на Севере я не знал никого, только Джимми Дэйла и Стейси. Мама положила мне руку на колено и погладила, как будто это могло улучшить мое настроение.

– Перемены всегда трудно переносить, Люк, но это может оказаться и интересным. Думай об этом как о приключении. Ты же хочешь играть за «Кардиналз», не правда ли?

– Да, мэм.

– Ну вот, значит, тебе все равно придется уехать из дома, уехать на Север, жить в другом доме, заводить новых друзей, посещать другую церковь. Но это же здорово, правда?

– Наверное.

Наши босые ноги свисали вниз, раскачиваясь взад-вперед. Солнце ушло за облака, в лицо подул легкий ветерок. Деревья по краю нашего поля уже начали менять цвет, желтеть и краснеть, листья стали опадать.

– Мы не можем здесь оставаться, Люк, - тихонько сказала мама, словно все ее мысли уже были где-то на Севере.

– А когда вернемся, чем будем заниматься?

– Только не фермерством. Найдем работу в Мемфисе или в Литл-Роке, купим себе дом с телевизором и телефоном. И у нас на подъездной дорожке будет стоять хорошая машина, а ты будешь играть в бейсбол в настоящей команде и в настоящей спортивной форме. Здорово звучит, не так ли?

– Звучит очень здорово.

– Мы часто будем сюда приезжать, навещать Паппи и Бабку и Рики. У нас будет новая жизнь, Люк, гораздо лучше, чем теперь. - И она кивнула в сторону поля, в сторону хлопка, гибнущего в воде.

Я подумал о своих кузенах из Мемфиса, о детях сестер отца. Они редко приезжали в Блэк-Оук, только на похороны да еще иногда на День благодарения, и меня это вполне устраивало, потому что это были городские ребята, они были лучше одеты, и языки у них были острые. Мне они не очень-то и нравились, но я все равно им завидовал. Они не были грубы и не демонстрировали особого снобизма, просто они были для меня достаточно другими, чтобы чувствовать себя не в своей тарелке. И именно тогда, в тот самый момент, я решил для себя, что когда буду жить в Мемфисе или Литл-Роке, никогда и ни при каких обстоятельствах я не стану вести себя так, словно я лучше других.

– А у меня есть один секрет, Люк, - вдруг сказала мама.

Господи, еще один! У меня уже и так все мозги забиты сплошными секретами!

– Какой?

– У меня будет ребенок, - сообщила она и улыбнулась.

Я тоже не мог сдержать улыбки. Мне нравилось быть единственным ребенком, но, сказать по правде, хотелось иметь рядом еще кого-то, с кем играть.

– Ребенок?

– Да. К будущему лету.

– Может, это будет мальчик?

– Постараюсь, но не могу обещать.

– Если будет мальчик, значит, у меня будет маленький братик.

– Ты рад?

– Да, мэм! А отец знает?

– Ну конечно. Он полностью в курсе дела.

– И он тоже рад?

– И даже очень!

– Ну и хорошо.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы переварить эту новость, но я сразу же понял, что это просто отлично! У всех моих друзей были братья и сестры.

Тут мне пришла в голову мысль, от которой я не мог избавиться. Раз уж разговор зашел о рождении детей, то меня тут же охватило непреодолимое желание поделиться одним из своих секретов. Он теперь казался мне совершенно безобидным, да к тому же еще и стародавним. С той ночи, когда мы с Тэлли пробрались к дому Летчеров, прошло столько времени, что весь этот эпизод казался уже просто забавным.

– А я все знаю про то, как дети рождаются, - заявил я, словно занимая оборонительную позицию.

– Да неужели?

– Да, мэм!

– И откуда?

– А ты умеешь хранить секреты?

– Конечно, умею.

И я стал рассказывать ей эту историю, возлагая значительную часть вины на Тэлли за все, что могло обернуться неприятностями для меня. Это она задумала нашу вылазку. Это она упростила меня пойти с ней. Она меня подначивала! И еще она делала то-то и то-то. Как только мама поняла, в каком направлении развивается моя история, глаза у нее так и заплясали, и она каждую минуту повторяла: «Люк, да не может этого быть!»

Да, я ее здорово удивил! Я, конечно, кое-что преувеличил и расцветил, чтобы мой рассказ был живым и достаточно напряженным, но по большей

части придерживался фактов. Ее это здорово захватило.

– Так ты видел меня в окне? - недоверчиво переспросила она.

– Да, мэм. И Бабку, и миссис Летчер.

– И Либби видел?

– Нет, мэм. Но мы ее слышали, еще как слышали! Это всегда так больно?

– Ну, не всегда. А дальше что было?

Я не опустил ни единой подробности. Как мы с Тэлли бежали назад на ферму, а в спину нам светили фары - тут мама так сжала мне локоть, словно хотела его сломать.

– А мы и не знали! - сказала она.

– Конечно, не знали! Мы, правда, едва успели добраться до дому до вашего возвращения. Паппи все еще храпел, а я боялся, что вы придете проверять, как я сплю, и увидите, что я весь в пыли и в поту.

– Мы тогда так устали!

– Вот это-то и хорошо! Я проспал всего пару часов, а потом Паппи поднял меня, чтобы идти в поле. Никогда в жизни я так не хотел спать!

– Люк, мне все же не верится, что ты проделал все это! - Ей явно хотелось отругать меня, но она была слишком захвачена моей историей.

– Но это ж было здорово!

– Тебе не следовало этого делать!

– Меня Тэлли заставила.

– Не вали все на Тэлли.

– Без нее я бы никогда не решился.

– Все же не верю, что вы двое проделали такое! - повторила она, но я мог быть совершенно уверен, что история произвела на нее определенное впечатление. Она улыбнулась и покачала головой в некотором изумлении. - И как часто вы вдвоем отправлялись бродить ночью?

– Думаю, это был единственный раз.

– Тэлли ведь тебе нравилась, не так ли?

– Да, мэм. Мы с ней подружились.

– Надеюсь, она теперь счастлива.

– Я тоже надеюсь.

Мне ее здорово не хватало, но я никак не мог в этом себе признаться.

– Мам, как ты думаешь, мы можем встретить Тэлли, когда поедем на Север?

Она улыбнулась и сказала:

– Нет, не думаю. В этих городах там, на Севере - в Сент-Луисе, Чикаго, Кливленде, Цинциннати, - живут миллионы людей. Нам с ней никогда не

встретиться.

А я подумал о «Кардиналз», о «Кабз» и «Релиз». Подумал о Стэне Мьюзиэле, вспомнил, как он обегает все базы перед глазами тридцати тысяч фэнов, собравшихся на стадионе «Спортсменз-парк». Раз все эти команды с Севера, туда мне и надо ехать, в любом случае. Так почему бы не уехать отсюда на несколько лет раньше?

– Наверное, я поеду с вами, - сказал я.

– Вот увидишь, это будет очень здорово, Люк!

* * *

Когда Паппи и отец вернулись из города, они выглядели так, словно их выдрали кнутом. Да почти так оно и было - рабочая сила вся разъехалась, хлопок весь вымок. Даже если снова выглянет солнце и вода спадет, у них не хватит рабочих рук, чтобы все убрать с полей. К тому же нет никакой уверенности в том, что хлопок успеет просохнуть. А пока что солнца видно не было, а вода продолжала подниматься.

Когда Паппи ушел в дом, отец выгрузил два галлона краски и отнес их на переднюю веранду. Все это он проделал, не произнеся ни слова, хотя я следил за каждым его движением. Когда он с этим покончил, то пошел в амбар.

Двух галлонов не хватит, чтобы покрасить весь фасад дома. Меня это раздражало, но потом я понял, почему отец не купил больше. У него просто не было больше денег. Они с Паппи расплатились с мексиканцами, и у них ничего не осталось.

Мне внезапно стало совсем гнусно, потому что я все красил и красил, хотя Трот давно уехал. Я продолжал начатую им работу и тем самым заставлял отца расходовать те небольшие средства, что у него еще оставались.

Я уставился на две банки, стоявшие рядышком, и у меня потекли из глаз слезы. До этого момента я не понимал еще, что мы почти разорены.

Отец вкалывал в поле шесть месяцев кряду, а теперь ничего не получил взамен. А когда начались дожди, мне почему-то взбрело в голову, что дом надо докрасить.

Намерения-то у меня были самые добрые, думал я. Так почему мне

сейчас так мерзко?

Я взял кисть, открыл банку с краской и приступил к последнему этапу своей работы. И пока правой рукой я наносил короткие мазки по стене, левой я вытирал себе слезы.

Глава 34

Первые же морозы прибудут то, что еще оставалось у нас в огороде. Обычно они ударяли в середине октября, хотя фермерский ежегодник, который отец штудировал столь же усердно, как читал Библию, уже дважды ошибся в своих прогнозах. Несмотря на это, отец каждое утро сверялся с этим ежегодником, когда пил свою первую чашку кофе. Альманах давал ему бесконечные поводы для беспокойства.

Поскольку мы не могли собирать хлопок, все наше внимание переключилось на огород. Мы все пятеро шли туда сразу после завтрака. Мама каждый день уверяла, что мороз ударит нынче же ночью, а если нет, то непременно на следующую ночь. И так без конца.

Я целый час занимался тем, что обрывал стручки гороха с уже провисших плетей. Паппи, который ненавидел работу в огороде еще больше, чем я, работал рядом, собирая бобы, причем прилагал к этому значительные усилия, заслуживающие всяческих похвал. Бабка помогала маме собирать последние помидоры. Отец таскал взад-вперед корзины - под наблюдением мамы. Когда он проходил мимо меня, я сообщил ему: «Лучше бы я пошел красить!»

– Спросись у мамы, - ответил он.

Я спросил, и она ответила, что я могу идти красить после того, как наберу еще одну корзину гороха. Урожай с огорода нынче убирали, как никогда прежде. К полудню там не осталось ни единого боба, ни единой горошины.

И я вскоре вернулся к своей малярной работе в полном одиночестве. За вполне понятным исключением управления дорожным грейдером, это была работа, которую я предпочел бы любым другим. Разница была в том, что я совсем не умел управлять грейдером, потребуется много лет, прежде чем я этому научусь. А вот красить я уже научился. Понаблюдав за мексиканцами, я усвоил еще несколько приемов и улучшил технику работы. Теперь я клал краску очень тонким слоем, стараясь как можно больше выкрасить оставшимися двумя галлонами.

К середине утра первая банка опустела. Мама и Бабка были сейчас в кухне, промывали и консервировали овощи.

Я не услышал, как сзади ко мне кто-то подошел. Но когда он кашлянул, чтобы привлечь мое внимание, я резко обернулся и уронил кисть.

Это был мистер Летчер, весь мокрый и грязный снизу до пояса. Он был босиком, рубашка порвана. От своего дома до нашего он, ясное дело, добирался пешком.

— Где мистер Чандлер? - спросил он.

Я не понял, какого именно Чандлера он имел в виду. Я поднял кисть и побежал к восточной стороне дома. И закричал, зовя отца, который тут же высунулся из зарослей гороха. Когда он увидел мистера Летчера рядом со мной, то тут же выпрямился. «Что случилось?» - спросил он, поспешно направляясь к нам.

Бабка услышала голоса и тут же появилась на передней веранде, а за ней следом и мама. Одного взгляда на мистера Летчера было достаточно, чтобы понять, что у них что-то стряслось.

— У нас дом уже заливают, - сказал он, не в силах посмотреть отцу прямо в глаза. - Нам надо оттуда убираться.

Отец взглянул на меня, потом на женщин на веранде. Они уже вовсю соображали.

— Вы нам не поможете? - спросил мистер Летчер. - Нам ведь больше некуда податься.

Мне показалось, что он сейчас заплачет, да я и сам был на грани слез.

— Конечно, поможем, - сказала Бабка, немедленно взяв ситуацию под свой контроль. С этого момента отец будет делать в точности то, что ему скажет его мать. И все остальные тоже.

Она тут же послала меня найти Паппи. Он был в сарае, пытался занять себя работой - возился с аккумулятором нашего старенького трактора. Потом все собрались возле пикапа, чтобы выработать план действий.

— К дому можно подъехать? - спросил Паппи.

— Нет, сэр, - ответил мистер Летчер. - На нашей дороге воды по пояс. Она уже залила всю веранду, а в доме поднялась на шесть дюймов.

Я не мог себе представить всех летчеровских детишек в доме, на полфута залитом водой.

— А как Либби и ребенок? - спросила Бабка, не в силах сдержать себя.

— С Либби все в порядке. А ребенок заболел.

— Нам лодка нужна, - сказал отец. - У Джетеров есть лодка, стоит в заводи Коклбер-Слаф.

— Он не станет возражать, если мы ее у него возьмем, - заметил Паппи.

Мужчины несколько минут обсуждали будущую спасательную операцию - как взять лодку, насколько далеко по дороге сможет пройти пикап, сколько поездок потребуется совершить. Что так и не было упомянуто, так это куда именно Летчеры направятся после того, как их

вывезут из дома.

И опять Бабка проявила свою власть.

– Вы все можете пожить у нас, - сказала она мистеру Летчеру. - Сеновал у нас чистый - мексиканцы только что уехали. У вас будет и теплая постель, и довольно еды.

Я посмотрел на нее, Паппи тоже. Отец оглянулся, но тут же устался себе на ноги. Орда вечно голодных Летчеров в нашем амбаре! Больной ребенок, который орет всю ночь. Наши запасы пищи, отданные на сторону. Я пришел в ужас при этой мысли и страшно разозлился на Бабку за то, что она им такое предложила, даже не обсудив это со всеми нами.

Потом я взглянул на мистера Летчера. У него губы дрожали, а глаза были мокрые. Свою старую соломенную шляпу он обеими руками прижимал к животу, а самому ему было так стыдно, что он не отрывал глаз от земли. В жизни не видал такого несчастного, грязного и совершенно упавшего духом человека!

Я посмотрел на маму. У нее тоже глаза были влажные. Я перевел взгляд на отца. Я никогда не видел, чтобы он плакал, да и сейчас он тоже не собирался, но его явно тронули страдания мистера Летчера. И мое сердце, закаменевшее было, тоже вдруг оттаяло.

– Ну, давайте двигайтесь, - скомандовала Бабка. - А мы пока амбар подготовим.

Все мы начали действовать. Мужчины грузились в пикап, женщины пошли в амбар. Проходя мимо, Бабка оттащила Пап-пи за рукав в сторонку и прошептала ему: «Первыми привезите Либби и ребенка». Это был прямой приказ, и Паппи только кивнул в ответ.

Я запрыгнул в кузов пикапа вместе с мистером Летчером, который уселся, подогнув свои тощие ноги и не сказав мне ни слова. У моста мы остановились, отец вылез и пошел по берегу. Его задачей было найти лодку мистера Джетера в Коклбер-Слаф и привести ее вниз по течению обратно к мосту, где мы будем его дожидаться. Мы переехали на другую сторону, свернули на дорогу, ведущую к дому Летчеров, и проехали менее ста футов, пока не уперлись в сплошную воду. Ничего другого впереди не было.

– Я скажу им, что вы сейчас подъедете, - сказал мистер Летчер, выпрыгнул из кузова и пошел по грязи, а потом через мутную воду. Очень скоро вода была ему уже по колено. - Берегитесь змей! - крикнул он нам, обернувшись через плечо. - Они сейчас отовсюду лезут!

Он брел через настоящее озеро. По обе стороны от него лежали затопленные поля.

Мы смотрели ему вслед, пока он не исчез вдали, а потом вернулись к реке и стали дожидаться возвращения отца.

* * *

Мы сидели на стволе поваленного дерева возле моста, а внизу перед нами неслась бурная река. Поскольку говорить все равно было не о чем, я решил рассказать Паппи про Хэнка. Но прежде я заставил его поклясться хранить секрет.

Начал я с того, с чего все это и началось, - с голосов, раздававшихся в ту ночь у нас на переднем дворе. Спруилы спорили, Хэнк собирался уезжать. Я крался за ним, держась в тени, и еще до того, как понял, что происходит, уже следовал не только за Хэнком, но и за Ковбоем. «Они дрались прямо вот тут», - сказал я, показывая на середину моста.

Паппи тут же напрочь забыл про наводнение и фермерские проблемы и даже про операцию по спасению Летчеров. Он уставился на меня, пораженный, но явно верил каждому моему слову. Я очень живо описал ему драку, со всеми подробностями, потом ткнул пальцем в реку: «Хэнк свалился вон туда, прямо посредине реки. И больше не всплыл».

Паппи прокашлялся, но не сказал ни слова. Я стоял перед ним, очень возбужденный, и говорил очень быстро. Когда я описал свое столкновение с Ковбоем на дороге возле дома, Паппи тихонько выругался.

– Надо было тогда же сказать мне, - сказал он.

– Да я просто не мог. Очень боялся.

Он поднялся на ноги и несколько раз обошел вокруг поваленного дерева. «Он убил у них сына и украл дочь, - произнес он как бы про себя. - О Господи!»

– Что нам теперь делать, Паппи?

– Дай подумать.

– Как ты думаешь, Хэнк где-нибудь всплывет?

– Не всплывет. Этот мексиканец ему брюхо распорол. Тело пошло прямо на дно, и его, наверное, уже сожрали эти сомики, где-нибудь ниже по течению. Теперь от него уже ничего не осталось.

Как бы все это было ни отвратительно, но я почувствовал некоторое облегчение. У меня не было никакого желания вновь увидеть Хэнка. Я

вспоминал его всякий раз, когда переезжал через мост. Мне снился его вздувшийся труп, всплывающий из глубин реки, и это пугало меня до смерти.

— Я что-то не так сделал? - спросил я.

— Нет.

— А ты кому-нибудь расскажешь?

— Не-а. Не думаю. Давай-ка пока про это забудем. Потом еще поговорим.

Мы опять уселись на дерево и стали наблюдать за рекой. Паппи пребывал в глубоких раздумьях. Я пытался убедить себя, что мне теперь должно здорово полегчать, раз уж я в конце концов рассказал кому-то из взрослых о смерти Хэнка.

Через некоторое время Паппи произнес:

— Хэнк получил то, на что сам напрашивался. И мы об этом никому не станем рассказывать. Ты единственный свидетель, так что тебе нечего больше об этом волноваться. Это будет наш секрет, и мы его унесем с собой в могилу.

— А как насчет мистера и миссис Спруил?

— Если они об этом не узнают, так и переживать не будут.

— А Бабке ты расскажешь?

— Не-а. Никому не расскажу. Знать будем только ты и я.

Такому соглашению я мог доверять. Мне и в самом деле стало легче. Я поделил свой секрет с человеком, который, несомненно, мог выдержать эту ночь. И мы с ним приняли решение навсегда похоронить тайну Хэнка и Ковбоя.

* * *

Отец в конце концов приплыл в плоскодонке мистера Джетера. Навесного мотора на ней не было, но плыть в ней было легко по причине сильного течения. Он пользовался веслом как рулем. Причалил он под мостом, прямо под нами. Потом они с Паппи вытащили лодку из воды и на руках дотащили ее посуху до фузовичка. Потом мы направились обратно по дороге, ведущей к Летчерам. Там мы сняли лодку и вытолкнули ее к подступавшей воде. Потом мы все трое забрались в нее, перемазав все ноги

в грязи. Взрослые гребли, и мы плыли над бывшей дорогой, в двух футах над землей, мимо рядов затопленного хлопчатника.

Чем дальше мы плыли, тем глубже была вода под нами. Поднялся ветер, он сносил нас в заросли хлопка. Паппи и отец поглядывали на небо и качали головами.

Все Летчеры уже собрались на их передней веранде, со страхом ожидая нашего приближения и следя за каждым нашим движением, пока лодка пробиралась по новоявленному озеру, окружавшему их дом. На веранде вода заливала пол по крайней мере на фут. Лодку подвели прямо к фасаду дома, и мистер Летчер ухватился за борт и подтянул ее вплотную к крыльцу. Он сейчас стоял по грудь в воде.

Я посмотрел на перепуганные и грустные личики, взиравшие на нас с веранды. Одежда на них была еще более грязной и рваной, чем когда я их видел в последний раз. Все тощие, кожа да кости, видимо, голодают. Те, что помоложе, сумели улыбнуться, и я вдруг почувствовал себя очень важно и уверенно. Из толпы вылезла Либби Летчер с ребенком на руках, завернутым в старое одеяло. Я никогда до этого не видел Либби вблизи, и очень удивился, поняв, какая она красивая. Длинные светло-каштановые волосы были туго стянуты в «конский хвост». Глаза у нее были светло-голубые и ярко блестели. Она была высокая и тоненькая, как и все они. Когда она ступила в лодку, Паппи и отец поддержали ее, не давая упасть. Она села рядом со мной, и я внезапно оказался лицом к лицу со своим новоявленным кузеном.

— Меня зовут Люк, - сказал я, хотя это было явно не самое удачное время для знакомства.

— А меня Либби, - сказала она и улыбнулась, от чего у меня тут же забило сердце. Ребенок спал. Он не очень-то вырос с той ночи, когда я видел его в окне, сразу после его рождения. Он был какой-то очень маленький и весь сморщенный, скорее всего голодный. Но Бабка уже ждала его.

Рейфорд Летчер тоже влез в лодку и сел как можно дальше от меня. Он был один из тех троих, что побили меня, когда мы были у них на ферме в последний раз. Перси, самый старший из всего выводка и заводила этого нападения, прятался на веранде. Потом в лодку сунули еще двоих детей, а за ними влез мистер Летчер. «Мы через несколько минут вернемся», - сказал он миссис Летчер и остальным, по-прежнему торчавшим на веранде. Они смотрели на нас так, словно мы бросали их на верную смерть.

Тут пошел дождь, и налетел сильный ветер. Паппи и отец гребли изо всех сил, но лодка едва двигалась. Мистер Летчер спрыгнул в воду и на

секунду полностью скрылся под водой. Потом, видимо, нащупал дно и выпрямился, стоя по грудь в воде. Ухватился за веревку, привязанную к носу лодки, и потащил нас дальше.

Ветер продолжал нас сносить в заросли хлопка, поэтому отец тоже вылез из лодки и стал толкать ее сзади.

– Берегитесь змей, - еще раз предупредил всех мистер Летчер. Они с отцом были совершенно мокрые.

– Перси одна чуть не цапнула, - сказала мне Либби. - Прямо к нам на веранду забралась. - Она склонилась над ребенком, стараясь прикрыть его от дождя.

– Как его называли? - спросил я.

– Еще никак.

Никогда в жизни не слышал подобного вздора. Ребенок без имени! Большинство детей, рождавшихся в нашей баптистской общине, имели по два, даже по три имени еще до того, как появлялись на свет.

– Когда Рики возвращается? - шепотом спросила она.

– Не знаю.

– У него все в порядке?

– Да.

Она очень хотела получить любые сведения о нем, и мне от этого сделалось как-то неудобно. Однако мне было совсем не неприятно сидеть рядом с такой хорошенькой девушкой, которой хотелось со мной пошептаться. Ее младшие братья и сестры сидели, выпучив глаза, - так на них действовало это приключение.

По мере приближения к дороге разлившееся озеро становилось все мельче, и в конце концов лодка уткнулась носом в грязь. Мы все выбрались из нее и Летчеров погрузили в пикап. Паппи сел за руль.

– Люк, ты останешься со мной, - сказал мне отец.

Пока грузовик разворачивался, мистер Летчер с отцом развернули лодку и потащили ее обратно к дому. Ветер был такой сильный, что им приходилось сильно наклоняться вперед, чтобы преодолеть его. Я сидел в лодке один, нагнув голову и пытаюсь уберечься от дождя. Дождь лил ледяными потоками и с каждой минутой становился все сильнее.

Когда мы добрались до их дома, окружавшее его озеро уже все бурлило. Мистер Летчер опять подтянул лодку к самому дому и стал выкрикивать распоряжения миссис Летчер и остальным. Одного из самых младших Летчеров на руках перенесли в лодку, и он чуть не упал под мощным порывом ветра, ударившим в лодку и отбросившим ее от дома. Перси протянул мне с веранды палку от метлы, и я ухватился за нее и стал

помогать подтягивать лодку обратно к веранде. Отец выкрикивал какие-то распоряжения, мистер Летчер тоже. На веранде еще оставалось четверо детей, и все они хотели попасть в лодку одновременно. Я помог им забраться, по очереди. «Осторожнее, Люк!» - несколько раз повторил отец.

Когда все дети уже были в лодке, миссис Летчер бросила в нее джутовый мешок, набитый, кажется, одеждой. Я так понял, что это все, что у них есть. Мешок упал к моим ногам, и я ухватился за него, словно это была большая ценность. Рядом со мной сидела маленькая босая девочка Летчеров - хотя они все были босые; на ней была рубашонка без рукавов, руки оставались совсем голыми. Она здорово озябла и крепко держалась за мою ногу, словно ее могло унести ветром. В глазах у нее стояли слезы, но когда я взглянул на нее, она сказала: «Спасибо!» Миссис Летчер влезла в лодку и втиснулась среди своих детей. Она кричала на мистера Летчера, а он кричал на нее. Лодка была заполнена, все Летчеры были на месте, так что мы развернулись и направились обратно к дороге. Все сидевшие в лодке низко пригнулись, прикрывая лица от дождя.

Отец и мистер Летчер отчаянными усилиями толкали и тащили лодку вперед, наперекор ветру. В некоторых местах вода была им всего лишь по колено, но через несколько шагов они погружались в нее по грудь, с трудом умудряясь сохранять равновесие. Они всеми силами старались удерживать лодку над дорогой, чтобы ее не снесло в хлопок. Обратный путь занял у нас гораздо больше времени.

Паппи еще не вернулся, не успел отвезти и выгрузить первую партию и вернуться за второй. Когда мы уткнулись в грязь, отец привязал лодку мистера Джетера к столбу ограды и сказал: «Ждать не имеет смысла». И мы потащились по грязи, борясь с ветром и дождем, пока не добрались до реки. Отпрыски Летчеров страшно боялись переходить по мосту - в жизни никогда не слышал такого рева! Они орали и хватались за родителей. Миссис Летчер несла свой джутовый мешок. Где-то на середине моста я бросил взгляд на его доски и обнаружил, что миссис Летчер тоже босая, как и ее дети.

Когда мы благополучно перебрались на нашу сторону реки, то увидели Паппи, едущего навстречу, чтобы нас забрать.

* * *

Бабка и мама уже ждали нас на задней веранде, где они подготовили нечто вроде сборного пункта. Они приняли вторую партию Летчеров и направили их в дальний конец веранды, где лежала стопа разной одежды. Летчеры разделись, некоторые стесняясь своей наготы, другие нет, и переоделись в чандлеровские шмотки, десятилетиями передававшиеся в у нас в семье по наследству. Переодетые в сухое и теплое, они следовали в кухню, где уже было наготовлено еды на несколько трапез. Бабка достала колбасу и ветчину собственного копчения. Выставила два подноса с домашним печеньем. Стол был уставлен большими блюдами, заполненными всеми видами овощей, что мама выращивала последние полгода.

Летчеры расселись вокруг стола, все десятеро. Ребенка уже устроили где-то спать. Они по большей части молчали, и мне трудно было сказать, то ли это от того, что им стыдно, или от облегчения, или просто от жуткого голода. Они передавали друг другу блюда и время от времени благодарили друг друга. Мама с Бабкой разливали чай и вообще всячески суетились вокруг них. Я наблюдал за ними, стоя в дверях. Паппи и отец ушли на переднюю веранду, где пили кофе и наблюдали, как сверху сыплется дождик.

Когда они вполне освоились, мы, Чандлеры, переместились в гостиную, где Бабка развела огонь в камине. Мы все пятеро уселись поближе к нему и долгое время так и сидели, прислушиваясь к голосам Летчеров в кухне. Голоса звучали приглушенно, но их вилки и ножи так и стучали по тарелкам. Им было тепло, они были в безопасности и больше не страдали от голода. И как только люди могут жить в такой бедности?

Я обнаружил, что больше не могу их ненавидеть. Они были такие же, как и мы, просто им не повезло, что они родились издолщниками. И нехорошо с моей стороны презирать их. А кроме того, мне очень понравилась Либби.

И я даже надеялся, что я ей понравился тоже.

Пока мы наслаждались чувством глубокого удовлетворения от содеянного добра, где-то в доме раздался вопль проснувшегося ребенка. Бабка тут же вскочила и унеслась. «Я присмотрю за ним! - сообщила она, проходя через кухню. - А вы ешьте себе».

Насколько мне было слышно, ни один из Летчеров не двинулся из-за стола. Ребеночек орал с самого момента своего рождения, так что они уже к этому привыкли.

А вот мы, Чандлеры, не привыкли. Он орал и орал все время, пока они заканчивали свой ленч. Бабка укачивала его на руках все то время, пока

Паппи с моими родителями отводил Летчеров в их новое жилище на сеновале. Потом Либби вернулась, чтобы проверить, что с ним, а он все еще продолжал голосить. Дождь прекратился, и мама вынесла его наружу и погуляла с ним вокруг дома, но свежий воздух его тоже не успокоил. Никогда не слышал, чтобы кто-то так здорово орал, причем без конца.

К середине дня мы уже были вне себя. Бабка уже попробовала на нем некоторые виды своего целебного варева, разные там слабые отвары, но это только ухудшило дело. Либби укачивала дитя в качалке, но без успеха. Бабка пела ему, носила, пританцовывая, на руках по всему дому; но крики продолжались, даже, как мне показалось, стали еще громче. Потом мама носила его на руках. Паппи с отцом давно смылись из дому. А мне хотелось убежать и спрятаться в силосной яме.

— Колики, самый тяжелый случай, какой мне встречался, - услышал я голос Бабки.

Позднее, когда Либби опять принялась укачивать ребенка на передней веранде, я подслушал еще один разговор. Речь шла о том, что у меня, когда я был младенцем, тоже вроде бы был сильный приступ кишечной колики. И мать моей мамы, моя другая бабушка, которая уже умерла и которая жила в городе, в покрашенном доме, дала мне кусочек ванильного мороженого. И я тут же прекратил кричать, а через пару дней колики прошли.

Несколько позднее, но тоже во времена моего младенчества, у меня опять был такой приступ. Бабка обычно никогда не держала в своем холодильнике мороженое из магазина. И родители загрузили меня в пикап и рванули в город. По пути я перестал плакать и уснул. И они решили, что все дело в том, что меня укачало в движущемся грузовичке.

Мама послала меня разыскать отца. Она забрала ребенка у Либби, которой и самой не терпелось от него избавиться, и вскоре мы уже садились в грузовик.

— Едем в город? - спросил я.

— Да, - ответила мама.

— А как насчет него? - спросил отец, указывая на ребенка. - О нем же решили никому ничего не говорить...

Мама явно забыла об этом. Если нас увидят в городе с неизвестно чьим ребенком, пойдут такие сплетни, что в городе все движение остановится.

— Ладно, потом что-нибудь придумаем, когда до города доберемся, - сказала она и захлопнула дверцу. - Поехали!

Отец запустил двигатель и врубил заднюю передачу. Я сидел между родителями, и младенец находился всего в паре дюймов от моего плеча.

Немного помолчав, он снова зашелся криком. К тому времени, когда мы добрались до реки, я уже был готов вышвырнуть это проклятое отродье из окна.

Но как только мы въехали на мост, случилось нечто поразительное. Младенец постепенно успокоился и затих. Закрыв рот и глаза и уснул. Мама улыбнулась отцу, словно говоря: «Видишь, а что я говорила?»

Пока мы добирались до города, родители все время разговаривали шепотом. И решили, что мама вылезет из грузовика подальше, возле нашей церкви, быстренько сбегает в лавку Попа и Перл и купит мороженое. Они, конечно, опасались, что у Перл возникнут подозрения - почему это мама покупает мороженое, и только одно мороженое - а нам ничего другого сейчас просто не было нужно, - и почему это мама вообще оказалась в городе в среду. Они были того мнения, что любопытство Перл нельзя удовлетворить ни при каких обстоятельствах и что это будет даже некоторым образом забавно - заставить ее страдать от собственной привычки повсюду совать свой нос. Будь у нее хоть семь пядей во лбу, все равно она ни за что не догадается, что мороженое предназначено для незаконнорожденного младенца, которого мы прячем у себя в грузовике.

Мы остановились напротив церкви. Вокруг никого не было, так что мама передала ребенка мне вместе со строгими указаниями, как держать это создание на руках. И не успела она захлопнуть дверцу, как рот ребеночка широко распахнулся, глазки выкатились, а из легких вырвался злобный вопль. Он повторился дважды и перепугал меня до смерти, но тут отец отпустил сцепление, мы снова тронулись и поехали по улицам Блэк-Оука. Младенец посмотрел на меня и перестал орать.

— Только не останавливайся, - сказал я отцу.

Мы проехали мимо джина - он представлял собой жалкое зрелище без обычной толпы вокруг него. Объехали вокруг методистской церкви и школы, потом повернули на юг, на Мэйн-стрит. Мама как раз вышла из лавки Попа и Перл, держа в руке маленький бумажный пакет, и, конечно же, следом за ней вылезла Перл, что-то ей втолковывая. Они продолжали свой разговор, когда мы проезжали мимо. Отец помахал им, словно ничего особенного и не происходило.

Мне было предельно понятно, что нас сейчас застукают с этим ребенком Летчеров на руках. Один громкий вопль, и весь город узнает нашу тайну.

Мы еще раз объехали вокруг джина, и когда свернули к церкви, то увидели, что мама уже ждет нас. Как только мы остановились, глазки младенца опять раскрылись. Нижняя губа затряслась. Он уже был готов

заорать, но тут я сунул его маме и сказал: «На, забери его!»

И выбрался из кабины, прежде чем она успела в нее сесть. Их поразила быстрота моих действий.

– Куда это ты, Люк? - спросил отец.

– Вы тут поездите минутку. Мне краски надо купить.

– Ну-ка сядь обратно! - велел он.

Тут закричал ребенок, и мама быстро запрыгнула в кабину. Я нырнул за кузов и изо всех сил рванул по улице.

Позади раздался еще один вопль, но уже не такой громкий, а потом грузовик тронулся и поехал.

Я добежал до скобяной лавки, пробрался к прилавку с красками и попросил у продавца три галлона белой «Питсбург пэйнт».

– У нас только две банки осталось, - сказал он.

Я был просто поражен и не нашел что ответить. Как это может быть, чтобы в скобяной лавке кончилась краска?

– К следующему понедельнику завезут еще, - сказал продавец.

– Ладно, давайте две, - сказал я.

Я был уверен, что двух галлонов не хватит, чтобы закончить весь фасад дома, но отдал ему шесть долларовых бумажек, а он дал мне сдачу.

– Давай помогу тебе их погрузить, - предложил он.

– Нет, я сам, - сказал я, хватая обе банки. Напрягшись изо всех сил, я снял их с прилавка и потащил по проходу к двери, чуть не падая. Но все же выволок наружу, на тротуар. Посмотрел в обе стороны в поисках нашего пикапа и прислушался, не вопит ли ребенок. К счастью, вокруг сбыло тихо.

Тут на улицу снова вылезла из своей лавки Перл, стреляя глазами во все стороны. Я спрятался за припаркованной машиной. И тут увидел наш грузовик, он двигался в южном направлении, очень медленно, и выглядел крайне подозрительно. Отец заметил меня, подъехал и остановился прямо посреди улицы. Я подхватил банки с краской, прилагая все усилия, какие только мог, и побежал к грузовичку. Он выскочил наружу, чтобы мне помочь. Я запрыгнул в кузов, и он подал мне банки. Я решил, что лучше поеду сзади, подальше от самого младшего Летчера. И едва отец успел влезть обратно за руль, младенец опять издал вопль.

Пикап рывком двинулся вперед, и ребенок умолк. А я заорал: «Добрый день, Перл!» - когда мы проезжали мимо нее.

Либби сидела на переднем крыльце вместе с Бабкой и поджидала нас. Когда грузовик остановился, ребенок начал плакать. Женщины бросились в кухню, где стали пихать в него мороженое.

– Во всем округе Крэйгхед не наберется столько бензина, чтобы

успокоить этого ребеночка, - заметил отец.

К счастью, мороженое успокоило его. И маленький Летчер уснул на руках своей матери.

Поскольку ванильное мороженое помогло мне, когда у меня была кишечная колика, это средство было признано еще одним доказательством того, что младенец наполовину Чандлер. Меня это соображение не слишком обрадовало.

Глава 35

Мы, естественно, и предположить не могли, что у нас в амбаре будет обретаться целая толпа Летчеров. Это совершенно не входило в наши планы. И если вначале нас радовала мысль о собственной христианской добродетели, вскоре она сменилась вопросом о том, сколь долго они будут тут торчать. Я первым затронул эту тему, за ужином, после длительного обсуждения всех случившихся за день событий. Я спросил:

– Как думаете, долго они у нас пробудут?

Паппи был того мнения, что они уедут, как только спадет вода. Жить в чужом амбаре было вполне приемлемым выходом из положения при таких скверных обстоятельствах, но никто, у кого осталась хоть унция самоуважения, не останется там ни на день дольше, чем это необходимо.

– А что они будут есть, когда вернутся к себе? - спросила Бабка. - У них в доме и крошки еды не осталось. - И пошла еще дальше, высказав уверенность, что они проживут у нас до весны.

Отец задумчиво сказал, что их разваливающийся дом вряд ли выдержит наводнение, так что им вообще некуда будет возвращаться. Кроме того, у них нет грузовика, вообще никаких транспортных средств. Они все последние десять лет подышают с голоду на этой земле. Да и куда им еще податься? Паппи, кажется, совсем расстроился от этой мысли.

Мама больше слушала, но в какой-то момент вмешалась, заявив, что Летчеры совсем не те люди, которых будет смущать факт, что они живут в чужом амбаре. И еще ее беспокоили их дети - не только обычные проблемы со здоровьем и питанием, но также их образование и духовное развитие.

Предположение Паппи, что они скоро уедут, было обсуждено за столом и в конце концов отвергнуто большинством голосов. Три против одного. Четыре, если считать и меня.

– Ладно, выкарабкаемся, - сказала Бабка. - У нас хватит еды, чтобы всю зиму кормить и нас, и их. Они устроились у нас, ехать им все равно некуда, и мы будем о них заботиться.

Никто не стал с ней спорить.

– Господь дал нам прекрасный огород именно для таких целей, - добавила она, кивнув маме. - Ибо сказано в Евангелии от Луки словами Христа: «Зови нищих, увечных, хромых, слепых: и блажен будешь».

– Ладно, забьем двух свиней вместо одной, - сказал Паппи. - И зимой у нас будет много мяса.

Свинью у нас забивали всегда в начале декабря, когда уже было холодно и все бактерии дохли. Каждый год свинью выводили наружу, убивали выстрелом в голову, потом опускали в кипящую воду и подвешивали на дерево рядом с сараем для инструментов. Потом ее потрошили и рубили на тысячи кусков. Так мы получали бекон, ветчину, колбасу, филе и грудинку. В дело шло все - язык, мозги, ножки. «Все, кроме поросычьего визга» - эту фразу я слышал всю свою жизнь. Мистер Джетер, который жил через дорогу от нас, был отличный мясник. Он всегда распоряжался, когда свинью потрошили, и лично осуществлял наиболее ответственные операции. За это он получал четвертую часть вырезки.

Моим самым первым воспоминанием о забое свиньи было то, что я убежал за дом, и там меня вырвало. Однако со временем я уже стал с нетерпением ждать этого события. Если хочешь есть бекон и ветчину, надо забивать свинью. Но нам понадобится побольше, чем две свиньи, чтобы кормить Летчеров до самой весны. Их ведь одиннадцать человек, включая младенца, который в данный момент питается ванильным мороженым.

Пока шел этот разговор, я стал мечтать о том, как мы уедем на Север.

Эта поездка теперь казалась мне более привлекательной. Я сочувствовал Летчерам и гордился тем, что мы их спасли. Я знал, что нам как христианам следует помогать бедным. Все это я понимал, но не мог представить себе, как мы будем жить всю зиму со всей этой малышкой, бегающей по всей нашей ферме. Скоро я снова пойду в школу. А Летчеры, они со мной тоже пойдут? Раз они новички, нужно ли мне будет все им там показывать? И что про это будут думать мои друзья? Значит, впереди меня ждали сплошные унижения.

Кроме того, теперь, когда они живут вместе с нами, вопрос только времени, когда наш большой секрет вылезет наружу. На Рики будут показывать пальцами как на отца. Перл тут же поймет, куда уходит ванильное мороженое. Что-нибудь да обязательно просочится, и тогда мы будем опозорены.

— Люк, ты закончил? - спросил отец, извлекая меня из задумчивости.

Моя тарелка была пуста. И все смотрели на нее. Взрослым надо было обсудить свои дела. Мне намекали, что пора найти себе какое-нибудь занятие.

— Отличный был ужин. Можно мне уйти? - сказал я, повторяя свою стандартную формулу.

Бабка кивнула, и я отправился на заднюю веранду и закрыл за собой дверь с сеткой так, чтобы она хлопнула. Потом прокрался в темноте к скамейке, что стояла рядом со входом в кухню. Оттуда мне все было

слышно. Они обсуждали вопрос о деньгах. Заем под будущий урожай будет «перекинут» на будущий год, до следующей весны, и уж тогда они с ним будут разбираться. Другие неоплаченные счета тоже могут подождать, хотя Паппи очень не любил подводить своих кредиторов.

Как пережить зиму - этот вопрос был гораздо более важным. С провизией проблем не было. Но нам были нужны деньги на такие необходимые вещи, как электричество, бензин и масло для грузовика, а также на продукты, такие как кофе, мука и сахар. А что, если кто-то заболеет и ему понадобится врач и лекарства? А если грузовик сломается и будут нужны запчасти?

— Мы в этом году ничего не жертвовали на церковь, - заметила Бабка.

По оценке Паппи, не менее тридцати процентов урожая хлопка все еще оставалось на полях, залитых водой. Если погода переменится и станет сухо, мы сможем спасти хотя бы часть. Это даст некоторый доход, но большую его часть придется отдать за обработку в джине. Ни у него, ни у отца не возникало никакого оптимизма по поводу того, что в 1952 году им удастся собрать больше хлопка.

Проблема была в отсутствии наличных денег. Они почти все истратили, а надежд на новые поступления не было. У них едва хватало средств, чтобы платить за электричество и бензин до Рождества.

— Джимми Дэйл держит для меня место на заводе «Бьюика», - сказал отец. - Но долго он ждать не сможет. С работой сейчас туго. Нам придется поехать к нему.

По словам Джимми Дэйла, оплата сейчас была три доллара в час при сорокачасовой рабочей неделе, но можно было также работать и сверхурочно. «Он говорит, что я смогу зарабатывать до двухсот долларов в неделю», - добавил отец.

— Мы будем посылать вам как можно больше, сколько сможем, - сказала мама.

Паппи и Бабка стали изображать протест, но всем было понятно, что решение уже принято. Потом я услышал в отдалении какой-то шум, смутно знакомый звук. Когда он приблизился, я весь съежился и пожалел, что не спрятался на передней веранде.

Ребеночек опять орал, опять был чем-то недоволен и, несомненно, опять жаждал ванильного мороженого. Я тихо спустился с крыльца и прошел несколько шагов к амбару. В темноте я разглядел Либби и миссис Летчер - они направлялись к дому. Я нырнул в кусты возле курятника, прислушиваясь, как они проходят мимо. Непрекращающийся плач разносился по всей ферме.

Бабка с мамой встретили их на задней веранде. Включили свет, и я увидел, как они толкаются вокруг этого маленького чудовища, а потом уносят его внутрь. Через окно было видно, как Паппи с отцом тут же отвалили на переднюю веранду.

Четырем женщинам потребовалось всего несколько минут, чтобы утихомирить младенца. Плач прекратился. Как только все успокоилось, Либби вышла из кухни. Она уселась на краю веранды, на том самом месте, где сидел Ковбой, когда он в первый раз демонстрировал всем свой выкидной нож. Я подошел к ней и сказал: «Привет, Либби!»

Она подскочила, потом взяла себя в руки. Нервы у бедной девушки были измотаны от постоянного плача ребенка и его колик.

– Это ты, Люк, - сказала она. - Что ты там делаешь?

– Да ничего.

– Иди сюда, сядь со мной, - предложила она, похлопав ладонью по доскам рядом с собой. Я так и сделал.

– Ребенок что, все время плачет? - спросил я.

– Да вроде как. Меня это, правда, не очень беспокоит.

– Не беспокоит?

– Ага. Он мне Рики напоминает.

– Да неужто?

– Точно. Когда он возвращается? Ты не знаешь, Люк?

– Нет. В последнем письме он писал, что, может, они будут дома к Рождеству.

– До этого еще два месяца.

– Ага, только я не уверен, что так будет. Бабка говорит, что все солдаты всегда уверяют, что будут домой к Рождеству.

– Я уже не могу больше ждать, - сказала она, явно воодушевленная открывшейся перспективой.

– А что будет, когда он вернется? - спросил я, не совсем уверенный, что хочу услышать ответ.

– Мы поженимся, - сказала она с широкой и милой улыбкой. В глазах ее было предвкушение чуда.

– Правда?

– Ну да, он обещал.

Уж я-то точно вовсе не хотел, чтобы Рики женился. Он был мой, принадлежал мне одному. Мы с ним будем ходить на рыбалку, играть в бейсбол, он мне будет всякие истории рассказывать. Он будет продолжать оставаться моим большим братом, а не чьим-то там мужем.

– Он самый милый, - сказала она, мечтательно уставясь в небо.

У Рики, конечно, много достоинств, но вот «милым» я бы его ни за что называть не стал. Но ведь никому не известно, что он такое сделал, что произвел на нее столь сильное впечатление.

– Только ты никому об этом не говори, Люк, - сказала она, вдруг став серьезной. - Это наш секрет!

Так, это уже становится моей профессией, хотелось мне сказать.

– Не волнуйся, - ответил я. - Я умею хранить секреты.

– Ты читать-писать умеешь, Люк?

– Конечно. А ты?

– Хорошо умею.

– Но ты же в школу не ходишь.

– Я ходила - до четвертого класса. А потом мама принялась рожать одного за другим, и мне пришлось бросить. Я написала Рики письмо, сообщила ему о ребенке. У тебя есть его адрес?

Я не был уверен, что Рики будет рад получить от нее письмо, и уже начал было подумывать, как бы мне сыграть в дурачка. Но Либби мне нравилась, ничего тут не поделаешь. Она была прямо без ума от Рики, и я решил, что будет неправильно не давать ей его адрес.

– Да, есть.

– А конверт?

– Конечно.

– Сможешь отправить мое письмо? Пожалуйста, Люк. Рики, наверное, еще ничего не знает о ребенке.

Что-то мне подсказало, что не следует вмешиваться в их дела. Пускай сами разбираются.

– Наверное, смогу, - сказал я.

– Ох, спасибо, Люк! - воскликнула она, прямо-таки закричала. И потрепала меня по шее. - Завтра отдам тебе письмо. Обещаешь, что отправишь его?

– Обещаю. - Я подумал о мистере Торнтоне, нашем почтмейстере, о том, как он удивится, увидев письмо Либби Летчер к Рики в Корею. Ладно, я как-нибудь с этим справлюсь. Может, придется спросить у мамы.

Женщины вынесли младенца на заднюю веранду, где Бабка укачивала его, пока он не заснул. Мама и миссис Летчер обсуждали вопрос о том, как, должно быть, утомился бедный ребеночек от своего беспрестанного плача, а тот, когда наконец отключился, заснул глубоким и спокойным сном. Мне уже надоели все эти разговоры о ребенке.

* * *

Мама разбудила меня сразу после рассвета, но вместо того, чтобы вытащить из постели и окунуть в новый день, полный фермерских забот, села ко мне и заговорила:

– Мы уезжаем завтра утром, Люк. Сегодня соберу все вещи. А отец поможет тебе докрасить фасад дома, так что давай, вставай.

– Дождь идет? - спросил я.

– Нет. Облачно, но красить можно.

– А почему мы уезжаем завтра?

– Пора ехать.

– А когда вернемся?

– Не знаю. Иди завтракать. У нас впереди трудный день.

Я начал красить еще до семи утра, когда солнце едва выглянуло из-за верхушек деревьев на востоке. Трава была мокрая, дом тоже, но выбора не было. Однако доски скоро просохли, и работа пошла гладко. Отец вскоре присоединился ко мне, и мы вдвоем передвинули леса, чтобы он мог дотянуться до самых высоких мест. Потом подошел мистер Летчер, несколько минут понаблюдал за нами и сказал: «Я тоже хочу помочь».

– Да это совсем не обязательно, - сказал отец с высоты в восемь футов.

– Я хочу хоть как-то отработать наше содержание, - сказал он. Делать ему все равно было нечего.

– Ну хорошо. Люк, ступай, принеси еще одну кисть.

Я сбегал в сарай, довольный, что снова заполучил бесплатного помощника. Мистер Летчер начал яростно красить, словно хотел доказать свою ценность в качестве маляра.

Позади нас собралась целая толпа - поглазеть на нашу работу. Я насчитал семерых Летчеров - все их дети, за исключением Либби и младенца. Они уселись там, наблюдая за нами без всякого выражения на лицах.

Я понял, что они ждут завтрака. И, не обращая на них внимания, продолжал работать.

Работать, однако, оказалось затруднительно. Сначала пришел Паппи, который хотел, чтобы я поехал с ним к речке, проверить уровень воды. Я ответил, что вообще-то мне надо красить. Но отец сказал: «Поезжай, Люк» - и погасил все мои протесты.

Мы ехали на тракторе через залитые поля, пока вода почти не закрыла

передние колеса. Когда дальше ехать стало невозможно, Паппи выключил мотор. Мы долго еще сидели на тракторе, окруженные вымокшим хлопчатником, на выращивание которого положили столько трудов.

– Значит, завтра уезжаете, - наконец произнес он.

– Да, сэр.

– Но вы ведь скоро вернетесь.

– Да, сэр. - Это мама будет решать, когда нам вернуться, а вовсе не Паппи. А если Паппи считает, что однажды мы приедем назад и снова займем свое место на нашей семейной ферме и будем трудиться над следующим урожаем, то он ошибается. Мне было жалко его, я уже начинал тосковать по нему.

– Я тут еще подумал насчет Хэнка и Ковбоя, - сказал он, не сводя глаз с воды перед трактором. - Давай оставим все как есть, как тогда договорились. Ничего хорошего не выйдет, если мы кому-то про это расскажем. Этот секрет мы унесем с собой в могилу. - Он протянул мне правую руку. - Договорились?

– Договорились, - ответил я сжимая его толстую, заскорузлую ладонь.

– Смотри не забывай своего Паппи там, на Севере, слышишь?

– Не забуду!

Он завел мотор, включил заднюю передачу и развернул трактор по воде.

Когда я вернулся к дому, Перси Летчер уже успел прихватить мою кисть и был целиком погружен в работу. Но тут же, не говоря ни слова, вернул ее мне, а сам уселся под деревом. Я поработал, наверное, минут десять, и тут появилась Бабка. Она вышла на веранду и позвала меня:

– Люк, иди сюда. Хочу тебе кое-что показать.

Она повела меня вокруг дома, потом к силосной яме. Вокруг повсюду стояли мутные лужи, вода уже подобралась на тридцать футов к амбару. Она хотела прогуляться со мной по тропинке и поболтать, но там везде была сплошная грязь и вода. И она уселась на край прицепа.

– Что ты хотела мне показать? - спросил я после долгого молчания.

– Да ничего. Просто хотела немного посидеть с тобой вдвоем. Вы ж завтра уедете. Я вот все пытаюсь вспомнить, ты когда-нибудь ночевал не дома?

– Ни разу, насколько помню, - ответил я. Я отлично знал, что родился в той самой спальне, где теперь спят мои родители. Я знал, что первой меня на руки взяла Бабка, она приняла меня и она же ухаживала за мамой. Нет, я никогда не покидал этого дома, ни на одну ночь.

– Вам там хорошо будет, на Севере, - сказала она, но без особой

убежденности в голосе. - Много людей уезжает туда из наших мест, и все находят там работу. Они всегда хорошо там устраиваются, но всегда возвращаются сюда, домой. И ты вернешься, не успеешь оглянуться.

Я очень любил Бабку, как любой мальчишка любит свою бабушку, но отчего-то был уверен, что никогда уже не буду жить в ее доме и работать на ее поле.

Мы некоторое время говорили о Рики, потом о Летчерах. Она обняла меня за плечи, прижала к себе и заставила пообещать, да еще и не один раз, что я буду ей писать. Мне также пришлось пообещать хорошо учиться, слушаться родителей, посещать церковь и читать Писание, а также не сквернословить, чтобы не стать похожим на янки.

Когда она закончила вытягивать из меня все эти обещания, я был уже совершенно без сил. И мы пошли обратно к дому, обходя лужи.

Утро тянулось и тянулось. Орда Летчеров после завтрака разбрелась кто куда, но все тут же собрались, когда подошло время ленча. И стали наблюдать, как отец и мистер Летчер стараются обогнать друг друга, докрашивая фасад дома.

Мы кормили их на задней веранде. После того как они поели, Либби оттащила меня в сторонку и вручила письмо для Рики. Я умудрился перед этим стащить чистый белый конверт из запаса, хранившегося в уголке кухонного стола. Я адресовал его Рики - через пункт армейской полевой почты в Сан-Диего - и наклеил марку. На нее это произвело большое впечатление. Она аккуратно вложила свое письмо внутрь конверта, а потом дважды облизала полоску клея на клапане.

— Спасибо, Люк, - сказала она и поцеловала меня в лоб.

Я засунул конверт под рубашку, чтобы никто не увидел. Я уже решил, что расскажу об этом маме, но пока не нашел удобного случая.

Потом события стали развиваться быстрее. Мама и Бабка всю вторую половину дня стирали и гладили вещи, которые мы возьмем с собой. Отец и мистер Летчер красили, пока не опустели банки с краской. Мне хотелось, чтобы время текло помедленнее, но оно по неизвестной причине все ускоряло свой бег.

Мы пережили еще один ужин в молчании, все волновались по поводу предстоящей поездки на Север, но каждый по своим причинам. Мне было до того грустно, что я потерял аппетит.

— Теперь тебе на какое-то время придется забыть, что такое ужинать у нас дома, Люк, - заметил Паппи. Не знаю, зачем он это сказал - настроение нам он уж точно не поднял.

— Говорят, на Севере еда просто ужасная, - встряла Бабка, тоже

стараясь как-то снять напряжение. Это тоже не помогло.

Сидеть на веранде было слишком холодно. Мы собрались в гостиной и попытались просто болтать, словно все у нас оставалось по-прежнему. Но болтать ни о чем не хотелось. Церковные дела давно наскучили. Бейсбольный сезон уже закончился. Никому не хотелось вспоминать о Рики. Даже погода больше не привлекала к себе ничьего внимания.

В итоге мы сдались и отправились спать. Мама подоткнула мне одеяло и поцеловала, пожелав спокойной ночи. Паппи тоже зашел сказать пару слов, чего прежде никогда не делал.

Когда я в конце концов остался один, я помолился. Потом уставился в темный потолок, стараясь убедить себя в том, что это последняя моя ночь на нашей ферме.

Глава 36

Отец был ранен в Италии в 1944 году. Его сначала лечили там же, потом на госпитальном судне переправили в Бостон, где он проходил реабилитацию. Когда он сошел с автобуса на остановке в Мемфисе, у него было два здоровенных брезентовых армейских мешка, набитых одеждой, и несколько сувениров. Два месяца спустя он женился на моей матери. А через десять месяцев после этого на сцене появился я.

Я никогда не видел эти его армейские мешки. Насколько я знаю, ими не пользовались со времен войны. Но когда я ранним утром на следующий день вошел в гостиную, они уже стояли там, наполовину заполненные нашей одеждой, а мама была занята подготовкой других необходимых вещей к упаковке. Диван был завален ее платьями, стегаными одеялами и рубашками, что она гладила вчера. Я спросил ее про эти армейские мешки, и она сказала, что они все эти последние восемь лет хранились в кладовке на чердаке сарая для инструментов.

— А теперь давай быстренько завтракай, - велела она, складывая полотенце.

Бабка ничего не пожалела для нашего прощального завтрака. Яичница, колбаса, ветчина, овсянка, жареная картошка, тушеные помидоры и горячие хлебцы.

— Вам предстоит долго ехать, - объяснила она.

— Сколько? - спросил я. Я сидел за столом и ждал свою первую чашку кофе. Мужчины куда-то вышли.

— Твой отец сказал, что восемнадцать часов. Бог знает, когда вам удастся снова нормально поесть. - Она аккуратно поставила передо мной кофе, потом поцеловала меня в макушку. По мнению Бабки, нормально поесть можно только дома, нормальную еду можно приготовить только у нее на кухне и из продуктов, что выращены прямо здесь, на ферме.

Мужчины уже поели. Бабка села рядом со мной со своей чашкой кофе и стала смотреть, как я вгрызаюсь в изобилие пищи, которым она завалила стол. Мы снова перечислили все обещания, что я ей дал, - писать письма, слушаться родителей, читать Библию, молиться, не сквернословить, чтобы не походить на янки. Воистину это был полный список заповедей. Я жевал и кивал в нужные моменты.

Она также объяснила мне, что маме понадобится помощь, когда у нее родится ребенок. Там, во Флинте, будут и другие люди из Арканзаса,

добрые баптисты, на которых можно положиться, но мне придется здорово помогать ей со всеми повседневными домашними делами.

– Какими именно? - спросил я с битком набитым ртом. Я-то считал, что «повседневные дела» ограничиваются только работами на ферме. И думал, что теперь с ними покончено.

– Всякими домашними делами, - не стала она уточнять. Бабка никогда не жила в городе, ни единого дня. И понятия не имела, где мы будем жить, так же как и мы не знали. - Просто помогай ей во всем, когда появится ребенок.

– А если он будет орать, как летчеровский младенец? - спросил я.

– Не будет. Другие дети так никогда не орут.

Мимо прошла мама со стопкой одежды в руках. Очень быстро прошла. Она годами мечтала об этом дне. Паппи с Бабкой, а также, вероятно, и отец полагали, что это лишь временный отъезд. А для мамы это был поворотный пункт в жизни. Причем не только в ее жизни, но особенно в моей. Она еще в раннем детстве убедила меня в том, что я никогда не буду фермером, так что теперь, покидая ферму, мы обрывали все связи с прошлым.

В кухню ввалился Паппи, налил себе чашку кофе. Сел на свое место в конце стола, рядом с Бабкой, и стал смотреть, как я ем. Он никогда не умел толком даже поздороваться, что уж говорить о прощаниях. Чем меньше слов, тем лучше - так он считал.

Когда я набил утробу до того, что с трудом поворачивался, мы с Паппи вышли на переднюю веранду. Отец укладывал свои армейские мешки в пикап. На нем были выглаженные армейские рабочие штаны цвета хаки и накрахмаленная белая рубашка. Никакого комбинезона. Мама надела свое красивое воскресное платье. Они явно не желали выглядеть как беженцы с хлопковых полей Арканзаса.

Паппи повел меня на передний двор, к тому месту, где раньше была вторая база. Там мы встали и повернулись лицом к дому. Дом весь блестел на утреннем солнце. «Отличная работа, Люк! - сказал он. - Ты здорово поработал!»

– Жаль, что мы не закончили, - заметил я. Справа, в самом углу, где Трот начинал красить, оставался еще недокрашенный кусок. Мы и так старались экономить последние четыре галлона краски, но все равно немного не хватило.

– Думаю, тут полгаллона хватит, - сказал Паппи.

– Да, сэр. Точно хватит.

– Я зимой все закончу.

– Спасибо, Паппи.

– Когда вернешься, все уже будет покрашено.

– Вот и хорошо.

Мы все столпились возле грузовика. В последний раз обнялись с Бабкой. Мне показалось, что она сейчас начнет опять перечислять все, что я должен делать, но она была слишком подавлена. Мы погрузились в пикап - Паппи за рулем, я посередке, мама возле окна, отец в кузове вместе с брезентовыми мешками - и задним ходом выбрались на дорогу.

Когда мы отъезжали, Бабка сидела на переднем крыльце и вытирала слезы. Отец велел мне не плакать, но я ничего не мог с собой поделать. Ухватился за мамину руку и опустил голову.

В Блэк-Оуке мы сделали остановку. У отца осталось какое-то дело в кооперативе. А я хотел попрощаться с Перл. Письмо Либби к Рики было у мамы, она отнесла его на почту и отправила по назначению. Мы с ней долго обсуждали этот вопрос, и она тоже пришла к выводу, что нам не стоит вмешиваться. Если Либби хочется послать Рики письмо и сообщить об их ребенке, не надо ей мешать.

Перл, конечно же, уже знала, что мы уезжаем. Она потрепала меня по шее - я уж думал, что шея сейчас сломается, - а потом достала небольшой бумажный пакет, полный сладостей. «Тебе это пригодится в дороге!» - сказала она. Я разинул рот от обилия в этом пакете шоколадок, мятных конфет и тянучек. Путешествие начиналось просто отлично. Появился Поп, он пожал мне руку, как будто я уже взрослый, и пожелал успехов.

Я поспешил обратно к нашему грузовичку, сжимая в руках пакет, и показал его Паппи, который по-прежнему сидел за рулем. Родители тоже быстро вернулись. У нас не было настроения устраивать шумные прощания. Наш отъезд был вызван бедой, погибшим урожаем. И нам не очень хотелось, чтобы весь город знал о нашем побеге на Север. Но было достаточно рано, и город еще толком не проснулся.

Я смотрел на поля вдоль шоссе по пути в Джонсборо. Там было так же мокро, как у нас. Придорожные канавы были переполнены мутной водой. Ручьи и речки все вышли из берегов.

Мы проехали грейдер, где когда-то ждали вместе с Паппи прибытия людей с гор. Здесь мы повстречались со Спруилами, здесь я в первый раз увидел и Хэнка, и Тэлли, и Трота. Если бы кто-то из фермеров приехал сюда раньше нас или если бы мы задержались, Спруилы были бы теперь в своей Юрика-Спрингс всей семьей.

Тэлли проделала этот же самый путь - в этом же самом грузовичке, но с Ковбоем за рулем, ночью, в грозу. Тоже убегала на Север, к более счастливой жизни, так же как и мы. Мне все еще было трудно поверить, что

она вот так взяла и сбежала.

Я не заметил ни единого человека, собирающего хлопок, пока не достигли Неттлтона, маленького городка недалеко от Джонсборо. Здесь канавы были не настолько полны водой, а земля не такая отсыревшая. На полях усердно трудились мексиканцы.

Перед городом движение усилилось, и мы сбросили скорость. Я выпрямился, чтобы видеть все вокруг - магазины, красивые дома, чистенькие машины и людей. Я не помню, когда в последний раз был в Джонсборо. Когда мальчишка с фермы попадает в город, он потом неделю только об этом и говорит. А уж если он был в Мемфисе, воспоминаний хватит на целый месяц.

Паппи явно нервничал в таком плотном транспортном потоке. Он сжимал руль обеими руками, часто бил по тормозам и все время что-то бормотал себе под нос. Мы свернули на какую-то улицу, и перед нами оказалась автобусная станция компании «Грейхаунд», кишмящая людьми. Слева перед ней рядком стояли три сверкающих автобуса. Мы остановились у тротуара рядом с надписью «Посадка» и быстро разгрузились. Паппи не любил обниматься, так что прощание много времени не заняло. Но когда он потрепал меня по щеке, я заметил, что глаза у него мокрые. Поэтому он торопливо пошел назад к пикапу и быстро уехал. Мы махали вслед, пока он не скрылся из виду. Сердце у меня заныло, когда его старенький грузовичок свернул за угол и исчез. Он ехал назад, на ферму, обратно к наводнениям, к Летчерам, к долгой зиме. Сам я испытывал большое облегчение, что мне туда возвращаться не нужно.

Мы повернулись и вошли в здание станции. Наше приключение еще только начиналось. Отец поставил мешки возле рядов сидений, а потом мы с ним пошли к билетной кассе.

– Мне три билета до Сент-Луиса, - сказал он.

У меня открылся от изумления рот, и я посмотрел на него в полном недоумении.

– До Сент-Луиса? - спросил я.

Он улыбнулся, но ничего не ответил.

– Автобус отправляется ровно в полдень, - сказал кассир.

Отец расплатился за билеты, и мы уселись рядом с мамой.

– Мам, а мы в Сент-Луис едем, - сообщил я ей.

– Там будет пересадка, Люк, - сказал отец. - Оттуда мы поедem на другом автобусе до Чикаго, а потом до Флинта.

– Как думаешь, мы увидим Стэна Мьюзиэла?

– Вряд ли.

– А «Спортсменз-парк»?

– Не теперь. Может, в следующий раз.

Через несколько минут меня отпустили погулять по станции и посмотреть на окрестности. Там было небольшое кафе, где двое солдат пили кофе. Я подумал о Рики и понял, что когда он вернется домой, меня там не будет. Потом увидел негритянскую семью - редкое зрелище в нашей части Арканзаса. Они прижимали к себе свои сумки и выглядели совершенно потерянными, точно так же, как мы. Увидел и еще пару явно фермерских семей, таких же беженцев от наводнения.

Когда я вернулся к родителям, они сидели, взявшись за руки, и о чем-то беседовали. Нам, кажется, пришлось ждать целую вечность, пока объявят посадку в наш автобус. Наши брезентовые мешки были засунуты в багажное отделение под автобусом, и мы забрались внутрь.

Мы с мамой сели рядом, а отец позади. Я занял место у окна и стал смотреть в него, стремясь ничего не пропустить. Мы проехали весь Джонсборо, потом выбрались на шоссе и прибавили скорость, держа курс на север, а вокруг по-прежнему были сплошные вымокшие хлопковые поля.

Когда мне удалось оторваться от окна, я посмотрел на маму. Она сидела, откинув голову на спинку сиденья и закрыв глаза. А в углах губ уже начала появляться улыбка.

[1] Добрый день, сеньор! (исп.)

[2] Мокрая спина (англ. wetback) - так американцы презрительно зовут мексиканских сезонных рабочих, приезжающих на заработки в Штаты.

[3] Добрый день. Пожалуйста. Прощайте. Спасибо, сеньор. Как поживаете? (исп.)

[4] Около 35 градусов по Цельсию.

[5] Да, сеньор (исп.).

Содержание

[Джон Гришем Покрашенный дом](#)

[Перевод: И. Данилов Аннотация](#)

[Джон Гришем Покрашенный дом](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Глава 30](#)

[Глава 31](#)

[Глава 32](#)

[Глава 33](#)

[Глава 34](#)

[Глава 35](#)

[Глава 36](#)